

НАСЛЕДИЕ

ИВАН ПРЫЖОВ

*История кабаков
в России*

НАСЛЕДИЕ

Иван Прыжов

История кабаков в России

**в связи
с историей русского народа**

«Авалонъ»
Издательский Дом
«Азбука-классика»
Санкт-Петербург
2009

Прыжов И. Г.

П85 История кабаков в России. — СПб.: ИД «Авалонь», Издательский Дом «Азбука-классика», 2009. — 320 с.

ISBN 978-5-903605-38-5 (ИД «Авалонь»)

ISBN 978-5-395-00203-7 (ИД «Азбука-классика»)

Книга И. Г. Прыжова (1827-85) является единственным значительным исследованием кабаков и в целом русского питейного промысла. Рассказывая о медоварении и пивоварении, о водке, казённой и корчемной, о корчмах, шинках и кружалах, о целовальниках, откупщиках и *питухах*, автор основывался на многих документах и на богатом личном опыте: завсегдадай московских питейных домов, Прыжов заметил и выделил то, что недоступно пониманию кабинетного исследователя. Книга адресована широкому кругу читателей.

© К. Б. Васильев,
примечания, 2009

© ИД «Авалонь», 2009

© ИД «Азбука-классика», 2009

Господине, крестьяне ся
пропивают, а люди гибнут.

*Кирилл Белозерский*¹

Предисловие

Решаемся сказать несколько слов о том, что могут требовать от нас наши читатели. Первый том «Истории кабаков», первый посильный труд изучения питейного дела на Руси, был окончен ещё в 1863 году и с тех пор более и более сокращался в объёме. Вслед за первым томом, так сказать, официальной истории кабаков, были заготовлены материалы для двух следующих томов, именно исторический обзор кабацкого быта, происхождения и быта целовальников, городских пьяниц (кабацких ярыг) и неисчислимой голи кабацкой, то есть нищих, беглых, воров (бунтовщиков) и разбойников.

Целью нашей было изучить питейное дело со стороны той плодотворной жизни, на которой произрастали кабаки, сивуха, целовальники; взглянуть на него глазами миллионов людей, которые, не умудрившись в политической экономии, видели в пьянстве Божье наказание и в то же время, испивая смертную чашу, протестовали этим против различных общественных «благ», иначе — пили с горя. Но второй и третий тома мы не сочли пока удобным выпустить на свет Божий, а ограничились только первым.²

17-го мая 1868 г.

И. Прыжов

Черты старинной жизни русского народа

По свидетельству Начальной летописи, русская земля издавна имела свой *наряд*,³ жила по обычаям своим и по закону отцов своих, жила, как поёт чешская песня XI века, «по правде и по закону святу, юже принесеху отци наши». Эта жизнь по правде, которую народ относит ко времени светлого князя Владимира, — подобно тому, как кельты уносятся в своих воспоминаниях к королю Артуру, или англосаксы к доброму королю Гродгару,⁴ — представляет нам первые твёрдые следы самобытного, свободного, исторически развившегося существования народа.

Ни мужиков, ни крестьян тогда ещё не было, а были люди⁵ — имя, которое доселе живёт ещё в южной Руси (*люде* — *народ*);⁶ был народ, владевший землёю и состоявший из мужей и пахарей (ратай, оратай). Почтённый всеобщим уважением, ратай имел возможность мирно заниматься трудом, братски протягивая руку князю и княжому мужу, и вместе с ними устроая землю. Князья, «растя-матерея», вели друг с другом родовые счёты, сеяли землю крамолами; но пахарь дорого ценил своё мирное земское значение. И вот, склонившись пред мощью оратая, князь Вольга Святославович решает спросить его об имени-отчестве:

Ай же ты ратаю-ратаюшко!
Как-то тебя именем зовут,
Как величают по отчеству?

На это говорит ратай князю таковы слова:

Ай же Вольга Святославович!
А я ржи напашу, да во скирды сложу,
Во скирды складу, домой выволочу,
Домой выволочу, да дома вымолочу,

Драни надеру, да и пива наварю,
Пива наварю, да и мужиков напою,
Станут мужички меня покликивати:
«Молодой Микулушка Селянинович!»

Лучшие мужи — «лепшие мужи» — держали землю, решали дела общему народною думою,⁷ и черты старого земского человека народ собрал в своём Илье Муромце, выразив в нём сознание всей полноты своей духовной и физической мощи. Во главе земского дела стояли совещательные собрания народа, сельские и племенные, миры, веча и сеймы. Старейшинами-вождями племён были князья, вскормленники Русской земли, обязанные блюсти её покой. В 1097 году на Любечском сейме⁸ князья говорили: «Отъселе имеемся въ едино сердце и блюдем русские земли». В 1170 году на съезде в Киеве князья положили: «А нам дай бог за крестьяны и за рускую землю головы свое сложити, и к мучеником причтенном быти». Об этом добром земском значении древнего князя, кроме свидетельства памятников, говорит и неподкупная народная память. И народ в своих былинах, и певец Игоря в своём «Слове»⁹ одинаково уносятся воспоминанием к первым русским князьям...

Расселившись по земле и воде, весь народ с примыкавшими к нему инородцами, составлял одну землю, жившую одним и тем же земским устройением, но сообразно с местными особенностями. Силой, которая тянула друг к другу отдельных членов общей русской семьи, было братство, сказавшееся особенно в Новгороде, в народоправном характере братчин, в южнорусском обычае побратимства, и впоследствии в братствах юго-западной Руси. Братство, община, дело мирское, громадское, составляли основу жизни; скоп¹⁰ был делом государственным с целью защиты земли. Всякий дом, носящий у скандинавов прекрасное название *manaheimr*, *minneheimr*,¹¹ был местом радости и веселья; под кровом родного очага, обоготворённого человеком, братски сходились русский и славянин, свой родной и иноземец: «Ту немци и венедици, ту греци и морава поют славу Святъславлю!»

Строй земской жизни проявлялся в том весёлом единении народа и князя-государя, которое мы встречаем на пирах Киевской Руси, древней Польши, ещё жившей по-славянски, в Чехах, и так далее, во всей славянщине. Общины и миры, города и сёла сходились на игрища, собирались на братчины, пиры и беседы, которые, по старой памяти, доселе ещё именуются у народа почётными и честными. На народный пир приглашали князя, на пир княжеский собирался народ. Народная память донесла до наших дней известие о пирах князя Владимира. Изяслав и сын его Ярослав осенью 1148 года давали пир Новгороду: «Посласта подвойскеи и бориче по улицам кликати, зовучи к князю на обед от мала и до велика; и тако обедавшие, веселишася радостію великою и разыдошася в своя домаы». То же было в Киеве в 1152 году: «Вечьслав же уха в Киев, и еха к святее Софьи, и седе на столе деда своего и отца своего, и позва сына своего Изяслава на обед, и кіаны все». В общий строй жизни входила и церковь, которая учила: «Егда творите пир, и зовете и братию и род и вельможи, или кто в вас возможет князя звати, и то все добро есть, то бо в свете сем чesьтно. Призовите же паче всего оубогую братию, колико могуще по силе».

Всякое мирское дело непременно начиналось пиrom или попойкой, и поэтому в социальной жизни народа напитки имели громадное культурное значение. То были старинные ячные и медвяные питья, которые славяне вынесли из своей арийской прародины и пили с тех пор в течение длинного ряда веков, вырабатывая свою культуру: брага (санск. *bgr*, *bhrj*; нем. *brauen*, *brüt* — *варительница пива*, потом *невеста*; фр. *brasser*),¹² мёд (санск. *madh*, *manth* — *сбивать мутовкой*, *madhu* — *медвяный напиток*; сканд. *mjodhr*), пиво (от славянского *nutu*), эль (олуй, оловина)¹³ и квас — хмельной напиток, чисто славянский, обоготворённый у соседей-скандинавов в образе вешего Квасира.¹⁴ Брага называлась хмельной, пиво бархатным, меды стоялыми, квасы медвяными. Известия об этих питьях идут от самой ранней поры исторической жизни народа. «Се уже иду к вам, — говорит Ольга древлянам, — да пристроите меды многи во граде». Ольга

пришла, совершила поминки по муже, и «седоша деревянне пити». ¹⁵ Поставив церковь в Василеве, Владимир «створи праздник велик, варя 300 провар меду, и съзываше боляры своя, и посадники, старейшины по всем градом и люди многы». По свидетельству Новгородской летописи под 1016 годом, дружина Ярослава так говорила князю: «Онъ си что ты тому велиши творити? Меду мало варено, а дружины много». ¹⁶ Андрей Боголюбский «брашно свое и мед по улицам на возах слаше». Как увидим далее, питья эти, несмотря на порушенный уже строй жизни, продолжали славиться своею роскошью вплоть до XVIII века. «А нас, россиян, — писал Посошков, ¹⁷ — благословляя благословил Бог хлебом и мёдом и всяких питей довольством; водок (настоек) у нас такое довольство, что и числа им нет; пива у нас предорогие (по качеству), и меду у нас преславные варёные, самые чистые, что ничем не хуже рейнского, а плохого рейнского и гораздо лучше». Было в употреблении и виноградное вино, известное на Руси ещё в X веке и доступное даже простым людям. ¹⁸

Хмельные питья, пиво, брагу и мёд, всякий варил про себя, сколько ему нужно было для обихода; в иных случаях варили питья семьями, миром, и то были мирская бражка, мирское пиво, как это делалось и у немцев, проживавших в Новгороде. ¹⁹ У людей зажиточных заведены были медуши (погребя), где стояли бочки медов, пив и иностранных вин. В 1378 году за рекой Пьяной русские воины ездили беспечно, «а где наехаша в зажитии мед и пиво, испиваху до пьяна без меры». В Москве при нашествии Тохтамыша «недобрии человеци начаша обходити по дворам, и износяще из погребов меду господские, и упивахуся до великаго пьяна». В 1146 году Изяслав «двор Святославль раздели на 4 части, и скотьнице, бретьянице (вместо *бортьяница*, или сербского *бартъеница*, как думали другие), и товар, иже бе не мочно двигнути, и в погребех было 500 берковьсков (берковцев) меду (около 5000 пудов), а вина 80 корчаг». В Слове XII века ²⁰ так описывалась старинная зажиточная жизнь: «Питие же многое, мед и квас, вино, мед чистый пьпьяный, питья

обнощная с гуслими и свирельми, веселіе многое». Как видно из Олеария²¹ (1639—43), богатые погреба домашних питей существовали до второй половины XVII века. «Пиво, — говорит он, — сохраняется у русских в погребах, в которых сначала кладут снег и лёд, потом ряд бочек, потом опять лёд и опять бочки, и так далее; верх закрывается соломой и досками, так как подобные погреба открываются сверху. Устроив таким образом свои погреба, они опускают бочку за бочкою и пьют пиво ежедневно. Сохраняясь в подобных погребах, пиво в продолжение целого года остаётся холодным и притом не теряет вкуса». Поэтический образ таких погребов сохранился у народа в следующем прекрасном отрывке одной былины:

Как водочки сладкия, меды стоялые
Повешены в погреба глубокие в бочках-сороковках.
Бочки висят на цепях на железных,
Туда подведены ветры буйные;
Повеют ветры буйные в чистом поле,
Пойдут как воздухи по погребам, —
И загогочут бочки, как лебеди,
Как лебеди на тихих на заводах:
Так от того не затхнутя водочки сладкия,
Водочки сладкия, и меды стоялые;
Как чару пьёшь — другой хочется,
Другую пьёшь — по третьей душа горит.²²

Как всякого дорогого гостя, так и князя города встречали честью, «с хлебом и с вологою и с медом», или же, «наливши кубци и рога злащенья с медом и вином», весь город своему гостю «честь творил вином и медом». На пирах князей, владык и бояр пили вина, пива и меды из драгоценных сосудов, серебряных и хрустальных.

При этом строе жизни пьянства в домосковской Руси не было, — не было его, как порока, разъедающего народный организм. Питьё составляло веселье, удовольствие, как это и видно из слов, вложенных древнерусским грамотником в

уста Владимира: «Руси есть веселье пити, не можем без того быти».²³ Но прошли века, совершилось многое, и ту же поговорку «учёные» стали приводить в пример пьянства, без которого будто бы «не можем быти...». Около питья братски сходилась человек с человеком, сходились мужчины и женщины, и, скреплённая весельем и любовью, двигалась вперёд социальная жизнь народа, возникали братчины (нем. *gilden*), и питейный дом (корчма) делался центром общественной жизни известного округа. Напитки, подкрепляя силы человека и собирая около себя людей, оказывали, по словам Бера,²⁴ самое благодетельное влияние на физическую и духовную природу человека.

Глава II

Бортничество и пчеловодство

Переходя от общего очерка древнерусского быта к изучению его подробностей, именно к экономическому значению напитков, мы и здесь встретим следы самостоятельного, самобытного развития народной жизни.

Русская земля, в ту минуту как открывается её история, представляется нам переполненной бортными лесами (бортями), которые тогда заменяли пасеки и пчельники.²⁵ Бортничество и пчеловодство были одним из путей колонизации земель, вновь занимаемых русским племенем, и, таким образом, вслед за сохой и топором, рядом с ухояями²⁶ и угодьями различных названий, появились и борти, возникали деревни бортничьи, населённые пчеловодами. Бортничество было известно в областях новгородской и псковской, в тверской, в землях муромской и рязанской, где особенно славился кадомский мёд (Кадам²⁷ известен с 1209 года). Вообще поволжские финны (мурома, вязьма, клязьма, костром) издавна были хорошими пчеловодами. Затем бортничеством занимались в Смоленске и Полоцке, в областях киевской

и галицкой. Длугош говорит про Казимира, что он отнял у татар (1352) Подолию, богатую мёдом и скотом.²⁸ Польские леса назывались медообильными (*silva melliflua*). Померания и Силезия считались странами медоносными.

Бортничество составляло одну из важнейших статей промышленности; бортъ была предметом ценным, и на бортных деревьях вырубали топором знамя — знак собственности; за снятие чужого знамени — «раззнаменить бортъ» — была установлена пеня. Законы о бортях вошли в Русскую Правду. Бортные ухажья принадлежали народу, князьям и монастырям. «Княжи борти», упоминаемые в Русской Правде, встречаются начиная с XII века во Владимире на Клязьме и Литве. В Московской области, как это видно из душевной грамоты Ивана Даниловича 1328 года, у князей были бортники, купленные и оброчные, которых князья с точностью разделяли между своими наследниками. На бортных землях, отдаваемых из-за оброка, приглашали желающих садиться на житьё в лесу с платою определённого количества мёду. В Московском уезде в XIV и XV веках из поселений в княжеских бортных ухажаях и путях²⁹ образовался целый бортный стан. Радонежское село со всеми принадлежащими к нему деревнями населено было бортниками; на старейшем пути московских князей стояло село Добрятинское «при добрятинской борти». Князья жаловали монастыри и духовенство бортями и свободой от бортных пошлин. До нас дошли подобные жалованные грамоты князей рязанских, Ростислава Мстиславича смоленского, Всеволода Мстиславича, князей полоцких и так далее.

На дальнем севере пчеловодство завели, по преданию, святые Зосима и Савватий Соловецкие, и они признаны были распространителями и покровителями бортей и пчёл по всей Русской земле.³⁰ Подобным образом в муромской земле пчеловодство вошло в легенду о Петре и Февронии Муромских.³¹ Обширное занятие пчеловодством вызвало у народа особый молитвенник вроде целого молебна об изобилии и хранении пчёл в ульях пчеловода, и целый ряд поверий о святости пчелы, «божей пташки»,³² и мёда. Искусственное

разведение пчёл начинается с XIV века, когда в юго-западной Руси упоминаются *пасики*, а в северо-восточной — *пчелы*, то есть ульи.

История русской торговли мёдом идёт от глубокой старины. Скифские купцы, по свидетельству Геродота, ещё до Рождества Христова высылали за границу мёд и воск. На памяти истории, Русь сбывала мёд в дунайский Переяславль, в Грецию, к хазарам и на дальний запад. Новгород вёл обширную торговлю мёдом и воском, и при Ярославле был особый класс купцов, торговавших воском и называвшихся вощниками. Рыночная цена мёду в 1170 году была 10 кун (куна равна $6\frac{2}{3}$ коп.), что считалось очень высокой ценой: «Бысть дорог в Новгороде». В перемирных грамотах Новгорода с лифляндским магистратом 1481 и 1493 годов указываются некоторые обычаи, соблюдавшиеся при торговле воском: «А на Ругодеве³³ ругодньским весцом у купчин новгородских воску не колупати, а хто с ним сторгует, ино тому уколупити мало и вощано и вес капи спустити с новгородскими капми, а весити в рет по крестному целованию, а имати от въздыма от скалового как идут шкилики против трейденого». Но если немцы иногда колупали воск, то русские, со своей стороны, отпускали воск нечистый, ставили на нём фальшивые клейма. Псков также вёл обширную торговлю мёдом и воском. В 1287 году псковичи отняли у иностранных купцов 63 капи воску, а капь равнялась 163 нынешним фунтам. В смоленском договоре 1229 года было поставлено, что немчин обязан был платить «от двою капю воску весцю куна смоленская». Вес вощаной, доставлявший большие выгоды, Всеволодом (1126–35) отдан был в Новгороде церкви Ивана на Опоках. «Даю, — говорил он, — светому великому Ивану от великоимения на строение церкви и в веку вес вощаный, а в Торжку (даю) пуд вощаной, а весити им в притворе светого Ивана». Из всего этого веса шёл разным лицам громадный по тому времени доход, 78 гривен и 25 пудов мёду, а всего с расходом на церковь. — 95 гривен, что составляло пошлину с 23 750 пудов воска. По словам Шильдбергера,³⁴ описавшего своё путешествие

на восток в конце XIV и начале XV века, из южных пристаней русской земли воск шёл в Венецию и Геную. По словам других иностранцев, весь северо-восток русской земли в XV и XVI веках изобиловал мёдом. Барбаро³⁵ (1436) говорит, что рязанская земля была богата мёдом. «Московия, — пишет Кампензе³⁶ (1537), — очень богата мёдом, который пчёлы кладут на деревьях без всякого присмотра. Нередко в лесах попадаются целые рои сих полезных насекомых, сражающихся друг против друга на большом пространстве. Поселяне, которые держат домашних пчёл близ своих жилищ и передают в виде наследства из рода в род, с трудом могут защищать их от нападения диких пчёл. Сообразив это обилие мёду и лесов, неудивительно, что всё то количество воска и жидкой и твёрдой смолы, которое употребляется в Европе, равно как и драгоценные меха, привозятся к нам через Ливонию из московских владений». То же повторял Павел Иовий³⁷ (1537): «Самое важное произведение московской земли есть воск и мёд. Вся страна изобилует плодоносными пчёлами, которые кладут отличный мёд не в искусственных крестьянских ульях, но в древесных дуплах. В дремучих лесах и рощах ветви деревьев часто бывают усеяны роями пчёл, которых вовсе не нужно собирать звуками рожка. В дуплах нередко находят множество больших сотов старого мёду, оставленного пчёлами, и так как поселяне не успевают осмотреть каждое дерево, то весьма часто встречаются пни чрезвычайной толщины, наполненные мёдом. Весёлый и остроумный посол Димитрий рассказывал нам для смеха, как крестьянин, опустившись в дупло огромного дерева, увяз в меду по самое горло. Тщетно ожидая помощи в уединённом лесу, он в продолжение двух дней питался мёдом, и, наконец, удивительным образом выведен был из сего отчаянного положения медведем, который, подобно людям, будучи лаком до мёду, спустился задними ногами в то же дупло. Поселянин схватил его руками сзади и закричал так громко, что испуганный медведь поспешно выскочил из дупла и вытащил его вместе с собою. Москвитяне отпускают в Европу множество воску».

По словам Флетчера³⁸ (1588), мёд в значительном количестве шёл из мордвы и Кадома, близ земли черемис, также из областей северской, рязанской, муромской, казанской и смоленской. Флетчер говорит, что в его время, за исключением внутреннего потребления воска ещё вывозили за границу до десяти тысяч пудов, а прежде гораздо больше — до пятидесяти тысяч пудов. По Олеарию (1639), воску вывозилось ежегодно более двадцати центнеров. «Самый лучший мёд, — прибавляет он, — идёт через Псков». В 1476 году мёд в Пскове продавали по 7 пудов за полтину; в 1486 году — по 11 пудов за полтину. В 1575 году в Москве стояли следующие цены на воск: «Воску берковеск по 70 ефимков, станет пуд по семи ефимков (2 рубля 10 алтын 2 деньги), в Брабанех³⁹ пуд по 3 рубля, в Шпанской⁴⁰ пуд по 6 рублей; делают в нём свечи, а с кем сговоришь, имайся за сто берковес: да спросити по колку пуд в круг делают; в Голандской земле воску фунт по 5 стювершей⁴¹ (1 алтын 4 деньги), пуд по 2 рубля; ныне за посмех дешев нет провоска».

Но к XVII веку, когда приготовление медов успело сделаться преступным корчемством, медовой промысел упал, и северо-восточная Русь сама начала получать воск из-за границы. В 1692 году получено было через архангельский порт шесть тонн воска. В этом году в Рязани цены стояли следующие: в Богословском монастыре куплено муромских 200 легинов мёду⁴² и шесть пудов патоки по 20 алтын; кадка мёду готового в три пуда стоила 2 рубля; в Москве фунт мёду стоил 4 деньги. Чем дальше шло время, тем более сокращался медовой промысел. Недавно ещё в Чистопольском уезде Казанской губернии ульи считались тысячами, но медоварение уже было неизвестно. Вместо обычного приготовления старинных медов, теперь из мёда тянули водку, и только чувашаи, татары и мордва секретно упивались кислым мёдом из негодных вошин, называемым савраско, или воронок. В Белоруссии до последнего времени оставались ценными бортные леса, многие уезды славились пчеловодством и вели обширную торговлю мёдом. Ещё недавно славился медами старинный город Игумен Минской губернии.

Чтобы обнять разом судьбы медового промысла и медо-варения, стоит только обратить внимание на русское право, ибо в праве, как известно, все изменения народного быта отлагаются, словно пласты. Законы о медовом промысле, развивавшиеся вместе с бытом народа, входят в Русскую Правду, составленную в Новгороде отчасти при Ярославе (1016–20), отчасти при его преемниках, и имевшую силу от XI до XV века. По Русской Правде за порчу бортного дерева полагалось взыскание: «А в княжи борти 3 гривне, любо пожгут любо изудрут; а в смерди — 2 гривне.» — «Аще кто борть подьтнетъ, то 3 гривны продажи, а за дерево полгривне». Кроме порчи самого бортного дерева, взыскание налагалось за бортную межу, за пчёл, за мёд, за пчелиное гнездо, за уничтожение знака на борти: «Аже межую перетнет бортьную, то 12 гривне продаже.» — «Аже пчелы выдерет кто — 3 гривне продаже, а за мед оже будут пчелы не вылажены (соты не будут подрезаны), то 10 кун; будет ли олек (гнездо, то есть молодые пчёлки в сотах), то 5 кун». Касательно «выдрания пчел», иск имел место и в том случае, если ответчик был неизвестен, или не был налицо: «Аще кто разламает борть или кто посечет древо на меже, то по верви (сельская община) искати татя в себе, а платит 12 гривен продажи.» — «Аще кто рознаменае борть, то 12 гривен продажи, а за дерево полгривны». По делам о бортной земле установлены были следующие пошлины: «А се уроци судебнии от виры 9 кун, а метельнику 9 векош, а от бортьной земли 30 кун, а метельнику 12 векош. А се уроци ротънии от головы 30 кун, а от бортьной земли 30 кун». Мёд был в числе товаров, которые ссужались для приращения приплодом. В Русской Правде это называлось «настав на мед»: «Аще кто дает настав на мед». Расчёт процентов приплода был следующий: «А от двоих пчел на 12 лет приплода роев и с старыми пчелами 200 и 50 и 6 роев. А то кунами 100 гривен и 20 гривен и 4 гривны, а то чено по полугривне рои и с медом, а приплода на лето по единому рою».

Установления эти переходили преемственно в статуты Вислицкий и Литовский. В Вислицком статуте 1347 года,

составленном из статутів Великой и Малой Польши, определено было: «А кто кому дерево зрубит со пчелами, имеет заплатить гривну (1 рубль 76 копеек) тому, чїи пчелы, а другую — судове гривну; а хто бортное дерево зрубит без пчел, то полгивны (88 копеек) заплатить, а судове — другую полгивны». По Литовскому статуту борти разделялись на господарские, панские и землянские. Бортники, посещая свои борти, имели право брать с собою только «секиру и пешню, чем борти робити»; имели право надрать «лык на лазиво або лубя на лазын и на иные потребы борътницькие». ⁴³ Если б дерево опалило огнём, то «было волно им улей з бортью выпустити, а верховье и корень того дерева оставити в пуцы тому пану, чия пуца есть».

Владетель пуцы, рубя лес, обязан был находящимся в пуце чужим «бортем, а дереву жадное шкоды вчинити». ⁴⁴ За порчу бортного дерева полагалась «копа грошей»; срубивший или испортивший сосну «пчолницу», хотя бы в то время пчёл в ней не было, платил «полкопы грошей»; за порчу сосны или дуба бортного, в котором пчёлы ещё не бывали, или сосны «кремленой», платили 15 грошей. Статьи Русской Правды о «пчелах нелажоных» повторяются и в Статуте. Кто выдерет «нелажоных пчел», тот платит по Статуту 1529 года полукопу грошей, по Статуту 1588 года — по две копы грошей, а за лажоные — 15 грошей; по Статуту 1588 года, кто в пасеке или в лесу выдрал пчёл или с ульем взял — платит 3 копы грошей; «если бы кого з лицом поймано, такового мают сказати яко злодея на горло; а хто бы свепет в чьем лесе умыслне порубал и мед выбрал, тот мает за то шесть рублей грошей заплатить». ⁴⁵

Московские Судебники 1427 и 1550 годов ни словом не упоминают о бортном и пчелином промысле; о нём упоминается только в прибавлениях к Судебнику 1550 года, заимствованных из Литовского статута. Справедливым оказывается Михалона ⁴⁶ свидетельство (1550), что москвичи даже хвастались, что они пользуются литовскими законами! В прибавлениях к Судебнику за порчу бортного дерева с пчёлами велено брать 2 рубля, а без пчёл — 25 алтын, а за не-

делное бортное дерево — 12 алтын 4 деньги. «А кто будет у кого пчелы выдрал неподлаживаючи, а дерево не портил, тому повинен будет платить за всякие пчолы по полутора рубля».

Уложение 1649 года, следовавшее за Судебниками, заимствовав из Литовского статута 56 статей, взяло в том числе и статьи о пчёлах. По Уложению, за бортное дерево с пчёлами положено 3 рубля, а без пчёл, в котором дереве наперёд того пчёлы были, полтора рубля; а в котором дереве борть была сделана, а пчёл не бывало, и за то 25 алтын; за кряж невыделанный по 12 алтын 3 деньги, сколько их ни испортит. Кто выдерет пчёл, а бортей не испортит, на том доправить за всякие пчёлы по полутора рубля; за покражу улья — по три рубля за улей, да ещё бить его кнутом; а кто подсечёт дерево с пчёлами и мёд из того дерева выдерет, на том доправить 6 рублей и отдать истцу.

Но с упадком мёдоварения, подорванного кабаками, законов о пчёлах, заимствованные Уложением, не имели никакого значения, и пчеловодство упало больше и больше. Наконец, по Своду законов, составленному в текущем столетии, «усовершенствование пчеловодства принадлежит к ведомству Министерства государственных имуществ».⁴⁷

Глава III

Первое появление пошлыны с питей. Медовые дани. Подать с хмеля и солода

Повсеместное обилие мёда и других продуктов, употреблявшихся для приготовления питей, вызвало установление пошлын — «как пошло исстари» — и мыта,⁴⁸ которые собирались с мёда, с хмеля, с солода, а также натурой — мёдом и хмелем. Медовые дани известны были во всём славянском мире. Дубровник приобретал земли «со всеми правими медами». Древяне в 946 году платили дань мёдом и скорою.

Мстислав в 1125 году установил собирать «со ста по две лукне мёду». ⁴⁹ Владимирский князь Мстислав Данилович в 1289 году за крамолу жителей города Берестья (Брест-Литовска) наложил на них дань, в число которой шло, между прочим, «со ста по две лоукне меду». Дань эта впоследствии носила название медовой дани, медового, оброка медового, оброчного мёда.

В Новгороде в договорах, по которым принимали князей, помещались и условия на право варить мёд. По первой новгородской грамоте 1263 года князь посылал своего медовара в Ладогу: «А в Ладогу ти, княже, слати осетръник и медовара по грамоте отца своего Ярослава». Но при этом новгородцы прибавляли: «А ту грамоту, княже, отъял еси, а та грамота, княже, дати ти назад». То же повторялось в договорных грамотах 1309 года с князем Михаилом Ярославичем тверским, 1326 года с князем Александром Михайловичем тверским, и даже в 1571 году с великим князем Иваном Василичем, которому новгородцы говорили: «И в Ладогу вам слати осетрники и медовары по старым грамотам, по хрестным».

Дань ржовская с города Ржова, соседнего Иван-городу, и принадлежавшего сначала Пскову, потом Новгороду, литовскому королю, и наконец Москве, во время новгородского владения определялась так: «А люди на них варят дванадцать варов пива, а дванадцать нөчей нөчовати им у волости, и в осень дванадцать, и зиме дванадцать, — а Зенко Еховичь с своим племенем владыце дают чөтыри пуды меду пресного, а великому князю московскому с тых двух третей ничего не давали, а владыце новгородскому и бояром новгородским большей того не хоживало ничего, как в списку стоит, как поведают старые люди». Так всё велось до тех пор, когда царь взял Новгород, и «вечо им сказал», и началось то, чего прежде не бывало... «А того здавна не бывало, — продолжает записка о ржовской дани, — што владычним бояром ездити по тым жеребем, много нижли только одно посельник ездит по тым варом пивным, поки объедет пива, а объехавши пива прочь едет и прикажет ржовитину заведать от себе как вышей писано». — «То как вжо князь великий Новгород

зневолит и вечно им сказал, — заключает записка, — то бояре новгородские живут на волости, судят и рядят и люди грабят, и берут што хотят, и мучат люди, а с москвовичи с Костентиновыми слугами посполу съезджаются — одна их вся дума». Но было время, когда этих вещей не делалось даже во владениях самого московского царя. Поместья раздавались ещё «с тамгою⁵⁰ и бортью», как потом стали раздавать их «с тамгою и кабаком». Оброчными варями⁵¹ княжескими заведовали волостели⁵² и даньщики: «А коли ны будеть слати своих даньщиков в город и на вари, и тебе слати с нашими даньщиками своего данщика, опричь Ростовця и Перемышля и Козлова броду, а что сберуть, а тому идти в мою казну».

Первые известия о хмеле встречаются на западе, в северной Франции и Нидерландах с VIII века. На Руси о хмеле упоминается в Начальной летописи; древний Новгород вместе с воском и мёдом отправлял за море и хмель, собираемый в земле Тверской и Суздальской. В договорной грамоте 1263 года Новгорода с князем Ярославом тверским пошлина с хмеля определялась так: «А от новгородца и от новоторжца у мыта имати от воза на две векши, и от хмельна короба». В договоре 1309 года с князем Михаилом тверским: «А что, княже, мыт по суждальской земли и в твоей волости, от воза имати по две векши, а от лодьи и от хмельна короба». Наконец, в договоре 1571 года с князем Иваном Василичем: «А что мыт по суздальской земли в вашей волости, от воза имать по две векши, и от лодьи и от хмельна короба».

В купчих XIV и XV веков упоминаются «хмельники» при сёлах: «На низу куплены три села — и ловищи тих сел и хмельники тих сел и подскотины». В летописях записано несколько случаев дороговизны хмелю. В 1466 году «хмель дорог бяше, по 100 и 20 денег (4 рубля 80 копеек) зобница». В 1467 году: «Бысть хмель дорог во Пскове, зобницу купиша по полтине и по 10 денег» (2 рубля 40 копеек). — «Толко бысть хмель силно, по 60 денег ползобие (2 рубля 40 копеек), толку того было не велико время, а опять в немнозе понакладали, а он ссел, и по 15 денег (60 копеек серебром) зобница хмелю доброго. Такожь и в Новегороде было». В том же в 1467

году в Твери «бысть хмелю оковь по рублю» (около 3 рублей серебром). В Муроме в 1692 году кипа хмелю весом 22 пуда стоила с провозом 7 рублей 21 алтын 4 деньги. В XVII веке хмель разводили в Шуе и выписывали из Литвы через Псков. При Михаиле Фёдоровиче послана была во Псков грамота с запрещением покупать у литовцев хмель, потому что посланные за рубеж лазутчики объявили, что есть на Литве баба-ведунья, и наговаривает на хмель с целью навести на Русь моровое поветрие...⁵³

Пóдать с солода известна по памятникам с XI века. В Русской Правде, в статье о вирах, установлено: «А се поклонь вирные были при великом князе Ярославле: вирнику взяти 7 ведер солоду на неделю». Мастеру того времени, укреплявшему город, кроме платы, кроме денег на корм и на питьё (волога) и кормов, давали ещё солоду, чтоб сварить пива: «А солоду единое ему дадут 10 лукон». Говоря об этих даянх, писцовые книги всегда прибавляли — «а се по старине», и, руководствуясь этим старинным правом, в начале XVI века, за пятьдесят лет до появления кабаков, жила вся русская земля. В писцовой книге Вотской пятины⁵⁴ 1499–1500 годов при описании дохода в пользу землевладельца или кормов, следующих наместнику, упоминались следующие дани: «Борть со пчелами, что была богоявленская, а в медолаж ездить подлащык из Новагорода, — великого князя борть дана на оброк Петрову Васкову сыну, а ходити ему борть себе, а великого князя оброка давати за пуд меду полторы гривны новгородские, — да в том же ужожае борти ему себе и иные делати и кузовы ставити в тот же оброк, — из хмелю полове, — десять бочек хмелю, — из хлеба и из хмелю четверть, — ведро пива, — два ведра пива, — насадка пива, — ключнику насадка пива, — три насадки пива, — за три бочки пива три гривны, — бочка пива, — две бочки пива, — ведро меду красного, — солод». В писцовой книге Деревской пятины 1495 года исчислялись пошлины: «Двадцать саков хмелю, — полкоробьи хмелю, — три короба хмелю, — семь коробей хмелю, — четвертка хмелю; за перевару солоду 19 коробей без четки, а хмелю 9 коробей и полторы четки; да зо всее волости на

Якима варим две перевары двадцать коробей солоду, а хмель шел их же; а коли Яким к ним в волость не приедет, они ему давали за те перевары и за поклонное по полтора рубля новгородских, — три коробьи солоду ячного, — три коробьи солоду овсяного, — с польобжы из меду из улейнаго и из бортей половье, — три четверти солоду, — бочька перевары 20 ведер, — бочька перевары 15 ведер».

Переваром назывался крепкий напиток, приготовленный из пива и мёда, и похожий на взварец. В точно таких же отношениях находилась Новгородская область и к королю литовскому. В договорах Новгорода с Казимиром были установлены следующие дани: «А Петровщины рубль, а мед и пиво с перевары, а мед сытити по силе»⁵⁵. Или: «А мед сытити по силе с перевары, а тивуну по переваром у пятнадцати человек». Переваром здесь называлось место, где на князя варили оброчные мёды.⁵⁶ Об этих данях не упоминалось только в договоре с Литвой 1470 года, составленном накануне падения новгородской свободы...

Рассматривая все эти пошлины, мы находим, что народ XIV и XV веков жил достаточно, разводил хмель, варил пиво и мёды, словом, жил так, как рассказывает указанная выше былина о Микуле Селяниновиче.

Следы древних пошлин с продуктов, из которых готовялись питья, и питья натурой, оставались кое-где и во второй половине XVI века. В уставной грамоте Ивана Васильевича двинским тиунам говорилось: «А у кого будет на погосте в волости пир или братчина, и он несет тиуну насадку питья ведро, какое питье у него лучится; а не любя будет насадка питья, и они дадут за питье деньги». В таможенной грамоте на Белоозеро 1551 года померное велено брать и с хмелю; установлена дворовая пошлина с мёду: с кади солоду от 7 до 10 пудов — по деньге; будет кадь меньше 7 пудов — и они берут по расчёту; с круга воска — по четыре деньги. В 1564 году он же Иван Васильевич пожаловал мордвина Кельдяева⁵⁷ именьями в Арзамасском уезде: бортный загон, платежа с него полтора фунта мёду; он же Кельдяев обязан был платить в казну по четыре рубля, а мёдом по пяти пуд.

Подати мёдом и воском удержались кое-где даже в XVII веке, хотя тут же рядом с ними существовали и кабацкие откупы. В приходо-расходной книге Нижегородского уезда 1612 года значатся между прочим следующие сборы: «За кабацкіе суды, за кубы и за трубы, — и с пива и с медов провозных денег, — с кабака откупу по расчету и за балахонской за кабацкой воск, — и с бортных сел». ⁵⁸ В уставной грамоте городу Тотьме 1622 года: «А кто поедет к Тотьме, то с солода и со всякого хлеба имати с продавца померу с четверти по деньге, а с хмелю померу не имати, а имати с хмелю весчая рублевая пошлина».

Так до половины XVI века жила вся русская земля, свободно варя питья и платя за это пошлину с солода, с хмеля и мёда, что и называлось «брашной пошлиной». Подать с солода (и с хмеля) известна была англосаксам и древним германцам, и до сих пор ещё у англичан налог на солод занимает главное место в питейных сборах (речь Гладстона о налоге на солод). ⁵⁹

Глава IV

Питейные дома на Западе. Корчма — древнеславянский общественный питейный дом

Заплатив пошлину за солод и хмель, народ спокойно варил себе питья и спокойно распивал их дома среди семьи, или на братчинах, или на братских попойках в корчмах. Один из главных признаков сложившейся народной жизни — это следы социального её устройства, проявляющиеся в организации пировных общин, из которых потом вырастают могущественные городские общины (братчина — гильда, артель — цех), и в заведении общественных питейных домов. Человеку, вышедшему из дикого состояния, немысли-

мо, чтоб он дома у себя или в питейном доме один упивался пьяным питьём и чтоб, напиваясь поодиночке, упивались все... На основании простого физиологического закона, что посредством весёлого возбуждения облегчается пищеварение, что среди людей легче естся и пьётся, люди собирались пить вместе, и в дружеской беседе около вина, в братском столкновении человека с человеком, завязывалась между людьми социальная жизнь.

Древние Афины наполнены были питейными домами, называемыми *καπηλεια* (капелеи) — от *κάπηλος*, лат. *сауро* (родственное с церковнославянским *куп-и-ти, коп-а*) — первоначально *лавка*, потом *питейный дом*. Здесь народ проводил время, распивая вино и слушая флейтщиц. В числе лиц, посещавших капелеи, мы встречаем Сократа. Римские питейные заведения известны под несколькими именами: *саура, саурона, рорина* (питейный дом) — от *pino* (пить), и *taberna* (мелочная лавка; питейный дом) — от *tabula* (стол).⁶⁰ В этих домах, где кроме вина продавались и кушанья, мы встречаем в числе всего римского народа известных римских граждан: Овидия, Горация, Проперция, Тибула и Цицерона. К концу Римской империи в римском народе стали возникать социальные общины (*collegia*), составлявшиеся преимущественно из людей бедных, и местом их собраний (*schola collegii*) служили портики и таверны. Поэтому в одно время от Клавдия вышел приказ запретить все питейные дома.⁶¹

Германские общественные питейные заведения идут от глубокой старины. Вописк сообщает известие от половины III века, что Диоклетиан, будучи в Галлии в стране тунгров, нашёл там корчму, в которой хозяйкой была друидесса.⁶² Немецкие питейные дома назывались: *Herberge* (то есть *Heerberge, wo das Heer geborgen, d.h. aufgenommen wird*), откуда фр. *auberge*, ит. *albergo* — постоялый двор, корчма; *Keller* (от лат. *cella*) — погреб; и *Krug* — корчма; *Nobiskrug*⁶³ — не здешняя, чёртова корчма. В этих домах собирались все, и светские и духовные люди, и в королевских капитуляриях повторяется постоянно известное средневековое предостережение: *ut monachi et clerici tabernas non ingrediuntur edends*

vel bibendi caussa. Итак, в то время питейные дома были вместе и съестными. В них пили пиво, эль, а с XV века виноградное вино. Питейный дом был заведением общественным. Там собирались мужчины и женщины; все граждане, начиная от самых почетнейших, сходились туда совещаться об общественных делах; тут же собирались и земские суды (Landsgerichte). Заведения эти отличались чисто семейным характером; посещавший их гость был так же свободен, как дома, между своими, и хозяин герберга, провожая гостя, звал свою дочь подать ему прощальную чашу. Кроме того, в больших торговых городах образовались так называемые магистратские погреба (Rathskeller), куда каждый вечер собирались члены городского управления, часто с супругами и дочерьми. Погреба эти и их хозяева (Rathskellermeister) пользовались европейской известностью. В немецких питейных домах, начиная с Лютера, мы встречаем всех передовых людей Германии. Гёте в погребе Ауербаха, в Лейпциге, написал несколько сцен из «Фауста». Гейне оставил знаменитое обращение к бременскому ратскеллермейстеру.⁶⁴ В Англии при Елизавете встречались корчмы, где триста человек с лошадьми могли быть приняты и угощены, а в XVII веке в каждой деревне была корчма (Gasthaus), хорошо освещённая, с раздушенным бельём, с кружкой доброго эля и с обедом из форелей.⁶⁵

Питейный дом во Франции называется *cabaret*. Слово это, по-видимому, созвучное *кабаку*, происходит от *cabare*, вместо *cavare* (fodere), откуда *cave* и *cabaret* (погреб).⁶⁶ Кабаре были, и отчасти остались, общественными домами, куда собиралось всё народонаселение города, начиная от бедняков и до богатых людей. В кабаре можно было пить и есть, а потому человек, не имевший хозяйства, находил там приют, как будто в семье. Содержательница кабаре — всегда личность почтенная; память о ней редко умирает, оставаясь навеки за тем заведением, где эта женщина была хозяйкой. Поэтому Париж насчитывает у себя множество кабачков, носящих имя своей первой хозяйки и с тех пор приобретших историческую известность. La veuve Bergin содержала кабачок

«Белый Барашек», который посещал Расин; la mère Dinochau была хозяйкой кабачка на улице Бреда, а сын её в то время учился в коллегии в Блуа и, выучившись, сам сделался хозяином кабачка, куда собирались художники и публицисты. Mère Cadet, или la mère de Cab, хозяйка кабачка «Истинные друзья», носившая названия *brave femme, brave mère Cadet*, вскормила в своём кабачке целое поколение комиков французского театра. Кабачок la mère Sâguet посещали Виктор Гюго, Беранже, Тьер, М. Фурнье, Арман Каррель, словом, всё просвещённое общество тридцатых годов. Каждый из кабачков, где собирается так называемый простой народ, представляет обширную *mongeoire*. Так, в простом кабачке, называемом «Калифорнией», который содержит Madame Cadet, ежедневно выходит 5000 порций мяса, в год 1000 мер бобов, громадное количество картофеля, оливок, масла и так далее.⁶⁷

Древнеславянские общественные питейные заведения назывались корчмами. *Корчма* — вместо *кормча* от сербского *крма*, церковнославянского *кръма*, русского *кормь* (ср. кашубское *харна*, сербское *крмача, крмача*). Мухлинский⁶⁸ указывал первоначальное значение корчмы в персидском *chordèn* (есть), арабско-турецком *chorzama* (расход, издержки на провизию) от зендского корня *gar/xap* (*edere*), *qarena, charetha* (*pourriture*). Так далеко начинается родословное древо корчмы, одного из учреждений, созданных славянским племенем!

От славян корчма перешла к венграм (*kortsma*) и к эстам (*körts, körtsmit*). Итак, корчмой называлось место, куда народ сходил для питья и еды, для бесед и попоек с песнями и музыкой. Мартин Галл⁶⁹ (начало XII века) записал в своей хронике, что когда умер Болеслав Храбрый, то в корчмах смолкли звуки цитры: «*nullus citharae sonus audiebatur in tabernis*». У западных славян в корчмах приставы передавали народу постановления правительства, судьи творили суд, разбирались дела между приезжими людьми, и корчмы долго заменяли ратуши и гостиные двory. Начиная с XI века, мы встречаем следы корчем у южных славян, в Чехах, в Польше, в Жмуди,

у славян прибалтийских и новгородских, и на Руси Киевской. В древней Сербии продажа питей — вольная. Душан,⁷⁰ подтверждая дубровницким купцам свободную продажу питей, говорит: «И крьчму да носе». Впоследствии, именно в наше время, уже корчма у сербов исчезает, вытесняемая немецкими обычаями. Но у болгар она ещё цела и, сохраняя своё древнее социальное значение, отличается от механы (гостиница, питейный дом), заимствованной болгарями от турок или от венгров. В болгарской корчме торгует женщина или девушка, крчмарица, крчмарка. В песнях южных славян корчмарка — постоянный друг и посестрима народных героев. В корчмах пьёт вино знаменитый герой южнославянского эпоса Кралевич Марко; корчмарка Ангелина спасает его, своего побратима, от Гина Арнаутина, или отправляется в Софию и сватает за Марка дочь болгарского царя Шишмана. Теперешняя болгарская корчма обыкновенно состоит из одной комнаты; посреди комнаты — огнище, где пылает огонь, а в крыше отверстие для дыма. Вокруг огнища стоят столики и стулики, на которых сидят гости, именно старики, приходящие сюда для бесед, певцы, которые поют о старине, портной, обшивающий всю окрестность и знающий все новости, поп, дьячки и так далее. В углу корчмы — лавка, где продают верёвки, орехи, фасоль, пшено и вместе с этим вино и ракию (водку). К бочке приделана канелка (втулка), заткнутая чепом, и из бочки вино наливают в жестяную кружку (ока), или в глиняный кувшин (пукал) и затем разливают в чаши. Древнеславянские напитки — квас, пиво и мёд — совершенно исчезли у болгар, сменившись виноградным вином, доступным на юге всякому человеку, и водкой (ракией), употребляемой только людьми богатыми.

Корчмы западных славян известны мне с XIII века. В чешском словаре Вацерада 1202 года упомянуты *kr'cma* и *kr'cmar*. В Винодольском законе⁷¹ хорватов, известном по рукописи XIII века, упоминаются латинские названия *товерна* и *товернар*; но на полях рукописи для означения корчмы изображены стол, а на нём ведро, кружка и жмуль. В Померании корчма, находившаяся в зависимости от жупана,

стояла непременно на каждом рынке, и была центром финансового управления в округе, точно так же, как у других западных славян она была центром управления судебного. В Колобреге, при двух жупанах, было и две корчмы. И до сих пор у кашубов,⁷² вымирающих в западной Пруссии, поётся в Ивацов день песня, которая славит древнего корчмаря:

A vè lèdze ze vse,
Po co vè se tu zesle?
Vè njic nie póviece.
Jo viem, jo poviem.
Jo jem sin karczmarski,
Kavaler dzirski.
Mom trènki dvojàkewo rodè,
Jedne dlo zdrowjo, drège dlo wóchodè.
Chto te trenki zaživo,
Ten bógaćtwo mievo.
Jo je zaživaję
J bógaćtwo miévaję.

(А вы люди из деревни, зачем вы здесь сошлись? Вы ничего не знаете, ничего не скажете. Я знаю, я скажу. Я сын корчмаря, храбрый кавалер. У меня напитки двоякого рода, одни для здоровья, другие для праздника. Кто употребляет эти напитки, тот бывает богат. Я их употребляю и имею богатства.)

Трогательно это воспоминание о корчме у народа, забывшего не только свою страну, но и свой старый язык! В Богемии и Польше, начиная с XI века, везде, на площади или рынке, стояла корчма. В иных городах было от двух до четырёх корчем: *in Bitom targowe duae tabernae*, *in Siewor novum targowe una taberna*; *ad magnum sal quatuor tabernae*. Западные корчмы сначала были, как и везде, вольными учреждениями, куда народ спокойно собирался по торговым дням, потом делались княжескими, казёнными, или вместе с землёю переходили в наследственную собственность арендаторов (шульцов), получавших право заводить *libera taberna*, или к

духовенству, к епископам и монастырям, и тогда народ стал заводить себе тайные корчмы (*taberna occulta*), известные с XII века. Свободные корчмари подлежали ведомству и дворовому суду (*curia*) того господина, на земле которого находилась корчма.

В юго-западной Руси доселе ещё удержалась древнеславянская корчма, и в разных местах Белоруссии встречаются остатки огромных корчем, превращённых теперь в заездные дома и составляющих как бы кварталы местечка. И если в Воронежской губернии народ по праздникам собирается уже около кабаков, то в Виленской губернии ещё по-прежнему все общественные дела решаются в корчме, и во всей Белоруссии и Украине корчма служит обычным местом собраний для дел, бесед и гульбы. В Белоруссии бабку после крестин ведут в корчму. Ещё недавно в некоторых уездах Витебской губернии, Динабургском, Режицком и Люценском, среди раскольников парни и девицы на Масленице собирались в корчму на праздник, называемый кирмаш, и парень, выбрав себе девицу, уходил с нею в лес, и там венчался около дуба. Двор корчмы или стодола (сарай при корчме) служит местом собраний парней и дивчат, которые приходят сюда плясать под музыку. «Що Божої неділі, чи празника, після обіду, хлопці та дівчата сходютьця до корчми оттанцювать, а хозяйіни и жінкі збираютьця до іх подивитись, та побалакать де очім, а під час и чарку горілки выпить. От зібралось біля корчми людей вже чи мало, музики грають, парубок с дівкою танцює, а старіиши, люльки запаливши, посадили соби на приспі тай балакають». — «Та не вси ж и пьяниці в шинку, — рассказывает другой, — одні приходять сюда побачитись з добрыми людьми да побалакать, а другі — так, як оце й я, — чтоб послухать розумних людей и почуть що робитця у світі. Бачите, у нас на селі нікуди більш и збиратися». В праздник, когда нет дела, *чоловік* с утра уже идёт в корчму и говорит жене: «Надо схаdziць на часок в карчму». Жена обыкновенно отвечает: «Пайдзешь на часок, а прасядзишь да начи; виць в карчмы смальяны лавки: как сядзишь, так и паралипнешь».

Итак, корчма южной Руси, корчма вольная, является перед нами коренным народным учреждением. Тогда как в других местах женщина стыдится войти в кабак или в трактир, а членами клубов — одни мужчины, в корчму входят все, и мужчины, и девушки. «В корчме и в бане уси ровные дворяне». Здесь-то, в корчме, гуляла прекрасная Бондарувна,⁷³ жертва польских насилий, и один из лучших женских образов украинской поэзии:

Ой у Луцку, в славнім місти, капелія грає,
Молодая Бондарувна у корчмі гуляє.

Но совсем уже не то местами, где корчма успела обратиться в кабак, зашедший из Москвы, или шинок (нем. *Schenke*), занесённый в Украину ляхами, куда теперь и *дівчата частуют*. Дівчата, ночные собрания которых разгоняют для порядка, собираются в корчмы пить. И плачется мать на свою дочь, пьющую в корчме:

Моя дочка ледащица, не ночує дома,
Моя дочка ледащица, не хоче робити,
Да як прийде неділенька, иде в корчму пити.

Так как в корчмах, между прочим, продавались и питья, то отсюда и самое продажное питьё получило название *корчма* (кръчьма), с каким оно постоянно встречается в памятниках Древней Руси. У сербов *продаје на крчму* значит продавать по мелочи. Слово *кръчьмница* мы находим в древнейшем переводе пророчеств Исайи. В древнеболгарском языке *кръчьмница* — *taberna*; *кръчьбьник* (вместо *кръчьмник*) — *κάπηλος*. И с тех пор, вслед за древнеболгарским языком, обратившимся в церковнославянский, во всех древнерусских сочинениях кабаки и питейные дома всегда называются корчемницами, и как будто облагораживаются этим в сознании духовного писателя. «Приключися, — говорит одна легенда, — яко нѣци челоувѣцы по мірскому въ корчемницѣ пїяху, и глаголюще съ собою о разныхъ вещахъ.» Но тот же древне-

русский грамотник впоследствии говорил другое. В одном сборнике XVII века корчма толкуется как самое постыдное место: «Корчмы, сирѣчь кабаки, или аптеки, дома суть губительнии». Слово *корчмствовать* в значении мелкой, розничной продажи встречается в списке Русской Правды конца XIII века.

На северо-востоке Руси, где общественная жизнь развита была гораздо слабее, чем на юге, корчмы не имели никакого значения. Суздаль, Владимир, Москва совершенно не знают корчемной жизни; напротив того, в Киеве, удивлявшем в XI веке своим народонаселением, своими осьмью рынками (Адам Бременский, Дитмар Межиборгский),⁷⁴ в не менее богатом Новгороде, во Пскове и Смоленске, который в летописи под 863 годом назывался великим и богатым городом, корчмы, должно думать, составляли важное городское учреждение. В уставной грамоте смоленского князя Ростислава Мстиславича 1150 года упоминаются мыта и корчмити: «В Лучинѣ (княжеской дани)... гривны, а мыта и корчмити невѣдомо на что ся снидеть». — «На Прупои (княжеской дани)... гривен, а на корчмитѣхъ не вѣдити на что ся сойдеть.» — «На Копысѣ (княжеской дани)... гривны... а корчмити невѣдомо, на что ся сойдеть». То есть: неведомо, сколько сойдѣт с приезжих торговцев и с содержателей корчем. В Новгороде и Пскове корчмы составляют собственность городских общин. Князь, на основании договора, по которому он принят, не имеет в корчмах никакой воли: «А свободѣ⁷⁵ ти, ни мыть на новгородской волости не ставити». По псковской грамоте, составленной в 1397 году на псковском вече, запрещалось: «княжимъ людемъ по дворамаъ корчмы не держать, ни во Псковѣ, ни на пригородѣ, ни ведра, ни корецъ, ни бочкою меда не продавати». Купцы немецкие, а, может быть, прежде и голландские, имели право на продажу пива на своём дворе. Но в половине XIV века, когда голландский двор находился уже в руках купцов немецких, новгородцы никак не хотели дозволить продажу пива и на дворе святого Олафа. В новгородской скре⁷⁶ 1350 года сказано, что в этом году, в собрании общинных купцов

в Новгороде, состоялось постановление, чтобы, пока стоит двор святого Петра под страхом взыскания десяти марок никто не осмеливался продавать пива на готском дворе. Казимир Великий в 1348 году отдал войту колочинскому Петру город Роги в завислоцкой Руси, придав к нему, между прочим, две корчмы: *duas tabernas, similiter duas mensas panum*. Корчемники платили подати. В 1417 году псковские посадники «наймитовъ наняша и поставиша костер (башню) на Крому отъ Псковы, а поимаша то серебро на корчмитѣхъ». В 1474 году князь местер Ризский прислал посла к великому князю воеводе Даниле Дмитриевичу (Холмскому), и к князю псковскому Ярославу Васильевичу, и говорил: «Азь князь великой Илифлямской и Ризской повѣствую, чтобы ми есте миръ дали, и язъ князь местеръ съ воды и съ земли сступаюся дому святыя Троица и всего Пскова, моихъ сусѣдъ, да и за то имаюся, что ми къ вам во Псковъ изъ своей волости корчмы пива и меду не пуцати, — а колода отложить по всей моей державѣ, а на том пишу грамоту, и крестъ цѣлую за всю свою державу и за вси города, а опроче пискупа юрьевского и всехъ юрьевцовъ». В том же году заключѣн был договор и с юрьевцами (Дерптом) на тридцать лет, по которому они обязались «во Псковъ корчмы не возити, ни торговати, ни колодѣ (заставы) у костра (башня или стрельница) не держати». В самом же договоре мы читаем: «А корчмою пивомъ нѣмецкому гостю во Псковѣ не торговати, а опричь корчмы и пива всякій товаръ возити по старинѣ». В одном из списков Псковской летописи добавлено: «И оттолѣ преста корчма нѣмецкая». То же обязательство помещено в перемирном листе 1482 года между Новгородом и ливонским магистром: «А пива и корчмы нѣмцомъ не продавати въ Новѣгородѣ, а ни по пригородамъ», и в новом перемирии 1493 года: «А корчомъ нѣмцомъ въ Новѣгородѣ не продавати ни по пригородомъ».

Не то было по городам, которыми владели князья. Облагая пошлинами напитки, заводя свои княжеские корчмы, и преследуя вольное корчемство, князья вызвали этим появление тайных корчем. Звание корчемника унижалось, де-

лалось преступным. В Паисиевском сборнике XIV века в исчислении запрещённых занятий, за которые отлучают от церкви, рядом с чародеями и наузотворцами,⁷⁷ упоминается и корчемник (корчъмить). В Никоновской летописи под 1399 годом говорится про Михаила Александровича тверского: «Во дни убо княженія его разбойницы и тати и ябедники изчезоша, и мытари и корчемники (в княжеских корчмах), и торговя злыя тамги истребишась». Кирилл Белозерский около 1408–13 годов писал можайскому князю Андрею Дмитриевичу: «И ты, господине, внимай себе, чтобы корчмы (княжеской) в твоей отчине не было, занеже, господине, то велика пагуба душам, крестьяне ся, господине, пропивают, а души гибнуть». По словам Иоасафа Барбаро (1436), при Иване III право готовить питье принадлежало уже казне: «Он (Иван III) издал указ, воспрещающий кому бы то ни было варить мёд и пиво и употреблять хмель». То же подтверждает Амвросий Контарини⁷⁸ (1474–77): «Напиток этот (мёд с хмелем) очень не дурён, в особенности когда он стар. Впрочем, великий князь не всем позволяет варить его». Он же упоминает о существовании в Москве корчем, в которых ели и пили: «poi ridursi nelle taverne á mangiare et bere, et passata la detta hora, non si puo haver da lor servitio alcuno». Алберт Кампензе (1523) прибавляет, что жителям Москвы разрешалось употреблять напитки только по праздникам: «Эта народная слабость (пьянство) принудила государя их запретить навсегда, под опасением строжайшего взыскания, употребление пива и другого рода хмельных напитков, исключая одни только праздничные дни. Повеление сие, несмотря на всю тягость оногo, исполняется москвитянами, как и все прочие, с необычайною покорностию».⁷⁹ Герберштейн⁸⁰ (1517–26) оставил известие, что ещё Василий Иванович построил для своих слуг за Москвой-рекой какой-то дом, или слободу, названные Наливками (теперешнее урочище у Спаса на Наливках), и позволил им пить там пиво и мёд, запрещённые остальным жителям города: «propto non procul a civitate domunculae quaedam apparent, et trans fluvium villae, ubi non multis retroactis annis, Basilius princeps

satellitibus suis novam Nali civitatem (quod eorum lingua *infunde* sonat) exaedificavit, propterea quod cum aliis Ruthenis medonem et cerevisiam bibere, exceptis paucis diebus in anno, prohibitum sit, iis solis bibendi potestas a Principe sit permissa. Atque eam ob rem ne caeteri illorum convictu corrumpentur, ab relinquorum consuetudine sunt sejuncti. То же известие, с незначительными дополнениями, повторяется у Гваньино, Михалона, Олеария и Флетчера. Гваньино⁸¹ (1560) в своём описании Московии, переделывая Герберштейна, говорил: «denique trans fluvium, Basilius, pater moderni principis, pro satellitibus suis, caeterisque extraneis, Polonis videlicet, Germanis et Lithuanis (qui a natura Bacchum sequuntur) oppidum Nalevki dictum, quod cognomen ab infundentis poculis habet, extruxit. Illic vero omnibus extraneis militibus et advenis, satellitibusque principis, inebriandi vario potus genere facultas concessa est, quod Moscovitis gravi sub poena prohibetur.» Место то читается несколько иначе в старинном русском переводе Гваньини: «Есть же в нём (в городе Москве) домов 41500; к тому ж ещё за рекою великий князь Василий, отец царя Иоана, ради Сепачов (?) своих, сиречь поллечников (?) инных людей общих (porleczników — сторонников) слободку, называемую Наливайки, создал». ⁸² Литвин Михалон (1550) также слышал, что Иван III обратил свой народ к трезвости, запретив везде питейные дома: «redacto populo ad sobrietatem cauponisque ubique interdictis». — «Василий, — продолжал он, — увеличил свою столицу Москву, построив в ней слободу Налевки (Nalewki) руками наших наёмных солдат, и дав ей это имя в укор нашему племени (иностранцам), склонному к пьянству, от слова *налей*». Слова Герберштейна, что «Наливки были построены за рекою», дополняются у Флетчера и Олеария тем, что они находились *на южной стороне города*, и обращены были к татарской земле, и отсюда ясно, что они находились близ нынешнего урочища Спаса на Наливках. Флетчер говорит: «На южной стороне города царь Василий построил дома для солдат (satellitibus suis), позволив им пить вино в постные и заветные дни, когда другие русские должны были пить одну воду, и по

этой причине (?) назвал новый город *Налей* (Naley), то есть *Наливайка*. Олеарий: «Четвёртая часть города называется Стрелецкою слободою; лежит она в южной части города за речкою Московскою и обращена к татарской земле, *будучи окружена досчатым забором и деревянными бастионами*. Эта часть города выстроена была великим князем Василием, отцом Грозного, и назначена для поселения в ней иноземных солдат, и названа Налейки (Naleiki — die Saufstadt). У чехов *nali* — значит *налей*. Это название произошло от того, что иностранцы, проживающие в Москве, гораздо больше предаются пьянству». Свидетельство иностранцев, что ещё при Иване III (1462–1505) закрыты были корчмы и народу было запрещено употреблять напитки и что при его преемнике, Василии (1505–1533), только слугам великого князя и иностранцам позволено было пить, и для их попок отведена слобода, огороженная забором, — показывает нам, что в Москве начиналось новое положение вещей, неизвестное остальной Руси. Первое широкое приложение к делу этого нового московского порядка должен был испытать Новгород Великий.

Князь в Новгороде был предводителем войска и исполнителем судебных решений, поставленных выборными судьями («князь казнит»), и за это шла ему половина судебных пошлин (казнь — казна). Кроме того, ему предоставлены были доходы от торговли, и, как мы видели, право медоварения по городам («слати медовара»). Князь не имел права приобретать земли в новгородской области и мог торговать только через новгородцев. Основы старого новгородского порядка держались до самого падения Новгорода. Ещё недавно (1469) вече объявляло, что великий князь (царя Новгород не знал, ни даже государя) не имеет права ни в земле, ни в воде; народ продолжал жить по-старому, спокойно собираясь в вольные корчмы и рассуждая о политических делах. Теперь же всё это должно было рушиться. На место новгородских купцов, вывезенных вон и разосланных по городам, высланы были в Новгород купцы *московские*; имения боярские были разделены московским людям...⁸³

Новгород испытывал теперь всю тяжесть «пошлины низовской земли», как он сам выражался о Москве: «Великий Новгород низовской пошлины не знает, как наши государи держат там в низовской земле своё государство». Одной из низовских пошлин было запрещение свободного корчемства, и вот в Новгороде, опустошённом и ограбленном, Иван IV начинает расставлять царские корчемные дворы: «1543 года ноября 21 на Введенъев день прислал князь великий Иван Васильевич в Великий Новгород Ивана Дмитриевича Кривого, и он поставил в городе восемь корчемных дворов». В Новгороде появилось страшное пьянство, и новгородский владыка Феодосий решился ходатайствовать за народ. «Бога ради, государь, — писал он к царю, — потщися и помысли о своей отчине, о Великом Новгороде, что ся ныне в ней чинит. В корчмах беспрестанно души погибают без покаяния и причастий, в домех и на путех и торжищех убийства и грабления в граде и погостом великия учинилися, прохода и проезда нет». 27 января 1547 года были уничтожены в Новгороде все царские корчмы: «Пожаловал царь и государь великий князь Иван Васильевич в своей отчине, в Великом Новгороде, отставил корчмы и питье кабацкое, давали по улицам старостам на тридцать человек две бочки пива, да шесть ведер меду, да вина горького полтора ведра на разруб». В Новгородской второй летописи дополнено: «В лето 7056 генваря в 10 день князь Иван Васильевич отставил в Новгороде корчмы, и дворы развозили». В городе появилась тайная продажа питей. «В лето 7079 месяца февраля 23 в пятоке на Масленой недели приехали в Новгород дьяки опришные, Семен Федоров сын Мишин, да Алексей Михайлов Старой, да заповедали винщиком не торговати, да и сторожню уставили, на Великом мосту решотки; а поймають винщика с вином, или пьянаго человека, а ни (и они) велят бити кнутом, да и в воду мечют с Великаго мосту».

Московские питейные дома этого времени также назывались корчмами, хотя не имели никакого общественного значения. «В Московии, — писал Михалон в 1550 году,

— нет шинков, и если у какого-нибудь домохозяина найдут хоть каплю вина, то весь дом его разоряется». Вольная корчма здесь была неизвестна; корчмы держали недельщики⁸⁴ и десятники. По Судебнику 1550 года в поручных записях по недельщике говорилось, что ему «корчмы, б<лядей> и и всяких лихих людей не держать». Стоглавый собор 1551 года приказывал: «А корчем бы десятником не держати». По Домострою корчемный прикуп (прибыль) стоял рядом «с татьбою и кривым судом». Собираясь в корчмы, народ пил, не скидая шапок. «В церквах, — говорит Стоглав, — стоят в шапках, словно на торжищи, или яко в корчемнищи». Пить и играть зернью в корчмах собирались бояре, монахи, попы и толпы холопов. Стоглав приказывал, чтоб «дети боярские, и люди боярские, и всякие бражники зернью не играли и по корчмам не пили». В выписи 1552 года, данной по приказу Ивана IV Андрею Берсеневу и Хованскому, велено им было беречи накрепко во всей Москве, чтоб «священнический и иноческий чины в корчмы не входили, в пьянстве не упивались, не празднословили и не лаяли». Сильвестр в своём Домострое давал боярам совет, чтоб они не держали у себя множества холопов, которые с горя пьянствуют по корчмам: «А держати людей у себя по силе, как мощно бы их пищею и одеянием удоволити; а толко людей у себя держати не по силе и не по добытку, и не удоволить их ествою и питьем и одеждою, или который слуга не рукоделен, собою не умеет промыслити; ино тем слугам, мужику, и жонке, и девке, у неволи плакав (вариант: заплакав), красти и лгати и блясти, а мужиком разбивати и красти, и в корчме пити и всякое зло чинити». По городам корчмы стали раздавать боярам. В 1548 году по жалованной грамоте царя город Шуя был отдан в кормление⁸⁵ боярину Голохвостову «съ правдою, съ пятномъ и корчмою». Важская уставная грамота 21 марта 1552 года запрещала посадским людям, и становым, и волостным крестьянам, живущим поблизости посадов, держать питья на продажу, под опасением выемки оных и взыскания двух рублей пени на государя, а с питухов по полтине с человека. В уставной грамоте двинянам 1557 года сказано было, чтоб

у них на Холмогорах на посаде, и в станах, и в волостях татей, и корчемников, и ябедников, и подписчиков, и всяких людей не было, — а коли у кого корчмы будут, они, того человека поймав, отдадут выборным своим судьям. Таким образом, корчмы закрывались везде, куда только хватала московская власть, и если оставались где ещё, так это по дальним окраинам. Угличский житель, диакон Каменевич-Рвовский,⁸⁶ рассказывал в 1669 году, что на устье реки Мологи (известной в 1137–38 годах) в древности были торги великие, даже и до времени господаря Василия Васильевича Тёмного (1425–62). Торги эти существовали и при Герберштейне (1517–27), который о них говорил: «При ея (Мологи) устьях стоит город с крепостью того же имени, а в двух милях от него стоит только церковь Холопьяго города. На этом месте бывает ярмонка, наиболее посещаемая во всём владении московского государя. Сюда стекаются кроме шведов, ливонцев и московитов, ещё татары, и весьма многие другие народы из восточных и северных сторон».⁸⁷ Про ярмарку при устье Мологи близ Холопьяго городка (известного и в народных преданиях) Каменевич-Рвовский писал: «Река же та великая Молога полна судов была, в пристани своей на юстии широком и яко по судам тогда без перевозов и проходили все людие реку ту Мологу и реку Волгу на луг моложский, великий и прекрасный, иже имать величество свое. Луг той во округ семь верст. Сребро же то собирающееся пошлинное пудовое по 100 и по 80 пудов или по 70000 денгами и больши собираху в казну великого князя теми деньгами, яко же бывшии тогда в память свою нам о сем поведаша, я же от отец своих слышаша: тогда же на Мологе 70 кабаков винных и питеи всяких было; торговали же без розъездов, по четыре месяцы, все купцы и гости; еже от древних слышах и се в память по нас изоставшим родом всем восписах». Каменевич, говоря о семидесяти кабаках, выражался языком конца XVII века, потому что в XV и в начале XVI веков, в эпоху процветания Мологской ярмарки, кабаков ещё не было, следовательно, на ярмарке стояло до семидесяти корчем.

Москва. Появление кабака около 1555 года. Корчемство становится контрабандой

Киевские князья ищут простора своей деятельности в дремучих лесах северо-востока. За князьями движется народ, несёт с собой киевский эпос, создаёт себе новый Киев — Владимир, строит в нём киевские церкви, киевские Золотые ворота, украшает новые места дорогими именами киевских урочищ, как, например, Печерский монастырь, река Лыбедь и так далее; но отросток южной жизни вырастает на чужой почве иным деревом. Князья, переселявшиеся на север, первым делом считали закрывать веча и «избивать вечников». Жизнь, заложенная на северо-востоке, всецело сказалась в Москве...

Когда Киев и Новгород считали свою историю рядом столетий, Москвы ещё не было, на месте Москвы жила чуждое, но впоследствии поселилось здесь русское племя, которое окрепло среди жесточайших невзгод и стало потом центром всего русского мира. Возникновение Москвы, получившей своё имя от финского названия *Моск-ва*, то есть *мутная река*, по наивному замечанию летописца, совершилось так: «Дьявол вложи в сердце князем татарским, сводиша братью, ркуще великому князю Юрию Даниловичу, оже ты даси выход больши князя Михаила тверского, а мы тебе княжение великое дадим».

Побратавшись с татарами в тени этого «антинационального развития» (Буслаев), Москва начинает собирать около себя области новгородскую, псковскую, тверскую, рязанскую, пермскую, киевскую.

И здесь-то, в Москве, оторванной от южной Руси, возникает и крепнет московская жизнь. С XV столетия, когда все другие славянские народности оживают, когда у поляков, хорватов, хорутан, сербов (лазарица) и в южной Руси начинает зарождаться народная литература, в Москве открыва-

ется период окончательного упадка русской народности. К половине XVI века всё уж было кончено. В двадцать каких-нибудь лет, от 1592 до 1611 года, невидимо выросло жёсткое крепостное право. Не вчера началось так делаться, говорит неподкупная народная память, началось это с началом каменной Москвы:

В старые годы, прежние,
При зачине каменной Москвы,
Зачинался тут и грозный царь,
Грозный царь Иван сударь Васильевич.

Грамотность, просвещение, словесность, искусства, добрые международные отношения, возникшие некогда в Киеве в XII веке, в Москве погибли. К московской жизни вполне можно было приложить известные слова Геннадия: «Земля, господине, такова, не можемъ добыти, кто бы гораздъ грамотъ!»⁸⁸ Стоглавый собор 1551 года по поводу всеобщей безграмотности московского духовенства — учиться им негде! — с сожалением вспоминал о прежнем времени: «А прежде сего училища бывали въ россійском царствіи на Москвѣ и въ Великом Новѣградѣ, и по инымъ градомъ многіе грамотъ писати и пѣти и чести учили, потому тогда и грамотъ гораздыхъ было много. Но писцы, и пѣвцы, и четцы славны были по всей земли и до днесь».

Русская Правда, улетев на небеса, сменилась в Москве *Шемякиным судом и московской волокитой*. Мужьи, княжеские думцы, перейдя в поместчиков (с 1499), писались теперь *холопами*, а своё старинное имя мужей отдали всему народу, получившему имя *мужиков*...

До сих пор замечание Карамзина о явных следах татарщины в характере русского населения, в обычаях и языке стояло одиноко, и, мало того, наука даже отвергала возможность всякого (дурного) влияния татар. Но исследования памятников истории и языка, совершённые преимущественно трудами русской Академии наук, и затем некоторыми другими учёными⁸⁹ и, кроме учёных исследований, опыт жизни и

достаточное развитие самопознания успели уже бросить свет на элементы, вошедшие в состав московской жизни. Стоит проследить день за днём возникновение и историческое развитие народных учреждений, как мы пытаемся сделать это на кабаке, и тогда откроется, что татарщина сказалась у нас не в одном лишь случайном и лёгком заимствовании некоторых татарских слов, но и в заимствовании некоторой доли самой татарщины; что эти заимствованные слова были полным выражением того зверства диких татарских орд, которым сменилась правда, выработанная народом. Татарщина откроется, когда история расскажет нам смену древней русской одежды на ту татарскую, которая покрывала наших предков с головы до ног: башмак, азым, армяк, зипун, чедыги, кафтан, учкур, шлык, башлык, колпак, клобук, тафья, темляк и так далее; когда увидим, как «правда по закону святу» вытесняется битьём и ругательствами, унаследованными от татар и живущими доселе в словах нам уже близких и родных: дурак, кулак, кулачное право, кандалы (кайданы), кат (палач), катувать, катать, бузовать, башка, карга и так далее; когда узнаем, как в русские обычаи входят: казна, казначей, караул, сундук, сарай, ям (откуда *ямщик*), харч (откуда *харчевня*); обращение права в правёж, заимствованный от татар; установление тархан, ярлыков, чинов, чиновников,⁹⁰ тамги (откуда *таможня*), и наконец кабака, сменившего корчму. Шевырёв⁹¹ нашёл, что от той же татарщины произошла даже известная господская игра, называемая *ералаш*.

Ошибкой было бы, если бы мы всё влияние монгольского востока ограничили одним лишь временем татарского ига. Влияние это началось в незапамятной старине и продолжалось в течение всего периода жёсткой борьбы русского племени с дикими ордами, напиравшими с востока. В это время вошли в русскую жизнь кнут — орудие казни, и *ура*, что у монголов значит — *бей, колоти*, а у нас возглас народной радости. Затем наступило татарское иго. Не будем распространяться о насилиях и жестокостях татар, на которые плакался Серапион,⁹² и о которых дошли до нас и предания и свидетельства памятников. В летописи под 1262 годом записано:

«Въ лѣто 6770 бысть вѣче на бесермены по всѣмъ градомъ русскимъ, и побиша татаръ вездѣ, не терпяще насилия отъ нихъ, занеже умножишася татаровъ во всѣхъ градѣхъ русскихъ, ясащики живуще не выходя. Тогда жь и Зосиму убиша злаго преступника въ Ярославль; а на Устюжѣ городъ тогда былъ ясащикъ Буга богатырь, и взялъ у нѣкоего крестьянина дочь дѣвицу насиліемъ за ясакъ на постелю».

Новые волны насилия и жестокостей нахлынули на русскую землю в XVI веке с нашествием казанских, астраханских (Естер-хан) и сибирских царей, цариц и царевен, князей, князьков и царевичей, которые, предложив свою услугу Московскому царству и поженившись на русских боярынях, сделались сберегателями русской земли, получили во владение города (Касимов, Звенигород, Каширу, Серпухов, Хотунь, Юрьев), множество сёл и деревень, и один из них, Семион Бекбулатович, был даже великим князем «всѣя Руси», а другой, Годунов, царевницей и царём.⁹³ Некрещённые мурзы безнаказанно владели крестьянами, и только два века спустя после так называемого освобождения от татар в 1682 году их заставили креститься. Перед татарщиной отступал даже обычай церкви. Бояре, приходя в церковь, стояли в татарских тафьях, и собор 1551 года по поводу вошедших в жизнь «преданий проклятого и безбожного Махмета» указывал, что «священныя правила возбраняють и не повелѣвають православнымъ поганскихъ обычаевъ вводить». Ясные следы злого татарского влияния проявились особенно тотчас же после взятия Казани: «И то приде грѣхъ ради нашихъ Богъ милосердіе свое показалъ надъ Казанью, а в насъ явились гордые слова и учили мудры быть». В это время появился и *кабак* — место для продажи *водки*.

С XVI века на Руси делается известною водка, открытая арабами: арабские *al-kohol*, *araky*; турецкое *raky* — водка; болгарское — *ракия*; русское — *арак*. Рагез, родившийся в 860 году и бывший потом врачом большого госпиталя в Багдаде, первый указал способ приготовления алкоголя из очищенного от негашёной извести винного спирта. В XIII веке водка является в Европе и до XVI века употребляется

как лекарство или эссенция и продаётся по аптекам. В 1330 году она известна в южной Германии, в 1460 году в Швеции, в конце XIV века (1398) от генуэзцев, торговавших с Переяславом и Ромном, переходит в южную Русь, и затем в первой половине XVI века распространяется по всему северо-востоку.⁹⁴ Воротившись из-под Казани, Иван IV запретил в Москве продавать водку, позволив пить её одним лишь опричникам, и для их попок построил на Балчуге⁹⁵ особый дом, называемый по-татарски кабаком. У татар кабаком назывался постоянный двор, где продавались кушанья и напитки.⁹⁶ В 1545 году царское войско сожгло в Казани ханские кабаки, которые в летописи названы царскими: «И кабаки царевы пожгли». В самой Казани, во время взятия её Грозным, стояли Кабацкие врата, находившиеся близ нынешней Засыпкиной улицы. Кабак, заведённый на Балчуге, любился царю, и из Москвы начали предписывать наместникам областей прекращать везде торговлю питьями, то есть корчму, корчемство, и заводить царёвы кабаки, то есть места продажи напитков, казённой или откупной.

С появлением кабаков явился и откуп. Пример откупной системы мог быть заимствован из Византии, где издавна императоры отдавали напитки на откуп, или от татар. В Крыму при Шахан-Гирее⁹⁷ мы встречаем, странным образом, русского откупщика из Калуги — Хохлова! Первые следы откупа мы находим ещё в 1240 году в Галицкой области, когда боярин Доброслав, овладев Понизьем, отдал Коломыю на откуп «двум беззаконникам от племени смердя». ⁹⁸ Откуп знала и Москва. В то время, как московский царь в Новгороде «вѣчо сказиль», то наместники его секли народ, грабили дома или брали откуп. И вот стали писать по городам, чтоб заводили кабаки. В книге сошного письма под 1579 годом сказано: «Въ Усольи на посадѣ держати намѣстнику кабакъ, а на кабакъ — вино, медь и пиво». — «А въ Чердынѣ на посадѣ держать намѣстнику кабакъ, а на кабакъ держать на продажу вино, медь и пиво». Мы знаем, что у греков и римлян, у германцев и даже у татар — везде питейные дома были в то же время и съестными домами. Такова была и древнеславянская

корчма, где народ кормился. Теперь на Руси возникают дома, где можно только пить, а есть нельзя. Чудовищное появление таких *питейных домов* отзывается на всей последующей истории народа.

Глава VI

Новый характер питейного дела в отношении к духовенству, к боярам, к народу

В татарском кабаке, как в постоялом дворе, можно было есть и пить; в московском кабаке велено только пить, и пить одному народу, то есть крестьянам, посадским, ибо им одним запрещено было готовить домашние питья. Все же остальные люди пили напитки у себя дома и, кроме того, имели право владеть кабаками. Кроме царя, кабаками владели духовенство и бояре.

Западные монастыри, заводя общины и возделывая громадные пространства пустых земель, проводили в жизнь знание и цивилизацию. Культура винограда, получившая впоследствии громадное экономическое и социальное значение, обязана своим существованием монахам. Таким образом, западный монастырь призывал к труду целые массы народа, и примером монаха проводились в жизнь полезные знания и образование. Русские монастыри также владели землями.

Начиная с XI века, русские церкви и монастыри получали от князей и бояр грады, сёла, деревни, земли, борти, в которых они, руководствуясь номоканонами,⁹⁹ устанавливают подати и оброки. Во время татарского ига и потом при московских царях число монастырей и богатство их увеличились необычайно. К концу XVII века насчитывалось до тысячи монастырей, а число душ, которыми владели они, простиралось до миллиона. Одна Троицкая лавра в 1744 году имела до ста тысяч крестьян.

Подобно князьям, монастыри сначала собирали различные медовые дани. В пользу киевской Софийской митрополичьей вотчины по записи 1415 года шла дань мёдом, которая с разных людей определялась так: 2 колоды мёда, 9 мер мёду, 4 ведра мёду, 2 караймона мёду, ведро мёду, караймон мёду, ручку мёду, постолопщина, с Подолешенской земли под Полозом 3 ведра мёду «а ночь пити», 2 лукне пятипядных, а третье чотырьпядное, 3 ручки меду. В юго-западной Руси, богатой мёдом, князья и бояре обыкновенно приносили в дар церкви медовую дань. В 1463 году княгиня Иулиания Мстиславская жалует Троицкому собору из своих доходов с имения 13 кадей мёду, 8 бочек хмелю, и при этом накадные гроши. В 1480 году князь Юрий Семёнович Гольшанский подтверждает грамоту *своего деда* на дачу киевскому Печерскому монастырю земли с медовой данью — мера мёду и полмеры мёду. Ту же медовую дань записывает Печерскому монастырю в 1486 году Юрий Зиновьевич. Князь Константин Острожский с женою своею записали в 1520 году в пользу туровской епископской кафедры медовую дань у волости Смедынской — вёдер двенадцать. Киевскому Михайловскому Злотоверховскому монастырю по записи короля Сигизмунда 1526 года дано селище Селивановское, а с него две кади мёду, и разные другие сёла, с которых также шла медовая дань.

На северо-востоке монастыри собирали пошлину с пива и мёда, и, кроме того, с братчин, тогда как на юго-западе и неслыханно было, чтоб духовное лицо взяло что-нибудь с братства. В северо-восточных монастырях варили в обширных размерах квасы, пива и мёды, для чего были заведены *квасни* с кадиями в сотни вёдер, *квасоварные* и *пивные палаты*, и *пивные дворы*. В 1609 году во время осады Троицкой лавры литовцы зажгли пивной двор, который ещё недавно стоял против нынешних наместнических келий. Игумен монастыря, отправляясь в Москву, брал с собой из погреба «три мѣха квасу, мѣх квасу ячново с медвяннымъ смѣшень». Когда монастырские приказчики ехали с рыболовья с погонными на весну, то посылали на своз старцам «квасу медвяннаго по

ведру, да насадка квасу ячново ведръ въ семь». Когда ехал старец в погоню, то ему давали «квасу медвяннаго яндову большую 10 чашъ, мѣхъ квасу ячново, 4 мѣха квасу обышново, да ставецъ меду». Когда старцы отправлялись на ез, то им давали по 2 четверти солоду яшново, «по ставу по невеликому меду». Мѣду покупали для монастыря по 1200 пудов и больше. Особенно славились квасы монастырские, и при Михаиле Фёдоровиче в этом отношении пользовался особой известностью Сергиев монастырь возле Холмогор, куда государь посылал своих поваров для ученья квасного варения. Все монастырские нужды касательно варения напитков исправлялись крестьянами, которые и солод на квас молотили, и пива варили, и с выти по три воза дров на квасы давали, и давали деньги на вино церковное. Монастырские погреба переполнены были бочками питей. У игумна один погреб был на монастыре, а другой за городом. В наказе Гурию, посланному в 1555 году архиепископом в Казань, сказано было: «Меду и пива у себя на погребѣ не держать, — держать у себя на погребѣ квась, а вино, медъ и пиво держать за городомъ на погребѣ». В Новодевичьем монастыре, когда жила в нём царица Евдокия, в погребах хранились вино венгерское, бургонское, французское, воложское, вино воложское налитое на ликёр венгерский, и другие вина целыми бочками; водки: тимонная, анисовая и другие, куфами, в том числе одна куфа, залитая сосновым побегом, а другая ландышем; вишнёвки, пива, полпива и меды, тоже бочками; простого вина после царицы осталось 473 ведра.

Подобно государству, монастырь сбирал пошлины с питей, и «без явки» монастырскому приказчику крестьянин не смел сварить пива, или поставить мѣду, даже для праздников, свадеб и поминок. В уставной грамоте Кирилло-Белозерского монастыря 1593 года за варение пива без явки на «томъ крестьянинѣ на монастырь пени гривна безъ отдачи». В наказе суздальского Покровского монастыря 1632 года явка положена с чети пива по деньге, и с пива с пуда по деньге. Троицкий Ипацкий монастырь брал с пива явки по 7 денег, да кто в печь поставит пиво по одной деньге. Явку записы-

вали в книги, и явленное питьё позволялось пить только в известные дни. Иверский монастырь наказывал: «А который крестьянинъ явитца къ празднику сварить пива, и прикащику тѣхъ сель записывать, и велѣтъ ему держать пиво день или два, а большое у кого случится — три дня». Тихвинский монастырский собор постановил в 1666 году следующий приговор: «А у кого изъ посадскихъ людей в посадѣ у десятника, въ чьей-нибудь десятнѣ, вымутъ продажное корчемное питье, вино или пиво, или табакъ, и квась дрожжанной, мимо десятского и монастырскихъ десятскихъ служекъ, то на тѣхъ на десятскихъ, приказныхъ служкахъ, и на тѣхъ, у кого то заповѣдное питье объявится, доправить пеню, и бить ихъ плетьюми нещадно, для того, чтобъ темъ служкам на тѣхъ людей, у кого корчемное продажное питье объявится, объявлять на монастырѣ напередъ монастырской выемки тотчасъ». Троицкий Ипацкий монастырь наказывал своему старцу-приказчику, что если кто «учнет вино или квас продавать, на том пени по пяти рублей на человека, а кто беден и нечего из него взять, того бить ботогами». Иверский монастырь наказывает своему приказчику смотреть накрепко, чтоб крестьяне отнюдь в лесах винных браг не варили. Соловецкий монастырь в грамотах 1540 и 1679 годов объявляет, чтоб людей, которые будут продавать вино в Ворме и Шижме, и Сухом Наволоке, и в Слободке, нигде не пускать на подворье, а казакам и крестьянам вина у них не покупать, да и своего не курить. Если же у кого «выймут вино», то с того человека доправить пеню: на монастырь рубль, приказчику 20 алтын, а доводчику четыре гривны московские. В наказной памяти нижегородского Печерского монастыря 1658 года старцу Онуфрию сказано: «А кто станеть покупать вино и привозить домой, или кто станеть пити на кабакѣхъ, и с тѣхъ имати пени по два рубля».

Винокурение запрещено было повсеместно; братчины облагались от монастыря пошлиной и крестьяне не раз жаловались на игумена и монастырских приказчиков, «что приедут и учнут пить силою». Братчины поэтому падали, и самый обычай собирать братчины получил преступное значение. В

поучениях XV века предписывалось: «Не творить складов пировных и другим возбранять».

Монастырю, по-видимому, не прилично было заниматься сбором явочных пошлин с питья. Инок Вассиан говорил в 1551 году: «Отнюдь то есть царское небрежение и простота несказанная, а иноческая безконечная погибель, что иноком села и волости и христианы владети, и мир судити, а от них по христианом пристовом ездити, и на поруки их давати, и пьянству в иноках быти, и мирскими слезами быти сытым. Таковое дело не богоугодно, что иноком из миру, аки царским мирским приказным, збирати себе всякие царские доходы». — «По достоянию, — продолжал он, — подобает пища и питья лучшая вся мирянам, а не нам, иноком, не нам, и паки речем — не нам». Но про самого этого Вассиана монах Зиновий писал, что он, живя в Симонове, хлеба ржаного не ел и пива очистительного не пил, «яко сіе пиво монастырь отъ деревень имать, — пияше же нестяжатель сей романію, бастръ, мушкатель, ренское бѣлое вино».

Напротив, сами монастыри курили вино, торговали им, и в течение долгого времени были совершенно избавлены от всякого государственного надзора. Монахи Илантова монастыря жаловались царю в 1574 году: «какъ деи они квасъ поставятъ, то воеводскіе у нихъ выймають, и на нихъ пени емлють». Царь на это писал воеводе: «Квасъ бы в монастырѣ велѣли имъ, для ихъ нужды, про себя держати: гдѣ то слыхано, что въ монастырѣ питье выимать? А толко въ которомъ монастырѣ учнуть не про себя питье держати, для продажнаго питья, и таких не заповѣдью надобно смирать, а кнупомъ прибить, который въ монастырѣ корчму держать учнетъ».

Но обычай корчму держать в монастырях продолжался и впоследствии. В 1623 году у Спаса на Прилуках в Никольском девичьем монастыре возникло следственное дело об убийстве крестьянина Окулова. Жаловался Пятунка Окулов и говорил: «Шли де из города братья его, Пятункины, Сеня да Марко Окуловы, а как деи будит в Никольском монастыре, против кельи старицы Марфы Бутаковы, а из кельи де выскочила дочь ея, старица Олена, со многими неведомыми

людьми и брата его, Марка, убили до смерти». Олена эта ещё прежде известна была в корчемном питье, в келье-корчме вино и пиво на продажу держала, и к ней приходили разные люди. Грамота 1636 года извещала, что «в Соловецкий монастырь с берега привозят вино горячее, красное немецкое питье и мед красный, и держат это питье всякое старцы по кельям, а на погреб не ставят».

Вообще было правилом, что монахи и попы могли держать вино про себя, а не на продажу, и шёл целый ряд запрещений, чтоб монастыри не держали корчмы. Фёдор Иванович дал в 1591 году новгородскому знаменскому попу жалованную грамоту держать вино на собственный обиход. Алексей Михайлович в 1660 году писал в Новгород: «А буде монастыри учнут торговать вином, то по сыску чинить наказание». Соборы 1667 и 1669 годов приказывали на основании Священного Писания, чтоб монастыри не держали корчем. В 1681 году патриарх вследствие указа царя предписывал архиереям, митрополитам, архиепископам, чтоб они учинили крепкий наказ протопопам, священникам, диаконам и всем церковным причетникам в домах своих вина не курить, и кроме кружечных дворов вина нигде не покупать. И хотя в 1683 году царь и принуждён был разрешить монастырям выкуривать на вино «по триста четвертей въ годъ», но в следующем году право это опять было отнято, и велено было, чтоб в домовых властелинских приписных монастырях святейшего патриарха Адриана, и в Троице-Сергиевом, и в Савинском, вина отнюдь бы не курили, а покупали б его с кружечных дворов.

Куря вино, монастыри торговали им и даже с согласия царя, и под его защитой. До нас дошли известия о кабаках Макарьева монастыря, и дошли потому, что дело о них по некоторым случайным обстоятельствам было в своё время гласно. На правом берегу реки Волги стояло богатое село Лысково, и лысковцы вместе с другими соседями враждовали с Макарьевым монастырём, который стоял на противоположном берегу реки, где собиралась известная макарьевская ярмарка. Вражда эта тянулась издавна, и во время Стеньки

Разина, с которым лысковцы очень ладили, они не раз разоряли Макарьев монастырь, знаменитое «царское богомолье».¹⁰⁰ Дело шло из-за привилегий, которыми монахи пользовались на счёт лысковцев, именно из-за перевозов через Волгу.

Должно знать, что подобные споры повторялись везде, где только под монастырём текла большая река. Так, в 1565 году костромской Ипатьевский монастырь просил, чтоб запретили костромичам перевозиться где-либо в другом месте, исключая монастырского перевоза. Просьба монастыря была уважена, и городские приказчики стали ходить по площадям и кликать, чтоб жители перевозились на монастырском перевозе. О том же шли споры между Святогорским монастырём на Донце и белгородскими приказными. То же теперь было между Макарьевым монастырём и селом Лысковом.

Макарьевская ярмарка происходила на обоих берегах Волги: и на левом монастырском, и на правом лысковском. Между обоими берегами был перевоз, и монахи, чтоб лишить лысковцев выгоды, доставляемой перевозом, на правом берегу построили церковь архидиакона Стефана, а около неё — пустынь, нынешнее село Исады, и здесь устроили свой перевоз. Товары, привозимые на Макарьевскую ярмарку, приходили прежде всего в Лысково, потому переправлялись через монастырский перевоз, и платили за это пошлину. Все пошлины с перевоза и с ярмарки шли на монастырь, а воевода уж и не вступался в управление ярмаркой, предоставляя её монастырским властям. Не довольствуясь этим, монастырь завёл по обоим берегам кабаки, уставил кабаками перевоз и ярмарку, собирал с них большие деньги, а сам ничего не платил. Лысковцы завели свои кабаки, да, кроме того, стали перевозить купцов и товары на своих лодках. Отсюда возник целый ряд столкновений, которые нередко оканчивались драками и «смертнымъ убійствомъ».

Монахи пожаловались в Москву. Царь Алексей Михайлович предписывает в 1676 и 1678 годах сломать лысковские кабаки, и их ломают, но на месте сломанных тотчас же возникают новые. Идут новые жалобы в Москву. В 1676–81 годах, то есть почти в продолжение всего царствования Феодо-

ра Алексеевича, из Москвы всё пишут, что лысковские таможенные и кабацкие верные головы «великого государя указу чинятся непослушны, с таможеню, с терязями (по-татарски значит *весы*), и с кабацким питьём, и с харчевнями насильно въезжают на монастырские земли, и от того кабацкого питья, и от пьяных людей старцам на перевозе обида большая, и у кабака близ монастырской часовни скоморохи с медведи, пляски и всякие бесовские игры чинятся». Лысковцы опять не послушались и на ярмарке 1681 года начали по-прежнему торговать питьём, и, как видно из царской грамоты 1682 года, торговали даже с разрешения воеводы, взявшего за это большие поминки.

Из этой же грамоты видно, что, кроме лысковцев, на ярмарке промышляли и иных городов люди, которые сидели в шалашах¹⁰¹ и всяким промыслом и харчем торговали. Но монахи напрасно жаловались на беспорядки в лысковских кабаках, ибо голь кабацкая, собиравшаяся в монастырские кабаки, и доставлявшая этим монастырю большие выгоды, гуляла нисколько не скромнее. Обстоятельство это открылось из того, что во время ярмарки наехал воевода, стал ловить голь кабацкую, состоявшую преимущественно из беглых холопов, и этим лишал монастырские кабаки питухов. Монахи посылают в Москву новую жалобу (1682), что во время ярмарки присылают бояре, и воеводы, и окольные, и думные дворяне, и стольники, и сыщики, и приказные люди городничих и сотников со стрельцами, и подьячих, и приставов с наказными памятьми, для поимки беглых, и от «тех присыльщиков на ярмонке бывает многое смятение, и торговым людям в торгу помеха, и великая обида и убытки, а ярморочному де их таможенному пошлинному сбору бывает великое оскудение». По жалобе монахов на ярмарку приезжает дворянин Мостинин, и приказывает лысковцам сойти с берега с продажным питьём, но лысковцы с питьём не сошли, а «учали» бить в барабан и послали в село за народом. Собрался народ с бердышами и топорами, с дубьём, ослонами и саблями, начали браниться неподобною бранию, осадили монастырское село Крестцы (теперь беднейший го-

род Макарьев), ворвались в него и перебили монастырскую братию. Должно думать, что этим споры не кончились, потому что при царях Иване и Петре Алексеевичах, и при Петре I были указы, чтоб воеводы не посылали на ярмарку стрельцов и сами б не ездили.

Точно такие же раздоры из-за питейной прибыли происходили в 1639 году под Пудожским монастырём, под Ипатьевским на Костроме, и в кабацких шатрах близ Хутынь монастыря. С наступлением XVIII века все эти споры должны были прекратиться. В 1700 году велено было на торжках, которые в архиерейских, монастырских и помещичьих имениях на откуп или на оброках, и владельцы их пошлины собирают на себя, — с тех торжков пошлину и питейную прибыль собирать в казну выборным бурмистрам. В 1705 и 1740 годах ещё раз запрещали, чтоб монастыри не курили вина, а в 1732 году у Макарья и в селе Лыскове питейные сборы отданы были на откуп на 4 года купцам Расторгуевым с компанией с платежом трёх сложных окладов по 329 $\frac{1}{4}$ руб. по 18 и по пятой осьмой доли копейки в год.

Но осталось свидетельство, что духовенство даже в начале текущего столетия ходатайствовало о праве держать кабаки. В 1819 году в Государственном совете рассматривалось представление министра духовных дел и народного просвещения о правах людей духовного звания на кабаки, и было заключено: «Так как 9-м правилом шестого Вселенского собора возбранено церковным причетникам иметь корчемницы и в них действовать, то из сего следует, что и всякому высшего чина духовному человеку, хотя бы он был и дворянского происхождения, ещё менее прилично заниматься продажей вина и винокурением. Но дабы не лишить духовных из дворян принадлежащего им *по происхождению права* на владение недвижимыми имениями, предоставить таковым духовным отдавать питейные их дома и винокурни на откуп или в аренду».¹⁰² Вышедший поэтому указ озаглавлен был так: «Духовным из дворян, то есть церковным причетникам, иметь корчемницы и в них действовать (продавать вино), и всякаго высшего чину духовному человеку, хотя бы он был и дворянского происхож-

дения, возбранено, а предоставлено им отдавать питейные их дома и винокурни на откуп, или в аренду».

Кроме того, что духовенство курило вино и торговало им, был ещё обычай жаловать его выдачею казённого вина и возможными льготами при покупке его. Царица и царевны жаловали «греченомъ и греческимъ властѣмъ», патриарху и остальному духовенству разных родов пития: одним жаловали подённо, другим понедельно, а третьим помесечно. «Попов и диаконов, и служебников, и иных, — говорит Котошихин, — кормят на царском дворе не по один день, а иным есть и пить дают в дома». Это было заведено и по городам. В 1681 году велено было выдавать сибирскому архиепископу Киприану для его домашнего обихода ежегодно сто ведёр вина из верхотурского кабака. В Тобольске, и на Верхотурье, и во всех сибирских городах на господские праздники до 1687 года архиепископам и протопопам выдавалось известное число чарок вина. В 1699 году велено было в Астрахани питьё служилым людям на праздники, на государские ангелы, и подённое питьё духовным особам, и присланным мурзам отпускать, как в Москве и иных городах, сообразно с прошлыми годами, но по листам из приказных палат. В 1744 году дозволено было Троице-Сергиевой лавре «для обительнаго содержания» вывозить из Малороссии ежегодно до 3000 вёдер вина беспошлинно. Впоследствии монастырям, кроме курения вина, было запрещено и варить пива, но последнее опять было разрешено. Мнением Государственного совета 6 ноября 1866 года положено: «Вареніе пива, меда и браги въ корчагахъ и котлахъ исключительно для монастырскихъ нуждъ дозволяется производить безъ акциза всѣмъ монастырямъ».

Другим полновластным собственником кабака был боярин, кормившийся около царя. В числе разного рода кормлений упоминалось и «бражное». Вообще курение вина ставилось в число дохода, идущего с земли, и земли отдавались с платою деньгами и вином. Боярское право курить вино имело свои ранги. Дети боярские знатные имели право курить вино, а незнатные этого права не имели. Хованский, назначенный

воеводой в Новгород, возвращённый по Столбовскому миру 1617 года, получил наказ, чтобы дети боярские, «которым питье держать непригоже, те бы никак его не держали, а которым дворянам, детям боярским, приказным людям, гостям лучшим и торговым людям пригоже питье держать, те бы питье держали про себя, а не на продажу». Дети дворянские также имели право курить вино и держать его про себя. Указами 1681 и 1705 годов дозволено было помещикам и вотчинникам всяких чинов людям курить вино про себя, на своих поварнях или у себя на дворах, сколько кому на свои домовые расходы понадобится, но только не курить на дворах у крестьян и бобылей,¹⁰³ и кубов и котлов им не давать, а за своими людьми смотреть накрепко, чтобы от них на городских винокурнях вино не продавалось и не покупалось.

Обыкновенно делалось так, что всякий боярин XVII века, отправляясь из своей отчины в Москву, курил себе в запас вино, или, когда этот боярин занимал высокое место, то даром брал вино из кабака, и, приехав в Москву, казённого вина не покупал, а пил своё. Поэтому указ о продаже питей 1681 года велит дворянам и детям боярским, которые привозят с собою в Москву вино, и становятся в слободах на постоянных дворах, им то вино, против прежнего, являть и записывать в Приказе большой казны, и иметь на то вино подписные челобитные за дьячими пометами. В 1695 году ямщикам Ямского приказа учинён заказ, чтоб они дворян и детей боярских и всяких чинов людей на дворы к себе с неявленным питьём не пускали, а для надзора за ними выбрали бы старост и десятских.

Куря вино, бояре ставили свои кабаки или получали их и кормление, ибо с лёгкой руки Ивана IV, подарившего опричникам кабак на Балчуге, вошло в обычай жаловать бояр тамгою и кабаком. Жаловали, как мы увидим, одинаково русских, немцев и татар. И, несмотря на все появлявшиеся потом запрещения не иметь кабаков, помещики до самого XV-III века продолжали ставить кабаки. «Помещики, — пишет Посошков, — не только сбору казны не помогают, но ещё препятствие чинят: в коих пристойных местах его импера-

торского величества указу повелено кабаки пристроить, и где уж построены были, помещики разорили, и сборы остановили. Построили в Болонском погосте питейную стойку, но явился приказный человек помещика Василия Дмитриевича Корчмина, выгнал целовальника, и стал в погребе продавать своё питьё. И такое препятствие, — продолжает добродушный Посошков, — чинится в мелких помещиках, а о сильных лицах и спрашивать нечего. И в больших своих вотчинах построены у них свои кабаки, и называют их кваснями, а под именем квасни продают явно пиво, а вино потаённо». С 1732 года право винокурения предоставляется одним помещикам и винным поставщикам. В 1744 году помещикам и вотчинникам, как для домашнего употребления, так и для отдачи на кабаки, позволяют курить вино в незаклеймённой посуде, платя с выкуренного вина определённую пошлину. Права эти подтверждались неоднократно. В 1751 году, подтвердив о праве курить вино в незаклеймённых кубах и казанах, запрещали торговать вином, как помещикам, так и не имеющим деревень, хотя б они и офицерские ранги имели, и священно- и церковнослужителям. В 1759 году дворянам предоставляли исключительное право курить вино. Купеческие винокуренные заводы велено уничтожить. Придворным гражданским чинам и помещикам, не имеющим рангов, дозволено курить по домам известную пропорцию вина, равно как и смоленскому шляхетству, и придворным особам женского пола. В Уставе о винокурении 1765 года было определено ясно и окончательно: «Вино курить дозволяется всём дворянамъ, а прочимъ никому».

Городские жители также пользовались некоторой свободой в потреблении питей. Гостям и торговым людям давались государевы жалованные грамоты, чтобы питья у них не вынимать. Случалось, что торговые люди какой-нибудь области получали грамоту на свободное курение вина. Шуйский счёл за нужное дать пермякам, лучшим торговым людям, грамоту на свободное курение вина. Иногда торговым людям дозволялось беспенно и безъявочно держать у себя вино, пиво и мёд. В 1677 году московские торговые люди,

тяглецы Семёновской слободы, Фёдор и Филипп Мокеевы, получили подобную привилегию «за присовокупление к Семёновской слободе 27 тяглецов». В 1688 году дворцовым служителям позволено держать у себя питья «безпенно и безвыемочно». Из всего остального народа только некоторым позволялось варить пиво и мёд, и то «смотря по людям». В Пермской уставной грамоте 1553 года говорится: «Да пермичи жь посадские люди мнѣ били челомъ о томъ, чтобъ мнѣ ихъ пожаловати освободити къ которому празднику помолитись, или родителей помянути канунъ dospѣти пивца сварити, или медку разсытити, и азъ царь и великій князь пермичь посадскихъ людей пожаловалъ: велѣлъ есми кануны обѣтныи и родительские держати по старинѣ, а коли пермичину которому человекѣку лучится къ которому празднику, или по родителехъ канунъ dospѣть и медъ разсытитъ, и они намѣстнику явятъ, а намѣстники наши пермичемъ кануны чинить ослобожаютъ, и явки намѣстникъ возьмётъ съ пива съ сопца, и съ меду съ сопца по 4 деньги». В 1608 году по указу Василия Шуйского позволено безвыемочно питьё держать «нѣкоторымъ посадскимъ торговымъ людямъ, по государевѣ грамотѣ», — у всех же другихъ питья выимать, отряжая для этого пушкарей и ходоков. Грамотой 1653 года посадскимъ людямъ позволялось к празднику пиво и брагу варить, «платя явку с пуда меду и с чети пива по алтыну, а с браги пьяныя с чети по четыре деньги, а кто сварит тайно, у того брать заповедь по два рубля по четыре алтына по полторы деньги с человека».

Глава VII

Управление кабаками. Кабацкие головы, целовальники, откупщики

Когда жизнь шла ещё по-старому, когда народ для того, чтобъ «помянуть родителей», или «канунъ dospѣти», спокой-

но выкуривал себе известное количество вина и варил меды и пьяные браги, — вдруг в городе, или в селе появлялся царёв кабак, поставленный наместником. Запретили курить вино и сказали, чтоб «средним и молодчим людям пива варить и меду ставить отнюдь никому не давать, а вина горячаго и лутчим людям курить не давать». Вино велено было покупать на кабаке. Сначала народ и духовенство просили снести кабаки, потому что «подле государева кабака жить не мочно», и кабаки сносили; но потом уже никто не просил и рядом с кабаками для вина, пива и мёду заводились квасные кабаки: в 1628 году во Пскове, в 1673 году в Астрахани и так далее, пока, наконец, в 1705 году везде отданы были на откуп сусленые, квасные и уксусные промыслы. До 1655 года в Калуге квас и сусло были на откупу у Тиличейки Карева, но в этом году по указу из Владимирской четверти велено посадским и всяким жительским людям квас и сусло на продажу держать.

Крестьянину, таким образом, было запрещено всё, кроме царёва кабака, который крестьяне же должны были «ставить на свои деньги». Ставя чужие кабаки и не имея возможности приготовить свои питыи, они в то же время курили вино и варили пиво, и для царя, и для монастыря, и для помещика, да ещё собирали на царя кабацкую прибыль, ибо питейное управление было повинностью. И вот крестьяне пишут к своему помещику и плачутся: «Государю Федору Ивановичу бьютъ челомъ и плачутся бѣдныи и беспомощныи сироты твои, вотчины твоей костромской, села Есипова и изъ деревень, не имянами, всѣми своими головами, милости у тебя, государя, просимъ объ винномъ сидѣньѣ. По указу твоему, государь, насъ, сиротъ, приказной человѣкъ и староста въ винномъ сидѣньѣ сутки держали, в сѣновнѣ и на привескѣ (пытке) были, а намъ, сиротамъ, вина сидѣть нечѣмъ, а питьѣсть стало нечево».

Высший надзор за продажей вина в кабаках поручен сначала был царским наместникам, а потом находился в ведении приказов, управляющих областями, упоминаемых с 1512 года. В Москве и в причислявшихся к ней городам

для этого существовало особое учреждение — Новая четь, или четверть, известная с 1597 года, и по указу 1678 года переименованная в Приказ новой четверти. При Алексее Михайловиче всё это управление, разбросанное по отдельным ведомствам, стягивается в Приказе большого дворца и в Приказе большой казны.

Вино приготавливалось казною на винокурнях, находившихся при кабаках, или поставлялось в кабаки от подрядчиков — торговых людей и помещиков, или шло от откупщика, взявшего на откуп кабак, и поэтому в одних кабаках продавали вино *верные целовальники*, а в других — *откупщики*. В указах, посылаемых в конце года об отдаче кабачных сборов на следующий год, предоставлялась полная власть отдать кабаки «на веру» или «на откуп», а потому, смотря по обстоятельствам, то одна форма управления действовала, то другая. Заводя кабаки, отдавали их земству и поручали продавать вино целовальникам, избранным *на вере*.¹⁰⁴ В Новгороде целовальниками назывались присяжные — люди, которые пользовались всеобщим уважением; но когда это звание перешло в Москву, когда целовальник стал присягать для продажи царского вина, когда к слову *целовальник* прибавилось *кабашный*, народ тотчас же заклеил это имя тем презренным значением, с каким оно дошло до нашего времени. В кабацкие выборные никто не шёл, в откупщики мог пойти любой из московских жителей, но откупщики хоть и выгодны были для казны, но ненавистны народу, и поэтому московское правительство до самого конца XVII века старалось освободить питейное дело от откупщиков и сосредоточить его в руках выборных людей. Уложением 1649 года кабаки отданы на откуп; в 1651 году откупа уничтожены и везде введена казённая продажа; в 1663 году решили, чтобы кабакам быть на откупу и на вере; в 1619 году патриарх на соборе восставал против откупов в подмосковных селах; в 1681 году подгородные откупные кабаки уничтожаются и вводится продажа на вере; в 1681 году откупа окончательно уничтожены. Но к началу XVIII века выборное начало, которым держалась ещё Древняя Русь, совершенно ослабло,

откупа возникли с новой силой и с тех пор развивались спокойно вплоть до нашего времени.

Люди, выбранные для торговли в кабаках на вере и называвшиеся поэтому верными людьми, были головы и целовальники. Сначала они избирались из местных жителей, а в Москве — из торговых людей, составлявших гостиные и суконные сотни и слободы; от выбора освобождались только те, которые жили на монастырских землях по тарханским грамотам. По закону они должны были избираться по очереди, но скоро всякая очередь была нарушена, и хотя целовальников выбирали ещё из местных жителей, но головы для большей верности посылались из Москвы, вообще со стороны. Так как в государстве не было ещё резко отдельных сословий, то головы бывали из боярских детей и выбирались всяких чинов людьми. В дворцовых сёлах и чёрных волостях¹⁰⁵ головы вместе с целовальниками выбирались из местных жителей; но господские крестьяне этого права были лишены: целовальников к ним присылали из городов. Вообще старались всеми силами удалить крестьян от продажи питей. По Уложению 1649 года пашенным людям в Москве и в городах, «буде у них объявятся погребя с иностранными винами, велено их продавать государевым тяглым людям, и, кроме их, никому погребов не держать». В сёлах же и деревнях крестьянам, которые «наперед сего в посадских не бывали, впредь в погребях не сидеть, и кабаков не откупать под страхом смертной казни». Исключение, как увидим, делалось крестьянам, находившимся во владении Воротынских, Ромодановских, Собакиных. Здесь случалось, что крестьяне откупали кабак всем миром, и он писался «за всеми крестьяны».

Было общим правилом — выбирать в головы людей первых статей, богатых, и, если можно, грамотных; в целовальники же — людей вторых статей, молодых, средних и мелких. Но обыкновенно делалось так, что воевода да богатые люди, которые, опираясь на московских дьяков, всё больше и больше забирали в свои руки общественные дела, «собрався одни», по недружбе на мелких людей писали их без очереди в службу. Как и было в 1665 году во Пскове, когда мелкие

люди вынуждены были жаловаться на богатых. Так делалось в течение всего XVII века и в начале XVIII, когда старинное выборное начало не было ещё уничтожено. Посошков в книге своей «О скудости и богатстве» (1724) писал: «Выбирають въ цѣловальники самыхъ бѣдняковъ, то какъ ему правду дѣлать, что если ему не украсть, то и хлѣба ему добыть негдѣ». Головы и целовальники — это были как будто закрепощённые кабацкие служители. Оторвут его от дома, посадят в кабак собирать питейную прибыль, а чём ему питаться — того не спрашивают. Посошков — человек, хорошо знакомый с питейным делом, предлагал выдавать выборным не только годовое жалованье, но ещё со всякого рубля по гривне. Но Москва XVI–XVII веков ничего знать не хотела, кроме государственной службы, а потому одни бежали от выборов, чтоб не разориться, а другие, которым терять было нечего, а напротив представлялась возможность нажиться, шли в кабак и разоряли народ, и таким образом день от дня, год от году, всё более и более складывался и крепнул в Москве тип кабацкого целовальника.

Народ, как мы сказали, всеми силами старался отделаться от выбора в кабацкие должности. Получали в городе царский указ о выборах, и лучшие люди отписывали в Москву, что им не из кого выбирать голов и целовальников, ибо одни отличились на промыслы, другие заняты делами, а выбирать им из других городов, как велит государь, опасно, потому что тех людей они не знают. На это им обыкновенно отвечали: как хотите, а выбирайте, но отнюдь не смейте, по стачке семьями, очередными службами от выборов отбиваться; а буде явится остановка какая-нибудь, или выберете дурных людей, или учините какой-нибудь убыток, то быть вам в опале и во всяком разореньи.

Но вот выборы сделаны и выборные едут на место, где они должны на свой счёт поставить или устроить кабак, — а кабаки вечно стояли развалившиеся, — затем на свой счёт заподрядить вино и так далее. В 1619 году усольцы выбрали к Соли Вычегодской в головы кружечных дворов Мишку Леонтьева, и велено ему было заводить на кружечных дворах

вино и пиво, а денег ему не дали. Хотел он подрядить для этого посадских людей на Устюге Великом, но воевода без царской грамоты курить вина не позволяет. Делать нечего, берёт он на Устюге с государева двора пятьсот вёдер в долг и, не зная чем расплатиться, плачется в Москву. «Выбрали меня, пашенного крестьянина, неграмотного, и непромышленного, и неторгового, и животом я, сирота твой, неприжиточен, и преж сего ни у какого твоего, великого государя, дела не бывал, и кружечных дворов дела не ведаю, а в целовальники выбраны люди молодые и недостаточные, денег нет, а вина за скудостью не пьют». Из Москвы ему ответили; велели дать ему на завод двести рублей, а устюжанам посадским людям позволили подрядиться на винное куренье.

В 1640 году вся Шуя выгорела, а между тем к шуянам прислана грамота выбрать из посадских людей на Углич верного голову к таможенному и кабацкому сбору. Шуянам выбрать некого; погорели все, и разбрелися розно скитаться по миру. И они пишут в Москву: «Не вели, государь, у нас, сирот своих, на Угльч верного голову имати, чтоб нам бедным погорелым сиротам твоим государевым, в твоих государевых во всяких доходах, от такого разоренья не стоять на правеже с голоду и стужи, и достальным не погибнути и розно не разбрестися».

В 1659 году в Суздальском уезде в Ивановской слободе сидят на кружечном дворе у вина и пива в головах и целовальниках шуяне, посадские люди, сидят без перемены пять лет, и обиду и наготу всякую терпят, от частых служб обедняли и задолжали. Переносят этот кружечный двор в Ерополченскую волость, и снова приходит к шуянам грамота, чтоб они к этому кабаку выбрали голов и целовальников. Шуяне бьют челом царю избавить их от этого кабака. «У нас-де, — пишут они, — народ малолюдной, а люди скудные и должные, и от пожарого разоренья многие не построились; а тот-де новостройной кружечной двор от нас верст за сто. И великому государю пожаловать бы, от того новостроенного кружечного двора их отставить, а вместо их сбирати прибыльные деньги суздальским посадским людям». Просьбу

их удовлетворили. В 1666 году послана суздальцам грамота, чтоб бирючи кликали по многим торговым дням, не захотят ли посадские люди и крестьяне держать за собою кружечные двory «в откупех», и такие люди, взяв добрые поручные записи, записывались бы в съезжей избе и ехали к Москве. «А буде никто не похочет взять кабаки в откуп», то велят земскому старосте и всем посадским людям выбрать в головы тотчас самого «лучшего и пожиточного и правдивого человѣка», которого бы на такое великого государя дело стало; также выбрать «в ларешные и рядовые целовальники к такому делу знающих людей, которые б великого государя казну собрали с немалою прибылью. И буде выборные против откупа чего не доберут, и те недоборные деньги велеть управить на них выборных».

Вступая в управление кабаком, выборные опутывались целой системой обязательств и надзора. С выборных брали записи за подписью избирателей и отцов духовных. Потом они давали присягу и целовали крест, обязываясь собрать не только положенный кабацкий доход, но ещё непременно с прибылью. Мы уже говорили, что это были за люди, которые шли сидеть по кабакам, и потому понятно, что присяга на кресте была лишь формой, и, присягнув, выборные начинали грабить и казну и народ. В Москве догадались об этом.

В 1679 году патриарх на соборе говорил, чтобы на Москве и в городах, на кружечных дворах, быть головам и целовальникам за выбором мирских людей, а к вере их не приводить, «чтобы клятвы и душевредства не было»; если же окажутся недоборы, то их взыскивать с имущества выборных и тех, которые их выбирали, чтоб им впредь неповадно было таких непристойных людей выбирать. При этом было предложено установить высокую пеню. Бояре на это возражали, что и за верою у голов и целовальников было воровство многое, а без подкрепления веры (присяги) опасно: воровство будет больше прежнего. Решено было, чтоб выборных к присяге более не приводить, а недоборы и убытки взыскивать с избирателей. Бояре хорошо знали купцов и мужиков, торговавших по кабакам. Два года не было присяги, и объявилось многое во-

ровство, и питейной казне кража, и во многих городах большие недоборы. Другой причиной этому выставляли то, что в подгородных кабаках откупщики продавали вино гораздо дешевле. В 1681 году снова была восстановлена присяга, но с условием, что если впредь на кружечных дворах будет сборов меньше прежнего, а за верными целовальниками не будет никакого порока, то недоборов с них не править, потому что они выбраны за крестным целованием. Но всё шло по-старому, и недоборы взыскивались по-прежнему.

Выборные и откупщики, вступая в должность, принимали от своих предшественников по описи все кабацкие запасы — посуду, питьё, винокурню, кабак, — и за всё это платили по оценке земских людей. Откупщики иногда не хотели сдавать кабака и тянули дело, несмотря на все предписания из Москвы, несмотря даже на то, что новый голова начинал об этом дело. Но не лучше откупщиков были и верные головы. В 1622 году угличанин Пашин, вздумал ли он нажиться от своего города, или выместить над посадскими людьми свои старые счёты, только он вызвался перед Михаилом Фёдоровичем и перед отцом его, Филаретом, что он может в Угличе «надъ откупщиками, надъ москвичи», учинить прибыль и собрать таможенной и кабацкой казны 1300 рублей. Царь согласился и послал угличкому воеводе грамоту, чтоб посадские люди выбрали к этому сбору государеву, к таможенной и кабацкой казне в целовальники, к Ивану Пашину в товарищи известное число человек. Приехав в город, Пашин стал грозить: «Чего деи не наберу, сидя городом, и я деи напишу тое недоборную казну на посадских людей, на тех деи, которые по государеве грамоте даны мне в товарищи». Видно, что он «сидѣль городомъ» хорошо, ибо на следующий год угличане жаловались царю, что он «въ досталь разориль ихъ».

В 1673 году жалуется новгородский посадский человек Солодовников на кружечного голову Тихонова и на ларёчного Клукина с целовальниками в том, что по указу великого государя прислана была память к голове и велено им принять у него, Степана, подрядного вина на кружечном дворе тысячу вёдер. И голова с целовальниками приняли вино

сполна и с наливочными кружками, но в приёмном вине расписки не дают, а им «волотчат и убытчат» многое время, и за «тое их распискою» ему, Степану, из приказной палаты за то вино денег не выдают, а ему от этого «проторы и убытки» большие чинятся: «А того де вина они приняли по счету мерников двадцать три, да он же, Тихонов, имал своим самовольством у всякого мерника вина по ведру и по полтора, да у того ж мерника у его, Степана, были воском края навощены, чёго предь сего не бывало».

Всякий расход кабацких сумм производился не иначе, как с разрешения воевод и по царским грамотам, причём всегда делалась оговорка: держать денег на расход вполовину против прежнего и даже меньше, «чтоб государевой казне порухи не было». Разрешая расход на заготовление питей, приказывали произвести его по самым выгодным и дешёвым ценам «с великим сбережением для казны». О подряде на поставку вина выборные могли уговариваться с людьми всяких чинов; «а в которые кружечные двory вино ставить никто не похочет», то они должны были подряжать уговорщиков в других городах с условием, как говорит грамота 1682 года, чтоб ценою дешевле и не выше московских цен. Когда же случалось, что подряд отдан был за высшую цену, то посылались новые грамоты «разыскивать про то накрепко».

При сборе и хранении кабацких сумм были приняты всевозможные предосторожности. Было сказано «великое подтверждение подь смертною казнию», чтоб головы на кружечном дворе питейную прибыль собирали мелкими деньгами. Деньги должно было класть в ящики, а мимо ящиков в мошны, и карманы, и под блюда, и под ставцы, и никуда не клали б, «и въ питье не метали бь», а ящики печатать голове своею печатью, а вынимать деньги понедельно или помесечно, и писать в книги. Для пущего наблюдения за денежной прибылью и для записки прихода и расхода сумм велено было на кружечных дворах у денежных сборов быть подьячим, выбранным миром; но потом оказалось, что на кружечных дворах сидят подьячие без мирских выборов, по воеводским подписным челобитным «и по накупомь», чинят людям на-

логи, и теснения, «и уѣзды пустѣют». Толпы кабацких подьячих записывали в книги каждую мелочь. Записывали кому продано полведра, или четверть ведра, или даже кружка, а потому при большом кабаке было нечто вроде канцелярии, помогавшей головам и целовальникам опустошать уезды. Собранные по кабакам деньги отвозились в Москву ежемесячно или раз в год, как пригоже; но с 1660 года велено было во всех городах, подчинённых Приказу большого прихода, высылать в Москву кабацкие сборы один раз в год к первому сентября, для того, как наивно признаётся грамота, чтоб выборных и целовальников не подвергнуть лишний раз «въ московской волокитѣ и проѣсти». С 1668 года велено было высылать кружечные сборы два раза в год, в феврале и августе, а самих кабацких голов «для счёту» высылать в Москву после Семёнова дня вскоре. Всякий кабацкий голова был обязан двойным отчётом: и местному воеводе, и Москве. Поэтому сибирские воеводы, чтобы по дальности расстояния не подвергать голов слишком большим издержкам, посылали отчёты в Москву прямо от себя; но в 1696 году, вследствие злоупотреблений, велено было высылать к отчёту самих голов. Было объявлено, чтоб сборщиков, приезжавших в Москву, отпускать вскоре, без задержания, «чтобы имъ, волочась по приказамъ многое время, напрасныхъ убытковъ и проѣстей не было, и оттого бѣ въ убожество не впадали, и приказные бы люди съ вѣрныхъ головъ и цѣловальниковъ ничего не брали, и тѣмъ ихъ не тѣснили». Но тесноты были страшные, ибо недаром по всему царству славилась московская волокита. Один целовальник рассказывал: «Будучи у сбору на кружечном дворе, воеводам в почестъ для царского величества, и для высылки с казною к Москве, и для долговой выборки (напойные деньги с питухов), и за обеды харчем и деньгами носили не по одно время; и как к Москве приехали, дьяку в почестъ для царского величества харчем и деньгами носили не по одно время, да подьячему также носили, да молодым подьячим от письма давали же, а у отдачи денежной казны для отписки, для отпуску дьяку да подьячему харчем и деньгами носили же не по одно время; а носили в почестъ из сво-

их пожитков, да что брали с товарищей своих целовальников в подмогу, из государевых сборных денег, и носили по воле, а не от каких нападков». Выборных высылали в Москву «съ цѣлымъ причтомъ». Кабацкого голову Орлова города, внесшего сборные кабацкие деньги в Белгороде, куда воевода посылал его с провожатыми, потом велели выслать в Москву со всем причтом. «И ты б, — писали воеводе, — Орлова городка таможенного и кружечного голову, и целовальников, и дьячка таможенного и кружечного двора с сборными запасными тетрадьми, каковы даны им для записки за приписью дьяка, и с белгородскими отписями, и с росписными списки, выслать в Москву в разряд к отчету к первому числу ноября нынешняго 1676 года». Грамота писана была в октябре, а в декабре её снова подтверждали. В 1678 году орловские кружечные сборы приказано было высылать в Москву; но на следующий год опять велели высылать их в Белгород. Если б воевода не выслал в срок голову, то на нём правили пеню. В 1658 году белгородскому воеводе было объявлено, что за невысылку в Москву кабацкого головы «быть ему в опале», и кроме того на нём будет доправлено пятьдесят рублей бесповоротно. Но сами воеводы вносили ещё больше беспорядка в управление. Они делали различные налоги и притеснения, и «наровили откупщикамъ».

Псковские челобитчики в 1650 году писали царю, что воеводы на указанные сроки жалованья не выдают, нороя откупщикам, чтоб жалованье ложилось у кабацких откупщиков. В 1677 году в Перми учинился недобор, стали расспрашивать голов и целовальников, и они сказали: учинились те недоборы от воеводских налогов и приметов. В 1663 году воеводам запрещено было считать голов и целовальников, а в 1677 году головы и целовальники окончательно были изъяты из ведомства воевод и подчинены надзору земских старост.

На каждый кабацк был положен оклад, определяемый доходами предыдущих лет, откупными суммами и другими обстоятельствами. Главным и постоянным правилом при этом было то, что головы и целовальники должны были собрать кабацкие деньги с прибылью против прошлых лет. Для это-

го целовальникам было позволено действовать «бесстрашно», за прибыль ожидать его государевы милости, и «въ томъ приборѣ никакого себѣ опасенія не держать», а главное «питуховъ не отгонять». Целовальники так и поступали. «Я, государь, — доносил Михаилу Фёдоровичу в 1618 году Андрей Образцов, — никому не норовил, правил твои государевы доходы нещадно, побивал на смерть». Но если случался недобор, то казна не принимала никаких оправданий: «А о недоборах пишешь воровством, хочешь воровать — велим недобор доправить вдвое». Всякий недобор ставился в нерадение, и выборные должны были идти на правёж. Когда с выборных нечего было взять, то правёж обращался на земских людей, на избирателей, посадских и крестьян, которые обязаны были наблюдать за кабацкими выборными, и, пользуясь этим, выборные сами старались свалить на них свою вину. Попался кабацкий голова в недоборе и грозитя земским людям: «И я де напишу тое недоборную сумму на посадских людей, на тех, которые де по государеве грамоте даны мне в товарищи». Мирские люди обыкновенно предупреждались насчёт взысканий, которые их ожидали, следующим образом: «А которой голова будет уличень какою хитростию или нерадѣниемъ въ недоборѣ, а мірскіе люди того не усмотрятъ, и те недоборы доправить на нихъ, на мірскихъ людяхъ, да имъ же будетъ учинено наказаніе безо всякой пощады».

Взыскание прежде всего обращалось на людей достаточных, изможных, но они раскидывали недоборные деньги на бедных, приволакивая их к обыску и силой вынуждая от них поручные записи. В июле 1685 года средние и мелкие люди города Пскова жаловались на посадских, на прожиточных людей, на Сергея Поганина, Никиту Иевлева и Мокея Сигова, «как после году, у которого их выборного головы или у целовальника учинятся государевой казне недоборы, а те прожиточные люди бьют челом великому государю на Москве об обысках, и теми обысками те недоборы в государевых сборах отбивают, и сами государевою казною корыстуются, потому что те обыски мы, сироты, заручаем по нуж-

де, что волочат стрельцами нас, сирот, из домишек наших за батогамы, а сказывать велят в сказках, что их же братья, прожиточные люди, сказывают, и во всяких недоборах те возможные, прожиточные люди нас, бедных сирот, выдают, и ставят, и бьют на правеже ж большим боем, и мы, бедные, те недоборы платим из своих домишек и из станчишков». При недоборах, как было сказано, казна не принимала никаких оправданий, — ни того, что народ пить не хочет, ни того, что пить ему не на что, — и настоятельно требовала недоборной суммы. Народ переставал пить, и целовальники доносили царю: «Въ твоихъ, государь, царскихъ кабакахъ питуховъ мало». А царь на это им отвечал: «Вамъ бы гдѣ искать передъ прежнимъ прибыли, а вы кабаки хотите оставить, чего прежде не бывало». В 1681 году в Орлове городке перед прошлыми годами сделался недобор в восемь рублей, потому что мужикам не на что было пить: не родился хлеб, скотина померла и воры грабили. Донесли об этом в Москву. Там, без сомнения, не верят этому и приходит повеление дознать, правда ли это, и не делали ль головы и целовальники каких-либо хитростей, и допросить всех вместе и порознь всеми способами, и узнать «меж себя целовальники чем-нибудь не упрекались ли»: «И буде кто из стороны про голову и товарищей скажет, и сыщется то допряма, то этим людям дано будет царское жалование по рассмотрению, да им же того головы и целовальников будут отданы животы и промыслы». На белозерском кружечном дворе в 1677 году против 1651 года не добрано было 537 рублей 20 алтын полпята деньги, и голова Симошка объяснял: «Недобор де у них учинился против окладу 1651 года от того, что де в том году питье продавали на кружечном дворе и на многих стойках, и в уездах на праздники и на ярманки с питьем ездили и продавали, и в долг и под заклад в том году питье давали, а хлеб был дешевле»; а они в 1677 году питьё продавали на одном только кружечном дворе, и в долг и под заклад питья не давали, а белозерцы посадские люди оскудали и питухов на кружечном дворе мало было. В Москве велели сыскать про то большим повальным обыском, вникая в малейшие подробности. Но

бывали и такие случаи, что головы, пропив и прогуляв казённые деньги, отправлялись в бегство. В 1637 году чердынский воевода доносил, что таможенный голова пил, бражничал, за целовальниками не смотрел и, украв много казённых денег, бежал в Соликамск. Делался ли недобор, или голова убежал с кабацкими деньгами, или что-нибудь другое случилось в кабаке, во всяком случае производился обыск, но на обыске город, посад, село говорили в один голос, что они ничего знать не знают, ведать не ведают.

Когда же кабацкие деньги собраны были с прибылью, то воеводу за это похваляли, а голову награждали милостивым словом. В 1698 году в Сибири головы и целовальники находились в таком положении, что им приходилось или помирать с голоду, или воровать, а из Москвы им писали: «Буде явится, что перед прежними (выборными) у него, у головы и у целовальников, радение было, и прибыль не малая есть, и им на пропитание дать небольшое, как пристойно, чтоб они и иные головы и целовальники охотнее и прилежнее, без повреждения своей души, о делах великаго государя всеусердно старались и сбор кабацкий умножали». Иногда голову дарили дорогим ковшом, сукном и тафтою, смотря по прибыли и по человеку. В конце XVII века в Ярославле жил купец Кучумов, происходивший, как видно, из татар. Он был кабацким головою, в 1684 году доставил казне прибыль 1551 рублей 1 ½ деньги, и награждён за это был серебряным вызолоченным ковшом, который, переходя из рода в род, дошёл до известного богача-заводчика Ивана Кучумова, и теперь хранится у любимовского купца Нила Сторожева. На дне ковша — двуглавый орёл; на носу — женщина в хитоне, которая держит на голове козла; у ручки ковша изображены женщины во весь рост, в одежде наподобие стихаря; в правой руке они держат книгу с надписью: «Тако верую», а в левой ветвь древесную. Над нею надпись: «Сивилла Европа». Затем кругом ковша обычная надпись, что он дан такому-то и прочее. В Ярославле в приходской церкви Фёдоровской Божией Матери хранится ковш, пожалованный в 1686 году ярославскому посадскому человеку Ерёмину от государей

Ивана и Петра Алексеевичей за прибылые деньги по кружечному двору. На дне ковша высечен двуглавый орёл, на отгубе ручки вырезан пеликан, терзающий грудь свою и кормящий детей (!), а снаружи, вокруг ковша, надпись: «1686 года генваря въ 25-й день пожалованъ симъ ковшомъ посадскій человекъ Родіонъ Леонтъевъ сынъ Ереминъ за службу его и за приборъ ярославского кружечнаго двора 1686 года». В 1707 году пожалован ковш в два фунта Соликамскому посадскому человеку Андрияну Жданову, что он, будучи в Сибири якутским кабацким головою, с 12-го ноября 6026 по 1-е число 704 года учинил против прежних годов (прибыли) «у вина и у картъ, и у мены соболей 11721 рубль два алтына».

Таким образом, главная обязанность выборных, сидевших в царёвом кабаке, состояла в том, чтоб собирать питейную прибыль и явочные пошлины. Мы уже видели, что в кабаках были заведены пиво и мёд, и народу запрещено было приготавливать домашние напитки. Но если б крестьянину пришла нужда сварить пивца к празднику или к свадьбе, или к родинам, или к крестинам, словом, как выражался сам народ — помолиться, он должен был идти в съезжую избу, или к кабацкому голове и целовальникам, и платить явку, впоследствии подавать им челобитные, да те челобитные подписывать именно, на сколько дней того питья дадут, и печатать те челобитные великого государя печатью. В 1705 году в знак явки в Москве давали позволительные виды из ратуши, а в городах и уездах из земских изб на гербовой бумаге ярлыки. Явку брали в 1654 году с четверти вина московской меры по два алтына, с пуда мёду по алтыну, с пива с четверти по 4 деньги, с браги пьяной по 2 деньги. В Верхотурьи в 1697 году с четверти — по 4 деньги, с пуда мёду — по 6 денег. В Москве в 1705 году с четверти — по 10 денег, и с медовых ставок — по 10 денег. Вино курить запрещено было крестьянам без всякого исключения: безо всякой явки, безо всякой милости; но народ тайно всё-таки курил вино и в XVII веке. В 1660 году предписано было: «А будетъ крестьяне учнуть вино курить и продавать, и у тѣхъ крестьянъ съчь руки и ссылатъ въ Сибирь».

Все эти установления, вдруг возникшие в Московском царстве, весь этот быт с кабаками и целовальниками, с подьячими в кабаках, с явкой питей, с записыванием в книги, сколько и когда выпить пива, — всё это было ново для народа, привыкшего жить в течение длинного ряда веков при свободном пользовании напитками, составлявшими такую же насущную потребность жизни, как и хлеб. Народ никак не мог помириться с этим новым положением дел и принимал все меры жить своей старой корчемной жизнью, хотя этот порядок жизни считался уже противозаконным, сделанся преступлением, не допускающим никакой милости. Поэтому вдруг вся русская земля оказалась повинной в корчемстве, и казнь за корчемство несла в течение почти трёхсот лет. Корчемство в XVII веке распространялось как зараза, и там, внизу, у народа, оно было совершенно понятно и естественно, ибо вызывалось нуждою, а вверху оно сделалось средством наживы и грабежа. Итак, вторым делом кабацких выборных было преследование корчемства и взыскание корчемных пошлин.

Глава VIII

Развитие корчемства и преследование корчемников

Кабацкие выборные должны были смотреть, чтобы мимо кабаков вина не курили, пив не варили, медов не ставили, и виновный в этом считался корчемником. Поэтому кабацкие головы и целовальники, а потом с XVII века корчемные сыщики, получали право надзора над общественной и домашней жизнью народа, право входить в его семейную жизнь с обыском, насилиями, производя срам и оскорбление нравственного достоинства человека.

По городам в каждый торговый день на площадях появлялись бирючи и кликали, чтоб продажного и неявленного

питья никакие люди у себя не держали, и вина не курили. Но народ не слушал ничего, а продолжал по-прежнему варить пиво, курить вино, заводил тайные корчмы, а в кабаки не шёл — там собирались одни лишь питухи. Продавцы вина ходили тайно с кувшинами, плошками и ковшами, продавали вино со дворов сткляницами или развозили в бочках. Дворовые люди, крестьяне и дворники крадут вино у бояр и торгуют им; корчемствуют архиерейские служители, монахи, монахини. Мы уже видели, что собор запрещал десятильникам держать корчмы. Царская грамота двинскому воеводе 1623 года извещает, что «новгородского де митрополита дети боярские на монастыре ставятся сильно, корчму и жёнок держат, а городской де приказчик Иван Багачин в монастыре ставится сильно же, корчму и жёнок держит, и на монастыре де у них святому месту и царскому богомолью чинятся позор великий и продажи». Никон, не в силах будучи сладить с монахами Печенского монастыря, писал царю, что «к тем старцам приезжают нарочно на кораблях немцы, и те старцы, хотя твое государево богомолье видеть в пусте, монастырскую соль и рыбу на кораблях им, немцам, на вино, и на водки, и на романею, и на ренское, и на всякие немецкие питья меняют, и с теми ж с воеводами, и стрельцами, и с посадскими людьми заодно пьют, и бражничают, и монастырь разорили, и всё пропили вместе». Корчемствовали ямщики, стрельцы, солдаты и всякие служилые люди.

По словам Корба¹⁰⁶ (1698), Прозоровский, желая прекратить торговлю вином по домам ямщиков, потребовал у Гордона пятьдесят солдат, и с писарем послал их отобрать у ямщиков водку, но они, собравшись гурьбою, стали солдат отгонять; трое солдат пало, многие ранены. Но ямщики угрожали при том, что будет и хуже, если ещё раз назначат подобное преследование.

Коломенского кружечного двора голова Микифор Прохоров с товарищами доносил в 1653 году: велено ему с кружечного двора государеву казну, сборные деньги, «сбирати на государя на веру, в правду, а питье велено продавать в указанные дни и часы, а о Великий пост, и о Святой недели,

и в Успенский пост же, и в воскресные дни во весь год; а Рождественского и Петрова постов в среды и пятки с того кружечного двора питья продавать не велено, — но в те запрещенные дни солдатского строя служилые люди приходят на коломенский кружечный двор и продают вино из фляг в чарки явно, а в некоторые де дни кружечный двор бывает отперт, и в те дни солдаты, ходячи около кружечного двора, на торгу и по рядам, и на посаде, в слободах, на дворах и на улицах вино продают беспрестано, и маер де их от той винной продажи не унимает, и во всем им сам норовит, потому что многожды, с вином имая, к нему солдатом приводили, и он их освобождает без наказания, а по дворам де те солдаты, где кто стоит, на продажу варят и продают пьяные браги, а на выемку они, Микифор с товарищами, к ним ходить не смеют, потому что похваляются убить до смерти. Да солдаты же по вся дни собираются на государеве коломенском кружечном дворе в избах, и играют зернью и карты, и о том де он, Микифор с товарищи, не одно время маеру извещал, чтоб он их от того унял, и маер де их не унимает; а как де они учнут их с государева кружечного двора сбивать, чтоб зернью и карты не играли, и они де их, Микифора с товарищами, бранят, и хотят бить, и с кружечного двора нейдут, чинятся сильны. Да в нынешнем же 1653 году декабря в 6-й день солдатского ж строю служилые люди собрався на государев кружечной двор человек с двести и больше, учили в избах ломать подставы, и питье кабацкое лить, и целовальников волоча из изб, бить кольем и дубинами до смерти, и они де, Микифор с товарищи, видя над собою смертное убийство, учили бить в колокола, и едва государеву казну отстояли, а в то де время те солдаты целовальника Абакумка Ременникова да работника Ивашка Долгова убили, только де и живы будут ли, пробили им головы до мозга, и руки и ноги переломали. Да того ж числа, в полночь, кружечного двора целовальник Викулка Ильин прибежал к нам в государеву казенную избу, испужався, и сказал, что капитан (имя не ведает, а в лицо знает), собрав с собою солдатом человек с пятидесяти и больше, перелезли к нему на двор через ворота, поставили

меж государева кружечного двора и казенной избы на дороге солдат в день и ночь в перемене человек по двадцать и больше, с мушкеты и с пиками; и те де солдаты на государев коломенский кружечный двор никого питухов не пускают и продают им питье сами, да на всякой де день приходит к ним немчин, на кружечный двор к избам, по трижды и четырежды в день, а с ним солдат человек по пятьдесят и больше с барабаны и с мушкеты, и с пиками, и с копыи, а для какого умыслу приходит, того им неведомо, и, видя де такой страх, коломняне и коломенского уезда люди, которые придут купить питье, с кружечнаго двора бежат врознь, — и солдаты де, которые стоят с мушкеты, у питухов питье отымают и разливают».

Точно также поступали и стрельцы, и не допускали вынимать корчемные питье. В 1614 году послали на Белоозеро в кабацкие головы Иева Карпова, и велели ему «беречи накрепко, чтоб в городе на посаде дворяне, дети боярские, иноземцы, и стрельцы, и пушкари, и посадские люди мимо кабака питей на продаже не держали»; но Карпов доносил, что стрельцы «чинятся сильны», и не дают вынимать у себя продажного питье. Войско в конце XVII века получило новое устройство и явились новые корчемники из урядников и солдат. Однажды в Москве узнали, что в Немецкой слободе в известном доме солдаты держат вино. Подьячий с отрядом стрельцов явился на выемку и нашёл вино, хотя солдаты успели спрятать его в саду. Стрельцы взяли вино, захватили и несколько солдат; но прибежали другие солдаты, освободили товарищей, отняли вино, и протолкали стрельцов до городских ворот. Тут к стрельцам пришла подмога, и солдаты, в свою очередь, принуждены были бежать; но скоро и они получили подкрепление, солдат набралось восемьсот человек, стрельцов было семьсот, и произошёл бой. Корчемством занимались солдаты Преображенского, Семёновского, Выборного и Бутырского полков вместе с жёнами и детьми. Солдатских жён и детей, уличённых в корчемстве, велено приводить к розыску в Преображенский приказ, бить кнутом и ссылать в ссылку; но при этом оговорено, что за работу

или мастерство какое можно давать солдатам ведро вина или меньше; но кто даст больше ведра, того считать наравне с корчемником.

Не меньше других занимались корчемством и те, которым поручен был надзор за питейными сборами. В 1664 году на Холмогорах уничтожены были все кабаки, и вместо них заведён один кружечный двор, но воевода доносил, что в Холмогорах на посаде кружечных дворов голова Надея Коровинской с товарищи вино русское, и немецкое, и водки продаёт с винного подвала, да на холмогорских же посадах в шести местах, и не только за деньги, но и в долг вино отдаёт, и в записях пишут винную отдачу деньгами в оржаной солод на винное куренье, а не вином. В 1698 году приставники по сибирским питейным делам воровали знатно, покрав себе немалое число, в вино воду примешивали; также провозятые провозили вместо доброго вина смешанное с водою. В 1692 году для выемки питей установили бурмистров, выборных из купеческого чину, а с 1699 года — кабацких бурмистров; но и бурмистры воровали. Узнали, что корчемству потворствуют сами приказные дьяки, и поэтому с 1703 года выемку питей велют ведать по-прежнему в ратушах, «не ссылаясь ни с которыми приказы, где всяких чинов люди корчемное вино, пиво и табак сами, и крестьяне по их приказу, продают, или в том им, людям своим и крестьянам, совершенную понаровку чинят, или приказным или мастеровым людям за работу и всякие вещи вином платят».

Воровали сами воеводы. На мангазейского воеводу Кокорева доносили, что к сыну его промышленные люди ходят ежедневно продажное вино пить: кто принесёт гривну, тому даст чарку, кто принесёт две гривны, то даст две чарки, и так дальше по расчёту; и как эти люди, напившись, пойдут от того двора, то люди его, крестьяне, перстни и пояса с них оберут, а с иных и всё платье снимают в заклад. Из наказа 1692 года видно, что сибирские воеводы, и дьяки, и письменные головы провозили с собою из Москвы и из иных городов в Сибирь вино и мёд, и, будучи в сибирских городах, «теми своими запасы сами и дети их торговали, продавая на

деньги, и меня на соболи и лисицы». В 1698 году воеводы друг на друга в провозе и продаже многого вина, мёда, пива и квасу доводили, и посторонние люди извещали, а во многих делах явилось, что «те воеводы сверх указанного числа многое вино в Сибирь провозили, и дорогою едучи, в Тобольске и Туре продавали, и на своих дворах посторонним и многим тутошним людям продавать велели». Обширная корчемная торговля вином заводится, наконец, в московском Кремле, возле самого царского двора, в Земском приказе, где ведались московские посадские люди, белые и чёрные слободы, московские разбойные дела, а также мощение улиц и очистка их во время царских выходов. Царю Алексею Михайловичу было подкинута письмо, в котором говорилось: «Вестно тебе, государь, будет, что у тебя, государя, близ твоего царского дворца, великое воровство чинится на земском дворе. Многие ведомые воры из ссылок собрались, записываются в метельщики, и многие беглые рейтары и солдаты и всякие служилые люди, збегши с твоей великого государя службы, живут для воровства, *торгуют вином и табаком* во всех избах ортелями, вино продают в чарки, и в ковши, и в скляницы, и под заклады дают, а заклады принимают татинные, и разбойные, и сами пьяных грабят. А деньги они делят помесечно, а достается им на месяц рублей по пятнадцати и больше, да они ж нарядчикам с артели дают рубли по три и по четыре на месяц. А всего у них винной и табачной продажи сходится на месяц рублей по тысяче и больше. А зернью, государь, они, запоя пьяных, все заговором оговаривают и даром отнимают и грабят, кости и карты подделывают, а Земского, государь, приказу начальные люди про то их воровство про все ведают, да покрывают, потому что они и с ними во всем делятся, и они их во всем покрывают да из стороны оберегают. И ныне их, воров, собралось на Земском дворе больши тысячи человек, и от того их воровство твоей великого государя службе великая спона, и многие, государь, от них дома разорились. Да они ж, метельщики, держат у себя молодых ребят и чинят с ними содомский грех, и беззаконие от них многое чинится».

У архангельского порта и по всей юго-западной границе торговлей вином (корчемством) занимались немцы, польские купцы и черкасы (южноруссы). Польские купцы (1636) подмосковными просёлочными дорогами провозят вино горячее и табак. Приехали они в Оскольский уезд, и оскольский воевода Пушин их ограбил. Двое литовских купцов пробрались в Тверь с вином и табаком и были высланы вон, а для береженья послан с ними пристав; но они, отъехав от Твери пять вёрст, пристава от себя отбили и поехали самовольно к Ярославлю, многие города объезжая воровством; когда приехали они в Ярославль, то их из Ярославля выслали, и они начали по деревням с вином и табаком ездить. За такое воровство они посажены в Ярославле в тюрьму и потом из тюрьмы выпущены, «а заповедного товару, бочка с вином, у них рассечена, а табак сожжен». В 1645 году два московские священника — один от церкви Николы на Столпах, а другой от Кузьмы и Дамиана — подали челобитную, что вдовье немки держат у себя по дворам *всякие корчмы*. Вообще в Москве корчемство стало какой-то общественной заразой.

Вся тяжесть корчемных выевок падала на крестьянина. Крестьянин, нуждавшийся в вине по случаю праздника и не желавший идти в кабак из стыда, или из опасения, что его там споят, или ограбят, или потому, наконец, что кабак отстоял далеко, покупал где-нибудь винца и подвергался разграблению. Если, случалось, воевода узнаёт, что в таком-то месте есть вино, или квас дрожжаной, или даже сусло, он тотчас едет туда большим повальным обыском, или посылает, вместе с головой, и целовальниками, и стрельцами, дворян и детей боярских «выняти, что будет найдено». В 1615 году дошёл слух до воеводы, что поставлено в Заболоцкой волости в деревне Демине вино, а привезено то вино с Вологды. Сотник стрелецкий с рассыльщиком, да с ним стрельцов пять человек, поехали выняти то вино, и привезли к съезжей избе, к воеводе да к дьяку, крестьянина Мартюшку Тянухина, да крестьянку Марьицу, да малого Первуньку, а с ними привезли две насадочки вина, всего ведра с четыре, а взято то вино в коровнике. Стали их допрашивать, и все

они, даже маленький Первунька, сказали одно, что приехал к ним какой-то неизвестный человек, оставил вино на время и не возвращался. Воевода с дьяками приговорили: то вино отдать на кабак чумаку, в печатное ведро, а за то вино по государеву указу, по кабацкой цене, в государеву казну взять по 2 рубля по 10 алтын, а на Марьице да на Мартюшке и даже на малом Первуньке доправить заповедных два рубля за то, что они неведомых людей пускают к себе на двор с вином. Наехавший воевода имел право тут же и бить виновного, как корчемника. За пойманного вступался народ. Боярские дети и стрельцы поймают корчемника, увидят лавочные сидельцы и отбивают его, а народ отбивает табачников и питухов. Когда же нельзя было отбить, то за пойманного давали поручные записи, что такому-то, «живучи за нашими поручками, вина не курити и не продавати, а учнет он это делать, то на нас монастырская пеня (дело шло с тихвинским монастырём), а в пени, что укажет игумен с братиею». Тому же тихвинскому монастырю посадские люди дали поручную запись за посадскую жилицу Анну Кузмину, да за сына её за Ивана, что им «живучи в посаде, вином и пивом не кучити, и зерни, и бл... не держати и никаким воровством не воровати». Но когда не удавалось отбить или выручить пойманных с вином, то вино у них отбирали, а их самих били кнутом и ставили на правёж, доправлять с них заповедные пошлины, а если дело было с монастырём, то виновных смиряли ещё монастырским смирением.

Люди чёрных сотен и слобод тяглых для выемки выбирали меж себя десятских, которые должны были смотреть за корчемством и извещать в Новую четверть. Но, во всяком случае, преследование корчемства и наблюдение за выемкой возложены были на воевод. Царская грамота 1661 года делает крепкий заказ вологодскому воеводе, чтоб он смотрел за неявленным питьём: «А буде ты и дьяк корчемного, продажного питья, для своей бездельной корысти, выимать не велите, то, когда случится недобор, — он будет доправлен на вас». Прошло восемь лет, действительно, явился недобор, и в 1669 году новая грамота идёт в Вологду: «Ныне мы услы-

шали, что чинятся на кружечном дворе недоборы большие и вы корчемником норовите, — то буде у кого корчемное питье объявится, тем быть в жестоком наказании безо всякой пощады и сослану в Сибирь, а поместья их взять бесповоротно». Не зная, какие уже принять меры к прекращению корчемства, Москва приказывала воеводам подслушивать и выведывать тайно. Та же грамота 1669 года продолжает: «И вам бы однолично о том корчемном питье заказ учинить крепкой объезжим и кружечных дворов головам, целовальникам, стрельцам и приставам, чтоб они проведывали всякими мерами, и подсылкою для покупки корчемного питья велели б есте подсылать, а тем людям, по извету которых питье будет вынято, велели б давать из опальных животов по рублю человеку и больше, *чтоб ему впредь проведывать и извещать было повадно*». В 1681 году назначены были в Москве объезжие головы из дворян добрых пятнадцать человек, да стрельцов для выемки и посылки сто человек. В наказе объезжему голове 1699 года велено быть ему в объезде, где ведает, кроме стрелецких слобод, и ездить ему по улицам и переулкам беспрестанно и проведывать накрепко, чтоб ни у кого корчемного питья не было, а у выемки над солдатами смотреть, чтоб никого не били, не грабили и не устрашали, и корчемным бы питьям не подмётывали, и клепать никого ничем не учили, и, взяв кого с корчемным и с неявленным вином, или на улице пьяного, к себе по подворьям не водили. Назначали для управления питейным делом и для выемки питей земских бурмистров, и в 1700 году предписывали им, чтоб меньше указанных цен вина не продавали, исключая порубежных мест, куда зарубежные питья подвозят по малой цене; «там-то продавать дешевле, *только б питухи, мимо государевых питейных сборов, для дешёвых цен, за рубеж не ходили*, а которые после сего будут ходить за рубеж, с теми поступать, как с корчемниками». Выемным головам приказывают править деньги с корчемников, «а буде с них взять нечего» — со старост и выборных; изветчикам из несвободных и рабов обещают свободу, и кроме того часть поместий и вотчин корчемников. Но оказывается, что и сами кабацкие

бурмистры, «по замерзлomu своему противству, наготовя вина число многое и продав, писали, крадучи излишние себе деньги продажею, в книги, с убавкою, и цену продажам записывали неравную; тако ж и от целовальников тех продаж многие чинятся общие с теми городовыми бурмистры воровства, о чем по нынешним розыскным в Ратуше делам явно; а в иных городах и сами бурмистры и целовальники винулись, что ради себе многого прибитка так воровски чинили, и те вымышленные воровством краденые деньги по себе делили, и, привозя к Москве, приказным людям себе же для пользы давали. И для того, что многими их великих государей указами то корчемство запрещено, и истребиться доселе не может, то ведерную, полуведерную и четвертную продажу вина производить только с отдаточного двора, и записывать ее в книги, а с кружечных дворов не покупать, а буде которые купят вино не в указаном месте, и в книгах покупки не явятся, таковой в том будет истязан, а паче *приказные и купеческих чинов люди*».

В Москве по всем слободам и улицам выбрали старост и десятских, изветчикам снова обещали десятую часть из имущества, а несвободным рабам и работникам свободу. Но доносы были редки. В 1705 году винный подрядчик Куньевской волости Григорий Некошев пишет донос, что в Московском уезде курят вино разных сёл и деревень крестьяне, по именам тридцать человек, да дьякон, дьячок и пономарёвы дети, — курят на пятьдесят пять кубов. Для выемки вина и взятия у них кубов посланы из ратуши подьячие Фёдор Карандашев да выемной Иван Андреев, и для подлинного при тех выемках известия, дворцовой канцелярии подьячий Василий Овсянников; но кубов они ни у кого не нашли. И вот из Москвы рассылаются указы и особые посланные разыскивать везде винокуренную посуду, и ломать её на месте, или отбирать в казну, потому что — говорит указ — «как отберут где винную посуду, так в кружечных дворах тотчас же сказывается прибыль». По указу 1711 года корчемников ссылают на каторгу, а тех, которые знали о них и не донесли, подвергают жестокому штрафу; но, заметив потом, что

через это многие лишаются имения, и иные под наказание подпали, в 1751 году велят всех, обвинённых по корчемным делам до 1749 года, простить и имения им возвратить, содержащихся в губерниях, провинциях и городах под караулом освободить. И всё-таки корчемство распространяется более и более, обхватывая все области, присоединяемые к Москве: инородцев, белорусов и украинцев.

Глава IX

Инородцы

Читая позднейшие описания быта инородцев, постоянно встречаешься с одним и тем же известием, что они все страшно преданы горячим напиткам. Но если мы обратимся к судьбам их истории, то эта пресловутая страсть инородцев к пьянству получит совершенно иное значение.

Пермь, печора (зыряне) и югра с древних времён вели значительную торговлю с Великим Новгородом и с дальним востоком, вплоть до Индии. Обширная торговая деятельность могла принести этим народам цивилизацию; но, с одной стороны, грабежи разнузданной новгородской вольницы, а с другой — московский кабак, сгубили судьбу северных народцев, вымирающих теперь на наших глазах. Инородцы с незапамятных времён пили пиво, брагу, кумышку. Новгород Великий с этой стороны не стеснял их ничем, а Москва ввела к ним кабаки. Как вводился и распространялся у них московский кабак — это можно видеть из истории города Верхотурья.

В 1597 году верхотурский житель Бабинов нашёл, прочистил и вымостил дорогу из Соликамска в Сибирь, и здесь, в Пермской земле, где было старое чудское городище Неромкур, велено было в 1598 году сделать город и острог, а для строения взять денег, между прочим, у Сарыча Шестакова¹⁰⁷ из земских и кабацких сборов; но Сарыч и земские люди в

деньгах отказали; сказали, что на кабаке в Чердыни денег нет. Из Москвы на это отвечали, что если в Перми денег не дадут, то взяли бы сами. Поставлен был город и назван Верхотурье. Здесь люди воинские, казаки литовские и малороссийские сталкивались с вогулами и остяками и вели с ними меновую торговлю. Проезжающих было много, так что инородцы не в силах были исправить ямскую повинность, и поэтому в 1660 году высылают сюда из разных мест крестьян и освобождают их от податей с тем, чтобы они исправляли ямскую повинность и даром гоняли казённую почту. В то же время вызывают охочих людей из Перми, Вятки и из других мест. В 1660 году устроен в Верхотурье обширный двор для склада европейских и азиатских товаров, и заведена таможня. Через восемь лет город уже был тесен для жителей, и занимаемое им пространство теперь удвоилось. Чем далее шло время, тем знаменитее делалось Верхотурье. Воеводами в нём все были люди известные — Годуновы, Барятинские, Нарышкины, Лопухин — тесть Петра. Наконец, город удостоился получить и свою собственную святыню: в 1615 году открыты были мощи святого Симеона Верхотурского.

Цветущее состояние города, продолжавшееся два с половиной века, необходимо должно было отразиться и на кабаках. Москва всегда избирала для кабаков бойкие и торговые места и потому несомненно, что и верхотурский кабак явился вскоре после основания города, и долгое время не переставал возбуждать всеобщее неудовольствие и собирал около себя пьяниц. Верхотурские воеводы Барятинский и Языков в 1623 году пишут в Москву, что с тех пор, как по указу царскому устроен на Верхотурье кабак, то верхотурские служилые люди, стрельцы, и казаки, и ямские охотники, и пашенные крестьяне на верхотурском кабаке многие пропились, а ямские охотники, пропивая, разбрелись, а пашенные крестьяне от того кабака одолжали и обнищали. Воеводы же унимать их не смеют, боясь кабацкого недобора. Царь им на это отвечает: «То вы пишете к нам, не радея о нашем деле, что кабак хотите оставить. Кабак ведь заведен не вчера, а давно, задолго до московского разорения; и до вас много во-

евод перебыло на Верхотурье, но никто из них о том кабаке нам не писал, а вы вместо того, чтоб искать пред прежним прибыли, хотите и старое растерять. Все, что вы пишете к нам не поделом: это — от лености, или, может быть, смотрите на Тобольск, где кабаки велено снести, и то не образец. В Тобольске кабак был заведен недавно, а Тобольск в Сибири — первый город, и тобольские служилые и всякие жилецкие люди учили пить беспрестанно, и в Тобольске потому велено снести кабак, чтоб сберечь наших служилых и торговых людей. А у вас на Верхотурье не одни служилые люди пьют, а есть много приезжих из разных мест Сибири, и поэтому кабак уничтожить нельзя. И как к вам наша грамота придет, вы бы заказали крепко, чтоб служилые люди, ямские охотники и пашенные крестьяне не пропивались, а и опричь тутошних служилых людей, и ямских охотников, и пашенных крестьян пить на кабаке будет кому. А затем поручаем смотреть накрепко, чтоб доходы с кабака пред прежними годами собраны были непременно с прибылью. Прежде, — продолжал царь, — для кабацкого сбора присылали в Верхотурье из Тобольска худых тамошних людей,¹⁰⁸ которые все ссорились с верхотурскими воеводами, да и то постоянно были прибыли, и никто не писал, чтоб снести кабак. А теперь верхотурский кабак отдан вам, а для сбора присылают голов из Казани и из Чебоксар выборных лучших людей, так как же не быть у вас прибыли? — и вам бы однолично порадети, чтоб нашей казне была прибыль».

Проходит несколько времени. Воеводу Языкова сменяет князь Пожарский, а этого — князь Семён Гагарин. 12 декабря 1628 года Гагарин пишет в Москву, что при Бярятинском и Пожарском для верхотурского кабака «вино сидели и пиво варили уговорщики, посадские люди (служилые и крестьяне). Сидели они вино у себя по домам, в деревнях, и по сёлам, на Тагиле и на Невье, и, сдав часть вина на кабак, другую часть пили сами, и за это многие служилые, и посадские люди, и пашенные крестьяне стоят на правеже». За такое усердие Москва благодарила Гагарина и предписывала ему у всяких людей отобрать винные котлы в казну, запретить

всем частным людям курить вино и варить пиво для казны, а вместо того устроить винную и пивную поварню в остроге, где и заготавливать казённое питьё. Предписание это послано было с казаком Туликовым, но, к счастью сибиряков, казак этот куда-то пропал, и воевода, прождав ответа до июля следующего года, пишет в Москву, что ответа на свой донос он не получал. Москва, прописав ему всё вышеприведённое, снова наказывает позаботиться, чтоб *«нашему верхотурскому кабаку и нашей казне недобора не было, а казака Ивашку за утерю указа велеть бить батогами»*. Получив указ, воевода тотчас же принялся за дело. Котлы отобраны, строго запрещено варить пиво и курить вино, и велено всем пить на кабаке.

Новопостроенная казённая винокурня ложится новою тягостию на народ, и верхотурские крестьяне пишут царю челобитную, что устроили у них казённую поварню для варки пива и вина, и от этой поварни *«им не вмочь стало жить»*. *«Пашем мы, — говорят они, — на казну десятинные пашни, ставим казённые анбары на свои деньги, возим дрова на винокурню по полтора рубля, а нам платят по 20 алтын, да нас ещё выбирают в целовальники к винокурне, и мы вконец погибли и запустели»*. Усердие воеводы идёт дальше — на него начинают жаловаться головы и целовальники, и в 1635 году верхотурскому голове предписывают не давать воеводам вступаться мимо указов в таможенное и кабацкое дело, чтобы тем не произвести убыли в казне. Все эти обращения к Москве скоро умолкают. В Верхотурье, как и в других больших городах, появляется уже несколько кабаков, пьянство и азартные игры. В 1668 году тобольский воевода отдал на откуп охочим людям игры в карты и зернь. Узнал про это воевода в Верхотурье и Сургуте и пишет в Москву, чтоб и ему позволили отдать на откуп карты и азартные игры; но ему не только не позволяли этого, да и в Тобольске велели откуп отставить.

В Верхотурье начали присылать голов со стороны. От головы, присланного со стороны, нечего было ждать милости. Сначала присылали голов из Тобольска, потом из Чебоксар

и Казани, а в наказе верхотурским воеводам 1687 года велят выбирать в кабацкие головы из устюжан добрых посадских людей, но потом уж голов выбирают в Москве, и на ирбитскую ярмарку для сбора винной продажи посылают Сибирского приказа оружейника Василия Шишелова, который и прежде этого был кабацким головою. Должно думать, что, приехав в Москву, он хорошо поклонился дьякам, и вот, посылая его теперь в Ирбит, пишут: «Тамошние головы, устюжане, оказались нерадивы, а он, Шишелов, оказал царской казне радение, а поручной записи по нем не собирать для того, что в сказке он, Василий, сказал, что по нем из Ирбитской слободы, в тамошнем сборе, никто не ручается».

В 1692 году опять в Москве выбирают для верхотурского кабака голову устюжанина — посадского человека Григория Скорнякова, приводят его к вере по святой евангельской непорочной заповеди, а в товарищи ему приказывают выбрать верхотурцам целовальников, самых лучших людей. Скорнякову поручают учинить в кабацком сборе перед прежним прибыль, которая бы была «прочна и стоятельна, и всяким людям не в тягость». В 1695 году головою снова выбран был устюжанин. В 1698 году заведены были в Сибири казённые винокуренные заводы. Воеводам предписано было купить хлеба, выкурить вина, а если по смете окажется это выгодным, то продолжать это дело непрерывно, и на покупку припасов держать рублей по триста, или по четыреста, или больше. С конца XVII века массы беглых людей направляются в Сибирь. Дорога шла через Верхотурье, а потому здесь вместо одного, существовавшего доселе кабака, возникло несколько. Но в 1753 году уничтожена была верхотурская таможня, и Верхотурье стало незначительным уездным городишком с несколькими кабаками.

Так точно распространялся и укоренялся кабак по всей северо-восточной окраине Московского царства. Палицын доносил на мангазейского воеводу следующее: «Приедут, — говорил он, — самоеды с ясаком, воевода и жена его посылают к ним с заповедными товарами, с вином, и они пропиваются до нага, пропивают ясак, который они привезли, собак и бобров,

и платят ясак оленьими шкурами; иные с себя и с жён своих снимают платки из оленьих кож и отдают за ясак, потому что *все перетились и переграблены.*»¹⁰⁹ Руководствуясь этими целями, воеводы, отправлявшиеся в Сибирь, возили за собой целые обозы вина. Якутскому воеводе Голенищеву-Кутузову в 1638 году велено взять с собою «для иноземных ясачных расходов сто ведер вина горячаго». В 1644 году якутскому воеводе Пушкину велено взять в Верхотурье и Тобольск «на ленских ясачных людей» сто вёдер вина горячаго. Путивльский воевода Ухтомский, назначенный в 1597 году воеводою в Пустозерском остроге у самоедов, просил позволения взять с собою триста вёдер вина по подрядной цене, но ему позволили взять только пятьдесят вёдер.

В грамоте царя Василия Ивановича 1606 года Лопского погоста¹¹⁰ крещёным и некрещёным лопарям сказано: «Питья к ним в лопские погосты, вин и медов, на продажу из Великого Новгорода не привозить». Грамота эта подтверждалась в 1615, 1648, 1659 годах. Но запрещение это не мешало заводить у лопарей кабаки. Царь Алексей Михайлович в 1658 году пожаловал Никону в Новый Иерусалим и в Крестный монастырь¹¹¹ в Каргопольском уезде *на пропитание* реку Еколгу в Еколгском уезде, и «с той реки Еколги оброк и пошрины и таможенный сбор и кружечнаго двора прибыль» велено было выложить из оклада и не брать в царскую казну. Несмотря на это, в 1665 году наехал на лопарей посадский человек Звягин, стал их грабить, и Никон жаловался на Звягина царю, ссылаясь на указ, которым у лопарей «кабацкаго питья наметывать и насильства чинить не велено». В жалобе своей Никон умалчивал, в чью же пользу шла теперь отложенная прибыль с кружечнаго двора. В 1686 году семь лопских погостов снова били челом, что с олонецкого и иных кружечных дворов в лопские погосты с вином, и с пивом, и мёдом целовальники ездят и тем чинят убытки и разорение крестьянам. Из Москвы пришла новая грамота: «Не ѳздить съ виномъ въ лопскіе погосты». Царь Михаил Фёдорович писал к сибирским воеводам: «А которых наших людей посылаете к татарам, вогуличам и осякам собирать казну нашу, и те

люди татарам, вогуличам и остякам чинят всякое насильство и посулы берут великие, а нашей казне ни в чем прибыли не ищут; *в пьянстве у вас многие люди бьются и режутся до смерти*». Пушкин и Супонев доносили на воеводу Петра Головина, что торговые и промышленные люди ходят к нему на двор человека по два и по три ночью, а сходят-де от него со двора пьяны.

Воеводы, — говорил указ 1695 года, — забыв их государей крестное целование и презря жестокие указы, каковы в наказах написаны, многое вино и разные товары через указ в Сибирь провозят, и сверх того в Сибири вино курят, и тем вином многую корысть себе чинят, и на кружечных дворах вина на продажу записывают малое число, «въ годъ индѣ по двадцать и по десять, а индѣ написано въ продажѣ одно ведро, а в иной годъ ни единаго ведра продать не дали. И отъ того то государево вино оставалось, истекало и пропадало безденежно; да они жъ, воеводы, провозятъ вино и всякіе товары беспошлинно». В 1698 году послано было в Сибирь следующее наставление: «А которые питухи озадорятся и напьются пьянством безобразным, и учнут деньги, платье, товары, мягкую рухлядь своего промыслу в заклад или в мену пропивать, и таких унимать, и, обрав его всего, в особый чулан, чтоб проспался, положить. А как проспится, по вине смотря, наказав его словами, или высечь батожемъ, все ему отдать в целости, а взять только по правде, сколько он пропил, а лишняго, чего он не помнит, отнюдь не имать, и в государеву казну не класть, и гораздо смотреть, чтоб никто через свою силу не пил, и от безсмертнаго питья до смерти б не опился, и душу свою навеки не погубил».

Как видно из грамоты 1627 года цивильскому (Казанская губерния) воеводе Матюшкину, черемисы в это время платили ещё *медвяный оброк* и *оброк с бортовых ухажьев*, и ни слова ещё не было о запрещении питей. Но потом татарам, мордве, черемисе, точно так же, как самоедам и якутам, приготовление домашних напитков было запрещено, а велено было им покупать вино и пиво на кружечных дворах тех городов, куда они причислены. В наказных статьях нерчинско-

му воеводе 1696 года было сказано, чтоб князцы¹¹² и служилые люди были под его царского величества высокою рукою в вечном холопстве и не смели бы держать у себя иноземного кумыса. В 1653 году велено было кликать в якутском остроге, чтоб служилые люди пив, браг и кваса хмельного безъявочно не варили и на продажу не держали, а когда нужно сварить, брали бы явку; «чтоб банные откупщики безъявочно меду не ставили, пьяного кваса дрожжеников, б<лядей> и корчмы не держали; а буде служилые, торговые, промышленные и всякие люди учнут у себя по подворьям или в торговой бане зерню, и карты, и всякою проигрышною игрою играть, и корчму и б<лядей> держать, — тех людей брать я съезжую избу». Тюменскому воеводе в 1699 году велено было поступать с корчемниками со всею жесточью.

Таким образом, к концу XVII века мы находим московские кабаки, а следовательно, и преследование корчемства, в Енисейске (основан в 1619 году), Якутске, Иркутске, Ишме, Мангазее (основана в 1600 году), Томске (основан в 1604 году), Кузнецке (основан в 1618 году), Нарыме (основан в 1595 году), Кети, Сургуте (основан в 1593 году), Берёзове (основан в 1593 году), Тюмени (основана в 1586 году), Пелыме (основан в 1592 году), Туринске (основан в 1601 году) и так далее.

Глава X

Правёж — спутник кабака

За корчемство установлены были самые жесткие наказания. По Уложению 1649 года с тех людей, у кого корчму вымут, правили от 5 до 20 рублей, а на питухах (кто пьёт) от полтины до рубля; кроме того, их били кнутом и пытали. В 1654 году брали пеню с правежом по 10 рублей, и по торговым дням били кнутом нещадно. В 1699 году велено было «всякое неявленное и продажное питье, и суды винные,

котлы, и кубы, и горшки, и трубы вынимать с понятыми, да с тех, у кого питье вымут, и с питухов имать великаго государя заповеди, за первый привод по 25 рублей, и на питухах по 2 рубля, и давать их на крепкия поруки; чтоб им впредь вина не курить; а кто приведен будет во второй раз, пени брать по 50 рублей, а на питухах по 4 рубля с человека, да им же за то учинить наказание — бить кнутом, и отдавать на крепкия поруки; а буде кто приведен будет в третьи, пени имать 100 рублей с человека, и, бив их кнутом, ссылатъ в низовые сибирские города, куда пристойно, или сажать на пашню или на работу, а на питухах пени имать втрое».

За извет в корчемстве давали из описных поместий, и вотчин, и из дворов, и из животов четвёртую долю, или со всякого ведра по 10 алтын, а за посуду с пуда меди по две гривны. В 1681 году положено было, чтобы с тех сёл и деревень, где корчма объявится, брать с крестьян и бобылей, которые в тех сёлах и деревнях живут, а на соседей не известят, по рублю с крестьянского и бобыльского двора, с десяти дворов того десятка, где открывалось корчемство, и чинить десятским и тому десятку жестокое наказание, а корчемников ссылатъ на Яик, в Сибирь, или в иные дальние города на пашню. Помещикам и вотчинникам велено доносить на крестьян в корчемстве; но если бы крестьянин стал говорить на помещика, то его оговорам не верить. Приводным людям чинили жестокое наказание, били их кнутом и ссылали их в ссылку. Крестьян боярских, уличённых в корчемстве, бив кнутом, отдавали назад господам, которым вменялось в обязанность строго смотреть за поведением своих людей. Если же они попадались в другой раз, то с господ взыскивалось 10 рублей пени, а крестьяне, после наказания кнутом, оставались в тюрьме до государева указа. У крестьян за корчемство отсекали руки.

Вся тяжесть корчемных выемок ложилась на народ, ибо знатные люди, изобличённые в корчемстве, платились только своими вотчинами, а от правежа были освобождены,— тогда как все остальные должны были идти на правёж. Правёж, заимствованный от татар, распространён был

по всему Московскому царству и служил в разных случаях орудием казни и денежных взысканий, и средством мести и насилия. Иван Васильевич в Новгороде бьёт на правеже монахов и монахинь; Годунов, сделав начёт на дьяка Смирнова, выводит его на правёж и засекает до смерти; Горн бьёт на правеже хутынского архимандрита Киприана; архимандрит Леонид (1512) ставит на правёж своих певчих за то, что они не ходят в церковь; на правеже, по новому судебнику, бьют воров; московские послы на правеже вымучивают запасы и подводы; посредством правежа собирают подати, и вот целые волости, осуждённые на правёж, нанимают людей, которые бы стояли за волость на правеже. На правеже присутствуют праветчик, и воевода, и люди, согнанные на правёж, говорят воеводе с большим невежеством, чтоб на них не правил, а иногда взбунтуются, разбегутся с правежа, отобьются от приставов, и пойдут на двор к воеводе, грозясь ему всякими неподобными делами, а посадский и всеуездский староста кричат: «Ты, воевода, вор, а вы править не смейте!»

Но правёж укоренялся более и более, и к нему, как к конечной цели, после различных тревог сходились все жертвы питейного дела. На правеже стояли головы и целовальники, и выбиравшие их мирские люди, с которых правили недоборные деньги; тут были и самые жертвы кабаков — кабацкие пьяницы, с которых правили долговые напойные деньги, и тут же ждали своей участи тысячи мужиков, сваривших к празднику пивца — это корчемники, с которых правили корчемные пошрины. На правёж гнали всех, и светских и духовных, гнали их целыми сёлами, деревнями, с которых нещадно правили деньги. В 1618 году велено было белозерским властям производить из кабацких сборов содержание шведским послам, но белозерцы отвечали: «А на Белоозере, государь, только и питья, что на твоём государевом кабаке вино да пиво, а медов, государь, на твоём государевом кабаке не держим; а посадские многие тяглые люди с правежов разбежались, а на достальных правим мы, холопы твои, хлебных и за кабацкие двory, и кабацких же недоборных денег, по

твоим государевым грамотам, 970 рублей 11 алтын с деньгой; да из Ямского приказа недельщики правят на них же ямских денег 683 рубля 11 алтын с деньгой; да с патриаршего двора сын боярской Григорий Малыгин правит на них же запросных денег 200 рублей. А правим мы, холопы твои, твоих государевых всяких доходов через весь день от утра и до вечера».

Особенною ревностью в правеже отличались монастырские приказчики. Стрелец Семён Иванов, служивший в Троице-Сергиевой лавре сборщиком податей, 6 мая 1679 года, напившись пьян, приехал в монастырскую деревню править поворотные деньги, и, собрав мир и сборных целовальников, поставил их на правёж, и целовальника, Моисея Фёдорова, стал бить поленом без милости, и, сбив его с ног, «влежач», обходя кругом, всего избил до самого увечья; причём говорил: «Дай мне полведра вина, а не дашь — прибью до смерти, не что де мне не сделаешь». Избив его, он украл у него рубль денег. Целовальники жаловались Троице-Сергиевой лавре. Был сделан обыск, все подтвердили показания целовальников, и монастырский собор решил: «А как бы они, крестьяне, не чинились сильны, и платежи платили, тогда бы и посыльщиков не посылали, и на правеже б крестьяне не стояли».

Правёж совершался следующим образом. Являлись стрельцы с батогами, брали несостоятельного должника и босого ставили у приказа перед приездом туда судей, и отпускали не прежде их выхода. Праветчик, стоя возле должника, бил его по голой ноге без всякого милосердия, как свидетельствует Флетчер: «*Flagris baculis que per suras et crura pedum graviter absque ulla misericordia caeduntur..* По словам Маскевича,¹¹³ перед разрядом всегда стояло по утрам больше десяти таких праветчиков, которые, разделив между собою виновных, ставили их в ряд, и, начав с первого, били тростью, длиною в полтора локтя, поочерёдно ударяя каждого по икрам и таким образом проходя ряд от одного края до другого. За расправой наблюдал судья, глядевший из окна. Расправа производилась ежедневно, кроме праздников, от

восхода солнца до десяти или одиннадцати часов утра, и каждый должник подвергался правежу по часу в день, пока не выплачивал долга, и велено было держать его на правеже *не более месяца*. Правежи отсрочивались по случаю поминовения царей, цариц и царевен. Но, невзирая на закон, устанавливавший срок правежу, иногда били должников «через весь день от утра и до ночи». Издатель записок Желябужского¹¹⁴ справедливо замечал, что сначала, вероятно, с примера татар, несчастных должников терзали до тех пор, пока они не издыхали, а поэтому московский царь, внося правёж в русское право, делал оговорку, что должники — дворяне и бояре — могли выставлять на правёж вместо себя людей своих. Что же касается до нещадного бития батогами, то Нейбауер¹¹⁵ описал его так: батоги, жидкие палки длиною в аршин, берут служители в руки, раздевают человека, кладут его наземь, садятся ему на руки и на ноги, и бьют его палками до тех пор, пока двадцать или тридцать из них не изломаются; потом наказываемого переворачивают и бьют его по животу, наконец по бёдрам и по икрам. Наказанных батогами отвозили в телегах. Олеарий, бывший в Москве в 1633 и 1639 годах, приложил к описанию своего путешествия картинку, изображающую правёж и битьё батогами и кнутом. Картинка эта, перепечатанная с издания Олеария 1656 года в книге Тромонина «Достопримечательности Москвы», изображает московский Кремль, перед которым обширная площадь и на ней множество людей, которых, по словам того же Олеария, «бьют по коленям гибкими палками, толщиною в мизинец, так сильно, что несчастный, изнемогая от жестокой боли, испускает громкие крики и стоны; или же бьют кнутом по обнажённой спине, спустив руки несчастного на шею палача, а ноги вытянув за привязанную к ним верёвку».

От кнута больше всего доставалось корчемникам, и казнь над ними совершалась, по словам Олеария, следующим образом: «Тем, кого уличат в запрещённой продаже нюхательного табаку, привешивают на шею пачку табаку, а занимающемуся запрещённой продажей водки — фляжку с водкой, и таким образом водят попарно от площади до Кремля и об-

ратно в сопровождении двух помощников палача, и всё это время бьют кнутом». Народ крепнул от правежей, и бывали люди, которые умели *отстаиваться* на правеже, и денег не платили; для таких правечики имели наказ: «Если посадские на правеже начнут отстаиваться и денежный доход платить не станут, у таких дворы их, лавки и имения отписать на великого государя».

Народ не забыл этого правежа, и до сих пор ещё поёт о нём в песнях:

Били добраго молодца на правеже.
На Жемчужным перехрёстычке,¹¹⁶
Во морозы, во хрешшенские,
Во два прутика железные.
Он стоит, удаленькой, не тряхнетя,
И русы кудри не шелохнутя,
Только горючи слёзы из глаз катютя.
Уж как бьют-то добраго молодца на правеже,
Что на правеже его бьют,
В одних гарусных-то чулочках без чёботов;
Правят с молодца казну да монастырскую.

Правёж жил рядом с кабаком до самого XVIII века. Указом 1717 года велено бить всех людей, находившихся под взысканием по откупам, по питейным сборам, а если они помрут, то поручителей по ним, жён их и детей, на правеже не держать, а отсылать их всех *на каторгу*. Но правёж всё-таки не прекратился. При Бироне, когда недоимки возросли до нескольких миллионов, тогда, по словам Болтина, лучших людей забирая под караул, и каждый день ставя разутыми на снег, били по щиколоткам и по пяткам палками: сие повторяли ежедневно, пока не выплатят всю недоимку. По деревням, продолжает он, слышен был стук ударов палочных по ногам, крик сих мучимых, и плач жён и детей, томимых голодом и жаждою. Даже при Екатерине казённые деньги, растраченные казначеями, взыскивались посредством правежа.

Ордын-Нащокин и Крижанич

Кабаки распространялись, равно ненавистные и народу и лучшим людям общества. Из последних нашлось двое, которые в XVII веке подали голос за свободную продажу питей. То были Юрий Крижанич — серб из Хорватии, и А. Ордын-Нащокин, псковский уроженец.

Юрий Крижанич — сербский католический священник, около 1655 года прибыл в Московское государство и, конечно, не мог не заметить печального положения народа, пившего по кабакам. Вот что он писал, сосланный уже в Сибирь (1660–68): «Об пьянству нашем что треба говорить! Да ты бы весь широкий свет кругом обошёл, нигде бы не нашёл такого мерзкого, гнусного и страшного пьянства, яко здесь на Руси. А тому причина есть корчемное самоторжие (монополия), или кабаки. По милости этой монополии люди не смеют варить себе напитков без приказного позволения и в этом последнем пишется им, чтобы они выпили всё в три или четыре дня после изготовления и дольше в домах не держали. Чтобы выпить скорее этот наваренный напиток, люди пьют через силу и упиваются; а соседи, которым нечего выпить дома и негде купить напитка, сидят без стыда, и не отходят от этого пива, пока чают хоть одну каплю его. Дальше люди мелкого счастья не в состоянии изготовить дома вина или пива, *а корчмы нет*, где бы они могли иногда выпить, кроме корчмы царской, где и место и посуда хуже всякого свиного хлева, и питьё самое отвратительное (питие само пребрідко), и продаётся по бесовски дорогой цене. Кроме того, и эти адские кабаки не под руками у народа, но в каждом большом городе один или два только кабака. Поэтому, говорю я, мелкие люди чуть ли не всегда лишены напитков, и от того делаются чрезмерно жадны на питьё, бесстыдны и почти бешены, так что какую ни подашь большую посуду с вином, они считают за заповедь Божию и государеву выпить

её в один дух. И когда они соберут несколько деньжонок и придут в кабачный ад, тогда сбесятся в конец и пропивают и рухлядь, какая есть дома, и одежду с плеч. Итак вся злости и неподобие, и грехоты, и тщеты, и остуды всего народа исходят из проклятого корчемного самоторжия». Так писал Крижанич в Сибири, и то же самое, вероятно, он говорил, живши в Москве. Слова его должны были показаться богопротивными, и он был сослан.¹¹⁷

Не лучшая участь постигла и старания Нащокина уничтожить кабаки и ввести свободную торговлю питьями. Просвещённейший из русских людей XVII века, Афанасий Лаврентьевич Ордын-Нащокин в 1665 году назначен был воеводою во Псков. Псков был город порубежный, куда иностранцы привозили тайком множество *горелого вина и немецких питей*, и псковичи совсем не покупали вина с казённых кружечных дворов. Сильно развивалась потаённая корчемная продажа, которою занимались иностранцы, жилецкие люди и дворники, в казне были великие недоборы, а в недоборах, когда год отойдёт, «извыкли челобитьем и сроками отбывать». Завелось воровство, стали ходить по ночам из своих подворий, и объявлялись разные рухляди в ночных приносах. Чтоб положить конец этой безурядице, Нащокин предложил ввести вольную продажу вина с платою в казну с рубля по две деньги и по гривне. Мнения псковичей, вызванные этим предложением, разделились: меньшие люди, то есть собственно народ, стали за вольную продажу, а лучшие, богачи-горланы, как было и в 1470 году,¹¹⁸ как это бывало всегда, стали за свою личную выгоду, за кабаки, за так называемую старину. Но потом между обеими сторонами последовало соглашение, и введена была вольная торговля питьями на следующих основаниях: «В посадах торговых людей положить за вино и за всякое питье во всякой год, сметь против продажи его в указные сроки. А кто теми питьями больше торговать учнет иных товаров, и того в земской избе остерегать, и в сотнях у жилецких людей в домах не может утаитца, а на тех с рубля иметь по гривне, и на ремесленных посадских же людях против явки годовые, как преж сего яв-

лялись, держать про себя на праздники и на урочные дни, а корчмы не держать. И на церковный чин положить против явки потому ж, и на казаков, и на стрельцов, и на пушкарей за явку положить в год по меньшей явке. А с красных заморских питей с продавца имать с рубля по гривне ж. А в уезде на всех на пашенных людей покотельщина с винного и пивного котла порознь, — а питье в города подвозить учнут подрядом, и то объявлять, а за бочку пива или меду что цена, то и пошлин взять».

Во Пскове получен царский указ о вводе этого нового порядка продажи питей, и указу этому не хотят верить. Лучшие люди, делая с него списки, посылают при челобитных к царю, и просят у него нового указа, а молодые жалуются на лучших, что они царского указа не слушаются. Наконец, свободная продажа питей введена, и Псков как будто переродился: «И явные о том знаки во Пскове, как учала быть питейная пошлина в домах с большим укреплением, и хлеб во Пскове учал быть к торгу дешевле, и всяким людям от выемок и от разоренья свободнее, а что кабацкие избы, где всякое безчиние и смрад был, а ныне в тех местах устроены обиталища убогим, а те избы всякого благочиния исполнены».

Нащокин был во Пскове с марта 1665 по октябрь 1666 года, когда его сменил Хованский — враг всяких нововведений. Этим воспользовались лучшие люди, подали ему челобитную о нововведённых порядках, вследствие чего Хованский и написал царю, что «ныне во Пскове учинены вновь шинки, и в тех шинках пьют безвременно, и от того смотреть доброго опричь всякого дурна не из чего, и что казне великого государя питейной прибыли перед прежним сбором будет недобор большой, а прежний де оклад 9000 рублей, а ныне на откуп дают 6000 рублей, а чаёт де сберетца и 7000 рублей, а шинкари де в два месяца, на сентябрь да на октябрь, принесли только 600 рублей, а того де сберетца на год 3600 рублей, а как тем шинкарям питейная прибыль отдана на веру ли, или на откуп, того в отписке имянно не отписано». Поэтому он просил шинки отставить, и быть по-прежнему кабакам по

старым местам, и отдать их на откуп, а если откупщиков не найдётся, то собирать на веру *лучшим людям...*

К этому прибавлен был донос на Нащокина: «И в челобитной, государь, писано слагательно, некто писал умной человек, а мужикам было так не сложить, а многие, государь, статьи в ней писаны к нынешним волям, что было заведено не делом, без твоего государева указа, от своих вымыслов, а будто в нынешнем 1666 году присланы из съезжей избы памяти, питейной промысл отставить и быть кабаку в одном месте, а то солгано: кабаку быть не в одном месте, а где прежде бывали. И посадские, государь, *лучшие люди*, и сказки за своими руками многие дали, *что они от тех шинков разорились*». Откупщик нашёлся, Кузьма Андреев Солодовников, и заплатил за месяц более чем вдвое против той прибыли, какую казна получала от продажи. Узнал про это Нащокин и написал царю: «Казано всяким делам быть по-прежнему, и разорен, государь, совет Божиих и твоих, великого государя, людей, а пущены во вражду и разоренье, в чем преж всего разорены напрасно». Но Хованского скоро сменил Великого-Гагин, и при нём вольные питейные промышленники, Давид Бахарев со товарищами, прислали в Москву челобитную, в которой объявили, что выборные люди, Семён Меншиков со товарищами, дружа друг другу, и видя, что будет казне великого государя сбор большой, «питейную прибыль отдали на откуп товарищу своему, выборному человеку Кузьме Андрееву, заводом, и, забыв страх божий и крестное целование, назвали наши оброчные дома шинками». Пришла и другая жалоба в Москву на откупщика Кузьму Андреева и его приятелей, которые устроили ему откуп, что откупная сумма очень мала, и что, несмотря на то, откупщик и товарищи его, лучшие люди, притесняют маломочных людей, не дают им приготовить у себя хмельных напитков в известных определённых законом случаях, корыстуются с кабаков, провозят товары, прокрадывая. Челобитная была принята во внимание, и пришёл с Москвы указ, чтоб выборные, Меншиков со товарищами, за то, что маломочным людям не помогали, а решали дела без городского и мирского вedomо, платили б

в год за кабаки 9336 рублей. Но осенью 1668 года пришла новая челобитная от земского старосты Котятникова и всех псковичей, чтоб *от кабацких продаж* была учинена полная свобода, как в Смоленске.

Лучшим людям в Москве мирволили, и челобитчикам было отказано. Царь не знал, что и делать, и спрашивал совета у Нащокина: «Как тому кабацкому сбору пристойно быть, и доимочныя деньги на ком взять, чтоб кабацкая прибыль напрасно не пропала, а людей бы не ожесточить». Нащокин счёл нужным объяснить ему всё дело. «В 1668 году, — говорил он, — я устроил Псковское государство с примера сторонних чужих земель к великой прибыли твоей государевой казне и Псковскому государству к полноте и расширению. Я сделал это, ни на что не прельщаясь, только видя вашу государскую премногую милость, исполняя свой долг и надеясь получить отпущение грехов в будущем веке. Но мое дело, государь, возненавижено немилосердными людьми, приказною мздою. Отказали Стеньке Котятникову в питейных сборах, но думные зачем забыли мою вину: я и в Смоленске то же самое сделал! А Псков важнее Смоленска, лежит на рубеже двух чужих земель; жители в городе и уездах пришли в последнюю нищету, и без такого устава помочь им нечем. Всячески приводя в согласие людей Божиих и государевых, я наговаривал и писал во Пскове, и ко мне изо Пскова писал дьяк Мина Гробов, что усердно радеет, как бы прекратить разделение между псковичами, и на ком довелось кабацкую недоимку доправить, то у них уже решено; решено и то, чему во Пскове быть прочнее. Надеюсь на твою государскую милость, я в Смоленске твоим указом пример учинил, товарищи мои, думные дьяки, это знали, и если, государь, в Смоленске в питейном доме зла не сделалось, и как теперь там дело идет — в Посольском приказе известно, то во Пскове было бы гораздо больше прибыли, чем в Смоленске».

Царь решил спросить всех жителей Пскова, чего они хотят, и что выгоднее для казны: *питейные дома* (шинки, вольные дома) или *кабаки*. Архимандрит Арсений, как святую панагию носит, во всякой правде сказал, и архимандрит,

игумны и строители, игумены и строительницы подтвердили, что «питейным домам быть нельзя», потому что народ не обогатится, а пьянство будет большое. Из крестьян одни сказали, что «питейным домам можно быть по-прежнему, а кабакам быть непристойно»; другие же 670 крестьян, вместе с дворянами, казаками, стрельцами, пушкарями и воротниками, которых всего было 2115 человек, сказали, что «они не знают». В Москве последовало решение — отдать кабаки на откуп! Стали вызывать откупщиков, но откупщиков не нашлось. Нащокин долго ещё боролся с московской приказной мздой, потакавшей кабацким откупам. «На Москве, — писал он к царю, — не радят о государевых делах, — эй, дурно! Царь, думные дьяки занимаются хитростями и кружечными делами!» Но, видя потом, что это «дурно» неисправимо, и идёт всё шире и дальше, честный гражданин вдруг оставил свет и удалился в монастырь Саввы Крыпецкого, в двадцати верстах от Пскова.

Слова Крижанича и Ордына-Нащокина погибли, не оставив никакого следа: кабаки и кабацкая жизнь распространялись по всем углам русской земли.

Глава XII

Распространение кабаков с 1552 года до начала XVIII века

Мы видели, что около 1552 года во всём Московском царстве был один лишь большой царёв кабак, стоявший в Москве на Балчуге. Царь Фёдор будто бы велел сломать его и уничтожить, но это не помешало ему тотчас же по смерти отца пожаловать Ивана Петровича Шуйского городом Псковом *с тамгою и с кабаки*: «Государь царь Федоръ Ивановичъ, послѣ отца своего смерти, князя Ивана Петровича Шуйскаго пожаловалъ великимъ жалованиемъ, въ кормленіе Псковомъ обѣми половинами, и съ пригороды, и съ тамгою, и съ каба-

ки, чего некоторому боярину не даывалъ государь». Флетчер (1588–89) писал, что в его время уже в каждом большом городе стоял кабак: «In every great towne he hath a Caback, where is sold aqua vitae, which they cal Russe wine, mead, beere». Борис Годунов (1598–1605), сделавшись царём, вновь открыл кабак на Балчуге и завёл откупные кабаки по городам. Палицын говорит: «Оскверни царь Борисъ неправеднымъ прибиткомъ вся дани своя: корчбнищи бо пьянству, и душегубству, и блуду желателне, во всѣхъ градѣхъ въ прикупъ высокъ воздвигше цѣну кабаковъ, и инѣхъ откуповъ черезъ мѣру много бысть, да тѣмъ милостыню творить, и церкви строить, и смѣшавъ клятву со благословеніемъ и одолѣ злоба благочестію».¹¹⁹ То же, по словам Карамзина, было записано в летописи: «Уставил Борис в России и пошлину имати со всяких товаров, и мыты, и перевозки, и вино продавати от казны». Но в то же время писатели хронографов не стыдились расхваливать Бориса, что он покусился корчемства, свободной торговли вином. В хронографе, бывшем у Карамзина, записано: «Государь наш царь Борис Федорович ко мздоиманию зело бысть ненавистен, разбойства и татьбы и корчемства много покусился, еже бы в свое царство таковое неблагоугодное дело искоренити, но не возможе отнюдь». В то же время один иностранец, лютеранский поп, по поводу кабаков сочинил про Бориса целую романтическую историю вроде того, что «отдамъ послѣднюю рубашку». Желая истребить грубые пороки, говорит Бер, Борис запретил пьянство и содержание питейных домов, объявив, что скорее помилует вора или убийцу, нежели того, кто вопреки указу осмелится открывать кружечный двор. «Пусть дома, — будто бы говорил Годунов, — каждый ест и пьёт, сколько хочет; может и гостей пригласить, но никто да не дерзнёт продавать вино москвитянам. Ежели же содержавшие питейные дома не имеют иных средств к пропитанию, пусть подадут просьбы: они получают земли и поместья».¹²⁰ Арцыбашев,¹²¹ приводя это известие, справедливо заметил, что Бер не понял указа Годунова, запрещавшего корчемство, то есть вольную продажу питей.

Новозаведённые кабаки казались народу насилием; народ помнил ещё свой старый быт, а потому, при появлении царёва кабака, сейчас писали просьбу о том, чтобы кабак снести. Люди Вельского стана, крестьяне Бориса Годунова, в 1594 году били ему челом, чтоб кабак снести, и Борис велел снести кабак, приказав, однако, смотреть, чтоб продажного питья не было, и в отвоз с вином не ездили, а «лучшие отрядные крестьяне, кому можно (?), питье держат в своих домах, и они бы держали про себя и не продавали». ¹²² В Новгороде этого времени было уже два кабака, от которых нужда, теснота, убытки и оскудение учинились; поэтому царь Борис Годунов, царица, царские дети по жалобе гостей и всех посадских людей Новгорода денежные доходы с кабаков отставили, а кабакам на посаде быть не велели. Муромские богаделенные старцы, двенадцать человек, подали челобитную царю Михаилу Фёдоровичу и писцам Борису Дмитриевичу Бартенёву да подьячему Михаилу Максимовичу, и в челобитной писали: «После де московскаго разорения, как приходил к Мурому пан Лисовский, дали де им муромцы, посадские люди, под богадельню пустовое место, а ныне де подле тое богадельни учинился государев кабак, а им де подле того кабака жить не мочно, а государь бы их пожаловал, велел бы им дати пустое место в Муроме на посаде, и по этой челобитной дано богаделенным старцам пустое место под богадельню». В 1638 году крестьяне Устюжского уезда, Онтропьевы слободки, били челом, что у них «заводчик корчму держит сильно, а преж деи сего у них корчмы не бывало (?) в той слободке, и та де их слободка стоит на дорогах, на великопермской, и на вятцкой, и на вологодской, и с тех де дорог у них на корчму приходят всякие люди, тати, и разбойники, и костари». Царь их пожаловал, велел заводчику «корчмы в той слободке не держати и *пива ему не варити*». В 1676 году крестьяне Веницкого погоста, жалуясь на кабацкого голову и целовальников, просили уничтожить у них кабак, а сумму питейного сбора разложить на них по-прежнему в виде оброка.

Рядом с царскими кабаками распространялись по городам и кабаки боярские. Кормленье тамгою и кабаком, не из-

вестное доселе ни князьям, получавшим уделы, ни боярам, кормившимся от поместий, — теперь, с половины XVI века, стало желанной целью и князей и бояр. Ещё в 1548 году Иван IV отдал боярину Игнатью Борисовичу Голохвастову в кормление город Шую «с правдою, съ пятномъ и съ корчмою». В Москве после 1552 года он построил кабак для опричников; в 1570 году немцы Таубе и Краузе, выдававшие себя за римских дворян, получили от него право продавать мёд и вино. Царь Фёдор, вступив на престол, пожаловал кабаком Шуйского. Наступило Смутное время, и московские бояре, являясь к польскому королю, предлагали ему воспользоваться кабацкими доходами Московского царства, причём не забывали и себя, и себе выпрашивали тамги и кабаков. Михаил Салтыков со товарищами, делая в 1610 году договор о призвании на московский престол Владислава, десятым пунктом этого договора постановили: «Пожитки, доходы господарские всякие съ городовъ, съ волостей, такожь съ кабаковъ и съ тамги гроши велить господарь его милость выбирать по давному». Избрав на царский престол поляка Владислава, московские сановники бросились просить у его отца, Сигизмунда III, отчин и кабаков. В длинном ряду этих искателей кабачной мзды мы встречаем дьяка Чичерина, получившего сельцо Лыжино с тамгою и со всякою пошлиною; крайчему Льву Афанасьеву даны в Новгородском уезде в Бежецкой пятине дворцовая волостка Липенская и рядом Боровичи *с кабаком, и с тамгою, и с перевозом*; окольникову князю Ф. Ф. Мещерскому дано в Новоторжском уезде село Кушалино с деревнями, тамгою и кабаком; дьяку Степану Михайлову Соловецкому в Старицком уезде дано дворцовое село Детунино с пошлиною и кабаком; Ивану Тарасовичу Грамотину в Вологде, в Красной Слободе, в Темникове *кабак и тамга*, и, наконец, Маржерету,¹²³ вместо его села с деревнями и кабаком, которое от него отошло и отдано кому-то иному, пожалованы поместья в Двинском уезде. Подобным образом выдано разным лицам из бояр восемьсот различных привилегий на земли и оброки, и подобные же милости бояре не прочь были получать от Тушинского и других воров.¹²⁴

Раздача кабаков боярам продолжалась и в последующее время. В 1629 году боярам князю Юрию и брату его Мамеште (мирзе) Шулешевым (татарам) были даны в Муромском уезде: село Карачарово с кабаком, да деревня Новая *с тамгою и кабаком*. В 1645 году боярину князю Александру Михайловичу Львову (ярославскому) пожалованы в Ярославле на посаде рыбные ловецкие слободы да *кабак*. Интересно узнать, что в числе всех этих бояр, которые, местничая между собою, чтоб не быть бесчестным, заняв место пониже, не нашлось ни одного, который решился бы отказаться от кабака. И во множестве дел о местах вы тщетно будете искать случая, чтобы кто-нибудь счёл за бесчестье сидеть или служить рядом с владельцем кабака, а между тем Хилков не хотел быть ниже Пожарского, которого родители бывали в приказчиках. Такова была гражданская честь, лёгшая в основу Московского царства.

В период Смутного времени распространение царёва кабака должно было притихнуть. «Для Смутного времени, — писали в 1611 году в Пермь казанские воеводы, — кабаки заперты были по многое время». Кончилось Смутное время. Земским собором 1613 года выбран на царство шестнадцатилетний Михаил Фёдорович, и снова пошли по городам приказания, чтоб, опричь государева кабака, питья никто не держал. Грамотой 1614 года из Галицкой чети белозерскому воеводе велено на Белоозере «квасной и сусленой кабак завести, и держати на веру, а целовальников выбирать посадских людей, а двор кабацкой поставити тем людям, кто старой кабацкой двор разволочил». Белозерцы завели сусленой и квасной кабак, и по 28 января прибыли оказалось 13 рублей два алтына с деньгою, да казаки отняли у суслиного и квасного кабака два воза солоду, посланного на мельницу, а про двор кабацкий белозерцы доносили, что его пока нет, потому что старый растаскали в литовское разоренье, и они нашли одну клетку от кабака, а ныне целовальники «квас и сусло варят для поспешенья в городе, а кабацкой двор учнут ставити, как будут прибыльные деньги». Но в грамоте следующего года опять велят поставити кабак тем людям, кто его развёз.

Кабацкая прибыль по-прежнему сделалась источником для удовлетворения всяческих нужд царя, начиная от государственных и до семейных. Умерла в 1615 году в Суздали царица-старлица Александра, и указом царя велено было, чтоб тотчас взяли на её погребение из кабацких денег пятьдесят рублей. Царь и патриарх, собрав в 1620 году московских гостей для переговоров о торговле с Джоном Мериком,¹²⁵ объявили откровенно, что нет других доходов, как от таможи и кабака: «Ведомо вам всем, что по грехам в Московском государстве от войны во всем скудость и государской казны нет нисколько; кроме таможенных пошлин и кабацких денег государевым деньгам сбору нет». В наказе воеводам, отправленном в Новгород в 1617 году, приказано было «беречь накрепко, и vybrати детей боярских сверстных, и велети им корчмы выймати у всяких людей, *чтоб oprичь государевых кабаков никто питья на продажу не держал*». В 1627 и 1628 годах князь Василий Туренин да дьяк Третьяк Копнин во Пскове «поставили на государя варницу на кабаки варити, и церковное вино отняли на государя у торговых людей, продавати верным целовальникам дорогою ценою, их же умышлением на откуп дали квасников». В 1629 году купили на Москве кабаки псковские Ивана Никитина закладчик Хмелевский со товарищами и продавали вино по 4 алтына стопу, а стоп убавили. Другие люди откупали кабаки по волостям. «В 1639 году (говорит царская грамота) ведомо учинилось, что в городах, приписанных к Новгородской четверти, в недавнее время взяты на откуп квас, сусло, брага, батвинья, которыми в городе живут и кормятся и тягло платят посадские и всякие жилецкие люди».

В 1645 году умер Михаил Фёдорович, и царский престол достался Алексею Михайловичу, шестнадцатилетнему царевичу. Налоги, притеснения, грабёж бояр и откупщиков дошли до того, что вызвали в Москве мятеж. Это было летом 1648 года. В этом же году был Земский собор, созванный для устройства земли, и выборные прямо заявляли, что на Москве и около Москвы заведены на государевой земле патриаршие, монастырские, боярские и других чинов слободы, где живут

закладчики и их дворовые люди, что они накупили себе и в заклад побрали лавки, погреба, откупают таможни, кабаки и всякие откупы, а от того служилые и тяглые люди обнищали и одолжали. И затем они просили, чтоб право винокурения и продажи вина передано было казне. А между тем московские бояре и дьяки успели составить Уложение (1649), которое предоставляло откупщикам ещё большие права. Велено было «до году на откупщиков однолишно никому суда не давати, чтобы откупщиков ни от кого напрасныя продажи не было, и отдавать кабаки и иные всякие откупы на откуп государевым посадским людям и дворцовых сел и волостным крестьянам, а иным ничьим людям и крестьянам никаких откупов не отдавати». То же повторялось в другой главе: «В головах и целовальниках на кабаках, которые кабаки в городах и уездах, в государевых дворцовых селах, и в черных волостях, опричь посадских людей и дворцовых сел крестьян ничьим людям и крестьяном не быти». С откупщиков, которые откупят городские кабаки, велено брать по полуосме деньги с рубля. В декабре 1651 года откупа были уничтожены, восстановлена старая продажа на вере, кабаки названы кружечными дворами (сокращённо *кружало*), и велено во всех государевых сёлах и городах, исключая меньших малолюдных сёл, быть *по одному кружечному двору*. В 1652 году были запрещены кабаки, принадлежавшие частным лицам, боярам, дворянам, жильцам и приказным, исключая духовенство, и оставлена одна казённая продажа на вере. «С недавнего времени, — писал Олеарий, — все частные кабаки (Kabaken) уничтожены, так как правительство нашло, что они отвлекают народ от работы и представляют ему удобный случай пропивать заработанные деньги; теперь уже никто не получит вина на две или три копейки, шиллинг или грош. Вместо этих частных кабаков, его царское величество приказал учредить в каждом городе кружечные дворы (*crosisnoj dwor*), откуда вино отпускается во все шинки и кабаки, ими заведуют двое присяжных, которые должны ежегодно вносить в казну его царского величества известную сумму денег. Несмотря на это, пьянство не уменьшается... В настоящее время таких

кружечных дворов во всём государстве считается до тысячи. Они приносят государю огромные деньги... Прежде бояре и другие знатные вельможи имели право содержать в различных местах государства свои кабаки. Все они, подобно великому князю, отдавали их в аренду известным лицам; но так как арендная плата была ими поднята очень высоко, то многие из откупщиков должны были разориться. Поэтому в настоящее время постановлено, чтоб никто из бояр или вельмож не смел держать кабаков. Все они теперь находятся в управлении великого князя. Он повелел выстроить в каждом городе особенные дома, откуда можно бы было за известную цену получать водку, пиво и мёд, а деньги вносить в его казну».¹²⁶

Несмотря на уничтожение откупов и кабаков, те и другие продолжали существовать; и снова во всех городах было сказано кабацким верным головам, и целовальникам, и откупщикам, чтобы они на 1653 год на кабаках больших запасов не припасали, потому что с этого года в городах кабаков не будет, а будет по одному кружечному двору. По случаю страшного пьянства, развившегося в Москве, было приказано, чтобы в Великий пост для постного времени и о Светлой недели (?) с кабаков кабацкого вина и пива и мёду не продавали, и кабаки запечатать; а что в это время продажного питья бывало, и то им, кабацким головам и откупщикам, зачесть одним в сбор, другим в откуп. В июле 1652 года был избран в патриархи Никон. 11 августа в его присутствии был в Москве *собор о кабаках*, и на пятый день (16 августа) была уже написана грамота в Углич, в которой царь говорил: «11 августа советовав мы с отцом своим и богомольцем святейшим патриархом Никоном, и со всем освященным собором, и с бояры, и с окольными, и со всеми нашими думными людьми о кабаках, и указали: во всех городах, где были наперед сего кабаки, быти по одному кружечному двору, а в меньших, где малоллюдно, в тех селах кружечным дворам не быть. Всем кружечным дворам быть на вере, и которые кабаки были на откупу, а урочные годы не отошли, и те кабаки у них взять, а за заводы кабацкие и за запасы платить им, но только те,

которые надобны будут к кружечным дворам, а за лишние заводы и запасы не платить. Продавать вино по одной чарке одному человеку, а больше той указанной чарки одному человеку не продавать, и на кружечных дворах и близко двора питухом сидеть и питье давать (им) не велено, а ярышкам (кабацкие ярыги), и бражникам, и зернщикам на кружечном дворе не быть. По постам вина не продавать, священнический и иноческий чин на кружечный двор не пускать, *и вина им не продавать*; пива и меду не припасать и не продавать, а что пива и меду останется, то продать до сентября 1653 года». Таким образом, на кабаках осталась одна лишь водка... Затем в грамоте шли обычные наставления головам и целовальникам, и, как бы по привычке, снова говорилось о кабаке: «А то им головам и целовальникам сказать, чтоб им с того кабака (углицкого) и с тамги собрать перед прежним с прибылью». И грамота, выражаясь так, не ошибалась: московского кабака нельзя уж было искоренить, и тем более одной переменной названия, как нельзя было уничтожить пьянства приказом продавать вино только по одной чарке.

Хуже всего было то, что запрещено было продавать в кабаках пиво и мёд, но это было только на время. В уставных грамотах следующего года (на Мологу) велят пиво и мёд продавать по-прежнему. Как бы то ни было, но грамота об уничтожении откупов была принята народом с радостью, и память о ней сохранялась, как увидим, до половины XVIII века. Этой грамотой запрещалось питухам сидеть близ кружечных дворов. Но в 1659 году в царской грамоте на Двину снова предписывалось головам и целовальникам стараться, чтобы «великого государя казне учинить прибыль, и *питухов с кружечных дворов не отгонять*». В 1652 году по случаю того, что хлеб покупали недорогою ценою, вино продавали осьмивершковое ведро в чарки по полтора рубля, в кружки по сорок алтын, в вёдра от двадцати до тридцати алтын за ведро. В 1660 году была дороговизна хлеба, и царь с боярами велел продавать вино в Москве в чарки по четыре рубля, а в кружки и в вёдра по три рубля; во всех остальных городах, опричь низовских, которые ниже Казани, по три рубля ве-

дро. При этом прибавлялось, что у крестьян, которые «учнут курить вино и продавать его, *сечь руки и ссылать в Сибирь*». Но во всех городах вино продавали не по три, а по четыре рубля. В 1661 году цена вину увеличена, и велено продавать его по пять рублей ведро.

Проходит со времени уничтожения откупов одиннадцать лет, и в 1663 году велят для пополнения казны великого государя во всех городах и пригородах, в помещиковых и вотчинниковых сёлах, в слободах и деревнях с 1 сентября 1664 года «кабакам и кружечным дворам быть на откупу и на вере». В 1664 году велено в Холмогорах на посаде мелкие кабаки свести, а быть одному кружечному двору; но, несмотря на запрещенье, выборные всё-таки продавали вино в шести местах. В том же году послан был указ во все города Новгородской чети, чтоб везде, где были кабаки сведены и велено быть по одному кружечному двору, впредь кружечным дворам быть не велено, *а кабакам, где они были наперёд сего, на тех же на всех местах быть по-прежнему*. Так-то мудрили московские подьячие, наживавшие от кабаков, которыми торговали, большие деньги! Мы уже видели, что в 1668 году Ордын-Нащокин приписывал приказной мзде все эти потачки кабаку и откупу, столь ненавистным народу. «Эй, дурно!» — писал к царю честный гражданин, и слова его сбылись.¹²⁷

Начались мятежи, поднимаемые толпами кабацкой голи. За бунтом московской черни 1648 года последовал мятеж в Сольвычегодске и Пскове от *худых людишек*, которые и в село Коломенское приходили *с большим невежеством*, и наконец громадный бунт Стеньки Разина. Народ был озлоблен против бояр. 26 мая 1648 года во время мятежа, вызванного Плещеевым и Траханиотовым, в Китай-городе загорелся кружечный двор. В одиннадцать часов вечера иностранцы смотрели, как он горит. Вдруг увидели они вдалеке монаха, который тащил что-то с неимоверным усилием. Поравнявшись с ними, монах стал просить, чтоб они помогли ему бросить в огонь труп злодея Плещеева, которого он влачил за собой. Монах утверждал, что только этим средством можно

унять огонь. Иностранцы отказали ему в пособии, а он начал их клясть. Пришли к нему на подмогу люди, бросили труп в огонь, и, действительно, пламя стало ослабевать (свидетельство Олеария).

Остановимся здесь на последних днях царствования Алексея Михайловича и посмотрим, как в XVII веке распространялись по городам кабацкие откупы, и что это были за кабаки... Возьмём для примера город Шую.

Мы уже встречались с Шуей в 1548 году. Кабаков тогда ещё не было, и в Шуе была корчма. К концу Смутного времени, в 1611 году, в Шуе уже был кабак; кабацким целовальником — Иван Павлов Завьялов. Польские и литовские люди приходят в Шую воевать её, посадские людишки скитаются по миру, *меж двор*, а тут ещё с Москвы от бояр и воевод, и от стольника и воеводы от князя Д. М. Пожарского прислан с наказом Василий Ртищев, и ему велено взять с посаду тридцать пудов мёда да двадцать вёдер вина, и Ртищев доправил их, а шуяне плачутся: «Государи, смилуйтея пожалуйста!» В 1614 году шуяне жаловались на сыщика Кузминского и на суздальских и шуйских губных старост, что они «питье из кабака емлют силою». В 1628 году в Шуе кабацким откупщиком москвитин Мишка Никифоров со товарищами, сменивший верного голову Ивана Володимирова. В пятнадцати верстах от Шуи стояло село Дунилово (178 дворов, 37 лавок, 7 амбаров, 40 навесов, 6 полков, 3 солодовки), в нём в 1632 году был кабак за пашенным крестьянином за Михаилом Васильевым со товарищами, да ещё были две харчевни. Оброку с кабака платили 590 рублей 4 копейки на год. Село это, как видно, было богаче Шуи, где в следующем году кабак платил только 200 рублей. На шуйском посаде по писцовым книгам считалось 154 двора, и в том числе 32 — запустелых. В 1640 году случился пожар, сгорело 82 двора, осталось 40 разломанных дворишек, да сгорел ещё кабацкий двор, нужно было ставить его; но несмотря на пожарище, шуяне стоят на правеже в недоимочных дворовых деньгах за запустелые дворы. А тут ещё с Москвы приходит царская грамота: «В Шую из посадских людей выбрать на Углич верного голову к

кабацкому сбору». Шуяне пишут челобитную, чтоб государь смилловался, не велел бы выбирать в Углич кабацкого голову, и чтоб шуянам «от такого разорения, стоячи на правеже, от голоду и стужи не погибнуть». Это было зимним временем. Спустя год в Шуе опять был кабак — а недельщик Андрей Мантуров сыскивал в Шуе про попа Антипа, и шуяне дали сказку, что тот поп «на кабак ходит и пьёт, и с кабака покупаячи пьёт, и к себе на двор носит». В 1643 году шуйский кабак — на вере, кабацким головою — суздалец, посадский человек Никитин Жилин; а кабацкими целовальниками — шуйские посадские люди Тихон Иконник со товарищами. На них бил челом царю шуянин Ивашко Тихонов, что его отец пьёт у них на кабаке безобразно, а голова и целовальники кабацкого питья дают ему в долг «не по животом и промыслу». В то же время земский староста Мишка Осипов, от себя и во всех шуян посадских место, бил челом царю на шуянина Короба, что он пьёт и бражничает безобразно, и зернью и карты играет, и жену свою бьёт и мучит не по закону.

Но в других кабаках самим целовальникам приходилось жаловаться на обывателей. Жители соседнего с Шуей города Лухи в 1654 году всем городом били челом царю, что приказчик села Мыту князя Репнина Пётр Шибаев собрался «со многими людьми, и с пищальми и с рогатины и с бердыши, поехал в город Луху, чтоб избить воеводу, а от съезжей избы поехал на луховский кабак, и на кабаке у стойщиков стал чуланы разбивать и питья даром прошать, и стойщики все разбежались, покинув питье». В 1630 году шуяне жаловались, что у них в городе более тридцати человек «сидят по выборам, да из них же сидят в Суздальском уезде у таможенного сбору, да в Ивановской слободе на кружечном дворе, и сидят без перемены пятый год, а Ивановская слободка — Суздальского, а не Шуйского уезда, а прежде там были суздальские выборные». В 1660 году они послали новую жалобу на воеводу Боркова, что 26 сентября он избил, заперши у себя на дворе, выборного посадского человека, кружечного двора голову Ганку Карпова до полусмерти, и ныне тот голова от его «воеводских побой изувечен, а на кружечном дворе пи-

теру нет и промысл остановили, и сборным целовальникам стало не в мочь». На Ганку Карпова пошёл особый донос от воеводы, что у него в кабаке беспорядки. Из Москвы пришло повеление сыскать, правда ли, что голова Карпов на воскресенье и в воскресенье во весь день продавал вино по стойкам; правда ли, что он воеводе Боркову учинил непослушание, и питьё в стойках печатать не давал и прочее. Шуяне сказали, что они того не ведают, знают только, что у воеводы Боркова с головою Карповым была ссора. Пришли к церкви Божией на паперть священники и шуйский земский староста и призвали туда воеводу и голову, и голова Карпов говорил воеводе Боркову, что «убил де ты меня, Иван Иванович, напрасно». А он на это сказал: «Ты де, голова, меня бранил и невежливые слова говорил». И священники с земским старостой, выслушав ту ссору, их помирили.

В кабаках пропивались люди всех сословий, светские и духовные. В 1678 году по указу архиепископа суздальского был розыск про диакона Лариона, и шуяне показали, что «Шуи города соборные церкви диакон Ларион на кабаке и по улицам валяется, и по харчевням скитается, и, приходя пьян к соборной церкви, в колокола бьёт и градом всем возмущает, и в церковь божую не ходит, всегда по улицам ходя, по ночам и в день кричит». В 1677 году опять по указу архиепископа суздальского был розыск про попа Григория, и спрашивали у шуян: «А пономарь все пьян валяется ли? Да поп Григорей в беседах напивается ли пьян и озорничает ли? Всякого скаречною бранию, мужской пол и женский, бранит ли? Ст... у... на беседах и по улицам ходя, выставляя, показывает ли?» Шуяне сказали: «Ей же, ей». Архимандрит шуйского монастыря с братиею били челом царю на старца Саватея, что живёт не по монашескому чину: на кабаке пьёт, и иноческое с себя пропивает, и зернью играет.

В 1690 году шуйский кабак стал разваливаться; изба, вход винный и ледники пивные от ветхости обвалились, а кубы винные, и бражные, и пивные, и бочки, и колоды — все сгнило и обвалилось. И нововыбранный кабацкий голова Якушка Голятин доносил, что быть в кабаке «никоими мера-

ми не мочно». На следующий год был выбран новый голова Лука Котельник, и ему велено было починить кабак под наблюдением земского старосты и посадских людей. В 1710 году во время пожара в Шуе сгорели на кружечном дворе выход винный большой, пивные два выхода и новостройная питейная изба, да ещё две избы, да приёмного у купчин вина 750 вёдер, пива 3260 вёдер, мёду 10 вёдер 3 четверти, 3 амбара хлебных и запасу в них, приготовленного для кружечного двора: ржи 150 четвертей, овса 200 четвертей; и осталось только «на кружечном дворе в отхожем погребе (в отхожем малом выходе) вина малое число — ведер 300». И шуяне доносили, что «без земской, и таможенной, и долговой изб, и кружечного двора быть и пошлины собирать невозможно (а на продажу вина вскоре будет оскудение)». Шуйский кабак, видно, торговал хорошо и скоро вместо одного кабака явилось несколько, явилась даже целая кабацкая улица, называвшаяся Кабацкий десяток. Но в 1738 году был новый пожар: сгорели два кабака, *большой* и *заверняйка*,¹²⁸ два выхода откупщика Зубкова с запасным подставным вином, одна питейная изба, одна стойка и кружечный двор. В соседнем селе Иванове также было несколько кабаков. В 1775 году в Иванове сгорело два кабака, *большой* и *подпушечный*, и выгорела целая улица кабацкая. В 1795 году доход с шуйского кружечного двора и с кабаков дошёл до 1631 рубля 16 алтын 4 денег.

Из примера города Шуи видно, что кабаки были то на вере, то на откупу. Так было и по другим городам. В 1667–78 годах пошлину на вере собирали в кабаках: в Великом Новгороде, в Старой Русе, во Пскове и пригородах, на Вологде, в Нижнем Новгороде и в Нижегородском уезде, на кабаках на Великовражеском, на Юркинском, на Вельдемановском, на Пожаровском, на Столбицком, на Терюшеве, в Константинове да в Новом.

Вот одна из записей, связанных с откупами: «В псковском пригороде во Гдове питейная прибыль в откупу за псковитянином посадским человеком за Куземкою Андреевым. В псковском же пригороде, на красном, кабак в откупу у псковитина

посадского человека Опашки Лодейникова. У Архангельска квасная продажа у бани в откупу за колмогорским посадским человеком Ивашком Игнатьевым. В Нижегородском уезде в селе Гридана торжок и кабак в откупу за вязниковцем за Ларкою Кириловым. Да в селах Ватрасское, Ананьинское, Андошовское, Шихмановское кабаки и торжки в откупу за нижегородцем, посадским человеком за Андрюшкою Михалевым. В селе Троицком шелокшенский кабак в откупу за кадашевцем за Ондрюшкою Луковниковым. В селе Лопатицах да под древнею Слопинцом торжок и кабак на откупу за ярополчанином за Федькою Суворовым. В селе Ключицах кабак в откупу за нижегородцем посадским человеком за Бориском Белоборовым. Да в Нижнем же на посаде укусный промысел в откупу за нижегородцем посадским человеком за Андреянком Михалевым. В Вятском уезде в Шестакове таможня и кабак, да в Котельниче кабак в откупу за вятчанином за Федькою Зверовым, и откупщик Федька те кабаки отказал. В Арзамаском уезде в вотчине боярина князя Ивана Алексеевича Воротынского в селе Никитине кабак и торжок на откупу того ж села за крестьяны. В том же уезде в селе Гагине торжок и кабак в откупу за садовником за Ортюшкою Хвасливым. В вотчине бояр князя Федора да князя Григория Григорьевичев Ромодановских в селе Лопатине торжок и кабак на откупу. В вотчине окольничих Василья и Григорья Микифоровичев Собакиных в селе Круглом кабак в откупу того ж села за крестьяны. На Олонце на посаде кружечный двор в откупу за олончанином за Сидорком Заветного. В Олонецком уезде шуйский кружечной двор на откупу за олончанином за Савкою Ларионовым. В Каргопольском уезде устьмошской кабак на откупу тое ж Устьможской волости за всеми крестьяны. В Старой Русе таможня и кабак на откупу за новгородцы, посадскими людьми за Васильем Проежаловым со товарищи. В Приказе володимирской чети в городах: в Володимире на посаде, и Володимирском уезде, в деревнях Лаптеве, да в Хорышовке; в Переславле Рязанском, в селе Путятине, в Печерниках, в Пронску, в Калуге, на Михайлове, в Ржеве Пустой и в Заполье, в Твери, в Торусе, на Туле, в Боровску, в Верее, в

Волхове, на Кропивне, в Луху, в Торжку, в Печерниках, в Рязском, в Зарайску таможенную и питейную прибыль собирают на вере тех же городов жилецкие люди. В Вологодском уезде, в селе Гуском погост (!), торжок и кабак Басманной слободы (в Москве) за тяглецом за Кондрашкою Алексеевым. В деревне Липне кабак в откупу огородной слободы за тяглецом за Данилком Павловым. В Переславском уезде Рязанского в Перевицком стану кружечный двор в откупу за переславским рыболовом за Демкою Колмаковым. В Воротынску кружечной двор в откупу за кадашевцем за Лучкою Аргуновым. В Волоколамском кружечной двор в откупу гостинной сотни за Петром Исаевым. В Торуском уезде на Оке реке, да на устье реки Поротвы перевозы и рыбные ловли и кабаки в откупу по нынешний по 186 год (1678), а в 198 году те перевозы, рыбные ловли и кабаки велено собирать на вере. В Сапожке кружечный двор в откупу села Дединова за крестьянином за Петрушкою Кислым. В Тульском уезде на Упской гати кабак на откупу за тулянином, посадским человеком за Трошкою Душкиным. В Боровском уезде в селе Ростунове кабак на откупу за Петром Исаевым. В Зарайску кабак в откупу гостиные сотни за Петром Исаевым. Приказу галицкия чети в городах: в Суздале, в Галиче да в галицких пригородах, у Соли Галицкой, на Унже, в селе Корцове, в Шуе, в селе Солтанове, на Колмине, на Кошире, в Ростове, в Юрьеве-Польском, в Колшне кабацкия прибыли собирают верные головы и целовальники. В Суздальском уезде в селе Островцове на откупу стольника князь Ивана княж Михайлова сына за крестьянином за Якушком Рамининым. В Галицком уезде в селе Столбове кабак в откупу за крестьянином князь Ромодановского за Якушком Дементьевым. В Коломенском уезде в селе Малине кабак в откупу боярина князя Юрья Алексеевича Долгорукова того ж села за крестьянином за Ивашком Наумовым, да за кадашевцем за Петром Исаевым. В Коширском уезде в селе Люблине кабак в откупу за кадашевцем Петром Исаевым».

К 1677 году относится одна опись, указывающая на кабацкую прибыль по некоторым городам. Сборов с таможен и с кружечных дворов шло с Устюга с уездом 6782 рубля, с

Сольвычегодска 3662 рубля, с Тотьмы 2350 рублей, с Вязьмы 1196 рублей, с Можайска 1196 рублей. Одних кружечных сборов шло с Рузы 175 рублей, со Ржева Володимирова 328 рублей, со Старицы 292 рубля, с Бежецкого Верха 477 рублей. В 1651 году городенский кабак в Устюжской четверти был обязан выбрать оклада 674 рубля 22 алтын 2 деньги, по 56 рублей по 7 алтын в месяц, и по рублю по 28 алтын с полуденьгою в день. В 1670 году с кружечного двора в Устюге Великом сходило 4530 рублей. Вино на кружечные дворы доставлялось в большом количестве. В 1683 году с московского отдаточного двора послано было в Соликамск на усольские кружечные дворы десять тысяч вёдер, в Чердынь две тысячи вёдер, в Кайгород тысяча вёдер. Олеарий (1639–43) записал, что «прежде в Новгороде каждый из находящихся там трёх кабаков ежегодно приносил до 2000 рублей, а все вместе до 12000 рейхсталеров. Но когда боярские кабаки были запрещены, сумма эта увеличилась; в настоящее время таких кружечных дворов (хотя и не каждый из них приносит одинаковые доходы) во всём государстве считается до тысячи». По Штраусу, доходы от кабаков были несколько меньше; но зато кабаков в Москве, по его словам, было бесчисленное множество. По словам Коллинса,¹²⁹ жившего в Москве в 1659 году, от иных кабаков в Москве получали ежегодно от десяти до двадцати тысяч рублей.

В 1676 году умер Алексей Михайлович, и московским царём сделался Фёдор Алексеевич. Ему было четырнадцать лет от роду. Посоветовавшись с патриархом и поговорив с боярами, новый царь в 1677 году опять запретил в малых сёлах продажу питей и на откуп и на вере, а в больших сёлах запретил отдавать кружечные дворы на откуп. Денежную прибыль велено было собирать из Приказа новой четверти. Но, несмотря на запрещение, в сёлах, близких к Москве, откупные кабаки оставались по-прежнему. В 1681 году на откупщиках оказалась многая недоимка, а у верных голов большие недоборы. В кабаках на вере, находившихся вблизи откупных, продажа остановилась, и в казне учинилась большая «истеря». Приказано было, чтоб все кабаки по-прежне-

му были на вере, *а откупу отнюдь нигде кружечным дворам не быть*. Кабаки бояр, помещиков и вотчинников, которые были за крестьянами их в поместьях и вотчинах, приказано свести и вновь не заводить. Цену вина уменьшили до полтины за ведро, наказав при этом, по обычаю, кабацким головам добыть во что бы ни было к 1682 году прибыли против прежних лет, и за то «к себе ожидать его государевы милости, и чтоб в том приборе, что собрано будет против прежних лет, голова и целовальники никакого опасения себе не держали». Явки были очень затруднительны, потому что нужно было сослаться с теми приказами, где ведались крестьяне, и вот, чтоб в тех пересылках «с приказы корчемной выемке мотчания и порухи не было, явке питей и выемке велено быть из Приказа большой казны».

Для оптовой и розничной продажи вина учреждён в Москве отдаточный двор: «А быть на Москве одному отдаточному двору, а вино и всякое питье продавать по местам, на которых местах для продажи вина и всякого питья наперед сего избы построены, или вновь где построить, и продавать. Московским жителям всяких чинов людям, сколько кому вина про себя понадобится, покупать на московском отдаточном дворе, а мимо московского отдаточного двора, в иных городах и в уездах, и в корчемных местах ни у кого вина не покупать. Продавать с московского отдаточного двора в ведра и в полуведра и в четверти, в ведра по полтине, а в четверти и чарки по 20 алтын, и для того такую малою ценою продавать, чтоб в корчмах отнюдь нигде продажи вина не было». Отдаточный двор был поручен выборным на вере, но выборным только по имени, ибо головой туда *назначили* гостя Игнатия Могутова не по очереди, а в целовальники к нему велели выбрать хоть кого и не по очереди же, «опричь тех, которые были в службе в последние четыре года. То же велено было сделать и в других городах, выбирая хоть кого и не в очередь: «А буде в котором городе и не из кого выбрать, то выбирать из других городов, а в малолюдных городах выбирать целовальников из стрельцов, казаков, драгунов, пушкарей, затинщиков». Чтоб сосредоточить главную продажу

вина и все выгоды от неё на одном московском отдаточном дворе, в 1682 году велят с кружечных дворов, которые от Москвы во 150 верстах и ближе, продавать вино по московским ценам для того, чтоб приезжие с Москвы и всяких чинов люди «мимо московского отдаточного двора вина не покупали»; а которые кружечные дворы от Москвы более 150 вёрст, там продавать вино «вольною ценою, почему приведется». Но на следующий год в дальних городах по вольной цене продавать запрещено, а велено продавать по московским ценам. Несмотря на все эти предосторожности и все эти меры прекратить корчемство усчитать выборных и увеличить потребление вина, на деле вышло то, что в Москве никто не хотел покупать казённого вина даже по полтине, на отдаточном дворе продажа остановилась, и «явился недобор многих».

Умер Фёдор Алексеевич (1682), и после некоторого времени сделался царём десятилетний Пётр. Сначала всё шло как будто царь и не менялся: кабаки по-старому плодили кабацкую голь, по-старому шли мятежи. «И в Московском государстве, — пишет Желябужский, — время было лихое, и шатание великое, а в людях смута». В 1685 году снова подтверждали о непродаже вина ниже указной цены, дабы не уменьшалась продажа его на отдаточном дворе. В том же году подтверждено московским жителям покупать вино непременно на отдаточном дворе, и вина в Москву не привозить. А для того, чтоб не привезли вина, всяких чинов городовым и уездным людям въезжать в Москву через Земляные ворота, в Земляном городе, у которых сделать надолбы, из Пушкарского приказа поставить караул из стрельцов, и смотреть им, чтоб торговцы не провозили корчемного вина.

Закон об уничтожении откупов никем не исполнялся, московские дьяки продолжали продавать откупа, и в 1690 году опять велено было отданные на откуп кабаки передать верным сборщикам. В 1691 году на Москве и во всех городах и уездах подтверждено питейную прибыль собирать на вере головам и целовальникам, «за выбором и досмотром мирских людей, а которые кружечные дворы отданы, вместо верного бранья, московской службе, на урочные годы, и тем сборам

в 1691 году быть потому ж на вере, а вино во всех кружечных дворах продавать указною ценою». В 1698 году устанавливают, чтоб явка питью была по-прежнему в Москве в Кудашове, в Садовниках, в дворцовых конюшенных и чёрных сотнях, и в слободах Новонемецкой, Стрелецкой, Пушкикарских, Воротниках и во всех московских властелинских и монастырских сёлах. На московский отдаточный двор вместо гостя Никифора Сырейщикова назначен головою Кирила Лобазный, а в ларёчные люди гостиной сотни Ефрем Боков, Сергей Чувасов, Евстрат Носов, Иов Софронов. И новому голове велено принять у прежнего головы медные заорлённые меры¹³⁰ и фортенные (от *кварта*) все избы¹³¹ со всяким дворовым каменным и деревянным строением и посудой.

Пётр, воротившийся в августе 1698 года из путешествия, вешал на виселицах крамольную Москву и приступал к своей реформации. Средством его реформаторским затеям по-прежнему служили кабаки, и Пётр шёл в этом случае по пути своих предшественников: принялся облагать питьё и еду народа. С тех пор, как в северо-восточной Руси заглохли корчмы, где народ *кормился*, получая пристанище, питьё и еду, их заменили *шалаш* и *лавочки*, упоминаемые ещё в платёжной рязанской книге 1104 года: «Да за лавками избы и шелаш, в них торгуют рыбой и мясом вареным, а оброку им давать с избы и с шелаша по три олтына». Впоследствии появились харчевни, которые хотя и носили подобно *кабаку* татарское имя, но были вполне народными. По городам завелись особые харчевенные улицы, носившие иногда особые названия: в Туле в 1668 году — Харчевный ряд — оброчные места за тулянами, посадскими людьми, отданные в 1687 году по указу царя в пользу церковников; в Москве — Обжорный ряд; в Минске на Низком рынке — Смачный куток. В Соликамске по описи 1623 года — две харчевни, а с них оброку 6 алтын 8 денег. С XVII века начинают отдавать на откуп харчевни и квасные шалаш.

Последствием этого были — необычайное стеснение народной жизни, страшные насилия, «неправедное злодейство и досадительства», о которых повествует царская гра-

мота 30 апреля 1654 года. «Невѣмы, — говорит она, — яко во мнозѣхъ градѣхъ многое злодѣйство превниде въ обычаи челоувѣческіе, еже отдавати изъ нашихъ приказовъ въ нашемъ царствующемъ градѣ Москвѣ и во всѣхъ градѣхъ на откупъ мыть и мостовщину, а на рѣкахъ перевозки, и съ людей головщину, и ядомые всякіе харчи, и иные всякіе мелкіе промыслы, — и тиі откупщики, врази Богу и челоувѣкомъ, немилосердіемъ ревнують прежнимъ окаяннымъ мытаремъ и прочимъ злодѣемъ». Рассказав о всех злоупотреблениях, происходивших от откупщиков, грамота эта уничтожила откупной сбор с харча, с кваса и сусла, запрещая продавать только квасы пьяные: «И ядомых харчей всяких, и иных мелких промыслов: квасу, суслу, хмелевой труски, сенной труски на откуп не давати, а ядомыми всякими харчѣмы торговати всяких чинов людям без откупа». Но в 1676 году в Астрахани по приговору князя Одоевского наложен оброк на квасные шалаши и харчевни, а потом восстановлен был и прежний откуп на харчевный промысел. Вновь выбранный голова, Кирила Лобазный, должен был с 1699 года отдать на откуп охочим людям *харчевные всякие припасы* на московском отдаточном дворе, и около двора по Моисеевской площади на правой стороне до Воскресенья Христова, а налево с Великомученицы Анастасии, и по всем *фартинам* (по питейным домам, в которых также продавали еду), и *избам*, и в палатах шли водочные промыслы.

В этом же году появился откуп на табак, который доселе продавали верные целовальники. Королевского величества английского перегрин лорд Марниц Фон-Кармартен¹³² получил право в Москве и всех городах табаком торговать, и табачные немецкие трубки и корбочки, и иные мелочи, к тому табачному курению принадлежащие, привозить. Без сомнения, тотчас же началось и корчемство табаком, и некто Жданов в 1700 году писал к царю Петру следующую любопытную челобитную: «Бьет челом великобританский и высокопочтенной господина Перегрин лорд Маркиза Фон Кармартена, учрежденного его Ивана Ивановича Фальдорта приказчик его Матюшка Жданов. Милосердный великий го-

сударь, пожалуй меня сироту своего, вели мне Матюшке на Чердыне на посаде, и в Чердынских уездах, в разных станах давать для табачной продажи стойлые дворы, и мне, сироте, в тех разных станех имать для отводу тех стоялых дворов и для табачной выимки сотских и десятников для корчемных табаков. Великий государь, смилуйся пожалуй!» И таким образом холоп, титулованный всеми чинами своего хозяина, — бродящего по свету немца, — получил право корчемной выемки в Чердыни и явился новым гонителем тамошних жителей.

В 1699 году учреждена Бурмистерская палата, и на неё возложены надежды в том, чего внутренняя жизнь не могла достичь собственными средствами: «приучать граждан к деятельности!» Бурмистры названы были земскими, и велено выбирать их целым городом. Их обязанностью было заведовать питейным делом и через выборных из посадских людей производить корчемные выемки. Городовые бурмистры, подчинённые Московской бурмистерской палате, управляемой *президентами* и *бурмистрами*, должны были высылать в неё в известные сроки все доходы, «а буде на срок каких доходов кто не вышлет, и за то имать пятнадцатую долю против окладу; а буде в котором году каких доходов не доберут и сполна не вышлют, и те деньги иметь на выборных людях, которые их выбирали». Земские бурмистры выбирали кабацких бурмистров, которые должны были торговать по кабакам. Было приказано, чтоб у кабацких бурмистров вино было дешевле того, которое подрядчики ставят, потому что подрядчики вино курят на наёмных землях и на свои деньги, и за тем всем себе прибыль получают. Московской же бурмистерской палате было сказано, чтобы, «не списався, отнюдь ничего им бурмистрам (кабацким) не чинить и не для чего к ним не посылать, потому что они за выбором тех сел бурмистров и мирских людей, а не за вашим. А на кружечных дворах быть по выбору мирских людей, кого с такое дело будет». Бурмистры оказались ворами.

XVII век заканчивал собою историю Древней Руси, которая началась столь широко и благодатно, а потом как будто

не сладила с собой и расшаталась. Смолкли народные вече, пропали братчины, община была мертва, и не существовало ни народной, ни общественной деятельности. Московский кабак, сменив вольные корчмы новгородской и псковской земли, перебрался теперь в Украйны, слободскую и днепровскую...

XVII век заканчивал собою историю Московского царства, которое, сгубив независимые области, в самом себе не нашло никакой жизни, расшаталось и умерло среди смут, крамол и казней. Жив был один лишь московский кабак... Сменив вольные корчмы Новгорода, Пскова и Смоленска, он перебирался теперь в Украйны, слободскую и днепровскую.

Глава XIII

История питейного дела в юго-западной Руси

Висла и Буг отделяли западных славян, захваченных ляхами, от славян восточных, носивших различные названия. То были кривичи, соседившие Новгороду и Литве, и составившие центр литовско-русского княжества. Полочане жили по Двине, дреговичи между Припятью и Двиною; по Бугу — бужане, прозванные после волынянами; между Бугом и Днестром — деревляне; далее на запад — Червоная Русь, а по Днестру — земля полян, заключавшая в себе княжества Киевское, Черниговское, Северское. В земле кривичей с XI века возникли независимые княжества, и в первой половине XIII века весь этот край перешёл во владение Литвы. С XV века он получил одно общее имя Белоруссии. В 1320 году Гедимин, освободив Киев от татар, присоединяет к Великому княжеству Литовскому и Киевскую Русь, известную с XIII века под именем Украйны, а впоследствии — Малороссии.

Входя в жизнь юго-западной Руси, мы встречаемся здесь со знакомыми нам чертами древнеславянского быта, кото-

рые давно уже исчезли на северо-востоке. Здесь питейный дом носит название корчмы и служит местом общественных собраний; здесь, как и на севере, пьют пиво, но любимым напитком народа был мёд, собираемый с бортей Белоруссии и с пасек Киевской земли, упоминаемых ещё в грамоте Андрея Боголюбского Печерскому монастырю 1159 года. Мёд составлял богатство страны, и древнейшей поземельной податью была *дань медовая*, шедшая в казну королей, князей и духовенства православного и католического. Как на северо-востоке, так и на юго-западе, жили ещё пока одни и те же обычаи, справлялись одни и те же праздники (Спасов день, Вознесение, Троицын день, Успенъев день, Николин, Петров и Ильин день), во время которых народ собирался на братчины около праздничного питья. На северо-восточных братчинах распивались мирское пиво, мирская бражка; на юго-западных братских пирах пили меды. Первые братства, появившиеся в первой половине XVI века, к концу его распространяются по всей юго-западной Руси, и становятся орудием для поддержания веры, гонимой иезуитами и шляхтой. *Братства* эти были сначала такими же народными учреждениями, как и северо-восточные *братчины*, то есть «пировными собраниями» (*gildia, sech*). И в то время, когда о северо-восточных братчинах не было уже и помину, братства жили ещё долго, покровительствуемые польскими королями. Виленское братство учреждено было ещё в 1458 году, и впоследствии здесь было пять братств. В 30-х годах XVI столетия виленские кушнери (скорняки), по имени Клим и Якуб, с помощью других людей, «зволили восстановить себе братство свое кушнерское, и за свой власный поклад меда куповали и сычивали на врочистые свята, ко дню Святого Духа, Николе Святому и ко Божему Нарожению, и оный мед рассычаной братством своим пивали». Братство скоро размножилось; оно выстроило в Вильне особый братский дом и в 1538 году получило от короля Сигизмунда I уставную грамоту, с правом ставить меды и торговать ими в определённые праздничные дни: «Нехай они братства своего кушнерского свободнѣ и добровольнѣ вживають подлѣ давного

звычайу». Прошло с лишком сорок лет, на польском престоле сидел уже третий король, многое успело измениться, но отношение короля к братствам оставалось по-прежнему дружественным. Стефан Баторий дал виленским православным купцам новую грамоту на учреждение братства, с тем, что они могли «въ томъ братствѣ своемъ купецкомъ, водлугъ звыклости и зостановленья ихъ всей братьи, за свой властный накладъ меды купуючи, на свята урочистые осмь въ року, то есть на Великъ день, на Семую субботу, на Успенье святое, на святаго Петра, на Покровы, къ святому Миколѣ, на Рождество Христово и на Благовѣщенье, на каждое такое свято меды сытити, и по три дни на каждый таковой складъ сходячися въ дому ихъ братскомъ, тотъ медъ пити по чому на тотъ часъ старосты годовые устаноятъ». Мёд, который мог бы остаться от праздников, «вольно имъ за пенязи выдати, и за то капщизны (питейная подать) и тежъ одъ медницъ помѣрного они николи давати не будутъ повинны». Преемник Стефана Батория, Сигизмунд III, в 1619 году по ходатайству и благословению полоцкого архиепископа Иосафа Кунцевича дал виленским мещанам-кормникам грамоту на устройство братства при церкви Преображения с правом завести при той церкви склады «звыклые меду шинкового и привозного, теж пивные и горелочные, к праздником святых Михаила и Семиона, — в чом арендары корчом в том месте будучие жадное переказы к шинкованью в помененных напав задавати и трудности чинити им не мают».

В уставной могилёвской грамоте 1561 года позволялось попам сытитъ мёд на семь праздников в году с тем, чтобы каждый раз покупать мёду не больше как на два рубля грошей широких;¹³³ мещанам позволялось иметь *двенадцать складов* в году на праздники, с правом сытитъ мёд на два рубля грошей широких и, кроме того, курить горелку пять раз в год, к Рождеству, к Масленице и к Миколе осеннему, употребляя каждый раз не больше четверти солоду. Мещане вольны были держать для собственного употребления, а не на продажу, пиво и мёд. В 1589 году могилёвские скорняки, учредив братство, получили грамоту, чтобы им «водле звы-

чаев своих мед власным накладом купуючи, на свята впрочем сытити и по три дни сходячисе тот мед выпивати; воск от тех медов на свечы до церквей, а зыск медовый (прибыль от мёда) на потребы и оправы и на слуги церковные, так теж и на милосердные учинки до шпитала и на ялмужну убогих людей выдавати и оборочати хочуть». В 1596 году могилёвское духовенство объявило, что при нападении на Могилёв Наливайки истреблены огнём все привилегии на склады и сыченья медов, а именно: «Водлуг звыклого обычаю, по пятнадцати пудов меду усычати, и оный на вышинк выдавати, а тых складов уживати вечными часы, и от того некоторые капцизны и побору до скарба нашего (королевского) поборцом и арендаром нашим и никого иншого ничего давати не мають; однак же кгда тот мед сытити будуть, первей тому, кому то належати будеть, обвестити мають, а оны за обвешением их вжо некоторых трудностей им чинити и задавати не мают». И, несмотря на то, что время было трудное, когда шляхта, пользуясь слабостию короля, напустилась на гражданские права народа, когда не успели ещё изгладиться восстания Косинского и Наливайки, когда народ пел ещё о сожжении Могилёва Наливайкой, но Сигизмунд всё-таки исполнил просьбу православного духовенства. В 1597 году он дал могилёвским мещанам грамоту на учреждение братства при Спасском монастыре, с правом «в том дому братском два склады медовые вольные в каждый рок мети, а на каждый склад сытити меду на пятнадцать пудов, ваги могилевские; который мед братья в дому своем братском через четыре дни пити мають; а с того меду воск на свечы до церкви оборочати, в чом им арендары корчом могилевских перешкожати не мають». Подобные грамоты на медовые склады в 1592 году получили мещане крачевские, оршанские и так далее.

Охраняя братства от арендаторов, которых плодила шляхта, короли старались охранять их и от шляхты, не знавшей предела своему разгулу. Ещё Сигизмунд I, сдерживавший шляхту, в грамоте 1516 года укорял витебского воеводу, что он на православную церковь перестал давать уложенные дани. Жаловался нам, — говорит король, — Иосиф, архие-

пископ полоцкий и витебский, что «перед тым издавна давали из села Бабиновичь на церковь светого Михаила два лукна меду пресного, а в лукне по десять пудов, — ино деи люди прочь ся розышли, а которые zostали й тым ты не кажешь тое дани на церковь Божую давати». По жалобе братства мстиславских мещан, Стефан Баторий в 1579 году наказывал панам старостам, «иж бы им тых складов медовных не забороняли, и кгда они на тые три урочистые свята, на Святую Троицу и на дни Миколины у в осени и на весье, на кождо с тых свято по десять пудов разсытят добровольне, не через три дни, але покуда его вышинкують, шинковати допускали, никоторое трудности над стародавние звычайи им в том не чинячи конечно». Так живут все братства до времени Богдана Хмельницкого... потом падают одно за другим, и в начале XVIII века исчезают бесследно.

Во всей юго-западной Руси производство напитков и вина горелого было *вольное*, с обязанностию давать плат в королевскую казну, *подля давняго звычайу*: «Хочемь тежь, иж бы тое мѣсто нашо цыншь съ корчмы въ каждой годь подля стародавнего суполна намъ давало по давному». По магдебургскому праву королевские чиновники не могли вступаться в торговлю напитками: «А въ то ся воевода и городничій и иные врьдники наши не мають вступатися, а ни ведерокъ не мають помѣривати по корчмамъ». Жители поднепровских и задвинских волостей жаловались, что писари, приезжая в волости для сбора недополнков, *корчмы сытят для своего пожитку*, и Сигизмунд I в 1511 году позволил людям по стародавнему обычаю самим относить в известные сроки в королевскую казну дань медовую, прибавив при этом: «А что перед тым по тым волостем нашим писари або державци, то есть наместники и тивунове тех областей корчмы на себе сычивали: по та места вжо, как державци, так и писари наши и тивуны, корчом сытити не мають; мы берем тые корчмы к нашей руце: где ся нам на которой волости увидит корчмы мети без шкода данников наших, там кажем корчмы сытити, и плат их до скарбу нашего носити». В Литовском статуте, составленном в 1522–29 годах и обнаруженном в

1530 году, запрещены были все тайные и шляхетские корчмы. В статуте 1529 года (раздел 3, артикул 17) сказано: «Теж уставляем и приказуем воеводам и старостам и всим державцам нашим Великого князства Литовского, абы недопускали корчом варити покутных¹³⁴ на местцех не слушных (законный, должный), а на болшей тым, которые бы данины не мели через лист наш або через урадников наших. А про то приказуем, абы каждый з вас таковые корчмы забирал, буд духовный, и светский, и панский, и всих посполите, и вси тые суды, в которых пиво варат, и давали до двора нашего господарского; бо через таковые корчмы много ся злодейства чинит и теж плат наш господарский уменшается теж и тым, которые мают данину через лист наш».¹³⁵ В Уставе о волоках Сигизмунда II 1557 года (об управлении королевскими волостями во всём Литовском княжестве) установлены пошрины с напитков, одинаковые для всего королевства: «Капшызна однакова по всему Великому князству Литовському мает быти брана, то есть: од меду копа грошей, от пива чотыры пенези, от горельки два пенези, от волоки двенадцати пенезей. А хъто шыньку и волоки не маеть, тот от ворот два пенези. А обачывши лепшышы пожиток знаймования шынку волно будет кому хотя наняти, або тым же мешчаном за ведомостью подскарбега нашего». Снова запрещались корчмы тайные и панские, а также и беспошлинное варение пива: «Корчмы покутные конечъне по селам абы не были для злодейства и иньшых збытков, што врад забороняти маеть водле статуту. Также пиво абы нихъто с подьданных варити¹³⁶ не съмел под виною копою грошей, бо с того многие з них в распустность и в убожество прыходять. Ведже в каждом войтовстве а слушном селе, звлаца пры гостиньцу, может быти корчма за ведомостью в раду, альбо ревизора посътановлена, одно так, якобы капъщызна наша не гинула; с которое подьданным нашим грунтов шынковных уживати не забороньно». При этом было оговорено: «З волостей русских меды и иньшые доходы мають быти по старому¹³⁷ браны и потому, яко на сесь час, до иньшое науки и постановленья нашего». К статье о корчмах было добавлено лично от короля: «Доложыти его королевь-

ская милость росказати рачыл: корчмы покутные кнезские, панские, звлаща где не на гостинцу, або были гамованы и забираны от ураду его королевское милости, хотя ж бы и листы его милости господарские мели, — бо таковыми покутными корчмами не одньо шкода его милости господару, а и Речи Посьполитое дорогость в живности и зньищенье убогих людей». Таким образом, города и местечки были обложены питейной пошлиной и, платя её, свободно торговали вином. Мещане города Городны сначала платили «капщизну от вина горелого в год по 60 коп грошей», но сумма эта была велика, и «никто з мещан городеньских не хотел, а ни ся подъял того вина горелого держати, и тое суммы шестидесят коп до скарбу давати». Продажа вина поэтому оставалась беспошлинной, и королева Бона,¹³⁸ жена Сигизмунда I, видя в том убыток королевской казне, запретила городенским жителям торговать горелкой и капщизну от вина горелого обратила на городеньскую ратушу, уменьшив прежнюю сумму до 50 коп грошей. Сигизмунд I в 1541 году дал грамоту, чтобы «тую капщизну от вина горелого на ратуш войту, бурмистром и райцам места городеньского на оправу местскую надати и привлощати рачил под тым способом аж они, тое вино горелое у своей моцы деръжачи, с того всего до скарбу господарского в кождый год по пятидесят коп грошей давати мают на час певный, на Громницы свято урочистое». Грамота была подтверждена Сигизмундом II в 1589 году.

Таким образом, мещане (граждане) в своих отношениях к королю, к шляхте, руководились литовским правом; в отношении же к городу, у них было особое право, называемое магдебургским (город Магдебург — славянский Девин, на Эльбе — славянской Лабе). Право это, выработанное на западе могущественными городскими общинами (гильды, цехи), предоставляло городу полную власть самоуправления, избавляя его от насилий средневековой шляхты. С XIII века оно является в Польше (в Кракове с 1257 года; с XIV века в литовской Руси; в Вильне с 1387 года). Литовский великий князь Сигизмунд, наследовав брату своему Витовту, в 1432 году дал городу Вильно новую грамоту на маг-

дебургское право. Продажа напитков переходила во власть города: «А также даем изнову первьяйржеченному месту нашому вагу, на которой воск весят, и инне речи крамные, и какольвек товар имут важити. А шинкованье и зложенье вина, меду и пива, што польским языком словеть шротарство, с их пожитки и приходы тому жь месту нашему первореченный ужитож, а полепшенье нашего места Вилни, и с полна моц владати мают. А также хочем первореченные мещане плат корчомный на каждый рок нам и хто по нас будет нашим наместником имают платити, как первый издавна тот истый плат давали и платили». Александр, сын и преемник Казимира IV, наследовав Литву, в 1498 году дал магдебургское право Полоцку: «В моц войтовскую переданы бышо *вси горелого вина делатели*»; городу дано право иметь в году три ярмарки; чужие купцы (рижские) могли продавать вино «кольве какое и пиво немецкое не иначе, как целою бочкою». В следующем 1499 году дана была подобная грамота *месту Менскому* (Минску). «В моц войтовскую» назначались две корчмы вольных, с платою четырёх коп грошей,¹³⁹ в пользу города поступал и восковой вес: «Допушаем теж в том месте нашем мети важницу, а теж капницу, и весь воск тамжо стопленный печатю их мают знаменовати и с того ужитки ку посполитому доброму мают ховати». Грамота подтверждена была Сигизмундом II в 1552 году. Преемник Александра, Сигизмунд I, в 1531 году дал месту Воинскому магдебургское право на основаниях ещё более свободных: «Бровары мають мещане по месту волные мети, и от чотырех солянок солоду (древняя питейная подать) мають нам давати по три гроши, а войт з радцы маеть солод выбирати, а со зчачок плат маеть теж в кождый год на двор наш даван быти, а с корчом своих капцизны не мають давати». Напротив, в грамоте сеневицким мещанам 1534 года установлены были подати с корчом: «Который мещанин дерьжати в себе будеть корчму медовую и пивную, тот маеть дати на нас плату у год копу грошей, а который дерьжати будеть едно корчму пивную, тот маеть давати двадцать грошей, а хто корчму медовую без пива будеть дерьжати, тот маеть давати у год полкопы грошей; а которые

мещане корчом в себе мети не будут, и жадным шинком не будут ся обходить, тыи повинни будут давати в год от дому по шесть грошей». Некоторые особенные подробности в питейных сборах, развивавшихся без всякого насилия со стороны власти, мы видим в грамотах на магдебургское право, данных мещанам дисненским (Виленская губерния): «Корчмы медовые, пивные, горелчаные, солодовки, бровары, от того всего как и плат маеть с того места нашего Дисеньского ити до скарбу нашего вечными часы потому, яко и в иных местах наших упривильеванных заховывається. Ведь же, што се дотычет корчом пивных, о тые они нам господару били чолом, абы им волно в домех своих без даванья капей и иных платов пива держати, поведаячы, же и мещане полцкие вольны были от капи пивное в домех своих шынк пивный вольне держати, тогды и мещане дисеньские потому ж мають быти заховани вечне з кгрунтов местских, которые им з ласки нашео господарское приданы и назначоны будут, а которые вжо на сесь час держат, с тых цыньш мають давати. Братство, кануны праздники годовые — тые мають мети два разы в рок на годовые праздники, коли сами межы собою постановят, — ведь же тым обычаем, яко бы тыми накупамы корчмам а пожиткам нашим шкоди не было». По некоторым случайным обстоятельствам, жители города или места иногда совершенно освобождались от питейных податей. Мещанам замка Озерища, возвращённого Польше в 1583 году, даны были вольности от всяких капщизн на восемь лет: «Меда, пива, горелку и иные всякие речи шинковати, продавати и торговати, от всяких платов, цыншов, капщизн вольны будучи». Точно так же мещанам возобновлённого города Василева в 1586 году позволено было иметь «корчмы вольные, мед, пиво, горелку и иное всякое питьё в них держати и шинковати и добровольне всякими торгоми и куплями торговати».

Не то уж было к концу XVI и в XVII веке, когда разгул шляхты, требовавшей одних лишь денег, помог жидам заарендовать всю Украину, и город, доселе самоуправлявшийся, кланялся теперь жиду. Сигизмунд III, несчастный преем-

ник Стефана Батория, в 1594 году даёт мещанам оршанским грамоту на магдебургское право и вместе с тем ставит город в полную зависимость от Шимана Шлинича, жида-арендатора. Грамота говорит: «Волно теж мещанам пива, меда, горелки на свои потребности варити и мед сытити, и горелки курити, ведже на продажу, одно на веселье девки або сына своего, на хрестьбины и на богомолье; вшакже маеть таковой кождый арендаром, або хто аренду корчомскую держать будет, або в том скарбу короля его милости ниякое шкоды не было, — а на таковые сватьбы, хрестьбины и на богомолья мещанские ништо з козаков, альбо драбов, до мещан свовольне, не будучи прошоными, ходити не маеть. А тые вси цинши и доходы пеняжные будутъ повинни мещане оршанские отдавати до скарбу короля его милости в кождый год о светом Михаиле свята римского, так з волок, як и с пляцов и огородов, и иншии повинности, а хто бы не отдал того децкованого гроша одного с корчом местцких оршаньских, в которых мед и пиво шинкуют, и от горелки, которую теперь держит жид Шимон Шлинич, платит за нее в кождый год аренды по коп триста пятьдесят».

Грамоты на магдебургское право больше уже не соблюдались, и города жаловались королям и просили о подтверждении грамот. Так было при Сигизмунде I, несмотря на то, что он сдерживал ещё неистовство шляхты. В 1527 году мещане полоцкие приносили жалобу «на кривды, утиски, ограбежи и озломанье права их Майтборского, что ся им стало от его милости воеводы полоцкаго, старосты дорочинскаго, пана Петра Станиславича Кишки». Кроме его милости пана Кишки, мещане жаловались и на «всех князей и панов и бояр полоцких и на игуменью и на бернардыны». Наконец, иногда совершенно запрещались вольные корчмы. Великий князь литовский Александр, получивший польский престол в 1501 году, грамотой 1505 года оставил смольнянам вес медовый, но корчмы запретил: «А корчмы въ городъ Смоленску не держать». Василий Иванович, возвратив его в 1514 году, тоже дал грамоту, чтобы «намѣстникамъ и окольничимъ, и княземъ, и бояромъ, и мѣщаномъ корчемъ не держати». Зато

Сигизмунд, снова овладев Смоленском, грамотой 1611 года позволил смольнянам иметь за городом винокурню, приготавливать дома и продавать всякие напитки. Жиды-арендаторы изгонялись из города.

Чтобы с большей ясностью представить положение южнорусского города в отношении экономических судеб, которые постигали его в разное время, проследим для этого историю корчемных учреждений Киева.

Глава XIV

Киевские корчмы

Насельниками Киева были поляне, «мужи мудри и смыслени». Из положительных сведений о Киеве, доходящих до нас от половины IX века, известно, что Киев был средоточием, к которому тянулись люди из Рязани, Ростова, Мурома, из Волынца красна Галичья; куда сходились немцы и венды, чехи и морава. Киев был в близкой племенной связи с придунайским славянством, и певцу о полку Игореве слышались песни дев на Дунае, которые вились *через море до Киева*. Киев хорошо был известен скандинавам, германцам и грекам. Константин Порфирородный (X век) упоминает, что у Киева сходились суда из Новгорода, Смоленска, Любеча и Вышгорода; Дитмар (конец X века) и Эдингард¹⁴⁰ (под 1018 годом) говорят, что в Киеве было восемь торжищ; Адам Бременский (XI век) приравнивает его Византии: *aemula sceptri Constantinopolitani*. Иностранные свидетельства подтверждаются и русскими летописями, из которых видно, что в X веке Киев заключал договоры с соседями, в XI веке Ярослав построил новый город — *город велик Киев*, с Золотыми воротами (1037). Предания о Золотых воротах, о тогдашней жизни, о тогдашней славной киевской женщине, сохранённые в памяти народа, дошли до настоящего времени. Благополучие города возрасало. В 945 году Подол был ещё ненасе-

лѣн (на Подольи не седяху людье), а в 1067 году там было *торговище*, куда кияне собирались на вече. Город, богатый и роскошный, соблазнявший дикаря Болеслава, несомненно имел корчмы, или гостильники и гостиньницы, стоявшие по гостиньцам (большие дороги), но монахи, писавшие летописи, не оставили об них никаких сведений. Осталось известие о жидях, издавна живших в Киеве и в XII веке захвативших в свои руки торговлю солью.

Мати градом Русьским, Киев стоял на перепутье кочевых масс, то и дело надвигавшихся с востока, и, терпя от дикого кочевника, он не меньше терпел и от князей, закладывая на северо-востоке новый порядок русского мира. Андрей, именуемый Боголюбским, в 1169 году грабил два дня весь город, Подолье и Гору, и монастыри и соборы, «и не бысть помилованія ниоткудуже».¹⁴¹ В 1240 году Киев разрушен Батыем, и остаётся неизвестным до 1320 года, когда, освобождённый от татар, он присоединён был к княжеству Литовскому. Контарини, бывший в Киеве в 1474 году, говорит о нём, как о богатом городе, куда съезжалось множество купцов с Великой России. Жители города утром занимались делами, а потом отправлялись в корчмы (*saverne*), где оставались вплоть до самой ночи, и нередко, напившись допьяна, заводили между собою драки. Городом управлял поляк.¹⁴² Киев пользовался *правом свободной продажи питей*, которое утверждено было грамотами Казимира, Витовта и подтверждено в 1494 году уставной грамотой Александра. По этой грамоте город был обязан платить: «От капи с корчмы давати им по полтрети копы грошей, а писчего грош; а взяти капь на Божье ж Нароженье, и опять на Божье ж Нароженье заплатити капь, а рок минет, ино в децкованьем взяти». Продолжались ночные попойки по корчмам, замеченные Контарини, и одна из грамот Сигизмунда I (1506 года) говорила, что «въ корчомныхъ домехъ, лѣтъ, коли вжо ночи малыи бувають, ненадобѣ никому съ огнемъ пити». Король Александр (1501–06), «жалуючи спустѣлому краю земли русской лучшаго поведенія і даби мѣсто Кієвъ ширилося», дал ему грамоту на магдебургское право, подтвержденную Сигиз-

мундом I в 1544 году. По этой грамоте киевским мещанам (гражданам) позволено было «вшелякий склад в месте их имети, пивом, медом, вином и горелкою шинковати, и с того приходи на потреби меские оборочати; так же померное медовое, то есть ведерко медовое, которым мед мерится, ятки все резниче, полки и лавки, воскобойню, где воски забиваются, со всеми приходами». Грамота повторяла запрещение, чтобы в домах шинковных по ночам огня не держали. Сигизмунд II грамотой 1545 года подтверждая Киеву магдебургское право, освобождал город «от прав польских, литовских и русских (?), от всех звичаев, к тому праву послушних и противних», и увеличивал плату за корчмы: «Толкож з каждой корчми, кожного году, по две копи грошей повинни нам платити».

В это время через Киев шла торговля востока с западом, севера с югом; киевские корчмы переполнены были проезжими гостями, город богател. Михалон (1550) описывал его с увлечением: «Крепость Киев с своею областью, лежащая при реке, окружённая со всех сторон полями и лесами, до того плодородна, что пашни, вспаханные один раз, дают богатую жатву, деревья с прекрасными плодами, виноградные лозы с большими кистями».¹⁴³ Но на этой почве, благодатной и до сих пор, не удалось развиваться соответственной жизни: поперёк её развития стала польская шляхта. К половине XVI века шляхта уже гуляла по всей Украине, попирая права народа; Киев делался городом польским, а украинская жизнь стягивалась в Батурине и Чигирине. Из грамоты Сигизмунда 1558 года видно, что «войт, бурмистры и радци киевские» от себя и от всех киевских мещан, жаловались королю, что от него и от его предков «надани и управилиовани вси корчми у месте киевском ку пожитку их мескому»; но король отдал эти корчмы воеводе киевскому, подкоморию, державцу кормоловскому, пану Григорию Ходкевичу. Граждане киевские поэтому показали королю *листы и привелеи* и били челом, чтоб король устранил все эти «шкоди и втиснения», воротил бы корчмы на пользу города, за что они обязывались платить «певную суму пенязей осм сот коп грошей кожного году».

Представленные ими листы велено было рассмотреть воеводе виленскому (вот его титул!), маршалку земскому, канцлеру Великого княжества Литовского, старосте берестенскому, державцу бороговскому и шовленскому пану Миколаю Радивилу. По рассмотрении воеводою киевских листов, король приказал возвратить корчмы в пользу города и дал новый «привилей», что «панове, воеводи и ротмистрове, и теж десятники, товарищи рот их, и митрополии бискуп и архимандрит корчом ку пожитку своему установляти не мают, — однако ж ротмистром волно будет в замку для себе трунок держати и збудовати им бровар свой подле того ж меского бровару». Прошло одиннадцать лет, мещане снова просили о подтверждении привилегий, и Сигизмунд в 1569 году снова подтверждал их, радуясь, что воеводство киевское до «корони польской привернено, и яко члонокъ от натурального тѣла своего оторванній, зновъ до того же королевства прилученній!» Но, сплетая эти слова, бедный король не знал, что кругом него делалось, не знал, что киевский воевода пан Мищеварковский, не признавая никаких прав и привилегий, делал «великіи и необикновенніи грабежи и обиды, витягаючи непомѣрніи и незвикліи подати и повинности», и, кроме четырехсот коп грошей, следующих за корчмы, требовал ещё двести коп за прошлый год, уплаченных в своё время. Узнал король про это, и в 1570 году предписал воеводе, чтобы его милость «не дерзал того чинити».

Вступил на престол Стефан Баторий. 7 июля 1576 года он подтвердил Киеву все его привилегии и 17 ноября того же года, по жалобе киевской старшины на воеводу, снова посылал грамоту об охранении городских прав, а 22 ноября особой грамотой подтверждал городское право на корчмы, чтоб кроме киевских мещан посторонние люди (шляхта) не держали городских корчом. В 1581 году пошла к королю новая жалоба, что наместники киевские, уничтожив сроки для уплаты денег за корчмы, «по воле своей, когда только хотят, прежде сроков те деньги доправляют, и за то де грабят безвинно, и кривди и обиди им немаліе чинят». Столь «благородное» и свободное поведение шляхты вызвало вол-

нение по всей Киевской Руси. В Киеве, в Черкасах, в Переяславле казаки побили жидов, забрали вино, и был слух, что хотели убить короля. Преемник Батория, Сигизмунд III, в 1588 году подтвердил Киеву привилегию 1576 года; но через шестнадцать лет новой грамотой короля немалая часть города Киева, с корчмами и шинками, отдана была ксендзу, епископу киевскому, отчего произошли убытки в «корчмахъ певнихъ, медовихъ и виннихъ». Поэтому киевские мещане (граждане) в 1604 году просили короля уменьшить плату за корчмы; но король предварительно велел рассмотреть, «яко великое уменьшение доходов в корчмах певнихъ», и поручил это земскому писарю Лозце и судье градскому Салтанову. В 1606 году Киеву ещё раз были подтверждены все привилегии 1558 года, а в 1619 году издано распоряжение, чтобы с этих пор жида в Киеве не селились, не занимались арендами, с проезжими купцами не торговали и не жили б в городе больше одного дня. В отпор нестерпимым насилиям шляхты народ стал учреждать церковные братства, появившиеся ещё в XV веке и распространившиеся в последних годах XVI и в начале XVII веков. В 1629 году учреждено было киевское братство, положившее начало знаменитой Киевской академии. Владислав IV, наследовавший отцу своему Сигизмунду, в 1633 году подтвердил Киеву все старые привилегии, и город снова получил право иметь свои вольные корчмы, но уж было поздно. Пётр Могила, печерский митрополит, умирая, благословлял Хмельницкого на восстание, а в 1649 году преемник Петра Могилы, митрополит Сильвестр Коссов, окружённый духовенством, вышел за город встречать этого Богдана Хмельницкого, как победителя поляков.

В 1654 году Киев со всей Малороссией присоединён был к Московскому царству и снова на некоторое время стал центром южнорусского края. В том же году Киев, по ходатайству Хмельницкого, получил от царя грамоту, подтверждавшую все его права и вольности, с тем только, что три тысячи злотых польских (1800 рублей) за право продажи питей, которые доселе город платил воеводе, теперь велено было платить в царскую казну. На следующий год вместе с

другими малороссийскими городами и Киеву подтверждено было магдебургское право. Грамотой Алексея Михайловича 1660 года жида снова изгнаны были из Киева; разорённый доминиканский монастырь обращён был в православную церковь, но мещане поспешили устроить в нём шинок. Страсть заводить шинки, завещанная поляками, сделалась теперь общественной болезнью, и, видя это, Хмельницкий универсалом своим 1654 года о сычении канунов ограничил у киевского духовенства право приготовления питей. В универсале 4 августа того же года он говорил: «Позволили есмо капитуле киевской каноны сытити; теды и теперь того не изменяем; однак помеченные священники меду не по десяти, альбо по пятнадцати кадей сытити, але ведлуг звычайу по кадей две сытити мають, а не большей; з которых кононов воск на хвалу божую ити маеть». Спустя восемь месяцев (16 апреля 1655 года) он повторял то же самое, с угрозою наказания: «Священницы мають по две кади меду сытити, и то в бровару местском ратушном; а ежели бы который священник мел где инде канон сытити и больш неж две кади, теды от того наданья певне отпадут». Гетман Самойлович в 1672 году подтверждал киевскому братству право сытить мёд по шести раз в год (на свечи и на содержание учителей), строго приказывая, чтоб никто из старших и меньших в войске запорожском в рассычении мёду не делали братству никакого затруднения.

Права города оставались пока прежние, но Москва входила уже в Киев со своими обычаями: по росписи Киеву 1682 года упоминается один кружечный двор. Киев, снова перешедший к Польше и потом оставленный за Москвою по Андрусовскому договору 1667 года на два года, 6 мая 1686 года окончательно был присоединён к Московскому царству. Возвращение его поставлено было условием договора, и, говорят, что Собеский, бывший во Львове, зарыдал, подписывая этот договор. В 1693 году гетман Мазепа подтверждает киевскому братству право «меды сытити и онии продавати, а не внутр монастыря, але в яком колвек з дворов монастырских, за монастырем будучих, онии продавать свободно». Тепе-

решный Киев, как видно из записок старообрядца Леонтия,¹⁴⁴ бывшего в нём в 1701 году, разделялся на две очень замечательные части, из которых одна была московская, а другая казацкая, одна жила в самом Киеве, другая теснилась на Подоле, одна пила в *кружале*, а другая в *корчмах и шинках*. Леонтий писал: «Генваря в 27 день пошли к преславному городу Киеву. Приехали в корчму (под Киевом) — только жонка одна, и та к<урва>, а мы тут с нуждою великою ночевали, всю ночь стереглися; стали к полю, и пьяные таскаются во всю ночь... Все бы хорошо к Киеву, да шинки их весьма разорили в конец, да к<урвы>, — из того у них скаредно сильно, и добрый человек худым будет. В Верхнем городе живут воевода, полковники и стрелецкие полки, а в Нижнем (на Подоле) все мещане, *хохлы*, все торговые люди; тут у них и ратуша, и ряды, и всякие торги. А стрельцам не дают хохлы в лавках сидеть, только на себя всякие товары в разность продают. Утре стрельцы все с гор сходят на Подол, торговать, а в вечер перед вечернями, так они на горе, в Верхнем городе, торг между собою (ведут), а ряды у них свои, и *кружало* у них свое». Здесь-то на Подоле гуляло «товариство», когда возвращалось с битвы или, отправляясь затвориться от мира в стенах Межигорского Спаса, оно прощалось с братьями.

Дальнейшая судьба Киева идёт теперь за судьбой Московского царства. В 1708 году учреждена Киевская губерния, в которую сначала входила и восточная Украина. В 1722 году учреждена в Киеве Малороссийская коллегия, и на неё велено собирать всякие сборы. Коллегия, отписывая в Петербург, спрашивала, что в ратуше на основании привилегий принадлежат разного рода сборы, и те сборы в казну собирать ли? Коллегии велено было доставить копии с привилегий и сведений, на что идут расходы. Коллегия в 1724 году донесла, что между другими доходами, от шинков, принадлежащих ратуше, прибыли считается 2765 рублей 64 копейки. Привилегии были оставлены по-прежнему. В 1723 году умер киевский войт, и в числе кандидатов на его место был представлен от гетмана Апостола некто Козьма Кричевец; и в то же время генерал Вейсбах (помощник Голицына, управлявшего Укра-

иной) назначил на это место бунчукового товарища Василия Быковского. В июле 1734 года Сенат утвердил Кричевца; но в сентябре того же года именным указом велено было Кричевца в войты не определять, а выбрать «инаго добраго и неподозрительного человека». И хотя в 1735 году выбран был войтом и утверждён киевский мещанин Павел Воинич, но беспорядки, производимые посторонним вмешательством, не прекратились. В сентябре того же года Барятинский представлял в кабинет, «что ему рассудилось права, привилегии и грамоты (у киевской старшины) отобрать, дабы оныя по продолжении времени *из памяти у них вышли*, и не имели впредь на что ссылаться». Сенат на это отвечал: «В том Сенат никакого наставления дать ему не может, ибо оное состоит в высокой ее императорского величества воли». В декабре того же года Генеральная войсковая канцелярия доносила Сенату, что-де Козьма Кричевец, которому по универсалам гетмана Апостола 1731 и 1733 годов велено считать киевские приходы и расходы, теперь извещает, что киевские бурмистры «корыстуются магистратскими добрами». По исследованию, произведённому Сенатом, оказалось, что Кричевец якобы неправильно определён универсалом гетмана в помощь войту, что Генеральная канцелярия посылала в магистрат многие указы о том, чтобы Кричевцу выдать все счёты, но магистрат не слушал, и теперь Сенат велел «счёты приходам и расходам, как Кричевец показывает, освидетельствовать губернатору, а при этом быть и доносителю». Затем ещё раз подтверждены были Киеву все городские привилегии, но с тем, чтоб город состоял в ведомстве губернатора. В 1736 году, ссылаясь на давно забытое магдебургское право, приказывали, чтоб у счёта прихода и расхода киевского магистрата опять был Козьма Кричевец; но киевские радцы отказались дать ему отчёт, и «многия неудобныя войсковой канцелярии представления имели». В 1740 году киевским казакам позволено шинковать только мёдом, пивом и брагою; установлена пошлина с вина, отпускаемого в Киев для питейных домов, и в городе появились уже сборщики и откупщики, и стали добираться до городских доходов. В 1751 году в Киеве всем

людям мирским, и духовным, и казакам шинковать запрещено, исключая киевского Михайловского монастыря, и с тех пор это запрещение не переставало повторяться. Сначала за мещанами оставлено ещё было право иметь винокуренные заводы, но в 1787 году вся винная продажа передана городу, и потом, как увидим, право винокурения стало принадлежностью одних лишь польских и ополяченных украинских панов. Наконец, в 1815 году винные сборы в Киеве велено отдавать в казённой палате с публичных торгов, с обращением дохода в городскую казну; жителям запрещено ввозить со стороны нужное для них количество вина. В 1835 году уничтожено забытое давно магдебургское право, городу не на что уже было ссылаться, и жизнь в Киеве потекла так же, как и в других русских городах. В 1856 году в Киеве считалось: медовых и пивных поварней — 2, питейных домов деревянных — 59, трактиров и погребов каменных — 17, деревянных — 4. В 1863 году трактиров — 17, гостиниц — 8, харчевен — 8, ренсковых погребов — 29. Мы не знаем, сколько теперь считается в Киеве питейных домов, но число их легко определить относительно. В Кременчуге, например, в 1864 году считалось 16 штофных лавок, 9 ренсковых погребов, 7 русских погребов, 13 трактиров, 1 портерная, 107 питейных выставок и 180 питейных домов.

Глава XV

Юго-западные корчмы до 1659 года

Несмотря на все усилия польских королей поддержать свободные права городов, свободу их попирала шляхта. Следуя её примеру, духовенство, казацкие старшины, все бросились заводить свои корчмы и шинки, и вся Украина явилась заарендованною жидами.

В Польше ещё с XII века монастыри владели корчмами. Грамотой 1145 года Требицкому монастырю были пожа-

лованы корчмы со всеми доходами: *tabernae cum omnibus utilitatibus*. Грамотой 1161 года Болеслав IV пожаловал монастырю *villam Zuzelam cum tabernariis et transitu*. Из последующего времени до нас дошли известия, что в 1491 году княгиня кобринская Федора передала Спасскому монастырю в Кобрине: «Село Корчиче зо всими дачками, з медовыми и грошовыми, а две корчмы вольных в Кобрине». Данная эта подтверждена была князем Иоанном Семеновичем в 1497 году и королями: Сигизмундом в 1512 году и Владиславом IV в 1633 году. В 1529 году виленский воевода отдал «в промен» киевскому епископу своё дворовое место в Вильне: «Пляц наш отчизный з будованьем и з корчмою волною, на котором пляцу от предков наших з давних часов тую корчму маемь, и князь бискуп майон будет тот пляц з корчмою волною дароваты, заместити и продати и на костел записати».

Подобно московским боярам, добивавшимся поместий «с тамгою и кабаком», и польские аристократы пользовались всеми случаями приобретать староства и замки «с мытами и корчмами». Староства, как известно, переходили в руки немногих аристократов, и некоторые из них, захватив себе более десяти староств, продавали их и уступали служившей у них шляхте. Фамилия Казановских имела 15 староств, Зборовских — 16, Мышковских — 16, Ян Замойский — 10, Вишневецкий — 10, Станислав Потоцкий — 10, Опалинский — 15. Имена жаловались со всеми землями и пашными и бортными, с платы грошовыми и медовыми. На замок господарский староства Луцкого шли дани: «С села Чернчего-городка, с Колка, с Рудник, с Забороля, с Голешова и с пруда Голешовского, с села Родомысля» и др. Ежегодно собирались дани медовой 74 ведра, а деньгами полторы копы и шесть грошей; на старосту медовой дани 23 ведра мёду, 4 дежки и 17 возовцев, а деньгами 19 коп и 40 грошей, да ещё грош на старосту же. С города Владимира шли пошлины. Первая пошлина — верховщина. С каждого дома тот, кто не держит корчмы, даёт по 20 грошей в год; вся эта пошлина составляет 40 коп грошей. Другая пошлина, называемая капщизною — с каждой корчмы, которая варит мёд и пиво, копа грошей, всего тридцать коп грошей. Та корчма,

которая не сытит мёду, а варит пиво, платит полкопы грошей, всего 30 коп грошей. Третью пошлину называют подворной: ежегодно во время ярмарки собирается 40 коп и 40 грошей. Ещё пошлина, называемая весовым воскобойным — двадцать коп грошей. Объявляя эти доходы, староста владимирский прибавлял: «А из Смедина выходило 23 копы грошей; но когда Семашко (Богдан Семашко, староста ковельский) безо всякого права захватил землю, то теперь дают только по осьми коп грошей; меду давали шесть колод, а теперь дают полторы колоды. Этот Семашко отобрал в Смедине живых пчел 834 улья, и с них выбрал более 10 колод меду, и ни одной ложки не дал на его милость короля и королеву, но все отослал в свое имение в Мосор».

Завладевая землями, паны вместо вольных корчем ставили свои панские и передавали их арендаторам. Корчмы, упоминаемые в актах с XII века, были вольными и принадлежали земству. Так, в 1507 году *земляне* киевские, житомирские и овруцкие продали (отдали в аренду) семи человекам мещанам вруцким корчму вруцкую на один год за сто коп грошей. По случаю татарского нашествия — аренда отсрочивалась на некоторое время, и королевский лист с отсрочкой дан был в Кракове 15 мая, на имя наместника овруцкого — Семёна Романовича. Но вслед за тем этот наместник пишет к королю и, «поведаючи свой недостаток», просит у него «абыхмо дали ему корчму вруцкую на поживеньє до часу», и королевским листом октября 14-го дня, писанным в Троках, дают ему *корчму вруцкую на год* после бояр киевских, житомирских и вруцких, с условием содержать двух пушкарей, давать порох и оправлять пушки. В 1510 году половину овруцкой корчмы держал наместник пан Сенко Полозович, а другую держали бояре овруцкие, но в этом же году бил челом королю дворянин Сурин Путятин, «абыхмо и ему дозволили корчму мети там в Овручом». И этому дворянину за его службу также позволили корчму в Овруче держать на год! В 1540 году каким-то образом вруцкая корчма снова перешла к землянам киевским, вруцким и житомирским и двум пушкарям вруцким с платою в год по 16 коп.

Так мало-помалу все вольные корчмы переходили в руки панов. В 1526 году Сигизмунд даёт подчашему Яну Радивилу «в имении его в Кудушниках торг и корчмы мети у четвер». Одним корчмы раздавались от королей, а другие просто-напросто сами захватывали их, и число таких державцев и хватателей увеличивалось. По жалобе жмуди на своих тиунов, Сигизмунд в 1527 году писал: «А теж, кто будет без данины нашей позабрал, або торги и корчмы у своих именьях уставлял, о таковых важных речах писали есьмо до пана старосты жомойтского, абы его милость на то всем вам, всей земли положил и казал пред собою стати и месты данины на земли и на люди положить — и справедливость вчинил, а нам объявил». В 1528 году старостичу берестейскому даны были королевские замки Мстиславль и Родомль и с корчмами с тем, чтобы он одну половину дохода брал себе, а другую давал князю Мстиславскому. На следующий год замки эти переданы были пану Зеновичу, и ему же *на выхованье слуг (!)* были даны мыта и корчмы мстиславские и радомские и половина даней медовых. В 1540 году пожаловано дворянину королевскому Данилу Дедковичу право на владение двумя корчмами в Черкасах, за его издержки на службе в орде татарской, и мещанам послано было предписание: «И вы бы в тую корчму не вступалися и сами корчом там не мели».

Собираясь на сеймы, шляхта начинала предъявлять королям самые алчные требования. На сейме 1547 года она жаловалась на мещан (граждан), что они за работу берут непомерные цены. Король отвечал: хорошо, я справлюсь. На втором виленском сейме 1551 года вся шляхта Литовского княжества предъявила требование, чтоб ей вольно было ставить корчмы: «Што теж есте просили короля его милости, абы шляхте было вольно в своих именьях, на гостинцах, корчмы будувати и их уживати» (*używać* — *пользоваться*). На это отвечали им от короля: «На то его королевская милость казал вам поведати, аж то з многих слушных и певных причин быти не может, хиба олиж за особливою ласкою и зволением его королевской милости». Шляхта просила ещё у короля: «Абы для счету збоец, в местех, в ночи у корчмах не

было шинковано и прихожим гостем питья не давано; а естли бы шинковано, нехай бы гостей не выпущано, аж в день». — Да, — отвечал король, — я велю, чтоб так это и было, но мне также хотелось бы, «абы кождый з вас служебанком своим то рассказал, иж бы в ночи, в домах шинковных ворот, окон, дверей не выбивали». Так, вымаливая себе корчем, кланяясь жиду и возбуждая этим глубокую ненависть народа, шляхта носилась со своей шляхетной гордостью и требовала ещё, «иж бы простых холопов (народ) над шляхту не повышано, и врядов так простой холоп, яко теж и подозренный шляхтич же бы не держали». До сего времени Великое княжество Литовское соединено было с Польшею федеративно. Поляки на Руси считались людьми чужеземными и не имели права занимать должностей и приобретать поземельную собственность. Но в 1654 году с разрешения варшавского сейма польская шляхта получает право приобретать собственность одинаково как на Литве, так и на Руси. И с правом на земли она приносит с собой и право на корчмы. Наперерыв друг перед другом спешила теперь шляхта вынуждать у слабых королей привилегии на основание местечек. Несколько десятков хат, населённых жидами и немногими бедными людьми, соблазнив пана, получали звание *местечка*; местечко жаловали пану с правом завести корчму, и тотчас же появлялась *жидовская корчма*.

Жида, издавна поселившиеся в южной Руси, постоянно возбуждали против себя общее негодование и народа, и властей. Вислицкий статут Казимира IV (1397) говорил, что «лихва жидовская не имеет нигде насыщения». В статуте Владислава (1420–23) также заявлено было, что «превратность жидовская на то идет как бы христиан никто и не думал», и жида получили возможность заарендовать всю Украину (исключая Запорожье) спокойно, безо всякого препятствия:

Властное наше добро в очах перед нами
Арендуют, и в своём не вольни мы сами.

(Драма, приписываемая Прокоповичу)¹⁴⁵

Но жид-корчмарь, арендатор, нисколько не был созданием польского государства; жид ничем не был связан с польскими учреждениями, и в то же время он состоял в наитеснейшей связи с польскою шляхтой, был продуктом шляхетского разврата. В свободной Украине, которая доселе красовалась множеством городов и местечек, обогащаемых торговлей и промышленностью, теперь сельское народонаселение было доведено до нищеты. Хозяйство требовало от пана издержек, и пан принуждён был только и думать о том, как бы получить деньги, а для этого распространение откупного корчемства представляло самое лучшее средство. Но для пана и шляхтича немислимо было спуститься до занятия каким бы то ни было промыслом, а тем паче корчемным. Женщина, занимавшаяся продажей напитков в шинке, по силе статута становилась якобы неблагородной, и *лишалась вознаграждения за побои*. Шляхтич, державший шинок, лишался шляхетского достоинства. В то самое время ничто, никакая нищета не могли заставить народ держать шинки, шинковать ради панского обогащения, и вот на помощь шляхте явилось жидовское племя. В 1594 году в Оршанске держит аренду жид Шиман Шлинич; в Речицке в 1596 году арендует жид панский Лазарь и так далее по всей Руси. Заключая условия с панами, жида брали в аренду землю и народ. В 1517 году князь Александр Пронский и жена его милости, княжна Федора Сангушкова, выдали арендное условие благородному пану Бурнацкому и славному пану Абрамку Шмойловичу, жиду турийскому, по которому они получили в аренду город и замок Локачи (в повете Владимирском) на три года за двенадцать тысяч злотых, со всеми доходами, со всеми людьми тяглыми и нетяглыми, со всеми жидами и получаемыми от них доходами, с корчмами и с продажей всяких напитков, с правом судить крестьян и наказывать виновных и *непокорных* по мере вины, даже смертию. Григорий Сангушко Кошерский с женой отдают все свои имения, ничего себе не оставляя, славному пану Абраму Шмойловичу и жене его Рыкле Юдинне, и его потомкам со всеми доходами, с корчмами, шинками и продажей в них напитков, с данью медовою, деревом бортным и

с правом наказывать непокорных денежною пенею и «горлом карати». Вольная славянская корчма обращалась повсюду в жидовскую корчму или жидовский шинок, принадлежавшие панам и даже паньям. О положении, которое тогда постигло Украину, свидетельствуют, во-первых, летописи. «В городах, — говорит летопись Самовидца,¹⁴⁶ — зась от жидов тая была кривда, же не волно козакове в доме своем жадного напитку на потребу свою держати: не тилко меду, горелки, пива, але и браги». Во-вторых, записки современников. Юрий Крижанич, неотступно преследуемый мерзким образом московского кабака, находил, что положение дел в Украине было ещё хуже. «Аще ся на Руси, — говорил он, — тяжки ся чинят корчемны откупы и самотерство (монополия) единого великого государя: у ляхов и в Литве обретают ся еще тяжа самотерства в градках и селех боярских. Або везде или жиды откупщики седять, или боярин сам смердяще пиво раздает хлопам, кое они на гной вылевають, а еднако же платить торают (должны). Жиды по Ляшской земле и по Литве, взяша на откуп вся корчмы, и мыта, и мельницы, и многие отчины. Рассужай, каково там может быть житие бедным христианам! И Ляшское кралевство, яко рекохом, для ради людодерства есть *пришло в конечную распусту*, да и теперешнему погрому, коим есть разорена русская, ляшская и литовская земля една причина была людодерство, кое ся чиняше от ляхов и от жидов на поднепровской Украине, а второму злу тая же причина постановление проклятых кабаков. Проклятых мовлю кабаков: або ся на них ни от рода несть толико вина, колико ся есть для ради них крови проляило».

Об этом положении, наконец, рассказывают украинские думы, помнят до сих пор народные песни. Взяли, говорит дума, в аренду жиды все козацкие дороги и на одной миле становили по три шинка. Становили они шинки по домам, ставили шесты по высоким курганам:

Як од Кумівщини да до Хмелнищини,
Як од Хмелнищини да до Брянщини,
Як од Брянщини да й до сего ж то дня.

Як у землі крoлевській да добра не було:
Як жиди-рандари
Всі шляхи козацьки зарандовали,
Що на одній милі
Да по три шинки становили.
Становили шинки по долинах,
Зводили щогли по високих могилах.¹⁴⁷

Южнорусская песня, вчера только записанная, представляет это положение Украины так ясно, как будто это совершилось теперь:

Зайшов мужик до корчемки:
Здоров, арендару!
Напыймося ж хардаману,
Пане арендару!
Напывшись хардаману,
Зхочу я гуляты;
Капеллиста не захоче
Мні даремно граты.
«Ой муй же ты, капеллиста,
Заграй же мні гарно!
Я ци гарно заплачу,
Тулько не дремаймо!
Заграй же мні о так дрібно,
Як то ріжуть січку;
Нехай же потанцюю
Гей по старовіцку!»
На Волині вітер віе,
На Полісся тыхо,
Щоб ты видав, пане брате,
Що у нас за лыхо.
Ой як булы стары паны,
Добре на работу;
Цілый тіждень робыть собі,
Панщина в суботу.
Як насталы молодые,

То зле на роботу —
Цілий тиждень на панщини,
Шарворок в суботу.
Щоб не тьи окономы,
Був бо мужик паном,
Через тебе, вражій сыне,
Що зовут Иваном.
Дожидаем мы недиленьки,
Як самого Бога,
Хочь тежь мы в недиленьку
Започинем дома.
А в неділю ще раненько
Во всі звони звонять,
Окономы и з вуйтамы
На панщину гонять:
Старых мущин молотыты,
А жіночок прясты,
Малых дітей до тютюну,
А папуши класты.
У нашого оконома
Сыни ногавици;
Всі паробки на панщини,
Пойдуть й молодыці!
У нашого оконома
Шовковая хустка;
Не одна в нашум селі
Стоит хата пуста.
У нашого оконома
Хорошая борва,
Чужим людям заплат дае
Свои робят дармо.¹⁴⁸

Польша приходила в *конечную роспусту*, шляхта проплясывала последние свои дни, и с рокового 1659 года она уже прямо шла к своей гибели. Минута эта столь видна в истории польско-русских отношений, что мы считаем за нужное остановиться здесь и указать на судьбы польского народа.

Польша

История ляхов в первое время появления их в Европе покрыта глубокой тьмой. Это племя как будто не имевшее у себя детства. Хотя начальный русский летописец и говорил, что ляхами прозвались *словени*, седшие на Висле, но даже в самой польской историографии, как ни жидка она, а уже поставлен вопрос, принадлежат ли ляхи к славянскому племени? Куник¹⁴⁹ сообщает за *исторический факт*, что польско-чешские славяне некогда покорены были неславянским племенем лингов (Lancas, Lyncas, Lencas, Lengyel), иначе ляхов, лехов. Судя по карте, составленной Л. Ходзько и приложенной в истории Литвы Лелевеля,¹⁵⁰ ляхи в VIII и в IX веках относительно славян занимали самое ничтожное место. В их руках была верхняя и средняя Висла и Варта, на которой собственно и сидели ляхи. Окружённые славянами, они и сами носили на себе славянский характер, были братьями других славян: «Пяст¹⁵¹ (половина IX века), взятый от плуга на трон, стоит рядом с чешским Премыслом и русским Микулой Селяниновичем». Русский летописец замечает под 848 годом, что в то время был ещё один язык у чехов, ляхов и у полян-руси, и память об этом племенном братстве жила ещё в XIII веке, в предании, записанном у Богухвала¹⁵² (1250) о трёх братьях Лехе, Чехе и Руси, прародителях трёх славянских племён, которое доселе ещё известно у карпатов около Загреба и у лужицких сербов.

Но на этом и кончается славянская история ляхов. Позволив впоследствии, чтоб часть славянской земли, касавшаяся Балтики, онемечилась, ляхи тогда обратились за силами и даже за поэзией в Литву и Русь, и думали открыть здесь русло своей истории. На приобретение Руси были обращены все силы, а между тем оскорбительное вымирание балтийских славян шло и идёт своим чередом до настоящей минуты, когда дети-немцы не понимают больше языка сво-

ей матери-славянки, когда, хороня мужика, кладут к нему в гроб и славянскую книгу. С половины IX века лядская земля начинает принимать латынскую веру, получившую у самых поляков имя лядской веры, и с тех пор мало-помалу отделяется от остального славянского мира, включая сюда и близких к ней чехов. Чехи потеряли свою независимость по милости содействия, оказанного ляхами немцам (1620). Под наплывом латинства из памяти ляхов вдруг исчезает вся эта старина эпоса, преданий и обычаев, на которой у остальных европейских племён воспиталась культура всего народа, а не одного какого-нибудь сословия. Смолкают даже девичьи песни (*cantilena puellaris*), слышанные ещё Мартином Галлом в начале XII века, и сменяются латынскими виршами, которые сочиняло католическое *nabożeństwo*.¹⁵³ Существуют достоверные свидетельства, что земля ляхов сначала была православною, употребляла кириллицу, и что до XIII века ею пользовались бенедиктинцы; но потом, под влиянием других монашеских орденов, кириллица вытесняется латынью, кирилловские рукописи исчезают, и в XV веке истребляются католическим духовенством *все до одной*. В XIV веке из Чехии проникает к ляхам протестантизм и делает орудием своим народный язык. С протестантизмом сближается православие, и была великая минута, когда, казалось, судьбы всего славянского мира лежали в руках ляха. Но всё это гибнет, сменившись иезуитизмом, побратавшимся с шляхетчиной, и затем в целой истории ляхов слышится одно вечное злоещее слово — измена общенародному делу.

История не помнит, чтоб когда-либо ляхи были в дружеской связи с русским народом. Но между князьями южной Руси и королями ляхов связи эти начались давно и были очень близки. Князья бились за ляхов против чехов. Об одном из таких походов Мономах с негодованием вспоминал в своём завещании: «Та посла мя Святослав в Ляхы: ходив за Глоговы до Чешьского леса, ходив в земли их 4 месяца». Князья бегали *в ляхи*, ища там убежища от внутренних княжеских коромол, выдавали дочерей своих в ляхи. В 1043 году Ярослав выдал сестру свою за Казимира, получив в вено 700 рус-

ских людей, полонённых Болеславом; в 1102 году Сбыслава вышла в ляхи за Болеслава. Ольгерд женат на княжне витебской Юлиане, бывшей матерью Ягайлы, знаменитого главы дома Ягеллонов. Иного рода были отношения ляхов к Руси, к русскому народу. В X веке они овладели Галицкой Русью, но в 981 году выгнаны оттуда Владимиром. Воротив Перемышль, Червень и другие города, бывшие под властью ляхов, Владимир перенёс границу русской земли с Буга на Сан, и с тех-то пор, быть может, живёт на Руси пословица, гордая верой в будущее: «Не тронь, ляше, по Сан наше!» В 1016 году Святополк (Окаянный) бежал в ляхи и привёл оттуда на Киев Болеслава. Летописец рассказывает с особой подробностью, что толстый Болеслав был «такъ великъ и тяжекъ, яко и на кони не могы сѣдѣти». Вышел воевода Ярослава, Будый, и начал смеяться прямо ему в глаза: «Да то ти прободем трескою черево твое толстое». Оскорблённый Болеслав обращается к дружине: «Аще вы сего укора не жаль, аз един пожну!» — и бросается в битву. Одолев Ярослава, он вошёл в Киев. Богатство города, мягкость жителей, красота женщин соблазнили, по словам Нарушевича, сарматского дикаря, и он предался разврату, не церемонясь даже с дочерьми Володимира.¹⁵⁴ Между тем ляхи, распущенные в киевской области «на покорм», стали невыносимы, и Святополк вынужден был дать приказание: «Елико же ляхов по городу избивайте я!» — «И избиша ляхи», — прибавляет летопись. Но потом сам Святополк, разбитый Ярославом и преследуемый виденьями, «пробежа лядскую землю, гоним гневом Божиим, прибежа в пустыни *межи ляхи и чехи*». Выражение «межи ляхи и чехи» было пословицей у народа, означавшее неизвестное дальнее место, куда привыкли бегать русские князья. «Се же, — продолжает летописец, — Бог показа на наказанье князем русьским, да аще сии еще сиче же створять, и слышавше, ту же казнь примут». Но в 1068 году Изяслав опять приводит в Киев ляхов, опять распускает их на покорм и их бьют из-за углов: «Избиваху ляхы отай». Таким образом, ляхи, разбойничая в русской земле, разжигали на смерть народную ненависть, возбуждали желание мстить

за русскую землю. Василько говорил в 1097 году: «Боюсь, чтобы Давыд не выдал меня ляхам, аз бо ляхам много зла творих, и хотел есмь створити, и *мстити руськей земли*». — «Я думал, — продолжал он, — на землю лядскую наступлю на зиму и на лету, и возму землю лядскую, и мьшу руськую землю». В 1249 году в Ярославовой битве, ругаясь, шли ляхи на Русь. «Ударим на большие бороды!» — лаяли они. Как выражается летописец: «Ляхом же лающим, поженем на великия бороды!» — «Бог нам помощник!» — отвечал русский князь, толкнул коня и ляхов обратил в бегство. Ляхи мучили Русь, насиловали в ней женщин, служили у князей палачами. Ляшко (Лешко) был одним из участников в убиении Бориса, совершившемся, как видно, под влиянием ляхов, издавна опытных в цареубийстве. Всё это делалось на глазах народа, и он начал представлять себе дьявола в образе ляха. Печерский инок Матвей раз видел в церкви «обиходяща беса в образе ляха». Так всё шло до самого конца независимости южной Руси. Казимир, овладев в 1471 году Киевским княжеством, назначил ему воеводою Мартина Гоштольда, но киевляне не приняли его, «яко ляхъ бѣ». «И отселе, — продолжает летопись, — киевские князи престаша быти, а вместо князей воеводы насташа».¹⁵⁵

Литовский период юго-западной Руси носил на себе чисто русский характер: право и язык были русские; русские области, новгородская и тверская, охотно вступали в союзы с Литвою; литовцы мирно переселялись во Псков, а русские — в Литву, и русская народность, развиваясь свободно, видимо, жила сильною жизнью и шла вперёд. Южная Русь, присоединённая к Польше во второй половине XVI века, делает её одним из могущественных государств. Имея под руками Литву и Русь, лях является передовым в Европе и начинает промышлять, как бы ему стать на место русского народа. Случай для этого нашёлся в Москве.

Татарщина, убив в Москве самобытную народную деятельность, ввела в жизнь рабство и деспотизм. Несмотря на богатства, которые стекаются в неё из областей, несмотря на груды золота, дорогих камней и парчи, переполнявших цар-

скую казну, монастырские ризницы, боярские сундуки, — Москва не знает ни блеска словесности, ни света просвещения, и сначала побирается крохами из Ростова и Новгорода, и потом рабски бежит за поляками и немцами. В расшатавшемся государстве, на другой день после введения кабаков, возникло страшно Смутное время, нашедшее опору себе в Польше. Пословица, знакомая ещё начальному летописцу, что «за наши грѣхи надходят ляхи», сбылася. По-видимому казалось бы, что свободомыслящая Польша, которая твердила миру о золотой воле (*złota wolność*), которая знакома была с республиканскими формами жизни, непременно внесёт в Москву хоть какие-нибудь начала свободы, но у ляхов не оказалось никакой свободы, кроме шляхетской. С Григорием Отрепьевым являются в Москве ляхи, и тогда как в Польше говорят, что те, которые ушли с Дмитрием в Москву (польская шляхта), — хуже татар для своей собственной земли, — в несчастной Москве этих самых людей встречают с хоруговьями и образами, с хлебом и солью, и всё ликует. Доходит до того, что на троне московского царя — польский королевич; то перед ним, то перед его отцом ползают московские бояре, прося поместий с тамгою и кабаком, забыв, что народ и земля отданы ляхам на разграбление.

Как прежде киевскому народу, так теперь и московскому, пришлось отбиваться от ляха, и ляхи были выгнаны вон; но общество, но высшие классы, давно уже чуждые народу, не в силах были уйти из-под соблазна шляхтою, и бились теперь из-за того, чтоб как-нибудь походить на поляков, как-нибудь уподобиться шляхте. По словам Олеария (1639–43), знатнейший из московских бояр, Никита Романов, большой любитель немецкой музыки, сшил себе польское платье и ходил в нём, не обращая внимания на патриарха, который этому противился. Жена царя Фёдора, польского происхождения (умерла в 1681 году), уговаривала мужа снять *позорные женские охабни* и вводила в употребление сабли и кунтуши польские, словом, *ляцкую веру*, как выражались приверженцы Матвеева. Затем дворяне начинают именоваться *шляхетным сословием*, учатся в *шляхетных корпусах*. Под влиянием

польского соседства, как заметил Валуев,¹⁵⁶ и у нас готовилась та же гибельная аристократия со всеми её гибельными и страшными последствиями для государства. Мужчины ходили в *венгерках*, женщины в *кунтушах*, появились *музыка и танцы польские* (мазурки, полонезы, *польские*, польки), *польское мыло, польские ботинки*, а в дворянских домах *учителя из поляков*, и, наконец, к удивлению мира, все граждане или посадские люди всех городов Великокороссии вдруг, забыв своё имя, приняли польское имя *мещан*, которое до этих пор совершенно не было известно на северо-востоке.

А в это самое время южная Русь вела кровавую борьбу против шляхты...

Под влиянием немецких разбойнических дружин, у чехов и ляхов очень рано образовались привилегированные сословия (*nobiles secundi et primi ordinis, milites et barones*), и все они были из рода ляхов. Поляки думали, что имя ляхов сохранилось в слове *ш-лях-та, s-lach-ta, szlachta*; тогда как *шляхта* перешла к ним по прямому наследству от немцев: готское *slahan*, немецкое *schlahen*, древневерхненемецкое *slahta-genus*.¹⁵⁷ Взяв таким образом своё родное имя у немцев, шляхта, по словам Микуцкого, чтоб скрыть своё хлопское, то есть русское, происхождение и дабы походить на каких-то итальянцев, стала коверкать свои фамильные названия, и из *Лана* (лапа) вышел *Ланно*, из *Пчёлки* (пчёлка) — *Пицолко* и так далее. Это бешенство, дополняет Зубрицкий, простёрлось до того, что каждый выдавал свой род ежели не от королевского или княжеского колена, то, по крайней мере, от иноземного; считалось честью доказывать своё происхождение от римлян, греков, галлов и так далее, лишь бы не быть русином, славянином, поляком.¹⁵⁸ Шляхта стала передовым сословием Польши, вечно была ненавистна народу, и шляхтич стал притчею во языцех. «Шляхтич, — говорит пословица, — з перевареной сирватки, шабелька на личку, перевеслом пидперазаний. — То ти такой шляхтич: по три акахвиста читаешь, а по чоловику глимаешь». Весь пропитанный гордостью, развитой иезуитизмом, шляхтич не нашёл себе брата ни в русском, ни в немце. Русского человека шляхте нужно

было или охолопить или искоренить. «Если не можете достягнуть самых казаков, — писал Конецпольский,¹⁵⁹ — то карайте их на их жёнах и детях, а дома их обращайтесь в ничто: лучше пусть растёт на том месте крапива, чем будут плодиться изменники его королевской милости».¹⁶⁰ Но чувствуя хорошо, что украинца нельзя было ни искоренить, ни охолопить, лях в бессильной злобе твердил: «Доки світь світомъ, доти ляхъ русину братомъ бути не може».¹⁶¹ То же самое говорили они о немцах: «Jak świat światem, nie będzie Polak Niemcowi bratem». Исковеркав слово *respublica* в какую-то *Rzecz Pospolita szlachecka*,¹⁶² шляхта измыслила и свою *золотую волю*, которую один из лучших поляков (Нарушевич) изобразил в следующем отвратительном виде:

Bo w Polsce złota wolność pewnych reguł strzeże:
Chłopa na pal, panu nic, szlachcica na wieżę.¹⁶³

Если уж лях, так непременно пан: ляха не пана не существовало на свете, ибо народ — это была масса холопов, окружённая гулявшим панством: «Панівъ, якъ псівъ!» Ненависть к пану всасывалась в человека с первых минут детства: «Мамо, закрий мені очі, нехай не дивлюся на того негідного ляха!» — «А щоб же я тричі ляхом стал!» — клялся кто-то, а другой, удерживая его: «Стій, чоловіче, чи то вже зкрутився? Не губи душі!» Если уж лях — то ханжа; но тут бывали исключения. Шляхтич Белецкий при Стефане Батории уехал в Турцию, принял магометанство, но, считая себя поляком, вернулся на родину. Стефан Баторий наградил его городом...

Сварить с кем-нибудь пиво — значило найти человека, с которым можно было сблизиться, жить; но народ говорит, что раз «чёрт с паном пиво варил, и молоту (пивной гущи) отрёкся». Вот эта-то самая шляхта, по единодушному признанию всех историков, польских и русских, и сгубила польское государство. «Шляхта, — говорил один из них, — живя на счёт хлопов, не знала ни физического, ни умственного труда. Где было этой продажной и разучившейся шляхте мыслить,

чувствовать и честно управлять страной? Неумение правительственных сословий осчастливить народ, деморализация высших классов — естественное последствие крепостного права, которое всегда лишает владетельные классы нравственной силы и упругости, а у низших отнимает последние качества человека — вот причины падения Польши». Идея о могуществе шляхты возникла из немецкого права. По Вислицкому статуту 1347 года, кмет уже не имел никакого значения перед шляхтичем, а Казимир Великий (1333–70) за то, что не давал воли шляхте, награждён был титулом хлопского короля (*król chłorów*).

Идут столетия, идёт вперёд могущество государства, а вместе идёт вперёд и неистовство шляхты. Хлоп (народ), наконец, стоит как будто вне закона. За служилой шляхтой — полные личные и имущественные права, но только тогда, когда шляхтич не ведёт хлопской жизни, то есть не работает, не трудится, хотя и может жить у магната в кучерах, в конюхах, в холопах. По Уставу о волоках 1557 года, кмет и всё его имущество принадлежат господарю. Крепостное право называется здесь *вечным правом*; дети, родившиеся от *невольного*, именуются *невольниками*. Крепостное право, начавшееся собственно с 1554 года, в конце царствования Сигизмунда I доходит до того, что всё польское дворянство громко требует права жизни и смерти над хлопами. Варшавская конференция 1573 года предоставляет помещику право наказывать крестьян *in secularibus et spiritualibus*.

В 1569 году постановлением Люблинского сейма Украина соединена была с польской короною. Трудно, говорит Соловьёв, найти в архивах какой-нибудь страны такой бесчестный акт, в котором история была так дерзко поругана. Со стороны Украины соединение совершалось на праве людей равных с равными (*jako równych do równych i wolnych do wolnych ludzi*); со стороны польской шляхты — на праве насилия над Украиной. «Але вижу, — говорит князь Константин Острожский, — иж то к остатной сгубе всее короны польское идет; бо за тым ниhto своего права, ани вольности беспечен уже не будет».

Многим было обязано шляхте и южнорусское дворянство, которое, ополячившись, изменило народу и сгнило самым постыдным образом. Русскому народу пришлось наконец жаловаться не на одну польскую шляхту, но и на русское дворянство. Каштелян смоленский Иван Мелешко в 1589 году на Варшавском сейме в присутствии короля бросал в глаза русских дворян следующую горькую правду. «Кажучи правду, — говорил он, — не так виноват король, як гетые радные баламуты, што пры ним сидят да крутят. Много тута гедаких есть, што хоть наша костка, однако собачым мясом поросла и воняет; тые-то нас деруть, а за их баламутнями, нашые не поживятся. Речь посполитую губят, и Волянъ с Подлясьем пропал! Знаю, нам приступило, што ходим как подваренные, бо ся их боимо. А коли б гетакого беса кулаком в морду, забыв бы другый мутыты». Так говорил Мелешко. И что ж! Проходит несколько лет, и он сам окатоличивается и строит базилианский монастырь! Боплан,¹⁶⁴ посетивший Украину в половине XVII века, писал: «и русское дворянство походит на польское и стыдится, по-видимому, исповедовать иную веру, кроме католической, которая ежедневно приобретает в нём новых приверженцев, несмотря на то, что вельможи и князья ведут свой род от русских».¹⁶⁵ Русская земля таким образом оставалась как будто без высшего сословия, русское православие теряло своих членов дворянского происхождения, и к XVII веку опорой Руси оставался один лишь южно-русский народ.

Глава XVII

Малороссия. Корчмы в Малороссии с Хмельницкого и до XVIII века

Со времени отделения южной Руси от северной в первой возникла, сложилась и окрепла совершенно новая жизнь, какой история ещё не встречала. Украина, несмотря на всю не-

выработанность своего государственного строя, поражает нас своим юридическим бытом, возникшим из глубоких основ русской народности, и высокой чистотой своего христианства, не ведавшего, как известно, ни расколов, ни скопчества. Украинский народ, умный и сосредоточенный, постоянно вдумывался в жизнь, в которой никогда не переставал быть главным деятелем, всматривался в комизм окружающих его обстоятельств. Унаследовав от древних киевских летописцев любовь к русской земле, он вырастил среди себя историков (летописцев) — граждан, любивших матку свою Малую Россию, создал думы, полные высокой исторической правды, и положил начало народной комедии. Владея необычайно поэтическим и свежим языком и щедро наделённая красотой своих женщин, Украина дала русскому народу и музыку, и песни, и, наконец, благодаря крепкому складу народной личности, она до сих пор не перестаёт высылать в Россию лучших государственных мужей и учёных. В Украине, по прекрасным словам Головацкого,¹⁶⁶ «душа русска була середь словянщины якъ чиста слёза діво́ча въ долони серафима».

Весь южнорусский народ, сберёгший древнее имя народа русского (руський народ) и отличавший себя от великорусского населения (москалей), составлял военное братство, которое разделялось на две главные части — на Днепровскую Украину, или Гетманщину, и Запорожье. Первая была создана судьбами всего южнорусского края, вторая же — насиллями ляхов. «По довольном же времени, — говорит «Летопись» Самовидца, — ляхи, владеющие Киевом и Малою Россиею, усоветовали в работе и подданстве людей малороссийских и украинских держать. Но которые не приобыкли невольничей службе, обрали себе место пустое около Днепра, ниже порогов днепровских на житло». «Запорожье, — говорит Кулиш, — служило точкою опоры казацкой силе, и случай, вроде счастливой войны казаков с турками, мог бы превратить Сечь в столицу украинской республики, а окружавшие её пустыни заселить вольными казацкими слободами, и тогда шляхетное господство в Украине пало б с развитием громадской юрисдикции на счёт юрисдикции шляхетской».

На Запорожье всё было свободно. Вином мог торговать всякий, заплативший пошлину старшинам. Когда привозили из Польши, из Малороссии, из Крыма вино горячее и виноградное, то с каждой куфы брали для старшин по одному рублю. Если привозили вино, скупленное казаками, тогда с каждых десяти куф давали кошевому ведро, судье другое, писарю третье, есаулу четвёртое, довбышу пятое, на церковный доход шестое и на атаманов куренных седьмое. Затем уже от войска устанавливалась цена, почём продавать кварту вина. Шинкари в Запорожье составляли нечто вроде цеха, как мясники и калашники, и на праздники ходили к старшинам с поклоном (на ралец). Кроме этого дохода куренные атаманы получали ещё за куренные лавки, которые отдавались шинкарям, и этим содержались курени. По куреням казаки свободно варили пиво, меды, браги; денег было много, и, приходя в Сечь, казаки многие дни гуляли. Идёт казак, а за ним несут мёд, вино, и он поит каждого, кто б ни встретился. Как привезут бывало водку в Запорожье, вот и приходит запорожец покупать, и тотчас берёт волочок (цилиндрическая склянка на шнурке), опускает её в бочку, пьёт сам и потчивает товарищей и всякого, кто б ни случился. И уж торговец не говорит ни слова. Выпьют запорожцы из бочки пальца на четыре, тогда и говорят: «Ну, панове молодцы, заплатимо теперь за водку». Купят всю водку, и уж хорошо заплатят. Но если б перед этим продавец сказал им что-нибудь неприятное, так у него никто и не купит. «Не покупайте, — скажут, — у вражьего сына: он и чарки водки жалеет». Запорожье поэтому не знало ни жидов-арендаторов, ни всех панских проделок по поводу корчем; диким и безбожным казалось ему положение дел на Украине, заарендованной жидами, и вот, когда назрело восстание, Запорожье сделалось центром, откуда в течение целого столетия выходили мстители за свободу русской земли, поруганную ляхами.

Никогда, ни с какой стороны, никакая уния немислима была между Украиной и Польшей — «Ото-ж уния! — лежит Русь с поляками!» — острил Конецпольский, указывая на поле битвы под Переяславом. То была правда: единствен-

ным исходом всяческих уний было желание передуть друга друга, и напряжённая жизнь ждала первого к тому случая. Поляк Чаплинский отнял у Хмельницкого хутор с пасекою в Суботове, — случай самый обыкновенный, повторявшийся каждый час, каждый день, но он «всей зімлѣ полской начинилъ бѣды». Поднялась вся Украина, и, по словам Потоцкого, дело дошло до *самой субстанции панов*: «*Że nie było tej wieśi, tego miasta, w którym by na swawolą nie wołano i nie myslono o zdrowiu, o substancjach panów swoich i dzierżawcow*». Поднялась Украина, чтоб избавиться от всего, что давило её, что мешало её свободе:

Да не буде лучче,
Да не буде краще,
Як у нас на Україні,
Що немає жида,
Що немає ляха,
Не буде унії!

Поднялось всё, чтоб заставить ненавистную шляхту испить ту чашу зла, которую сама ж она наварила:

Ой пійте, ляхи, води калюжи,
Води калюжи, болотяні.
А що пивали по тій Вкраїні
Меди то вина ситні.

Участь шляхты братски разделили жида, которых резали теперь тысячами. «*Po folwarkach też co było pobrano. Żydów wszystkich wyścinano, dwory i karczmy popalono*», — как доносил в 1648 году брецлавский воевода своему коронному гетману. «Итак, — замечает «Летопись» Самовидца, — на Украине жадного (ни одного) жида не осталось». 5 апреля того же 1648 года *под Жовтими Водами*¹⁶⁷ были разбиты поляки. «Хлопе! — говорил Потоцкий Хмельницкому. — И чим же зацному рыцерству орд татарских заплатишь?» — «Тобою, — отвечал Хмельницкий. — И иншими з тобою».

В мае — новая победа под Корсунем. Потоцкий, роскошный обжора и пьяница, потерял битву, поляки бежали, а казаки бранили их, что они не хотят допивать их пива:

А козаки на ляхів нарікали:
Ой ви, ляхове,
Песьки синове!
Чом ви не дождаете,
Нашого пива не допиваете?

После ряда битв Украина, ещё раз поверив шляхте, склонилась на мир, и одним из главных условий его было облегчение в приготовлении питей. В пактах зборовских 1650 года между поляками и Хмельницким было положено: «Козаки как вина, так и иных всяких напоев продавати не имеют, только для нужды своей, как што сделать вольно, также и местным делом продавати не имеют им заборонять... Вина врознь козаки не имеют, кроме того про себя скурит или местным делом вольно им продавати. Также пиво продажное и мед против обычаю быти имеет... Жиды державцами, откупщиками и закупщиками христиан и жителями не имеют быти в городех украинных, где козаки свои полки имеют».

Но и этот убогий договор почти был уничтожен новыми условиями под Белою Церковью в 1651 году. Было положено, что «жители воеводства киевского, брянского и черниговского до местностей своих, тако же старосты сами собою и в уряды свои приходяти вскоре и оные приимати имеют, и всякие промыслы, корчмы и откупа восприимут. Жиды как прежде были обывателями и арендаторами в имениях его королевской милости, и в имениях шляхты, и теперь должны быть». И вот, говорит украинская дума, вельможные паны-ляхи, стали у казаков и у мужиков на постое, овладели ключами их, сделались хозяевами в их хатах. Украинец, терпя всякое поругание, идёт в корчму выпить с горя за восемь грошей; но лях идёт вслед за ним, словно невымытая свинья, настораживает ухо и слушает: «Не осуждает ли его казак или мужик?» Козаки жалуются Хмельницкому, и он отвечает: «Погодите немножко, обождите от Покрова до Светлого

тридневного воскресения». Так и было. На Пасху 1652 года совершилось избиение польских жолнеров; в июне того же года поляки были избиты под Батогом.

Между тем в 1651 году Хмельницкий начал переговоры с Московским государством и с Оттоманскою Портою о соединении с одним из них, с которым было б выгоднее, и 6 января 1654 года вступил со всей Малороссией в подданство к московскому царю, «зъ такимъ монаршимъ подь клятвою словомъ и упевненемъ, же держати онъ пресвѣтлѣйшій монархъ російскій Малую Россію, зо всимъ войскомъ запорожскимъ, в своей протекціи при ненарушимомъ захованю старовѣчныхъ ея правъ и волностей маеть». Отправляя в Москву послами Богдановича и Тетерю, Хмельницкий писал, чтобы царь московский «изволил милостиво принять и нас, Богдана Хмельницкого, и всё войско запорожское, и уставить правилии и всякие свободы и державы добр духовных и мирских всякому чину и преимуществе сущих, елико кто имяше от веков и от князей и королей полских: таково бы государское твоего царского величества слово нам той же ближний твоего царского величества боярин обещал». Первой статьёй договора с Москвою было постановлено подтверждение «прав и волностей войсковых, как из веков бывало в войске, что своими правами суживались и волности свои имели в добрах». Была выговорена и свободная продажа в своих домах горячего вина. Король польский, узнавши, что надедала его верная шляхта, лишившая его Украины, плакал, но было поздно. *Ляхолетье*, как обозвал народ весь этот период с 1569 года, кончалось, и Русь навеки соединялась с Россией, прося лядское племя поступиться назад.

На следующий год (1655) возвращён был Смоленск; через два года при содействии казаков присоединена к Москве Белоруссия. По жалобе смоленских бурмистров, что прежде пивная продажа и помер были за ними на откупу, царь их пожаловал, велел на 1656 год владеть важнею и поварнею без откупу, и про себя держать мёд и пиво, «а как 1656 год пройдет, и важню, и пивоварню, и помер, и про пошлины объявить в съезжей избе, и лишних дней их не держать, пивом, и медом, и вином не торговать».

Умирает Хмельницкий. Кругом его сотники, старшина, все представители поднявшейся на ноги Украины, и он (по словам думы) завещает им братство, единодушие, говорит им: «Тим-то и сталась по всему свиту страшная казацкая сила, что у всех у вас, панове молодци, была воля и душа едина». Но *единой души* уж больше не было, и весь период от Хмельницкого до Мазепы стал известен под именем *руины*.

Малороссия разделяется на правую и левую сторону Днепра, и одна склоняется к Москве, а другая тянет к Польше. Выговский¹⁶⁸ считался уже гетманом, и в 1656 году в универсале мещанам города Чернигова, которые жаловались «на не малую перешкоду как в аренде, яко в иных приходах од козаков и самого полковника», приказывал, чтоб «и полковники и товариство до аренды месной жадного приступу не мели, а ни горелок шинковали, опроч що захочут гуртом продати, то не мает быти зборонно». Под Конотопом разбиты московские войска, и в Гадяцких пактах (16 сентября 1659 года), заключённых Выговским с поляками, казакам по-прежнему предоставлялась вольная продажа вина. Под влиянием Москвы, гетманом избран был Юрий Хмельницкий, и в статьях 1659 года, при приёме его в московское подданство, в статье пятой постановлено: «Да реестровым же козакам держать вино и пиво и мед, а продавать вино бочкою на ранды, и кто куда похочет, а пиво и мед вольно же продавать гарнцом, а кто вино будет продавать в кварты, и тех карать». В дополнительных статьях было сказано: «И гетман и все войско запорожское, и чернь на раде, выслушав сию статью, приговорили: быть сей статье так, как она написана». То же самое повторялось в пунктах, объявленных московскому государю послами Хмельницкого.

С этих пор положение дел, устроенное Б. Хмельницким, начинает изменяться. В Малороссии, развращённой польским шляхетством, теперь всё стремилось к порабощению друг друга; освобождённая Б. Хмельницким, она не знала свободы, угнетаемая со стороны и подорванная смутами честолюбцев. Раз в 1660 году Юрий Хмельницкий пировал в своём замке, окружённый приятелями, и с хохотом слушал рассказы татар об их удалстве над украинцами. Несколько

казаков стояли у дверей и тоже слушали, потом бросились на него, на татар. Татар изрубили, а израненного Хмельницкого вывели на площадь, долго мучили и издыхающего бросили собакам.¹⁶⁹ Казаки мстили за погибавшую Малороссию. Гетману Иоакиму Сомку в 1662 году опять пришлось разбирать мещан черниговских с казацкою старшиною. «Дошла до нас, — говорит он, — скорга от мещан маестрату черниговского на тех, которые в рынку горилки межи крамами шинкуючи, тым шинком всяким людем купецким великое уприкрене и доуку чинят, и у торгов попившися и биючисе перешкажают», а потому приказывал, чтоб мещане и казаки «от сего часу тых шинков горилчаных в рынку поперестали, а от сего часу не важились шинковати». Всякий, кто бы после сего стал шинковать на рынке, повинен был «до скарбу войскового тисечу таляров битых заплатит мает, яко и особливе сурового войскового не уйдет караня».¹⁷⁰

В 1663 году в Нежине выбран в гетманы Иван Брюховецкий, который ещё недавно, под именем Мартынца, был слугою у Юрия Хмельницкого. К нему снова является войт черниговский с бурмистратами, показывает грамоты на магдебургское право, универсал Б. Хмельницкого, данный в таборе под Переяславлем, и гетман снова приказывает войсковой старшине черниговской, чтобы «млинов, шинков и инших меских доходов спокойне без жадной ни од кого перешкоды заживали», а иначе «строга карати без одпусту будемо». В Батуринских статьях, постановленных с Брюховецким в 1663 году, было предьявлено в Малороссии давно уже известное в московских областях запрещение, чтоб жители малороссийских городов с вином и табаком в Московское государство и украинные города не ездили, и у «виновных вино и табак имать на великого государя безденежно». Гетман и старшина на это условие согласились, и Брюховецкий подписался: «Его царского величества холоп гетман Брюховецкий». С этих пор условие это постоянно повторялось: в Переяславских статьях 1667 года, в Глуховских 1669 года, при избрании гетмана Многогрешного, и в Переяславских статьях с гетманом Самойловичем. Но из малороссийских

городов по-прежнему возили вино в Московское государство, и в 1683 году вышел указ, чтоб у черкас, приезжающих из Малороссии с вином и табаком, вино и табак отбирать, а природных черкас и иностранцев высылать из русских городов. Это повеление вошло и в условия при избрании гетмана Мазепы в 1687 году. Брюховецкий, не находя в Гетманщине никакой поддержки, поехал в Москву *ударить челом великому государю всеми народами малороссийскими*. Там его ждали; по дороге делали ему великолепные встречи, смотрели на него, как на владетельного князька, идущего отступить от своего наследства. В октябре 1665 года Брюховецким подписано было обязательство доставлять ежегодно в государеву казну поборы с малороссийского народа, и самому их выбирать; причём гетман бил челом, «чтобы примером иных начальнейших малороссийских городов, и по меньшим всем городам *кабаки* на одну горелку только были, которые *приходы кабацкие* винные в государеву казну обретатися мают». И великий государь его пожаловал, и милостиво за это похвалил, и по его челобитью обещался послать в малороссийские города своих государевых воевод. Сам же Брюховецкий был пожалован боярином, а все бывшие при нём старшины и полковники — дворянами, и даны им жалованные грамоты. Брюховецкого оженили на царской родственнице, на Дарье, переженили и всех неженатых старшин.

В это же время было подтверждено данное разным городам магдебургское право. Как оно соблюдалось теперь, это видно из жалобы нежинских мещан, доведённых в 1682 году до «остатней наготы». Они говорили: «Грамотами утвержденные доходы на ратушу, весовое, померное, подводное, дехтевая торговля, также мельницы овдеевские, о пивном доходе, кто на шинк похочет, по осьмачки солоду и золотому грошей повинен дати, также по две копейки от ведерка повинен платить кто на шинк похочет сытить мед, и от шинковных дворов хозяйских, как и от прочих приходящих всех в годы, и от их погребов по полуполтине с погреба давать. А те все доходы по королевским привилеям, и по подтвержденным грамотам великого государя нашего, его царского ве-

личества, света нашего, смиренно упадаючи до лица земли, милости просим, чтоб по прежним жалованным грамотам те все доходы при ратуше нежинской и магистрату того ж ненарушимы и невредны были для многих грацких расходов». Государь пожаловал их, «велел быть по их челобитью».

К внутренним неустройствам Украины присоединялись отголоски московской стрелецкой смуты. В южном Переяславе перестали слушаться воеводы, овладели кабаком, в приказной избе посадили простого стрельца, отставили своих пятисотенных и десятников, одного пятисотенного чуть не убили, а на их место выбрали других.

Но корнем зла, заедавшим теперь Украину, была ополяченная казацкая старшина, эти *шляхетно-урожонные казаки*, как величал их Богдан Хмельницкий. В шляхетство тянулся теперь всякий простолюдин; гетманы раздавали войсковую землю старшине и рядовому товариществу, и посполство, жившее на такой земле, становилось в обязательные отношения к землевладельцу. «Вот, — говорили в 1729 году жители одного села, — тогда можнейшие пописались в казаки, а подлейшие остались в мужиках». Характер этой новой шляхетчины прекрасно определён словами «Летописи» Самовидца о Самойловиче, что «той попович зразу барзо покорным и до людей ласкавим был, але як разбогател, юж барзо гордый стал, у церкви негди нейшол дары брати, але священник до него нашовал». Детей своих он поделал панями, «а здырства вшелякими способами вымышляли так сам гетман, яко и сынове его, зостаючи полковниками, аренды, стацие великие зотяговал людей кормлением, барзо на людей трудность великая была от великих вымыслов». Дошло до того, что с 1723 года стали издавать указы *об удержании* козацкой старшины от крепостного права, в которое она втянулась, и об освобождении козаков, записанных в неволю и подданство. Войсковая канцелярия в 1745 году доносила, что все эти казаки, требующие освобождения, это — простые мужики, и что «оные мужики домогаются казачества по упрямству своему, ак из подданства отбыть, а паче чтоб завладеть грунтами владельческими, на которых они за владельцами живут». Из этих записок

Марковича мы видим, как жили тогда украинские господа. У каждого из них своя винокурня, свои *склепы*, где хранятся вина; торгуя вином, они высылают его в судах в Крым; у всех свои корчмы, и из-за владения корчмами они грызутся...

Заводя корчмы, казаки нарушали этим права магистратов. Самойлович в универсале 1684 года говорил казацкой старшине: «Жалостне скаржилися перед нами панове майстратове киевский на вас (старшин и казаков), же вы просторные себе пивный и медовый заведши в Киеве шинки, при тых не мал в каждом дому и горелку держит продажную, и тым великую ратушным шинкам чините перешкоду. Применяючися до обыклости войсковых волностей (мы) позволили есьмо вам, до дальшого нашего зданья, шинки мети медовый и пивный, але горелкою шинковати не тылько не позволяли, леч и заказали, под стратою добр и волностей ваших». Казалось бы, что с восстанием Хмельницкого и с гибелью жидов-арендаторов аренды должны были прекратиться навеки; но при Самойловиче снова восстановлена была аренда на шинки. В универсале 1686 года Самойлович говорил, что «для обороны отчизны наше Украины, за позволением их царского пресветлого величества, наше рейментарское зо всею старшиною войсковою постановленье стало на том, а бы для забранья на тые потребы грошового скарбцу аренды во всей Украине были утверждены. Лечь доходит нам ведати, же многие змежи поспольства люде, а снать тые, которые з шинков призыски себе мают, на тое о арендах постановленье наше неуважне шемруют, нарекаючи, будто им через тые аренды пожитки уймутся, ведаем же бы, и кажди тое признает, же слушней быти арендам, а нижли поборам, и подымным, якие певне людей бы розагнали. А про тож, як войск пехотных и комонных охотницких, дотуль пока война ся не успокоит, не держати нельзе, так нолят тые з шинкову горелчаных зыски на посполитую всего нашего народу оборочатися потребу, а нижли в самотный и приватный шинкаров пожиток приходити. А так з прошлорочного звычаю, и теперь тое постановленье приводячи до skutку, пустили есьмо во всех местах и селах полку лубенского аренду, то

есть шинки горелчаные, дехтевые и тютюнныє, з млынами того ж полку лубенского всим вполне обывателям на сей рок 1686, а то за певную сумму 17000 злотых. Якую ту сумму они обывателе лубенские о Святой неделе всю зуполне, без розделку, до скарбу войскового повинны будут отдати. А к тому прилучаем скопщину (с посполитого человека, а не от казаков) от варенья пива по ползлотому, поведерковое и скопщину горелчаную. Однак докладаем тое, же бы горелка простая, кварта, справедливою мерою на раздроб шинкована была по пяти осьмаков, а на веселье и на христины таньшою ценою продавана, альбо з стороны оной потребу добути не збороняли. Мед, зась пиво, брагу вольно каждому козакови и посполитому человеку так в местах, яко и в селах до них належных шинковати; от того жадного датку арендующие особы не повинны в них вимогати. Варуем жеды и сурово приказуем, або жаден яко казак, так и посполитый, хто тылько горелку курит (оприч того, що гуртом сто кварт вольно ему продати) квартою шинковати ся не смел».

Но на следующий год (1687), во время похода царских войск под начальством Голицына в Крым, старшина казачья, есаул и писарь войсковой и иные, видя непорядок гетманский у войску *и кривды козацкие же великие драги и утиснения арендами*, написали челобитную до их царских величеств и подали её Голицыну, прося его сменить гетмана. Зараз принявши, Голицын скорым гонцом послал её в Москву; и пришёл указ, и гетмана *отдали Москве*. Но пока не выбран был другой гетман, порядок войсковой поручен был Борковскому, «где почалися бунты у войску на старших, але зараз тое Москва ускромил, а некоторые от войска оторвалися в города своеволею, о многие дворы погробавали арендаров и иных людей значних и приятелей гетмана бывшего, которых напотом имано, вешано, стынано, яко злочинцев». Полковники враждовали с гетманом, попы с другими попами; «межи посполитыми свары, по звы, а знову зась *корчмы, шинки* немал в каждом дворе, а при шинках бесчестности и частые збойства, а за вшетечность жадной карности не чинено, але тое в жарти оборочано»...

Избран был гетманом Мазепа, «роду шляхетского, повету белоцерковского, старожитной шляхты украинской и у войску значной»... В 1688 году он снова запрещал держать шинки «горелчаные, которые чинили перешкоду ратуше», и приказывал бросить это шинкование, как неприличное для рыцарского звания и наносящее убытки городским доходам, которые киевский войт с мещанами «повинны кожного году з ратуши своей на верхний город киевский до казны великих государей за шинки отдавати». Затем прибавлялось: «А если бы не тылько з товариства, але хочай бы и сам сотник смел горелчаными шинками мещаном в том перешкожати, теды не тылько на шкуре своей строгое понесет каранье, и худобы позбудет, але и для горшей неславы, з реестру козацкого будет вымаран». Не слушая ничего, казаки продолжали заниматься «тою потайною и очевистою горелок своих продажею», и в 1691 году гетман опять грозился им жестокими карами. «Если кто з вас, — говорил он, — указу нашего, дале упорным будучи, не слухал, того повелеваем майстратовым постерегши забирати и грабити». Но казаки опять не слушали, напротив «в таковые шинки як старший так и меньший товариство пустилися». Между посполитыми и казаками возникли столкновения; распоряжениям ратуши противились силой. Универсалом 6 июня 1694 года гетман объявлял: «Теперь знову пан войт з майстратом скаргу свою заносили, же посылаючи людей своих трусити (обыскивать) в дворах ваших горелок, теды вы перед ними ворота запираете и отпорно им с погрозками ставитеся; и на сих свежих часах райцею с приданными ему людьми горелку, в бойдаку и в иных местцах вытрушенную и до ратуши несенную отбилисте, а тых посланных под страхом битья рогазналисте».

Нововведённая аренда возбуждала волнения. Петрик, родственник Кочубея, бежал в Запорожье, чтобы поднять его против Москвы и против казацкой старшины. И в 1672 году на Украине пошли слухи, что он соединяется с ордою, чтоб искоренить арендаторов и богачей. Отовсюду стекалась к нему «голота», и Петрик, рассылая грамоты, обвинял московское правительство в установлении аренды и винных откупов.

В Москве на это обратили внимание и отписали гетману Мазепе. Мазепа отвечал, что действительно аренда тяжела, и от лица всего запорожского войска предложил уничтожить её. Затем, ссылаясь на то, что «меж народом посполитым вопль и пререкания, а особо от запорожцев произносимые голоса к шатности склонные», он сделал распоряжение, «дабы варень... был от старшины чинен дозор, чтоб досады людем не делалось, то есть, чтоб всякому человеку на крещение детей и на действо новобрачных случаев вина с потре... в доме выкурити или ми... арендовых шинков, где хотя оное купити, не возбрано было».¹⁷¹ В том же году, в универсале к гадяцкому полковнику и старшине гетман Мазепа подробно описывал притеснения арендаторов. На раде в Батуристине, собранной в следующем году, большинством было положено, что «аренда есть речь ненавистная, издавна пререкание и ропот за собой ведущая», и решено, чтоб аренде не быть, а быть бы поборам с шинков и винокурен и с больших винных продаж, и решение это было подтверждено московским правительством. Но по уничтожении аренд доходы городские уменьшились, и на раде в Батуристине 1694 года старшины предложили опять ввести аренду. Гетман возражал, что опять пойдут крики из Запорожья, а ему отвечали, что запорожцам от аренды никакой тягости нет; тягостнее народу их запорожская аренда, которая в Сечи заведена, именно «изо всякой куфы вина берут на старшину и на куренных атаманов третью долю», остальное же вино велят продавать по той цене, какую они же наложат, а не вольной ценою. И вот, по совету всех городов, решено было, чтоб вместо увеличения налогов, ввести аренду.

В 1695 году жителям Переяславля (южного) дана была грамота на *майдубурское право*, с тем, чтобы «козакам, якие в городе Переяславле жительство имеют, горелкою отнюдь не шинковати, кроме ситним медом и пивом, а быть той продаже в одном магистрате Переяславском». В 1698 году мы опять встречаемся с враждою черниговской старшины и мещан. Иван Молявка публично ругал войта и *увес маестрат* недобрими словами, и толберами называл за то, что они городские доходы на свой приватный расход оборотили». На-

значен был в Батурине громадский суд, и на суде свидетели сказали про войта то же самое. Подобную вражду городских жителей мы уже встречали в Киеве.

Но пока шли споры, чему быть, аренде или шинкам, пока все, и казаки, и посполитые, думали только о себе, в юго-западную Русь мало-помалу входили кабаки. Все враги Москвы, собиравшиеся в южной Руси, давно уж толковали народу, что вот «возьмут вас царь и Москва, тогда и кабаки введут, горилки и меду нельзя будет делать всякому». Петрик, волнуя народ, говорил против кабаков; Лжепётр,¹⁷² обещая народу волю, «освобождение от бояр и бороды», прибавлял, что и винное куренье будет вольное. Нежинский протопоп Максим Филимонович в 1657 году писал в Москву к окольному Ртищеву: «Хотя старшина о той власти (царской) радуют *для своего пожитку*, и так посольство страшат, что уж, как царь возьмет в свои руки, то невольню будет крестьянам в сапогах и суконных кафтанах ходить, и в Сибирь или на Москву будут загнаны; для того и попов своих нашлет, а наших туда ж поженут, — только им не хочется *кабаков* и панства своего отстать, купетца ради, а не посполитого добра. И царское б величество да изволил, чтоб козаки привращены были, и в Чернигов бы воеводу доброго прислать». Кабаки проникали теперь в Малороссию из соседних украин, московской и слободской, где они уж давно заведены были по городам: в Воронеже (с 1624), на Короче (1663), в Харькове, в Севске, в Белгороде и так далее.

Глава XVIII

Кабаки в Слободской Украине

Убегая от ляхов, жители западной Украины покидали свою «батькивщину» и переселялись на левый берег Днепра, в незанятые никем земли нынешних губерний Харьковской, Воронежской и Курской. Величко, проходя с казаками от

Корсуня и Белой Церкви на Волынь, плакал над безлюдьем западной Украины: «Поглянувши паки, видех пространные тогбочние украино-малороссийские поля и розлеглые долины, леса и обширные садове, и красные дубравы, реки, ставы, озера запустелые, мхом, тростием и непотребною лядиною зарослые, — видех же к тому на разных там местцах много костей человеческих, сухих и нагих, тильки небо покров себе имущих, и рекох в уме: Кто суть сия?» На новые жилища или, как говорили тогда, *на слободу* (на свободу), шли они со своими думами, со своими обычаями, шли небольшими партиями или многочисленными громадами, и на новых землях, под покровительством московского царя, мало-помалу возникала Слободская Украина, составлялась новая Гетманщина. Рядом с ней лежала другая Украина, московская, в которую входили города: Воронеж, Белгород и другие, давно уже знакомые с кабаками.

Воронеж, или Воронож, один из городов Рязанской области известен был ещё в конце XII века, и, должно думать, жил до начала XVII века не зная ничего московского: ни губных старост, ни пятой деньги, ни тамги с кабаком. По грамоте Михаила Фёдоровича 1624 года «на Воронеже *кабак и тамга* в откупу боярина князя Ивана Борисовича Черкасского за крестьянином Ивашкой Офремовым». В 1625 году велено брать с питей, приготовляемых для себя, с чети пива алтын, а в 1642 году четыре деньги; с чети пьяной браги в 1642 году брали две деньги, с пуда мёду — алтын; в 1625 году крестьянам позволялось ещё курить вино для платежа оброка помещикам в размере до четырёх четвертей в год без явки. Корчемники подвергались взысканию и битью кнутом. В 1639 году кабак вместе с тамгою отдан был на веру, и верным головою избран Покидка Полозов, у которого в этом году доходу с тамги и кабака было 2135 рублей и 8 пудов воску. Из целовальников при Полозове упоминаются Толмачёв и Колесников. В 1641 году на воронежскую Украину пришли казаки из Малороссии, им отвели хорошие места, а воеводам приказали обращаться с ними «с береженьем и ласкою, чтоб от жесточи не пришли в сумненье». В 1642 году

на Воронеже кабацкий и таможенный доход собирают на веру голова — воронежец сын боярский Иван Шишкин, да с ним десять человек целовальников, а оклад того дохода против откупа 1641 года 2221 рубль 32 алтына с деньгою. В 1645 году велено было послать из Воронежа голову в Елец для кабацкого и других сборов, и «чего недоберут они, то доправить на воронежцах, а голов для Воронежа велено было выбирать в Ельце». В 1651 году головой на Воронеже опять воронежец Толмачёв, который вместо положенного оклада 1765 рублей полчетверти деньги успел собрать только 1397 рублей 2 алтына полпяты деньги и, несмотря на оправдания его об оскудении земли, всё-таки был присуждён к уплате 183 рублей 32 алтына, то есть половины недобора. Оправдание его состояло в том, что по осени 1651 года на Дон, «в бударах, для промыслов и с запасы, ходили небольшие люди, а по зимнему пути из городов с солью, и с хлебом, и со всякими товары на Воронеж приезду не было, потому что всяких чинов промышленные люди из городов с солью, хлебом и со всякими товары ездили в новые города — в Сокольской, на Усмань, на Урыв, на Коротояк, на Олшанск, а город Воронеж пред прежними леты всем оскудал, и люди обнищали и стало безлюдно, и *на кабаках* питухов стало мало, не против прежнего». В 1652 году было объявлено, чтоб кабаков и винокурных поварен, «оприч тех поварен, на которых сидят подрядное вино на московский отдаточный двор и в города на кружечные двory, не было, а быть в Воронеже одному *кружечному двору* с продажным вином, а оприч кружечного двора в Воронеже, в уезде, в поместьях и вотчинах бояр, и окольных, и стольников, и прочих кабакам и винокурням быть не велено». В 1665 году решили воронежский кабак и таможню отдать на откуп, а не возьмут, — отдать выборным на вере; и они отданы были голове Михнёву, но на следующий год нашёлся откупщик кадашовец Лазарь Елизарьев. Елизарьев сначала платил доходы исправно, но потом стал платить худо, притеснял народ, и казна вынуждена была возвратиться к верным головам, обложив их окладом в 1900 рублей полшесты деньги. Воронежские люди сами били челом

на откупщика и просили отдати им, воронежцам, «всяких чинов людям на веру, ибо они от откупа терпят всякое насильство и убытки напрасные». Выбрали двух голов, Сеньку Петрова и Струкова, но что они могли сделать с откупщиком, которого поддерживали и воевода, и московские подьячие? Елизарьев не только успел скрыть указ о сдаче кабака головам, но ещё предъявил подложный указ белгородского воеводы Ромодановского о взыскании с воронежских людей, в том числе и с выбранных голов, разных явочных денег и мыта, и этим удержал у себя откуп на всю зиму 1688 года; потом сдал кабак головам, но без винокуренных заводов, кабачной посуды, так что у Петрова и Струкова явился недобор. Верный голова 1669 года Никита Полозов донёс об этом в Москву, откупщика Елизарьева вызвали туда, а вместе с ним вызвали и Сеньку Петрова со Струковым, и возникло целое дело, запутанное московскими подьячими. Поэтому в Воронеж были посланы с Лазарем Елизарьевым Разрядного приказа подьячий Емельянов да сын боярский Поддубской для правеху таможенных и кабацких денег, и те деньги велено доправить приказному человеку Василью Уварову, а напойных денег велено Лазарю на воронежцах искать судом. Но градские люди с ним, Лазаркой, в суд не шли, «чинились сильны», и приносили многие челобитные и сказки заручные, где писали, что Лазарь их «клеплет». Василию Уварову велено было непременно доправить те деньги, а за медленность взять пени двести рублей. Прошёл срок службы верного головы Полозова, и на Воронеже снова явился откупщик Дмитриев. С 1693 года тамга и кабак находятся у назначенного от казны таможенного головы с товарищами и пищиком, и вводится нечто вроде казённого управления. В 1782 году Екатерина предписывала начальнику Воронежской губернии поспешить вызовом сидельцев в казённые питейные дома на основании указов Сената и спросить у них, не согласятся ли они на точных правилах, в указе изображённых, принять на откуп с 1783 года те казённые питейные дома, коим в сидельцы определиться желают. Сидельцам назначали 5% прибыли с каждого ведра за вычетом из продажной

цены, во что вино в казну обошлось, или 4% со всей суммы, вырученной через продажу.

В 1646 году в Воронежском уезде в Усманьском стану поставлен был Орлов городок, и в 1652 году в нём уже заведён был кабак. Боярские дети, поступавшие в драгуны, обязаны были в этом году «корчмы и б<лядей> не держать и на кабаке не пить». С 1668 года на кабаке откупщиком посадский человек Ивашка Семенищев; в 1671 году с него велено взять откупных и пошлинных денег за три года по 47 рублей 31 алтын по 5 денег на год. В 1674 году на кабаке сидит уже целовальник, и в следующем году велят произвести новые выборы. В 1678 году велят на следующий год в Орлове в таможду и на кабак голову и целовальников орловцев. В этом году мы находим московские кабаки по всем городам и местечкам, окружающим Воронеж. Пишут грамоту в Козлов, в Доброе, в Сокольский, в Бел-Колодез, на Усмань, в Костенки, на Урыв, на Воронеж, в Коротояк, в Острогожский, в Ольшанский, на Усерд, в Верхососенский, в Новый Оскол, в Яблонов, в Нежегонский, на Волуйку, в Чугуев, Царёв-Борисов, на Мойк о высылке с тех городов таможенных и кружечных сборов и об уведомлении, сколько будет собрано с каждого города. Городовым делом заведывали драгуны. Велено беречь накрепко, чтоб у драгунов «корчмы, и б<лядей>, и продажного вина, и табаку не было, а питье драгунам держать браги да квас бесхмельной, а пиво им варить по невелику, по полуосмине, и по осмине, и по четверти, смотря по человеку, а то пиво пить в урочные дни, а оставшееся питье записывать».

В приходной книге 1679 году записано: «В Орлове таможене и кружечному двору оклад против откупу 1668 года 47 рублей 31 алтын 5 денег». Кабак предписывалось отдать на откуп, а «буде откупщиков не найдется, выбрать голову и целовальников». В 1687 году велят в Орлове городке выбрать голову и целовальников «изо всяких чинов людей, кто похочет, а в которых городах на кружечные дворы ставить вино никто не похочет, то выборным подряжать уговорщиков на вино в иных городах». И так как сделалось известно, что лучшие люди обходят выборы, и те головы, в которых

городах «нелутчие люди выбраны, для своих корыстей подражают, на те кружечные дворы подрядчиков на вино дорогою ценою против цен московского подряду, что ставят уговорщики на московской отдаточный двор, а на отдаточном двору уговаривались ставить недорогою ценою, а в города на Каширу и на Орел уговорились поставить по шти алтын и по семи алтын ведро». В 1671 году таможенные пошлины и питейную прибыль собирали орловцы Якушко Варварин со товарищами и перед прошлым годом недобрали 8 рублей 20 алтын. И Якушко в Приказе большой казны сказал, что тот недобор случился от того, что «де у них в Орлове городке хлеб не родился третьей год, и скотина де у них вся померла, и татары приходили, и от татар и от частых караулов люди оскудели, и на кружечном дворе питухов перед прошлыми годами гораздо было мало». Велено было сыскать про то, «допрашивая всяких чинов людей порознь, а голову на это время выслать, куда пригоже». Но воевода розыска не производил. В 1684 году снова подтверждали ему о розыске, угрожая «доправить с него недоборные деньги», но деньги эти не были доправлены и в 1691 году. К началу XVIII века накопилась на Орлове городке на таможенных и на кабацких головах прошлых лет многое число недоборных и иных доимочных денег. В 1682–94 годах в Орлове городке считалось в сборе таможенной и питейной прибыли по 28 рублей по 7 алтын на год. В 1695 году питейный голова не приезжал в Москву с отчётом, и велено было надсматривать над ним голове гостиной сотни Борису Полозину. То же подтверждалось другой грамотой, посланной в августе этого года.

В числе слободских городов, поступивших в ведомство Московского разряда, была Короча на верховьях Донца, куда к концу XVI века подвинулась граница Москвы. С 1643 года на Короче облагаются денежным оброком лавки, полки, бани и мельницы и всякие другие промыслы, заведённые корочанскими людьми. С 1646 года является налог на соль, но о кабаке ещё не слышно. В 1663 году, как видно из отписки Шереметева, там был уже кабак, и выбран был в кабацкие (и таможенные) головы Терентий Плещеев; но его

велено было отправить в Яблонов для письма государевых полковых дел, а вместо него выбрать другого голову. В 1668 году на Короче кабацким откупщиком Давыдка Лубенцов. В августе этого года его велено было выслать в Москву, и в ноябре следующего года ещё раз напоминали об этом воеводе. В 1675 году опять писали воеводе о высылке в Москву корочанских таможенного и кружечного двора голову и целовальников и дьячка со сборными книгами, но воевода их не высылал по декабрь. И в следующем году снова писали ему о высылке головы к первому ноябрю к отчёту, но воевода попрежнему его не высылал.

«Знатно, — писали ему из Москвы, — ты в высылке им наровил для своих прихотей». 25 ноября снова напоминали об этом воеводе. Воевода не высылал их, и 8 декабря ещё раз напоминали ему. В Приказе большой казны в доимочной книге вели счёт деньгам, которые обязаны были внести кабацкие головы, и в 1685 году оказалось, что на голове корочанского кружечного двора, на Наумке Гомове, со товарищами считается недоборных денег 16 рублей 2 алтын 2 деньги, которые и велено было воеводе доправить. В 1667 году опять насчитывали недоимку с таможи и с кабака на короченце Пушкаре 166 рублей 13 алтын полпяты деньги. В 1683 году на кружечном дворе велено было питейную прибыль собирать серебряными мелкими деньгами и польскими деньгами чехами; а «буде которые люди учнут чехи менять на серебрянные деньги из прибыли, тех людей имая, приводить в приказную избу и розыскивать накрепко». В 1683 году на кружечном дворе у питейных прибыльные деньги собирали на вере корочанские жители Пронка Глазунов со товарищами. Нужно им было собрать против предыдущего года 273 рубля 3 алтына 2 деньги, но они недобрали 36 рублей 25 алтын 2 денег, и сказали «тот де недобор учинился у них для того, что зима была студеная, и торговых людей с товарами из иных городов приезде не было и пошлин имать было не с чего». Велено было произвести об этом следствие, но воевода молчал, хотя и напоминали ему отписками в 1686 году. В это время узнали в Москве, что на Корочу приезжают из

малороссийских городов черкасы и иные иноземцы с вином и табаком, да во многих городах и уездах посадские и крестьяне варят браги и квасы пьяные и продают, и от того на кружечном дворе чинятся недоборы. И потому велено было привозимое вино отбирать на кружечный двор, а за корчемство брагою и квасом брать пени по царским указам. Население города было вполне украинское, и таким оно оставалось ещё в XVIII веке. Как в остальной Малороссии, так и здесь украинские и польские паны становились откупщиками. Служилый сотник корочанской сотни Ефим Лазаревич со товарищами в 1783 году держал на откупу Корочу со всем уездом и платил за это семь тысяч рублей ассигнациями. Теперешний откуп, замечает при этом Кохановская,¹⁷³ держит ту же самую Корочу за сто пять тысяч рублей серебром.

Слободские полки сначала пользовались полной свободой винокурения, и хотя по белгородскому окладу 1665 года на жителей была положена подать с винного котла по рублю, с пивного по четыре, но в 1670 году Алексей Михайлович дал грамоту полкам Сумскому, Харьковскому и Ахтырскому: «За осадное сиденье велеть им, вместо своего государева годового жалованья отдати оброки, которые на них довелось взять с промыслов и с шинков по белгородскому окладу, и впредь такими промыслами промышлять безоброчно и беспошлинно». В 1669 году городам Острогожского полка за оказанную верность во время черкасских смут дано право безоброчного и безъявочного шинкованья вином, пивом и мёдом, и, несмотря на то, что на следующий год острогожцы, вместе со своим полковником, изменили, данное им право всё-таки подтверждалось жалованными грамотами 1672, 1678, 1700 и 1716 годов. Но кабак уж был заведён по всем слободским полкам. В 1683 году в полках Северском и Белгородском торгуют на кабаке московские головы, которым в этом году предписывают собирать прибыль мелкими серебряными деньгами.

Но в Харькове в 1684 году головами и целовальниками были русские люди, то есть малороссы, и казацкая старшина жалуется, что по указу царя вместо царского жалования

пожалован им сбор различных пошлин и, между прочим, с котлов винных, и пивных, и с шинков, а теперь черкасы у них головы и целовальники, и кроме того торгуют приезжие из Малороссии из Сумского и Ахтырского полков. Просьба казаков была услышана, и в Харькове велено торговать казакам беспошлинно, и из других полков вина к ним не ввозить. В 1685 году острогожским черкасам позволяют шинковать и питья продавать в домах своих, а к кружечному новому двору питей не подвозить, и у того двора и на торгу питьями не торговать. Пётр в 1700 году даёт харьковцам грамоту «шинки держать безоброчно, вино курить беспошлинно по их *черкасскому обыкновению*». Генерал-аншеф Апраксин, возвращаясь в 1712 году из-под Азова, проезжал через Воронежскую губернию. Апраксин по должности считался генерал-адмиралом, но в то же время почему-то занимался и кабаками. Остановился он в Острогожске, где население по преимуществу было украинское,¹⁷⁴ и узнал, что народ мало пьёт водки, потому что у украинцев все шинки, а у русских кабаков нет, и вот чтоб получить возможность завести там кабаки, он приказывает ландрихтеру Клокачёву черкасов с Коротоякской слободы переселить на Урал, а русских, которые живут на Урале, переселить на Коротояк, для того, чтоб «питейная продажа без черкасских шинков лучше наполнилась». Хотя переселение это и не совершилось, но приказание ввести кабаки было отдано, и черкасы вместе с русскими разбежались в разные стороны, жалуясь на кабацких бурмистров, что они, запрещая им держать шинки, чинят забойство и разорение. Дело о переселении шло до 1724 года, когда по докладу генерал-фискала Мякинина все казаки-черкасы переселены были с Коротояка в Острогожск, а посадские русские люди из Острогожска на Коротояк, и *кабацкий сбор* в Острогожске велено отдать с торгу на откуп, кто больше даст.

Елизавета в 1743 году в грамотах всем полкам подтвердила «шинки держать, вино курить и шинковать беспошлинно». В 1764 году учреждена Слободско-украинская губерния, главный город — Харьков, и введён был подушный оклад с

казённых войсковых обитателей: с тех, которые пользовались правом свободного винокурения, 95 копеек, а где курение вина было запрещено, по 85 копеек, с подданных же владельческих черкас по 60 копеек с души. Но ещё до этого народ жаловался на невиданные стеснения. В Белогородском уезде один сельский священник говорил другому: «Бог знает, что у нас в царстве стало. Украина наша пропала вся от податей, такие подати стали уму непостижимы, а теперь и до нашей братьи священников дошло, начали брать у нас с бань, с пчел, с изб деньги, этого наши прадеды и отцы не знали и не слыхали; никак в нашем царстве государя нет». Появилось *корчемство* и, распространяясь из слободских губерний, подрывало откупа белгородский и воронежский.

Ещё в 1648 году хотмыжский воевода Сенко Болховской прислал в Москву с хотмыжским казаком Стёпкою Мишуровым челобитную, в которой писал, что «польские и литовские люди с вином и табаком в хотмыжский гостиный двор не ставятся, а ставятся, не доезжая города версты за три, и за пять, и вёрст за десять, в лесах, в крепких местах и за лесами, и вина и табаку те литовские купцы у себя не сказывают, а сказывают те литовские купцы про вино хотмыжским людям тайно, и те служилые люди вино покупают тайными обычаями, и *проживаютца*. Да в нынешнем году, декабря 27, проехали с московской стороны дорогою к хотмыжским посадам, и с дороги переехали воровским тайным обычаем через заповедные места и через реку Ворскол по льду на шести телегах неведомо какие люди, и поехали к муравской сакме,¹⁷⁵ и те литовские люди (когда были пойманы), сказали, что они — города Гадеча торговые люди: Яцко Лучченко, да Яцко Булыга, да Степанка Матюшенка, да с ними челядников три человека; и у тех литовских людей на шти телегах восемь бочек вина да три пуда табаку». Задержав их, Болховской писал в Гадеч полковнику Станиславу Броневскому, и по требованию последнего люди эти были отпущены. Броневский поэтому отвечал Болховскому. «Пишу, — говорил он, — к твоей милости, княже Семионе Болховской, что твоя милость даешь мне знати о людях, которые будто не прямою

дорогою ехали, и ваши ратные люди их поймали. А что ты пишешь, чтоб я заказал торговым людям непрямою дорогою не ездить, и я о том твоей милости объявляю, что не только заказать, чтоб непрямою дорогою не ездили, но закажу под смертною казнию всем тем торговым людям, которые есть в местностях моего милостивого пана (Конецпольского), чтоб в его царское величество не ездили ни с каким товаром. А ныне прошу, княже Семионе Болховской, отдай мою горелку, а имянно две тысячи».

Подобное же столкновение за вино вышло в 1649 году между вяземским воеводой князем Прозоровым и дорогобужским капитаном Храповицким. Коронные поверенные Хотмыжа, Карпова и Мирополья доносили, что воеводская канцелярия делает послабление корчемству; жители, «не взирая на данные из канцелярии инструкции, на выемках везде служителей и поверенных бьют, и для обезопасения выемок просили дать Военной коллегии из отставных, с положенным жалованьем и мундиром из их кошту, при одном офицере рядовых двадцать человек». Напротив того слободская канцелярия представляла в 1772 году, что с 1765 года ни один человек в слободские присутственные места приведён не был, а забираются такие люди в великороссийские воеводские канцелярии, где и «следствия происходят, и налагают штрафы на одних воеводских обывателей, а великороссийские, живущие на том же месте, от этого изъемяются; а какие великороссийские люди пойманы будут в корчемстве в том же селении, где жительствоют слободские, то налагается и на слободских равный штраф, а при том и такие примеры оказались, что великороссийские люди одни другому вина подбросят, а штрафы за то равные с слободских войсковых обывателей, живущих с ними в одних селениях, взыскиваются, прописывая за несмотрение, а в самом деле и к смотрению великороссийские к себе слободских жителей не допускают, в содержании заставы никакого вспоможения не чинят, а через учрежденный от слободских обывателей караул пропускают насильствен». На это последовало замечательное решение.

Вообще слободские полки были отягощены незаконными поборами, а потому понятно, что появились люди, которые нарушали покой вредными толками, как, например, житель Ахтырки по имени Яготинец, сосланный в Сибирь. Указом 1783 года велено было винную продажу устроить в пользу городов с тем, чтоб магистраты давали отчёт правительству; в деревнях казённого ведомства велено было стараться об умножении казённых доходов посредством отдачи на откуп и содержания на вере, не делая однако никакого стеснения помещикам и казакам, «кои к сему промыслу право имеют, первые в деревнях и хуторах, а последние в домах своих». С обывателей, имеющих право курить и продавать вино, вместо прежних 95 копеек положено по 1 рублю 20 копеек. Указом 1791 года утверждено право винокурения и продажи за дворянами в их поместьях, и право одной продажи — за казаками в их домах, состоящих в селениях, но не в городах. Мещанам запрещено курить и продавать вино, и все городские винокурни, как «несвойственные городам», велено уничтожить. Эти последние права были отменены в 1817 году, при введении Устава о питейных сборах.

С 1751 года началось переселение в Новороссию австрийских сербов с их вольными корчмами. Новороссия доселе пользовалась свободой винокурения. Новопоселённым сербам указом 1751 года было предоставлено иметь торговые промыслы беспошлинно, а насчёт кабаков глава сербов — полковник Хорват, должен был представить свои соображения. По рассмотрении просьбы Хорвата, Сенат в 1754 году определил: подати с винных промыслов идут на полковые надобности, но в местах пребывания полковника доход с корчем следует на его обиход; винокурение свободно. Началось новое переселение сербов и болгар под предводительством полковника Шевича и, при рассмотрении их просьбы о вольном промысле вином, оказалось, что «в Бахмуте и во всей Бахмутской провинции, где находилась Славяно-Сербия, не было ни казённых кабаков, ни казённой продажи вина; в самом же Бахмуте продажа была вольная, но с платою по гривне с ведра, а в уезде были самые малые откупа». В Славяно-

Сербии¹⁷⁶ было оставлено свободное винокурение с платою по гривне с ведра вина. В 1764 году из новосербских поселений учреждена Новороссийская губерния, опять с вольной продажей вина; но к 1775 году пошлина с вина возросла уже до 30 копеек с ведра, а в 1777 году в Новороссии был уже *откуп*, приносивший казне 20100 рублей.

Глава XIX

Юго-западные корчмы в XVIII веке

Из Слободской и Московской Украин кабаки пытались перейти и в Малороссию, но укорениться здесь не могли: корчма и шинок до последней минуты остались коренным отличием южной Руси от северо-восточной, Малороссии от Великороссии. В 1710 году велено было у черкас (украинцев) киевских и в Азовской губернии «варниц винных и котлов не переводить, а быть у них варницам и котлам по-прежнему», а «перевести котлы только у русских людей». Под этим именем, вероятно, разумели жителей Великороссии. Но явились усердные люди, которым хотелось завести кабаки и в Малороссии. Гетман Скоропадский в прошении, поданном в 1718 году в Коллегию иностранных дел, требовал в первом пункте, «чтоб киевский губернатор никаких указов о делах к нему, господину гетману, не присылал, от которых чинятся великие тягости; тако ж в Чернигове, в Нежине и в Переяславле тамошних жителей на дворах и ратушных землях велено построить *кабаки*, и по указу ль то учинено?» Незадолго до смерти Скоропадского — последнего гетмана с независимой властью, ибо власть его преемника Полуботка была уже связана Малороссийской коллегией, — Пётр послал ему указ (1722) о том, что полковники берут к себе казаков в подданство, чинят казакам и посполитым великие тягости «накиданьем для продажи своих, как питейных, так и съестных припасов, со всего малороссийского народа сби-

рают со всякой куфы по два рубли, которых надлежало было в сборе немалое число, и сколько тех в приходе в котором году было, и что из того числа и на какие дачи тые в расход, и за тем в остатке, о том нам неизвестно». Указ этот был подкреплён прибытием в Глухов бригадира Вельяминова с шестью штаб-офицерами, чтоб чинить там всё, как определено в договорах Хмельницкого. Скоропадский, получив этот указ, на другой же день поехал к адмиралу Апраксину посоветоваться с ним, «чинить ли отвѣтъ противъ монаршого листу», и Апраксин, «при зичливой своей перевазіи, совѣтоваль ясневельможному просити черезъ писаніе свое о перѣмену милостивую того монаршого указа». Скоропадский листом, помосковски переписанным, отвечал, что всё донесение о беспорядках сделано «по ненависти», что козаки по-прежнему остаются козаками, и «въ подданство ни къ кому нейдуть»; что же, продолжал он, «отъ куховъ вина в Малой Россіи, зволѣ вашего величества у шинкаровъ берется по два рубля денегъ, — то они идутъ на войско и на разные войсковые надобности». Касательно же поборов, которые Пётр основывал на договоре с Хмельницким, то Скоропадский прямо говорил, что таких сборов прежде не было, а это только по смерти Богдана отмена учинилась при Юрии и Брюховецком; но потом он же, Алексей Михайлович, эти статьи отставил и восстановил договоры с Хмельницким, которые «знову Демьяну Многогрешному, а по ним наставшему Ивану Самойловичу еще с придатком милостиво подтверждени zostали, и до моего уряду гетманского ненарушимо были содержаны». Но Скоропадского не слушали. Пётр на его возражение отвечал лаконически: «Пункты вами подписаны, также и указ о сочинении для суда коллегии при вас».

Через два месяца Скоропадский умер. Указом 1723 года малороссийским обывателям оставлено было свободное винокурение, но, во-первых, «сборы с куф и казанов, которые прежде сего собирались на полковников, сотников и прочую старшину, с казаков убогих и посполитых людей, а старшина и знатные казаки этих сборов не платили», теперь велено брать со всех, не выключая никого; во-вторых,

малороссийским обывателям продавать вино в великороссийские города куфами, «с платежом кроме скатного по 20 и 25 копеек и покуфных денег, как берется с шинкарей вышинкованных куф». В то же время были отставлены разные «непотребные сборы», как например, «записное от казанов, что мед сытят». Но в 1726 году вышел новый указ, которым велено собирать на Малороссийскую коллегию, кроме доходов с куф и казанов, и прочие тому подобные. В 1724 году в шинке кварта горилки стоила 4 гроша. В 1725 году в Сулаке ведро горилки продавали по 6 рублей, в Астрахани же мелкою мерою по 3 рубля. В 1726 году прислан в Малороссию указ *продавать в кабаку вино по 1 рублю 40 копеек. Чихирь белый в государевом кабаке продавали по 8 гривен, а красный по рублю; половина куфы горелки оковитой стоила 21 рубль 16 алтын.*

В 1727 году умерла Екатерина, и на престол вступил двенадцатилетний Пётр II. В этом году вышел указ Коллегии малороссийской, чтобы сборы, сбиравшиеся определением коллегии по доношениям Вельяминова, были отставлены; и велено собирать только те, «которые подлежат по пунктам Богдана Хмельницкого, и какие за бытностью других гетманов собирались». Но этим милости не ограничились. Другими указами велено «к удовольствию народа учинить по-прежнему гетмана и прочих старшин», великороссийским людям запрещено покупать земли в Малой России; сделано распоряжение «о нечинении жадных (никаких) обид казакам и посольству». В 1730 году скончался Пётр II, и наступило страшное время бироновщины... В 1736 году велено было собрать в Малороссии и слободских полках 525537 четвертей разного хлеба, и пока он не будет собран, печатать на заводах кубы и винокурение запретить в Севске, в Рыльске, в Путивле, в Трубчевске, в Орле, в Кромах, в Курске, в Воронеже и в других городах. Но оказалось, что с запрещением винокурения в Малороссии, в Великороссии явится недостаток в вине и упадут кабацкие сборы, и тогда дозволили курить в тех местах, откуда будет доставлена в магазин положенная часть провианта.

В 1737 году малороссийские заводчики подрядились поставить 169620 вёдер вина; но к 1738 году потребовалось уже 540006 вёдер, и вследствие такого обширного требования, которое при прекращении винокурения нельзя было удовлетворить, было дозволено имеющим заводы курить в Белгороде и Воронеже и вообще в Малороссии, но только для поставки в Петербург, Москву и Новгород. Маркович,¹⁷⁷ прочитав этот указ, писал жене своей в Глухов: «Чтоб горелки на порции и прочие мелкие расходы не употреблять, а вместо оной пиво давать; на шинки же отпускать вдвое дорожшею ценою и, если случится, купить горилки на 100 и 200 рублей, для чего и ключик от моего баула послан; нового винокуренного завода в Тулиголове не строить; а буде сей указ на Великороссию не относится, то приискать купить место для винокурни за Клевенью, в Курской губернии».

Через несколько времени вышло новое распоряжение — дозволить в Малороссии употреблять на винокурение только третью часть хлеба. Кухва горилки стоила в это время около 30 рублей. В 1738 году опять было сказано, что вино курить дозволяется только тем, которые вполне поставят провиант в казённые магазины, или кто заплатит за каждый казан по 50 четвертей ржаной муки. По указу войсковой канцелярии переписывали в Малороссии дворы, в дворах — хаты, а в хатах — семьи, чтобы обыватели с места на место не переходили, а наипаче за рубеж не бежали. Всё это причиняло необычайную тягость народу, и в церквах читали указы, чтоб никто нынешних тягостей в тяжесть не ставил, ибо за всё не только плата будет произведена, но по окончании войны иным образом «высокое его величества призрение явлено будет». Подрядчиков, обязанных поставить в 1739 году в Великороссию до 540000 вёдер вина, не явилось, и было донесено, что безнадежно, «чтобы за вышеозначенным запрещением 1738 года на такую сумму могли сыскаться подрядчики, а хотя и сыщутся, да не много, и те будут возвышать цены, от чего в подряде может произойти неудача». Так доносил коллегии бунчуковый товарищ Григорий Покорский, и при этом просил «о позволении ему в курении вина для домаш-

него расхода, ибо за непокормлением скотина его пришла в худобу, а другая и пала». Вышло разрешение: «Запрещение курения вина отставить, если в пропитании армии никакой нужды не будет». В 1740 году Сенат разрешил живущим в Киеве казакам в домах своих шинковать пивом, мёдом и брагою, а вином шинковать запретил, как это и прежде было определено Коллегией иностранных дел в 1733 году. Но Генеральная войсковая канцелярия ходатайствовала и о шинковании вином, ссылаясь на указ 1721 года «О шинковании казакам всякими питьями». Сенат отвечал, что «оный (указ) следует точно на малороссийских казаков, но не киевских».

Несмотря на то, что люди вроде Тепловых¹⁷⁸ рассказывали, что будто бы всякий казачий двор — шинок, что казаки пропиваются, и обращаются в мужиков, но Елизавета всё-таки сочла нужным дать малороссийскому народу некоторые облегчения. С окончанием в 1741 году бироновщины вышли указы, чтоб «никто из великороссов никого из малороссийского народа ни под каким видом не крепил себе в вечное ходатайство»; во всех свободных имениях в Малороссии запрещено допускать посторонних шинкарей; наконец, для того, чтоб «тягость и облегчения все равно чувствовали, разрешено впредь на два года курить вино на половину казанов, как духовенству, шляхетству, старшинам казаков и их подсосудникам, так и мещанству и посполитому народу». Были прекращены все внутренние таможенные пошлины, какие бы они ни были, и по городам народ стекался в церковь слушать молебны.

Так навсегда погибла *тамга*, но кабацкие откупы не погибли... По городам, с согласия гетманов, появились откупщики. Жители Кролевца жаловались в 1764 году гетману Разумовскому, что с его гетманского согласия майор Яков Скоропадский и бунчуковый товарищ Долинский взяли на откуп право «продавать собственные их напитки в имеющихся в Малой России свободных войсковых местностях, местечках и деревнях», с платою вдвое больше получавшегося прежде, и поэтому просили: «Освободить их, бедных, от откупа Скоропадского и Долинского». Подобные паны-откупщики

были теперь не редкостью в Малороссии. В 1741 году ведро горилки простой полувыгорной стоило 37 копеек. В марте 1742 года в Ромнах продажная цена горилки лучшей, смотря по величине бочки, от 18 до 20 рублей за кухву, а полувыгорной от 14 до 18 рублей за кухву; но давали за лучшую по 16 рублей, а «за подлѣйшую в гурть» по 10 рублей 50 копеек за кухву. В 1745 году в Нежине горилку отдавали на веру до Покрова 4 кухвы по 20 рублей, а ведро по рублю без пятака, кварту¹⁷⁹ по 5 копеек, а дают (на наличные деньги) ведро по 4 золотых с пятаком, а кварту по 4 копейки. За оковитую большую кухву дают 25 рублей, а на ведро по 2 талера и по 3 копы. В 1754 году в Киеве от магистрата покупали горилку по 30 копеек ведро, а в монастырь Михайловский давали кухву по 14 рублей, а после торговали *в кабаки* по 4 копейки ведро. В том же году в Киеве за горилку, в том числе и оковитую, платили по 23 рубля, а за простую по 16 рублей 20 копеек за кухву. В 1756 году в Киеве горилку продавали огулом, кухву по 17 рублей 20 копеек; в Стародубе кварту вина волошского по 16 копеек, а крымского по 12 копеек. В 1751 году в Киеве продали в монастырь Никольский горилки по 35 копеек ведро, 6 кухв на ведро монастырское, а всех вѣдер на ведро монастырское 310.

В 1764 году Екатерина задумала Комиссию о сочинении нового уложения, и в эту Комиссию Малороссийская коллегия избрала депутатом коллежского советника Наталина, не преминув сообщить ему для руководства приличное наставление. Осьмой пункт этого наставления касался вопроса о винном промысле в Малороссии. В нём было сказано: «По прежним гетманским статьям реестровым казакам дозволено продавать вино на аренды бочкою, а квартами под казнь запрещено». Грамотою же 1721 года велено шинковать всякому, имеющему в том промысле свободу; полковникам и старшинам продавать в собственных своих местностях и дворах, а казакам в домах, «заплата покуховное, следовательно, не генерально старшинам и козакам, но имеющим в том свободу; а ныне сей промысл учинился генеральным и беспредельным, так что в одном городе Глухове, не весьма

великом, 160 шинков находятся, и к предосуждению свято-сти, едва не все церкви под именем своим шинки имеют». В правах же малороссийских, «заугольные шинки искоренить, по причине происходящих в них своевольств, и только при больших и проезжих дорогах корчмы иметь, *держа в них притом и съестные припасы*», предписано. Таковое заключение в пределах сего промысла весьма основано было на благоразумии, ибо через то «отнимался способ к беспримерному пьянству; в нем обращаясь, здешний простой народ не токмо теряет *охоту к трудолюбию*, но часто и жизни безвременно лишается, умалчивая, что множество пьяных во сне и в бешенстве по дорогам, в городах и поселениях *к омерзению (!)* всегда видеть можно». Итак, «к отвращению вышеизображенных вредительных следствий, надлежит сей промысл ограничить таким образом, чтоб тот, который не имеет тридцать четвертей ржи сеvu и лесу в своем владении, отнюдь вино не курил; продаже же вина быть в городах, как в Киеве, и во владельческих местностях и хуторах, на дорогах выстроенных корчмах, прочим же всем, противу права и во вред собственной и общенародной шинкующим, продажу запретить».

Столь благодущная по-видимому заботливость об удержании украинского народа от пьянства и о *приучении его к трудолюбию* нисколько не помешала депутату Григорию Полетике указать на настоящее значение винного промысла в юго-западной Руси, хотя Полетика и смотрел на дело со стороны чисто шляхетских интересов. «Промысел вином и прочими напитками, — говорил он, — есть одна из важнейших малороссийскому шляхетству и казакам дозволенных привилегий. Шляхетство имеет на оный право по общему статутскому праву, самый же промысл дозволен был казакам издревле, во время бытности их под Польшею; то доказывает конституция 1659 года, в которой между прочим сии точно упоминаются слова: *Сверх сего всякие напитки, тако ж зверинья и рыбныя ловли и прочия казачия пользы, по силе древних обыкновений, при казаках оставаться имеют*. Правда, что статьями гетмана Юрия Хмельницкого ограничен был

сей промысл тем, что разведены были аренды, то есть откупы шинков, на которые велено казакам продавать вино бочкою, а квартою запрещено; при гетманах же Самойловиче и Мазепе еще более стеснен был размножением аренд; но что оныя аренды введены были в противность прежних обыкновений и вольностей, и ради собственного гетманов обогащения, что доказывается грамотою Петра Великого октября 31-го 1708 года за собственноручным его императорского величества подписом, во всех малороссийских городах обнародованною, которую повелевается как те аренды и прочие поборы отставить. Грамотою же 1721 года уже точно и ясно сей промысл *дозволен и утвержден всем вообще, как старшинам, так и казакам, имеющим в том свободу.* Что ж коллегия, вступив в изъяснение, говорит, что сей промысл *не генерально старшинам и казакам, но имеющим в том свободу дозволен,* то я не знаю, какое оная слову *свободность* толкование и разум дать хочет, а я чрез слово *свободность* то же разумею, что и право, которые в винном промысле малороссийское шляхетство и казаки всегда имели, и которые им напоследок подтверждены и от ее императорского величества, нашей всемилостивейшей государыни указом от 6 октября 1762 года. Почему неудивительно, что промысл сей размножился и беспредельным сделался в такой земле, где многие на оный имеют право, и от онаго получают себе пропитание, и службу без жалованья отправляют, и где, уважая это, владеющие государи не заблагорассудили полагать сему промыслу какие-либо пределы, ибо Малая Россия, не имея почти средств производить сей промысл хлебом, употребляет оный на винную сидку, и тем хотя малый получает прибыток и награждает свои труды. Для такой же точно причины и в России Петр Великий указом от 3 декабря 1723 года дозволил вино курить в таких местах, *отколь хлеб водою никуда нейдет.* Итак, представляемое от Малороссийской коллегии ограничение курению и продаже вина не токмо противно правам и привилегиям Малой России, но вредно и заразительно как для шляхетства, так и для казаков, ибо премногие сыщутся, как из тех, так и из других,

которые не только тридцати, но ни десяти четвертей в засеве ржи иметь не могут, а напротив того имеют довольно леса, как-то: в Стародубском, Черниговском и Киевском полках, но хлеб тот дешевою ценою получить могут из российских, украинских, из полевых малороссийских мест и из Польши. Итак, я не вижу, для чего бы винокурение ограничивать тем людям, которые на то способ и право имеют, а неимеющие способов и без ограничения курить не будут. Продажу вина, если ограничить так, как коллегия представляет, то есть, чтоб по городам производить оную, как в Киеве, а не во владельческих маестностях и хуторах по корчмам, то следует казаков вовсе лишить сего промысла, ибо в Киеве продажу вина производит один магистрат, по исключительным привилегиям, а казакам продавать оное не дозволено. Другие же города таковых привилегий, что казакам не продавать вина, не имеют; напротив того, имеют привилегию, чтоб торговать оным везде в своих домах, а по мнению коллежскому, уже им не в городах, не в селах сим промыслом пользоваться не будет средства. Что ж коллегия приводит права из книги Статута, которым повелевается заугольные шинки истреблять, то оное право установлено на мужиков государевых и помещичьих, яко никакого права по сему промыслу неимеющих, а не на таких людей, которые к тому неоспоримое право и утверждение имеют, как-то казаки и их старшины. Я опять и в сем с Малороссийскою коллегиею не согласен, чтоб оное ограничение положить для того, чтоб отвратить от пьянства, в котором, по ея усмотрению, малороссийский простой народ обращается, ибо не токмо в Малой России, но и во всех землях, где только есть такие напитки, *простой народ тем самым же упражняется*, и еще больше там, где больше ограничена продажа оных. Таковые пороки истребляются не ограничением и принуждением, но просвещением и вольностью народов, с которыми приходит к ним и благонравие. Осталось еще сказать, что хотя коллегия и говорит, что в Малой России, к предосуждению святости, едва не все церкви под своим именем шинки имеют, но я таких шинков не знаю, а знаю только то, что так называемые церковные шин-

ки принадлежат не к церквям или церковным причетникам, но братству или прихожанам тех церквей, имеющих на то право, которые получаемые из оных прибыли употребляют на всякие церковные нужды и благолепие».

Но жалобы на пьянство украинского народа продолжали доходить до Петербурга, и Разумовский обнародовал универсал, в котором говорил, что малороссы, *пренебрегая земледелием и скотоводством*, вдаются в непомерное винокурение и истребляют леса для винных заводов, почему винокурение было всем запрещено, исключая, без сомнения, шляхты. Но в самом деле, свобода винокурения никогда не доводила украинский народ до того несчастного и подчас дикого пьянства, какое мы встречаем на северо-востоке, где народ даже и память потерял, что у него некогда тоже было свободное винокурение. «Простой народ, — писал Шафонский в 1787 году, — употребляет вино с малолетства; но в вине предполагается образ дружеского их обхождения и угощения, а не единственно непомерного пьянства. Половину праздничного дня просидят пятеро человек, пьючи между тем полосьмухи вина. Они пьют медленно и малыми мерами, и больше разговаривают, однако и тогда, как допьяна напиваются, буянского шума и вздорного шума мало между ними случается, а до брани в то время мало доходит». То же впоследствии подтверждал и покойный Пассек: «Редкие из малороссиян предаются пьянству, хотя пьют все без исключения — мужчины, женщины, девушки и дети».

Пока шли все эти разговоры о непомерном пьянстве южнорусского народа, а шляхта опять завела свои *корчмы* и, распивая «пива та меди ситни», ругалась над народом, соединившимся с Москвою, Украина, *домученная до конца*, решила навсегда расплатиться с ляхами, и 20 июня 1768 года отпраздновала *уманьскую победу*. «Вот, на украинской почве, — говорит Кулиш, — столь раз облитой кровью, опять один в виду другого жизненные элементы: народности польская и русская. С некоторого времени открытый грабёж стал в Украине явлением обыкновенным, он совершался в смысле некоторой как бы праведной мести убогого над богатым, ко-

зака над ляхом, который теперь, не сдержанный более Речью Посполитою, делал, что хотел». Скальковский, указывая на памятники, свидетельствует, что с 1733 года, то есть со времени присоединения Запорожья к Московскому царству, не проходило ни одного года, чтоб поляки не повесили или не изрубили одного или многих запорожцев. Они собирались для этого в гайдамацкие партии и, набегая на Украину, совершали грабёж и казни.¹⁸⁰ Тем же отвечали и казаки. Между тем, в 1767 году в Польше — сейм, составляются конфедерации с знаменем *Wolność i Wiara* (Свобода и вера), и конфедераты отправляются резать народ. Вся Украина опять в последний раз восстала. Получив благословение священников и освятив ножи, народ стал вырезать ляхов и жидов. Ляхи хорошо знали, где им можно спастись, — спастись на время, — и обратились за защитой к русскому правительству, распуская между тем слухи, что оно само возбудило эту резню. Усердный Кречетников является к казакам, как друг Гонты и Железняк, и выдаёт их головою полякам. С казаков с живых сдирали кожу, ходило предание, что игумена, благословлявшего ножи, посадили на кол, совершились тысячи чудовищных казней, и рейментарь украинской партии, указывая на людей, замученных в пытках, повторял: «Дивитися, люде! Хто ся тильки збунтовав, то всим тее буде!» Граф Румянцев-Задунайский в июле 1768 года писал полковнику Протасову: «Оные (манифесты) в самой скорости обнародуйте во всех тех местах в Польше; куда только своими сообщениями достигнуть можете, и паче где своевольные гайдамаки произвели уже свои грабления и насилия, и где не престают сами польские обыватели от возмутительных свирепых наглостей против своих господ. Вы уже мне объявили, что от *польских шляхтичей* были к вам просьбы об усмирении взбунтовавшихся крестьян». И с тех-то пор русский народ уж больше не бунтовал против ляха: лях теперь стал бунтовать против русского правительства...

Умер последний (по имени) из гетманов, Кирила Разумовский; в Украине в 1765 году введено генерал-губернаторское правление, а спустя десять лет уничтожена и Запорожская

Сечь. Братства, служившие доселе опорой народности, исчезали окончательно; старинные мёды сменялись питьём горилки. Оставался ещё мёд, называемый воронком, но и он в 1807 году найден сильным, как и самое горячее вино, и запрещён повсеместно. Свобода винокурения становилась теперь правом одного лишь ополяченного дворянства, для которого, по его собственным словам, винокурение было единственным продовольствием, служило единственно для удовлетворения необходимых потребностей жизни. Помещики, и прежде падкие на откупа, теперь откупали целые города. В 1801 году в записке депутатам, благодарившим Александра I за утверждение во всей силе дворянской грамоты, украинские дворяне снова повторяли, что на основании таких-то параграфов Статута, «малороссийское дворянство почти единственный для содержания своего на службе и государственные надобности доход имеет от винокурения и продажи вина», и поэтому просили уничтожить сделанное в прошедшем году распоряжение Сената, «чтобы горячего вина продажи не чинить русским людям на 150 верст от границ прикосновенных губерний», угрожая против дворян, что допускающих такую будут судить, «яко корчемников и ослушников». Указом 1763 года велено было продажу вина по городам обратить в пользу магистратов; но в городах и около них находилось много помещичьих имений, и вот дворяне жалуются теперь, что городские думы, «имев препорученность взять в свое распоряжение винную продажу, в пользу городов предоставленную, заключенными с откупщиками контрактами, без изъятия помещиков и им принадлежащих имений, отъемлют всю свободу и *вольность* живущим в оных пользоваться в полной мере собственностью своею». То же заискиванье в пользу своей шляхетской вольности повторилось, как мы увидим, в 1863 году при уничтожении откупов.

В Белоруссии указами 1772 и 1782 годов сидка вина, а также производство пива и мёда предоставлены одним помещикам. Все корчмы, принадлежащие дворянам, оставлены на тех местах, где они находились; новые же корчмы позво-

лено заводить с разрешения губернаторов, «наблюдая при этом, чтоб оне были при больших дорогах и при церквах». В городах введены откупа, и откупная система была распределена так, чтобы с каждой головы, внесённой в поголовный список, казна получала не менее 1 рубля 50 копеек, и затем уже магистраты назначали сами, за сколько и как дозволить продажу. Указом 1783 года право продажи вина в селениях казённых предоставлено казне, а в частных — помещикам. Во всей юго-западной Руси за польско-русскими помещиками утверждено *право пропинации*, продолжавшееся до наших дней и уничтоженное волею царствующего государя.¹⁸¹

Бывшая Слободская губерния пользовалась свободой винокурения до 1805 года. В 1805 году в Киеве винные сборы отданы на откуп, а на следующий год откуп распространён был и на соседние губернии. Манифестом 1810 года подтверждаются все помещичьи привилегии на свободное винокурение, и юго-западные губернии поэтому получают название *привилегированных* (Черниговская, Полтавская, Харьковская, Ковенская, Гродненская, Виленская, Минская, Могилёвская, Витебская, Волынская, Подольская, Киевская, Екатеринославская, Таврическая, Херсонская и Бессарабская область). В городах и сёлах заведены откупа. Одна, относящаяся к этому времени, записка говорит, что тюрьмы городов пограничных с Финляндией, с Остзейскими и от Польши возвращёнными губерниями, переполнены были корчемниками: «Их дерзость доходила до того, что они сотнями с огнестрельным и холодным оружием вступали в драку не только с откупщиками, но и с воинскими командами». Наконец в 1815 году все *черкасы* оставлены во владении тех помещиков, за кем они были записаны по ревизии 1782 года. В Украине появилось крепачтво, то есть крепостное право, тем более страшное, что рядом с рабовладельцами из поляков были и жиды и иезуиты... В одной Гродненской губернии 46 жидов имели в своём владении 19438 душ обоего пола, называвшихся теперь крестьянами. Иезуиты владели в Белоруссии именьями с населением в 13500 душ.

Польско-русские помещики пустились в откупа, настроили себе винокурен: народ в пользу помещика пропивал всё, что имел, а помещики пропивали всё, что получали от народа. Ещё Маркович (1696–1770) в своих записках аккуратно отмечал все подробности этого разгула, охватившего всю юго-западную Русь, отмечал ежедневно: «подпяхомъ, гораздо подпяхомъ, зѣло подпяхомъ, праздновали съ шумомъ пьянственнымъ, лики со тимпаномъ были — насилу ушоль, разъ охотившись — подпяхомъ, подпяхомъ до утра, подпяхомъ съ дамами, подпили больше прежняго, кулика-ли, были подпили, куликовали, подпяхомъ отчасти, водковали зѣло, подпяхомъ жестоко зѣло» и прочее, и прочее. Так текла помещичья жизнь с конца XVII века и до наших дней. Чужбинский рассказывал следующее о жизни полтавских помещиков в 40-х годах текущего столетия: они составили общество пьянства, под названием *общество мочемордия*. Члены, смотря по степени заслуг в пьянстве, носили титулы *мочемордия*, *высокомочемордия*, *пьянейшества* и *высокопьянейшества*. Наградами были у них: *сиволдай в петлицу*, *бокал на шею* и *большой штоф через плечо*. Все горячие напитки считались достойными питья, но существовало условие, что чистый *мочеморда* для поддержания чести общества никак не должен употреблять простой водки, а непременно хоть какую-нибудь настойку. Старшиной в одно время был В. А. 3-ий, носивший титул *высокопьянейшества* и имевший большой штоф через плечо.¹⁸² Из сведений, объявленных Правительствующим сенатом на откупных торгах 1858 года, видно, что во всех привилегированных губерниях в 1852 году оплачено акцизом вина 18376876 вёдер, спирту 453279 вёдер, доходу получалось ежегодно от акцизного откупа 10271674 рублей, от чарочного — 5363326 рублей, всего — 15635000 рублей.

Как бы то ни было, а Украина отстояла свою стародавнюю корчму (в Гетманщине — *шинок*, за Днепром — *корчма*), а между тем на северо-востоке кабаки распространялись всё дальше и дальше.

Распространение кабаков в XVIII веке. Откупная система

Московскому государству, лишённому народной опоры, идти было некуда, и оно расшатывалось, как выражаются современные памятники. Это заметил ещё Иван Грозный. Уничтожив вольные общины Новгорода и Пскова, он думает восстановить падшие давно общины великорусские, велит в городах и волостях определить старост, сотских, пятидесятских и десятских, и полагает «заповедь страшного и грозного запрещения, чтоб им, выборным, судить разбой, воровство и всякие дела, а бояр и вельмож и всех воинов устраивает кормлением и уроками праведными». Но ни земские учреждения Ивана Грозного, ни даже его позволение *откупаться* от властей не подняло упавший дух русской земли. Дела шли хуже и хуже. Начало царствования Петра (1702–19) также ознаменовано было обращением к выборному началу, в первый раз в 1699 году в поручении всего земского управления *земским бурмистрам*, и потом — в определении дворян в приказные избы по выборам для решения всяких дел вместе с воеводой. Народ между тем продолжал нести жестокое крепостное право, завещанное Московским царством. Пётр в 1722 году укорял мелкое шляхетство, что оно продаёт людей «врознь, как скотов». Народ обращён был в скотов ещё в Москве. Описывая московскую жизнь, московские люди замечали между прочим и ругательство над народом: «Всякъ лѣнится учиться, вси шапятъ торгованія, вси бѣгають рукодѣлія, вси поношають земледѣлателямъ». Эти поносители учили прямо, что «рѣчь народная безчестить рѣчь книжную». Древнеславянский *муж* получает в Москве бранное имя *мужика*, которое переходит в это время и в Малороссию, и брань *Подлинный ты мужик*, повторяясь чаще и чаще, сокращается в новое, модное в XVIII веке слово *подлый*, прилагаемое ко всему народному: народ — *подлые люди*, речь народа — *под-*

лая речь. «Пьянство, — писал Болтин, — вовсе истребишася въ обществѣ людей благородныхъ, а *подлые люди* и понынѣ пьяныхъ напитков употребляютъ». ¹⁸³ *Имя человек*, высокое по понятию народа (малороссийское *чоловік* — *домохозяин*), спускается до названия холопа, лакея: общественное название *лакеев* — *человек, люди*. Вообще слово *люди*, служившее некогда названием всего народа, получило с этого времени какое-то злое значение: «Люд! Экой люд!»

Общество, отвернувшееся от народа и покинутое им, разделяется на несколько групп. Одна, скинув с себя татарские *ферязи* и *кафтаны*, сначала ополячивается (шляхетство), потом французится; другая — измышляет себе новую антихристову веру, говорит, что мощёная улица — антихристов путь, и что Пётр и митрополит — антихристы, и что вне двуперстия нет никому спасения... Под этими влияниями слагается на Руси так называемый XVIII век.

Осьмнадцатый век и в деле кабаков открывается подражанием польскому: через Польшу переходят *бурмистры*, управлявшие кабаками, и *фартины* (от *кварта*) — питейные дома. Харчевни, заменившие корчмы, были отданы на откуп. Теперь дело дошло до постоянных дворов. В 1704 году велено было описать в Москве постоянные дворы; но в том же году вышел новый указ: «Постоялые дворы все отписать на великого государя, и, оценив, отдавать на откуп, а хозяевам деньги за те дворы дать... по оценке». Как видно, при исполнении этого указа встретились затруднения, и в следующем году велено было «постоялым дворам быть по-прежнему за хозяевами, а имать с них с постоя четвертую долю». В этом же году в Москве и во всём государстве, в городах и пригородах, на торжках и ярмарках, отданы были на откуп «всякого чина охочим людям» сусленые, квасные и уксусные промыслы. Этот новый откуп доставлял казне самую ничтожную прибыль. Так, в Новгородской губернии с 1727 по 1731 год квасные, сусленые и уксусные промыслы были на откупу за 194 рубля; в 1735 году в Новгороде за 74 рубля, а в Вологодской провинции за 75 рублей $\frac{3}{4}$ копейки. Откупщики, не находя прибыли, отказались от откупа, и новгородская губернская

канцелярия велела собирать оные сборы верным сборщикам; но новгородское купечество подало жалобу, что за отлучками-де к тем сборам в дальние места, «купцы от домов и от торгов отстали, и пришли во всеконечное разорение, и что во всем Российском государстве, кроме Новгорода, квасу и суслу везде имеется вольная продажа, от чего купечество, а паче скудные и малотяглые, получают себе прокормление». Получив эту жалобу, стали справляться с законами и нашли, что 30-го апреля 1654 года всякие съестные и харчевные промыслы, и в том числе сусло и квас, на откуп отдавать не велено, а потому сбор с сусла и кваса уничтожили, и запрещено было продавать одни квасы пьяные. Несмотря на это ограничение, квасной сбор продолжался. В 1741 году в Нижнем Новгороде и в Нижегородском уезде квасных и искусных сборов, собираемых верными сборщиками от купечества, было 506 рублей 43 $\frac{1}{2}$ копейки. В 1741 году эти сборы велено было отдать на откуп.

В 1700 году всем питейным делом заведывают бурмистры, которым приказывают, чтоб частные винокуренные заводы были описаны, и у тех, кто курит вино без указов, отписывать винокурни в казну. Бурмистры, несмотря на то, что выбирались целым городом и считались земскими, в отписках своих к государю называли себя не иначе, как холопами, и вот им послан был указ: «Как смеете вы писаться *холопами*, тогда как напредь сего писались *сиротами*, и кто после этого будет писаться холопом, того *будем бить нещадно*». Бурмистры в то же время знатно воровали казённую прибыль. Известный Курбатов, сам воровавший не меньше других, в октябре 1706 года писал государю: «За градскими бурмистры премногое воровство чрез мое бедное усердие сыскано. В одном Ярославле украдено 40000 рублей, а на псковичей Никифора Ямского и Михаила Сарпунова доносят, что во время шведской войны украдено ими пошлин и питейной прибыли 90000 рублей и больше». Другой фискал, Нестеров, тоже доносил в 1712 году, что от бурмистров и ларёчных «с прочими служителями явилось многое воровство и кража казны и взятки». Между тем строгости были нема-

лые, доходившие до того, что по кабакам заведены были *дестевые тетради*, и в те тетради велено было записывать подённо и понедельно винные браги, и сколько в какую брагу какого хлеба и иных припасов изойдёт, и сколько вёдер вина выйдет, и по чему в вёдра, и в полувёдра, и в четверти, также в кружки и чарки продано будет. Приближавшемуся всеобщему откупу в 1705 году на вино предшествовали откупа на рыбные промыслы, на соль, на табак. В 1708 году уничтожены частные винокуренные заводы в Московском уезде. В 1707 году по всему Поморью у приходских церквей и у церковных приказчиков, и у всяких людей велено отписывать винокуренную посуду, кубы, котлы, казаны, вообще приказано было уничтожить частное винокурение со всякою жесточью, чтоб сторонними воровскими тайными продажами не было государю помехи и убытка. И в самом деле, целовальники доносили, что с отбором посуды в важенских и устьянских волостях питейной казне учинилось немалое пополнение.

Питейный откуп открывал своё действие с сёл и деревень. В 1705–8 годах в волостях и сёлах питейные сборы, где их было от 100 до 1000 рублей, отданы на откуп купеческого чина людям, с платой в казну и в ратушу за таможенный ящичный сбор против больших сборов вдвое, за питейный сбор новоуравнительные, и с винной продажи поведёрные пошлины, и иные сборы, против больших же сборов, с торгу и с наддачи на год и на два и на три года, *а в откупе давать торг на Москве*; вино, пиво и мёд продавать по указным ценам, а в новозаведённых торжках, где доселе вино в вёдра не продавали, и теперь не продавать для того, чтоб «от той ведерной продажи в настоящих городах на отдаточных дворах умаления не было».

Откупщики, которые также назывались бурмистрами, лицались права заподряжать вино, а должны были покупать его из казны. Когда распоряжение это получило всеобщую известность, то дворцовые, монастырские и архиерейские крестьяне (господские не имели уже никакого значения) били челом об отдаче им на откуп питейных сборов. Челобитье

крестьян не было принято, и велено было отдавать сбор с торгу знатым и правдивым и зажиточным людям. Приходит роковое время завести откупа во всём государстве и для этого в указе 1712 года предлагают способ ввести их постепенно, мало-помалу... «Как вино, — говорит указ, — так и прочие вещи, надлежит отдавать на откуп, однако ж сие главное дело надлежит делать по малу, дабы не потерять сборов, таким образом, что сперва один или два города, которым отдать на подряд, то есть что собирается с кабаков и таможен, чтоб те сборы они платили и ведали сами и продавали, и на откуп давали (во вторые руки), как они знают. И когда так в одном или в двух местах оснуются, то и в прочих по сему поступать, а между тем ведение со всего государства»... В декабре того же года по случаю свейской войны в Московской губернии во всех городах, сёлах и волостях питейные сборы отданы на откуп знатым Московской губернии купеческого чина людям.

Но в 1714 году по случаю тягостных военных нужд велено было Сенату: «Кабацкие и оброчные сборы положить в каждом городе на купечество по большому окладу, а откупы и счета отставить, и от дворового и с крестьян и с купечества сбору отличить и собирать особо». Фискал Нестеров предлагал в это время произвести уравнильный набор в следующем виде: «Собрав в одно место списки наличных людей всех губерний, выложив от них особо таможенные, кабацкие и другие оброчные, *всегда, кроме народа, надежные сборы*, остаточный, положенный по табелям оклад росписать, почему из того оклада достанется по расположению во всякой губернии на всякого человека». В 1715 году ещё раз многие частные винокурни обращены в казённые, и те, которые остались в руках владельцев, подверглись подробной описи; но на следующий год снова дозволено было свободное винокурение.

В конце 1717 года учреждена Петром Камер-коллегия, или (Коллегия) казённых сборов; президентом её назначен был киевский губернатор князь Дмитрий Михайлович Голицын. В ведомство Камер-коллегии поступило питейное дело.

В это время жил ещё знаменитый крестьянин подмосковного села Покровского Посошков (род. 1670), занимавшийся питейным делом и писавший политико-экономические сочинения о нуждах России. В 1719 году он подал просьбу князю Голицыну о позволении построить винокуренные заводы и взять водку на подряд; но ему отказали, да ещё посадили его в тюрьму. Потом он занимался водочным делом в Москве на Каменном мосту, но здесь наделал долгов, и опять стал просить позволения *делать водки* в Санкт-Петербурге и Ингерманландии. На докладе об этом ландрихтера Корсакова¹⁸⁴ 21 марта 1708 года Меншиков написал, что Посошков «причинился в ратуше в воровстве». Клевета ли это была Меншикова, который и сам был нечист на руку, или отчасти правда, как можно было б догадываться из предсмертных распоряжений Посошкова, во всяком случае это не помешало ему в 1710 году сделаться в Новгороде *водочным мастером из жалования*. Жизнь его кончилась тем, что, просидев долгое время в Петропавловской крепости, он там и умер 1 февраля 1726 года, и, по распоряжению Тайной канцелярии, погребён у церкви Симеона Странноприимца.

Главное управление питейными сборами перешло из ведомства полицейской канцелярии в Камер-коллегию в Петербург с 1719 года, а в Москве с 1722 года. «Камер-коллегия, — писал в 1776–77 годах князь Щербатов, — находится в Москве и имеет свою контору в Петербурге. Должность сей коллегии состоит в сборе с винных откупов. Сия коллегия учреждена Петром Великим, и никогда на хорошую ногу поставлена не была, да сие и неудивительно, ибо большая часть её президентов более старались показать государю приумножение доходу, и тем выслужиться, а притом и себе прибыли от откупщиков получить, мало прилагали попечения о приведении её в добрый порядок». В 1719 году было объявлено, что кто захочет в 1720 году в Санкт-Петербурге, и в Москве, и в губерниях, и в городах «ставить на кабаки подрядом вино двойное и простое, и водку без усушки и без утечки, мед, солод и хмель, и оные бы являлись и подрядные свои цены объявляли в Санкт-Петербурге в Камер-коллегии,

а в губерниях — губернаторам, воеводам и камергерам». Губернаторам позволено отдавать таможни и кабаки на откуп на четыре года суммою до 3000 рублей. 13 апреля 1722 года вышел указ о бытии целовальникам из бородачей. Питейный доход в 1722 году представлялся в следующем виде: с кубов — 11512 рублей, от винной регалии — 956970 рублей, и с кабацких и таможенных сборов, отдаваемых откупщикам — 226468 рублей.

В 1722 году кабаки отданы на откуп на четыре года. Брать откуп позволено только знатым людям купеческого чину, помещикам и иностранцам (грекам), а крестьянам запрещено на том основании, что из них набираются драгуны, солдаты и рекруты, и кроме того они нужны для построения Петербурга. Крестьяне были уволены даже и от выборов в кабацкие должности и заменены драгунами и дворянами. До 1726 года в Белозерском уезде было 34 стойки, на которых собирали деньги выборные крестьяне, а так как велено было заменить их драгунами и солдатами, а эти ещё не явились туда, то сделано распоряжение, чтобы пока к кабацким сборам, как в городах, так и уездах, на кабаки и на стойки, где отставных офицеров, солдат и дворян не определено, определять из купеческих людей, и только в крайней нужде выбирать дворцовых, черносошных и монастырских крестьян. Исключение было сделано для крестьян в Поморье, где в 1738 году за умалением в Олонце и Архангельске купечества, обязанного заниматься питейными сборами, некому было собирать питейную прибыль. В 1731 году ещё раз подтверждали, чтобы крестьян ни в откупы, ни в подряды никуда не допускать, «кроме найму подвод и судов и каких-либо работ». Только в 1770–71 годах сделано было исключение, что крепостные могут вступать в откупа по поручительству своих владельцев.

Ещё при Петре (1716), потом при Анне Иоанновне (1731), при Елизавете (1755), и наконец при Екатерине постоянно подтверждали, что право винокурения принадлежит одним помещикам, великорусским и малорусским, русским и полякам. Помещики занимались в деревнях приготовлением на-

ливок и продавали их. В 1765 году это им было запрещено и потом опять дозволено, но с 1767 года право наливки окончательно перешло к откупщикам, и было подтверждено целым рядом указов и постановлений. До сих пор, и у господ и у крестьян, наливки были необходимой потребностью жизни. Откупа, стесняя пивоварение, медоварение, ввели в употребление водку (пенник), которую пили, настояв её ягодами и травами, и отсюда возникли травники, настойки и наливки. Употребление *травников* было общеизвестно на севере и на юге. С 1726 года сделался известным травник *ерофеич*, названный так по имени цирюльника Ерофея, который вылечил этим травником графа Орлова. Маркович упоминает (в 1726 году), что он составлял рецепт *на декокт посполитый*, и во время похода в 1737 году он заметил: «Еликсирь секретный на разные болѣзни с ингредиенціей составил, наливши можжевеловою водкою». Подобным образом лекарь Трофимовский, живший в Полтавской губернии на правом берегу Псѣла, оставил народу в память о себе целебную настойку из трав, названную по имени его *трофимовкой*. Наконец, ещё недавно пользовались известностью: в Лубнах — настойка *августиновка*, составленная медиком Августиновичем; в Ромнах — настойка помещика Новицкого, в Нежине — помещика Гжемайла.

Но с 40-х годов текущего столетия исчезают и последние следы домашнего приготовления травников, наливок и настоек, сменившихся так называемой *очищенной*... Винокурение иногда совершенно прекращалось, как, например, в Воронеже в 1736 году и в Малороссии в 1738 году. В 1750 году вовсе запрещено было курить вино в губерниях Московской, Смоленской, Новгородской, в которых в тот год мало родилось хлеба, но вскоре опять было разрешено, с условием привозить хлеб для винокурения из других хлебородных губерний. Подобное распоряжение сделано было в губерниях Могилевской и Полоцкой. Для иностранцев, распоряжавшихся тогда русским народом, доход с вина составлял нечто вроде награды или милости. Знаменитый Миних в своих *кондициях* 1727 года, на которых он решался служить

России, униженно просил императрицу, чтобы ему дан был знатный чин фельдцейхмейстера, и чтоб за работы по Ладожскому каналу ему даны были *прибытки с вина, с табаку и кабаков* и так далее.¹⁸⁵

Развитие откупов, стеснение пиво- и мёдоварения вызывало по-прежнему увеличение корчемства. Курбатов, донося в 1705 году, сколько кем украдено казённых денег, прибавлял: «Моим бедного усердием в нынешнем году в Москве одной над все годы от новопостроенных аптек, и что *истреблены корчмы многия*, со 100000 рублей питейная прибыль будет». Он вынул корчемное вино у первого разрядного подьячего Топильского, который находился у боярской книги: подьячий торговал вместе с женою в вёдра и скляницы, продал до 400 вёдер, и много ещё успели запечатать. Вино это он добывал от дворян вместо взяток за разные обделанные им дела, и таким образом в два года получил с них до 1500 вёдер вина. При Камер-коллегии учреждена была *корчемная команда*, перешедшая потом в ведомство полицейской канцелярии. Около Петербурга и на Ладожском озере, для искоренения корчемства, учреждены были заставы, охраняемые воинскими командами. С этой же целью Москву окружили *надолбами*, но их скоро растаскали, и в 1740 году предложено было Камер-коллегии окопать город валом. Вал сделали, назвали его Камер-коллежским, и, с наступлением следующего откупа, откупщики, называвшиеся с 1732 году *компанейцами*, приняв вал в своё заведывание, прозвали его Компанейским, и по всему протяжению его расставили солдат. Наши деды и даже отцы помнили хорошо, как, бывало, всякого, кто бы ни перешёл через Камер-коллежский вал, тут же раскладывали и пороли плетьюми. Даже на наших глазах, когда этот вал не имел уже большого значения в откупных интересах, казаки всё-таки продолжали ловить всякого, кто только через него переедет, и драли его нагайками, или же брали с него контрибуцию. В 1776 году Камер-коллежский вал развалился, и откупщики Бородин, Семёнов и Устинов обратились к правительству с просьбой о починке вала, обязавшись вносить для этого по тысяче рублей. Вал починили, а с откупщиков

взяли подписку о взносе этих денег и на будущее время, и с тех пор московские откупщики, с каждым новым откупом, должны были вносить губернатору по тысяче рублей на поправку вала.

Верховный тайный совет, учреждённый в 1726 году, составлял нечто вроде старой Боярской думы, вмешивался в питейное дело, и таким образом, отнимая власть у Сената, вносил в коллегиальное управление новую путаницу. И Камер-коллегия, имевшая прежде обширное значение, теперь должна была сократить свою деятельность и сделалась только сборным пунктом доходов. Указом Верховного тайного совета 24 февраля 1727 года велено было кабацкие сборы отдать на магистраты, чтоб они известный оклад с откупов платили по третям года безо всякой доимки, и к тем сборам определять им, кого знают, а если определённой суммы не выберут, то взыскивать её на магистратах и бургомистрах; лишнее же, что выберут сверх оклада, оставлять им на общую пользу городовую; магистраты же по-прежнему подчинить губернаторам и воеводам. Но один магистрат доносил, что кстати поручить бы воеводам и питейные дома, или же передать их в Камер-коллегию. Было решено тем, что в Петербурге питья и прочие припасы подряжать Камер-коллегии, а в провинциях магистратам и бургомистрам, *под смотрением губернаторов и воевод*; и которые кабаки на откупах, и ежели те кабаки пожелают взять другие откупщики, и то оставлять на волю магистратов». В Москву на 1728 год требовалось вина 250000 вёдер, и сенатской конторе предписано было, чтоб при подряде она смотрела за Камер-коллегией и акцизною камерой. В октябре 1728 года велено было в Москве *пивную и медовую продажи* в тех кабаках, где до того производилась казённая продажа, отдать на откуп или на ратушу, и чтоб для продажи вина откупщики и ратуша определили в каждой улице известное число домов (всего триста), «дабы излишних сверх довольства не было».

В Петербурге при торгах на откупа на 1731 год питейные сборы, как и в Москве, велено было возложить на ратушу и купечество, и чтоб устроить это дело как можно ловчее,

вызван был в Камер-контору некто Медовщиков, бывший в 1728 году бургомистром. Этот Медовщиков, когда после его бургомистерства в 1729 и 1730 годах были недоборы, доносил на новых откупщиков «в упущении питейного сбора и в помешательствах». Теперь призвали его, чтобы «там в собрании к тому сбору купечества показать свое прилежное старание, ища его императорскому величеству прибыли, как он уже в помянутом годе в питейном сборе не малый приход учинил». В 1732 году питейные сборы отданы в компанию охочим людям, и откупщики стали называться компанейцами. Московские компанейщики обязаны были «за водочный, винный и пивной сборы отдавать против оклада 1723 года по 249175 рублей в год, а кроме того что приберут в казну половину, а другую взять себе за труд и смотрение».

Продолжал ещё существовать *отдаточный двор*, зависевший от Камер-конторы и получавший вино от подрядчиков; но вина в нём было немного. В 1740 году, за малым именем здесь на отдаточном дворе в наличности вина, велено было отпустить для дворцовой конторы вместо двух тысяч вёдер только пятьсот. Управителем на петербургском отдаточном дворе был подпоручик Болкошин, при котором со двора тайно вино провозили, якобы взятое из казны для продажи на кабаки. Вино показывалось в усушке и в утечке, словом, велось корчемство. Таким образом, казна собирала питейную прибыль сама, посредством выборных, сидевших в ратуше, и посредством откупщиков; последние для казны были выгодны, и скоро должны были сделаться полными господами питейного дела.

Всеобщее негодование, возбуждаемое откупщиками, сказалось в замечательном доносе, поданном Анне Иоанновне на откупщиков и компанейщиков, *расхищающих казну и спаивающих народ*. «Петр Первый, дядя ваш, — говорил донос, — по примеру других государств завел, чтобы таможенные и питейные сборы отдавать охочим людям на откупы, и то-де весьма не усмотрено, но паче же утрачены великие интересы, по силе российских таможенных уставов, понеже внутри российского великого государства наполняются

таможенные сборы и питейные продажи своими природными российскими народами, а не яко в пример тех государств малых владельцев, или во указательство от них великому российскому таможенному уставу, понеже в тех немецких землях наполняются таможенные сборы и питейные продажи иностранными народами, которые, проезжая, обогащают откупа, без вреда народу, и в тех государствах своему природному народу никакого разорения и обиды не бывает, а те таможенные сборы и питейные продажи всегда собираются в вольности. А ныне великого российского государства, между откупщиками и верными присяжными людьми, учинилось в сборах великое помешательство и трата великая интересу; неусмотрением Высокого сената *продано все земледельчество и купечество* без положенная цены, первое на расхищение великаго интересу Вашего императорского величества, второе на *разорение и великое разграбление всего народу* откупщикам и компанейщикам. Похищают явно великий интерес Вашего императорского величества злодейственными своими и воровскими умыслами, наносят на оные города великие сборы, вражеством своим приводят народ к душевредству и великому непостоянству, отчего имеется в купечестве великая безторжица. И оные откупщики и компанейщики являются своим промыслом, якобы великие доброты и исполнители интересу Вашего императорского величества, а они злодейством своим и великим пронырством делают великие ущербы Вашему императорскому величеству, вникнули в народ, яко ядовитые змеи, пресыщающие лестию, гоняще народ к великой нищете и вечной погибели такими видами; как в Москве, так и во многих городах, расширяют и умножают множество кабаков, так в селех и в деревнях, для своих плутовских и великих прибытков. Первые язвы от того — пьянство: обленилися множество народу, вступили в блуд, во всякую нечистоту, в тяжбы, в убийство, в великие разбои, и ослепота пребесконечно, начаша творити блуд содомской, не знающе ни воскресного дня, ни господских праздников, и от того уродися и умножися семя нечестивое, от того многая тысячи дельных и годных людей на всякие

службы смертью казнены, а других множество народа бьют кнутом и посылают на вечную работу; иных множество простого народу в пьянстве умирает безвременно; простого народу и всяких чинов люди в компаниях великих пьянствах невежествы своими поздравляют Ваше императорское величество, наливают покалы великие и пьют смертно, а других, которые не пьют, тех заставляют силно, (патриоты) и многие в пьянстве своем проговариваются, и к тем праздным словам примечываются приказные и прочие чины, и от того становятся великие изьяны... Стало между всеми городами в сборах великое помешательство: где откупы — тут необычные приборы; где верные города — тут великие недоборы, и от того всему купечеству великая вреда и крайняя нищета, и со оными откупщиками и компанейщиками во всяких службах Вашему императорскому величеству великое несогласие». Затем донос ссылался на царскую грамоту 1654 года апреля 30-го об уничтожения кабацких откупов, положенную в соборной церкви Успения Пресвятыя Богоматери под престолом Господним, которая «таковых откупщиков и компанейщиков, воров и злодеев, хищников и миру досадителей проклинает». Поэтому доносчик просил государыню ввести старинную продажу вина на вере. То было запоздалым требованием: сборы на вере, вместе со всей старой жизнью, выходили из обычая. От них оставалось одно лишь тёплое предание народа о грамоте 1654 года, положенной под престол храма Успения Богородицы.

Погибшее навек право собирать на вере сменилось теперь повсеместным откупом на самых выгодных кондициях. В Клину и уезде питейный оклад был 599 рублей 72 ½ копейки. В 1715–18 годах клинские откупщики платили таможенных и кабацких денег по 1659 рублей 56 копеек; в 1718–21 годах — по 1876 рублей 62 ½ копейки; в 1725–29 годах за одни кабацкие сборы платили уже 1506 рублей 29 копеек; с 1729 по 1739 годы кабацкие сборы находились в ведении верных сборщиков, и у них явился недобор, даже против оклада, и в 1739 году московские купцы Иван Алексеев, Степан Яцкий и Афанасий Колесников взяли клинские кабацкие сборы за

892 рубля 85 ½ копеек. Для исправления Ладожского канала с 1727 года отданы на откуп ладожские кабацкие сборы, и по всему каналу, на всякую сторону, считая по одной версте, велено быть кабакам и состоять в ведомстве канальной канцелярии. Пиво, мёд и буза отдавались на откуп отдельно от водки. В 1742 году Долгов взял в Ладоге и в Шлиссельбурге по каналу винную питейную продажу в откуп на четыре года по 1457 рублей в год, надав против бывшего откупа 50 рублей, а против оклада по окладной в Камер-коллегии книге 1633 рублей 48 ¾ копейки в год. Но товарищ Долгова, купец Раков, от откупа отказался, и откуп был оставлен за прежним откупщиком Пановым со товарищами — купцами Истоминым и Солодовниковым.

Из дел доимочной комиссии оказалось, что чиновники распоряжались откупами, как хотели, что суды, секретари и прочие канцелярские служители «откупы противу указов чинили», откупщикам из казны деньги по контрактам и векселям неосторожно выдавали, и на чиновниках поэтому оказались большие недоимки; но они сложены по всемилостивейшему указу 15 декабря 1741 года. В ноябре 1741 года малолетний Иван VI (Антонович) свергнут с престола, и Елизавета была провозглашена императрицей. Она застала откуп в полном ходу и довершила его развитие. Откупами занимались даже церковнослужители. Казённые откупа, отданные ратушам и от них уже переданные откупщикам, были освобождены от вмешательства губернаторов и воевод, судей и приказных. Петербургские питейные сборы отданы на откуп на семь лет. Питейный доход в 1749 году, при различной в разных местах цене на вино, доходил до 1786955 рублей, а с 1750 года, при одинаковой цене в 1 рубль 88 ½ копеек серебром за ведро, дошёл до 2666909 рублей. Опять стали замечать, что слово *кабак* производит омерзение, и 18 ноября 1746 года велено на выставленных при кабаках досках надписывать: *питейный дом*, именуя его *казённым*. Если откуп мог действовать с такой свободой в центре государства, то что же делалось где-нибудь в Сибири? Откупа в Сибири состояли в ведении сибирской губернской канце-

лярии, которая объявляла торги, заключала условия и заведывала выборными целовальниками, которые оставались ещё по городам. В 1745 году в Сузгунском и Кундушском заводах вино простое и двойное курили ларёшные Лапин и Мухин; в Берёзове в 1744 году винная продажа отдана на три года в откуп Михайле Корнильеву с платою каждый год по 1536 рублей 89 копеек.

Корчемство продолжалось, и вот после угроз конфискации и ссылкой, объявленных в 1749 году, пробуют действовать милостию. В 1751 году велят корчемникам *вины отпустить*, разрешают всякого звания людям варить у себя в домах пиво и браги для домашнего употребления, «хотя бы и несколько человек сложились хлебом в один котел». В это время Елизавета для того, чтоб окончательно уничтожить корчемство и соединённые с ним многочисленные следственные дела, а также, чтоб доставить дворянству, как сословию преимущественно имевшему право участвовать в откупах — вводит в государстве один всеобщий откуп, существовавший с тех пор в течение ста двадцати лет. Указом 1756 года дозволено было дворянам курить вино для домашнего употребления, но по чинам: чинам первого класса по тысяче вёдер в год, второго — восемьсот, третьего — шестьсот, и так далее до четырнадцатого, которым позволялось курить по тридцать вёдер. Таким образом, подьячий, получивший классный чин, в экономическом отношении имел больше прав, чем любой городской житель или крестьянин! Питейный доход простирался до 3450043 рублей.

В Москве откупщиками были Михайла Гусятников и Сава Яковлев со товарищами. Ради уничтожения корчемства с 1751 по 1758 годы позволялось помещикам и крестьянам варить пиво для домашнего употребления без платежа пошлин; но потом снова восстановлена была пошлина, и в 1770 году отдана на откуп. Указом 7 июля 1758 года дозволено гофмейстерине, статс-дамам и фрейлинам, доколе они будут при дворе, выкуривать на свои домовые расходы по тысяче вёдер вина в год. Правительству сделалось известным, что откупа приносят государству вред, и Екатерина в 1764 году

учредила под председательством графа Фермора особую комиссию, с целью приискать способы к улучшению питейных сборов; но комиссия сочла за нужное, по обстоятельствам времени, продолжить откупное содержание с тем только изменением, что подряд на поставку вина будет принадлежать самому правительству. Затем в предварительном указе 1 августа 1765 года о предстоящих откупах во всей империи, исключая Сибирь, курить вино дозволялось только дворянам, а больше никому. Всем же остальным позволено было покупать вино с питейных домов и запрещено торговать пивом, мёдом, пьяной брагой и квасом. Приглашают в откупщики охочих людей из купечества, обещают им монаршее покровительство, дают им шпаги, и государственный герб, и полную свободу «столько кабаков иметь, сколько сами захотят», а кабаки велят называть питейными домами, потому что «от происшедших злоупотреблений название кабака сделалось подло и бесчестно».

В видах уничтожения корчемства в том же году издан новый указ о винокурении. Несмотря на значительное увеличение цен на напитки, потребление их по кабакам увеличилось год от году: в 1765 году доход от питейной продажи был 4294610 рублей, в 1766 году — 5767067 рублей, в 1767 году — 5085064 рублей. 1766 год был ознаменован одним необыкновенным событием. 13 декабря вышел наказ Екатерины, сзывавший всех на собор для сочинения нового уложения. «Дабы, — как говорила Екатерина, — потомки узнать могли, к какому великому делу они участниками были». Но издание Наказа нисколько не изменило судеб русского народа. На следующий же год введён был в Сибири откуп на правила великороссийских губерний. Устроены были казённые заводы на четырёхста тысяч вёдер, и кроме того в этом же 1766 году сто семьдесят четыре поставщика поставили 1853456 вёдер. Спустя некоторое время количество производимого казною вина оказалось недостаточным, почему винокурение было увеличено ещё на двести тысяч вёдер, а в 1789 году на полтора миллиона вёдер. Питейный доход в 1771–75 годах простирается до 6643760 рублей в год; с 1775–79 годы

до 6887350 рублей. Откупщиком в Москве был в 1765 году надворный советник Роговиков.

В 1775 году уничтожены коллегии и введено новое Учреждение о губерниях. Питейное дело перешло в ведение казённых палат, где и оставалось в течение последующих восьмидесяти восьми лет. Сенат стал совершать контракты на подряды и откупа, а высший надзор за питейным делом сосредоточился в областях — в руках царских наместников, а в Петербурге — в ведомстве генерал-прокурора. В 1787 году учреждены *винные пристава из магазинных сержантов*, а в Тобольской губернии — из купцов и мещан; приказных служителей и сторожей в пристава определять не велено. Откуп охватывал Сибирь с её инородцами, Белоруссию и весь Новороссийский край. В Тобольске и Таре с уездами питейные сборы с 1730 года содержат магистраты; в Тобольске кабачные сборы идут за пятнадцать тысяч рублей. Но в 1750 году являются в сибирский приказ тобольский купец Павловский и тарский купец Шильников и просят об отдаче им в Тобольске и Таре с уездами всех кабацких, таможенных и канцелярских сборов в вечное содержание; а откупщики, тобольские купцы Корнильев с товарищами просят эти сборы на откуп на четыре года. Приказ отдаёт Тобольск и Тару Павловскому и Шильникову, первый город за 25207 рублей 95 копеек в год, а второй за 1895 рублей 11 копеек в вечное содержание. Кабак по-прежнему колол глаза, и в 1779 году ещё раз велено было по кондициям с содержателями питейных сборов вместо кабаков именовать их питейными домами. С 1779 по 1783 годы откуп в Петербурге и Москве с «подсудственными местами», кроме Ладожского уезда, отдан за 2320000 рублей. Откупщиками в Москве были Голиковы. Питейный доход составляет 9258275 рублей. В Уставе о вине 1781 года поручают казённым палатам произвести во всех наместничествах торги на 1783 год. Вино должны заподрядить казённые палаты на казённых и частных винокуренных заводах и продавать его из винных магазинов; розничную питейную продажу производить из казённых питейных домов за законенную цену; казённые питейные дома заводятся в госу-

дарственных имениях с разрешения директора экономии, а в помещичьих и владельческих — с согласия помещика и с дозволения казённой палаты; продажа в питейных домах на вере и на откуп; и в первых торгуют водкой, пивом и мёдом казённые сидельцы. На откуп отдаётся или один питейный дом или несколько. Откупщики обязаны продавать питья за узаконенную цену. Но откупщики не довольны были этим уставом и просили о постройке вновь питейных домов, об отдаче им подвижных продаж в таких местах, где их прежде не бывало, об отпуске им сверх договорного добавочного вина и пр. Сенат признал эти требования несправедливыми и заметил, что откупщики, осмелев предложить столь несообразные ни с чем требования, обнаружили сим желание недозволенного обогащения. Питейный доход с 1783 по 1786 год увеличился от семи до десяти миллионов. С 1787 по 1791 год питейные сборы в Москве с уездом — на вере, а во всех других городах — на откуп. Казна отпускает откупщикам одно вино по три рубля за ведро, а пиво и мёд, приготовляемые нанятыми по договору пивоварами, продаёт из казённых питейных домов.

С 1795 года окончательно утверждена одна откупная система для всей империи, устроенная по проекту купца Кандалинцова, представленному Екатерине, по которому откупщики кроме выручки от продажи питей брали в свою пользу и выручку от продажи в питейных домах харчевых припасов. Дворянам дозволено выкуривать для собственного потребления по девяносто вёдер в год. В четырёхлетие от 1765 до 1769 года питейный доход с великороссийских и сибирских губерний простирался до 16899917 рублей в год.

Таково было положение откупов в царствование Екатерины. Откупщик этого времени пользовался неограниченным правом, делал всё, что угодно. В великороссийских губерниях, где до сих пор ещё по старине пробавлялись пивом и брагой, а теперь была одна водка, вдруг появилось страшное пьянство, и в мире народных поверий возник и сложился образ Ярилы, бога водки, великороссийского Бахуса. Действительно, праздник Ярилы, почти неизвестный до половины

XVIII века, теперь разом появляется в губерниях: Тверской, Костромской, Владимирской, Нижегородской, Рязанской, Тамбовской и Воронежской. 30 мая 1765 года в понедельник Петрова поста и в последний день празднования Ярилы в Воронеже на площади стояли бочки с вином, валялись пьяные, в это время является на площади епископ воронежский Тихон, начинает кротко поучать любимый им народ. Народ его слушает, потом разбивает бочки с вином, и с тех пор праздник Ярилы навсегда прекращается в Воронеже. Но преосвященному Тихону подвиг этот даром не прошёл. Откупщики донесли, что он смущает народ, учит его не пить водки и тем подрывает казённый интерес, а вследствие этого доноса в половине 1767 года Тихон должен был отправиться на покой. Народ, благодарный за доброе слово, проводил своего епископа со слезами, и впоследствии святой Тихон является одним из угодников, наиболее близких народному сердцу.

Вообще тогда было правилом, что при нарушении по какому-нибудь случаю питейного интереса не принимались никакие оправдания, и следовали кары. В 1776 году архангельский магистрат был отдан в неволю военной команде за казённые на архангелогородском посаде долги питейного сбора и за штрафные деньги за неприращение святых тайн. Вся земля была усеяна корчемными конторами для преследования корчемников; пытать корчемников было запрещено. В 1751 году было поймано в корчемстве много нижних чинов, они были приговорены к наказанию кнутом, но Сенат велел остановить исполнение приговоров и сослать их в Оренбург. Корчемников то миловали, освобождая их от пыток и приказывая чиновникам взыскивать истину «следствием чрез сыски, доказательства и обыски», то жестоко преследовали, приказывая «чинить корчемникам пристрастные допросы и наказывать их плетьюми и палками, если они противу сделанных на них показаний станут заперяться». Корчемным сыщикам давали подробнейшие инструкции, учреждали в разных местах корчемные заставы, в том числе между Украиной и Великороссией, но корчемство не прекращалось: корчемствовали в каждом городе и селе, в каж-

дом доме, в помещичьих и казённых селениях, в трактирных заведениях и ренских погребях. Екатерина в секретном наставлении Вяземскому признавалась, что в корчемстве столько виновных есть, что и наказывать их почти невозможно, «понеже целые провинции себя оному подвергли». Поэтому преследование корчемников обращалось в настоящую войну: полковые и съезжие дворы получали предписания чинить «вспоможения откупщикам для поимки корчемников». При выемках совершались смертоубийства и раны. Общество XVIII века, по-видимому, столь просвещённое и либеральное, обходило всё это молчанием, и мало того, некоторые передовые люди того времени подсмеивались ещё над простыми людьми, которые с самого начала враждебно взглянули на откупа. Один Щербатов с прискорбием заявлял, что винные сборы в Петербурге и Москве, простиравшиеся при Елизавете до 700000 рублей в год, при Екатерине возросли уже до десяти миллионов. Знали об этом и враги государства, и, например, Бениовский¹⁸⁶ в 1771 году в объявлении, посланном в Сенат, указывал, что «служащий к общему пропитанию народному промысел вином и солью отдан на откуп немногим лицам».

Наступило царствование Александра I, получившее в наследство 259958 неоконченных дел Камер-коллегии по питейным сборам. В 1810 году были учреждены министерства, и в Министерство внутренних дел перешло заведывание казёнными палатами, и вообще предметами государственного хозяйства. Откупщики поручены были особому покровительству губернаторов, и кроме старых льгот им предоставлено было право надзора за винокуренными заводами, полная свобода открывать вновь кабаки, и даже кабаки негласные, по произволу переносить их на более выгодные места, и, вместе с тем, дозволено учреждать при питейных домах в особых покоях харчевную продажу, а чтоб не было ей подрыва, «герберги низких разрядов уничтожить». Вследствие этого кабаки плодились неимоверно, и даже помещики стали жаловаться, что откупщики ставят кабаки «чуть не против барского дома».

По настоянию департамента уделов в 1803 году были закрыты все питейные заведения в удельных имениях. Дошли слухи о непомерном размножении кабаков и пьянстве, и для рассмотрения дела был составлен комитет, который нашёл, что «при допущенном размножении кабаков, *соблазн и развращение* происходят в них главнейше от заведения в особых этажах или комнатах под именем харчевен настоящих трактиров», и потому было положено *для обращения питейных домов к первоначальному их назначению (?)* содержать их не иначе, как в нижних этажах; и для того, чтоб откупщики *могли наблюдать* друг за другом, сделать два откупа, пивной и винный. Продажа того или другого напитка, говорил устав, долженствует быть в одном питейном доме, «в разных токмо покоях, таким образом, чтоб вход в оные был один». Харчевная продажа должна производиться в самом питейном доме, а не в особых этажах или отделениях. Число питейных домов ограничивалось тем количеством, какое было в 1803 году при последней отдаче откупов в четырёхлетнее содержание, и затем все прочие, с того времени вновь заведённые питейные дома и выставки, какого бы рода они ни были, уничтожались. Вследствие этого стали искать списки кабаков 1803 года, но их не оказалось в наличности. С 1807 года, с которого начинался новый откуп, запрещалось не только в казённых, но и в удельных и помещичьих селениях, даже по добровольным с помещиками условиям, заводить вновь питейные дома и выставки. Крестьянам позволено было для их обихода самим варить пиво, мёд и брагу, а солдатам запрещено было ходить в кабаки и торговать водкой в казармах. Но, с другой стороны, не упустили из виду и интересы откупщиков. Откупщикам в каждой губернии велено состоять в особом покровительстве у губернаторов и во всех своих по делам откупа нуждах, не уклоняясь, впрочем, от установленного порядка, относиться прямо к губернатору, который, при каждом таковом случае, по долгу звания обязан был подавать откупщику руку помощи и доставлять справедливость.

Состоялись откупа с 1807 по 1811 годы, и цены на торгах поднялись: винный откуп отдан был за 27913555 рублей,

пивной за 1273172 рубля, портерные лавки за 149118 рублей, всего же за 29336145 рублей. В марте 1809 года по представлению государственного канцлера Голубцова учреждён новый комитет для раскрытия злоупотреблений откупщиков, который и нашёл, что «откуп портерных лавок, за исключением столиц, давал только 20000 рублей, а между тем подрывал главный пивной откуп, производя незаконный торг «простым кабацким пивом». В 1809 году, объявляя откуп на срок с 1811 по 1815 год, оставляли по-прежнему два откупа, пивной и винный, и откупщики по-прежнему получали особые права. «Мы совершенно удостоверены, — говорил указ, — что дворянство и купечество, имеющие, по изданным от нас и предков наших узаконениям, право вступать в содержание винных откупов, первое же и поставлять в казну и откупщикам вино, на заводах и в поместьях оного выкуриваемое, приняв новым опытом наши благоволения, даруемые ныне от нас обеим сим состояниям, столь знатные в промышленности сей выгоды, по представлению залогов и по ограждению прочих их имуществ и самой личности их от разного рода стеснений, обратят, при наступающих на винные откупа торгах, общие усилия к умножению польз государственных». На торгах откупная цена возросла с двадцати девяти до пятидесяти трёх миллионов рублей. В это четырёхлетие во многих губерниях питейные сборы, а вместе с тем и томские и тобольские винокуренные заводы содержал откупщик Евреинов,¹⁸⁷ на котором к 1818 году накопилось недоимки до четырёх миллионов. По делу оказалось, что он виновен в умышленном накоплении недоимок, но что имущества у него никакого не оказывается, кроме показываемого им, которое или ограблено, или сожжено, или в споре находится. Всего к 1818 году накопилось недоимок 18400000 рублей. На торгах 1815–19 годов, хотя и оставлено было старое число питейных заведений, но откупщикам дозволено было из существовавших тогда в окладе выставок обратить третью часть в питейные дома, «буде откупщики пожелают».

Одним из первых последствий этой меры был упадок пиво- и медоварения. Пивоварни, которые возникли уже по

учреждении откупов, теснимые откупщиками прекращали свои действия, и держались одни лишь немецкие пивоварни, явившиеся в начале этого столетия — Даниельсона, Казалета, Крона, Пелевана. По откупным делам возникали бесчисленные жалобы и споры, следствия и разбирательства, и откупщики продолжали позволять себе всевозможные злоупотребления. По сведениям, находящимся в Министерстве внутренних дел, откупщики Калужской и Орловской губерний, взимая при отпуске вина лишние деньги, продавали вино с обмером, примесью воды, в сосудах меньшей меры. Издавна заведено было, что в вино подмешивали дурман и другие ядовитые примеси, и вот теперь в Пермской губернии найдена в вине вредная примесь из мыла, меди и медной окиси. Дело о беспорядках по калужскому откупу восходило до Сената. Граф Гурьев восстал против откупов, и по его настоянию манифестом 1817 года откупа были уничтожены, и введена казённая продажа вина. В кабаках установлено продавать: *вино* не ниже полугара по установленной продажной цене, *ерофеич* и *наливки*, без вредной примеси, с надбавкой на каждое ведро по 2 рубля; *водки*, *пиво* и *мёд* — по вольным ценам; распивочная продажа в ренсковых погребках запрещена. Указом 9 мая 1819 года по представлению министра увеличено число питейных домов и выставок: в Московской губернии положено питейных домов 408, выставок 366, в Новгородской — питейных домов 511, выставок 92, в Смоленской — питейных домов 482, выставок 226. В Курской губернии при торгах на откупа с 1811 года было назначено питейных домов 1174, выставок 300. И теперь курская казённая палата предлагала увеличить число их, но министр решил оставить 1174 кабака и 298 выставок. На Владимирскую губернию казённая палата назначила питейных домов 351, выставок 1000, но министр уменьшил их до 500. *Размещение питейных домов* возложено было на *казённые палаты*. Кабакам давали простор, а рестораны и харчевни стесняли (указ 1821 года). С содержателя харчевни, занявшего в ней более того числа покоев, какое назначено, за каждый излишний покой (комнату), «хотя бы она занята была хозяином харчевни», взыскивалось сто

рублей. В Москве с продажи в питейных домах закусок велено было в 1823 году взимать сбор, подобный установленному в Петербурге, то есть вполонину акциза с харчевен, а именно: в Белом городе — 375 рублей, в Земляном — 250 рублей, за Земляным городом — 200 рублей. Несмотря на увеличение числа кабаков, продажа водки упала, потому что пивоварение, освобождённое от гнёта откупщиков, распространилось, и считалось уже 877 пивоваренных заводов. В два года по введении казённой продажи вина открыто было 736 портерных лавок вместо 70, бывших при откупах.

Но выборных на вере, чтоб вести казённую продажу вина, давно уже не было в помине, и отставленные откупщики сменились теперь приказными и чиновниками. Чиновники стали заводить особые подвалы для корчемного вина и торговали им, а сами преследовали корчемство. В 1825 году во все земские суды прибавлено было по одному корчемному заседателю. Год назад снова сделано было распоряжение, чтоб воинские начальства оказывали пособия в поимке корчемников. Питейные чиновники через подставных лиц брали себе лучшие питейные дома, раздачу кабаков обратили в торговлю, и сидельцы по кабакам, обременённые поборами, совершенно заменили собою откупщиков. Народ пьянствовал по-прежнему. Карамзин, посетив в это время деревню, припоминал, что ещё недавно жизнь народа текла более или менее по-прежнему, а новомодного пьянства этого ещё не было. «Живо помня лета своего детства, — писал он в 1824 году, — помню и то, что прежде в одни большие годовые праздники крестьяне веселились и гуляли, угощая друг друга домашним пивом и вином, купленным в городе. Ныне будни сделались для них праздником, и люди услужливые под вывескою орла везде предлагают им средство избавляться от денег, ума и здоровья: в редкой деревне нет питейного дома. К чести некоторых дворян, соседей моих, скажу, что они отвергают выгоды, предлагаемые им откупщиками, и не дозволяют заводить у себя питейных домов; но другие не так думают — особливо те, *которые сами в откупах участвуют*. Смею думать, что сей лёгкой и модной способ умножать

свои доходы не согласен с достоинством благородного и великодушного патриота: ибо вижу многих почтенных людей, которые прибегают к нему без зазрения совести и хвалятся искусством в сём важном промысле».

Грабёж казны и народа, производимый чиновниками, и уменьшение питейных доходов обратили на себя внимание. Член Государственного совета князь Куракин говорил, что желательно было бы уничтожение казённого управления питейными сборами, столь сильно расстроившего нравственность чиновников питейного сбора, кои, вопреки званию своему, участвовали неприличным для них занятием, по которому могли быть полезны в отечестве настоящей государственной службе и занимать приличные по чинам и званию места. Мордвинов, также недовольный казённой продажей вина, предлагал в 1826 году завести вольную продажу вина и «вывести из употребления слово *кабак*, или *питейный дом*, и заменить оные *лавкою продажного вина*». «С уничтожением кабаков, — говорил он, — мест сборных для развратных людей, и с воспрещением чарочной продажи, гнусный порок пьянства в значительной степени уменьшится, без уменьшения, вероятно, казённого дохода, и тогда вино делается важною для продажи потребностью и отраслью для иностранного торга, а не упоением до бесчувствования и соединением пьяниц в скопища». Автор сочинения «Мечты о благе Отечества», представленного государю, писал в 1828 году: «Казённая палата старается усилить продажу горячительных напитков, и чем более распоит вина и водки, или чем более (народа) сидит в кабаках, тем ей более чести и славы, тем щедрее посыплются награды на винных чиновников». Итак, в 1827 году снова были восстановлены откупа. Граф Канкрин писал: «Хотя при казённом управлении доход казны и усилился (с 52 до 67 миллионов), но казённое управление показало то важное неудобство, что все злоупотребления по этой части обращались непосредственно в упрёк правительству, и *сословие чиновников развращалось*». На торгах 1827 года откупная сумма дошла до 72 миллионов рублей. Откупщики получили привилегию выделывать водки и пиво

низших сортов безакцизно и иметь свою стражу, и вслед за тем на заставах явились знакомые нам солдаты с железными щупами.¹⁸⁸ В Великороссии стража охраняла только границы откупной местности, но в Малороссии, Новороссии и западной России стража нужна была для каждого города и селения. В Украине в 1835–39 годах откупщики получили право *проводить каждого проезжающего через город* от одной заставы до другой на двухвёрстную дистанцию за заставой; а если проезжающие останавливаются на обед, или ночлег, то *иметь за ними наружный надзор*. По отчётам Министерства внутренних дел за 1855 год видно, что с 1843 года на границах привилегированных губерний усилилось корчемство, сопровождавшееся буйством и даже убийствами, почему в 1850 году учреждена особая корчемная стража из 450 человек, содержание которой (90000 рублей в год) отнесено было на счёт земства. Корчемство ослабло и в 1854 году стража была уменьшена на сто человек, а в 1855 году совершенно упразднена и только до времени оставлена в Смоленской губернии в числе семидесяти пяти человек, упразднённых окончательно в 1856 году. Здесь встретился только один случай корчемства, сопряжённого с буйством, именно за два ведра корчемного вина, провезённого в Смоленскую губернию. «Всё содержание корчемной стражи, — говорит отчёт Министерства внутренних дел за 1856 год, — установленной для ограждения частных выгод откупщиков, обошлось в продолжение семи лет почти в полмиллиона, взятых из земских сборов». Между тем, в остальных частях государства корчемство не прекращалось, и сотни тысяч людей, признанных за корчемников, наполняли тюрьмы или шли в Сибирь, ибо, по словам Аврина,¹⁸⁹ не было достаточной безопасности от поклёпа корчемством. В откупных условиях на 1835–39 годы откупщикам предоставлено взимать акциз с пива и мёда (восемьдесят копеек с ведра пива и шестьдесят копеек с ведра мёда). Такой же акциз положен на брагу, сусло и медовый квас. С портерных лавок установлен акциз от трёхсот до тысячи рублей с каждой. Число питейных заведений увеличено. В это время откупщики снова подняли головы, стали жаловаться на под-

рыв, который делают им трактиры, и просили о допущении различных *удобств* в питейных домах, с целью, как говорили они, *отвернуть народ от трактиров и гостиниц*, где он привыкал к роскоши, к чаю, к виноградным винам во вред нравственности и в разорение семейств. На торгах 1835–39 годов откупная сумма достигла 91936000 рублей.

Положение народа было неудовлетворительно. Киселёв, заступаясь за государственных крестьян, указывал на повсеместное пьянство, обеднение, разврат, которые развивались по милости откупщиков, стеснивших пивной промысел и получивших разрешение обратить штофные лавочки в кабаки. Но самое пагубное влияние, говорил он, приносят кабаки в тех селениях, где находится сельское или волостное управление. Кабаки обыкновенно помещаются возле волостных управлений, и мирская сходка по необходимости собирается перед кабаком. Часто эти сходки собираются не для дел, а по проишкам целовальника, и ни одна сходка не обходится без пьянства, и такое пьянство тем вреднее, что тут пьянствует не частный человек, а *административное собрание, облечённое властью!* Муравьёв¹⁹⁰ доносил из Восточной Сибири о распространении пьянства и злоупотреблениях откупщиков.

Обнищальный, замученный польскими панами, опутанный сетью жидовских шинков, белорус в грустных песнях высказывал утрату своего благосостояния «у новой корчомце»:

Сини салавейко, чем ты не спеваешь,
Чы ты, салавейко, голосу не маешь?
Патраціу я голос на зеліоном гаю,
На зеліоном гаю, на цихом Дунаю.
Чему ты, малады, чему не гуляешь,
Чы ты, малады, щастя-доли не маешь?
Патраціу я долю, не раз свою волю,
У новой корчомце на горькой горелце,
Цеперь же мне некуды павернуц-це,
Усіо мае село у Баруха на водце.
Тут мае коники, тут мае волики,
Тут мая адзешка, тут май грошыки...

Сиви голубочку седзи на дубочку,
Выкликала матка сына с корчмы до домочку.
— Ой хадзи, мой сынку, с корчмы до домочку,
Забираюць арендары усю твою худобу!
— Я сам того бачу, што худобу трачу,
За дробными сліозунками я света не бачу...

Гордый украинец восклицал с лирическим смехом:

Гей корчмо, корчмо княгине!
Чом то в тобі казацького добра багато гине!..

На русской Украине, тощий и не весёлый конь стоял и оплакивал пьянство донского казака:

Не тяжёло мне седельце черкесское,
Не тяжёл ты и сам на мне,
А тяжёл-то мне твой царёв кабак.
Как и часто ты зелена вина напиваешься,
Да садишься на меня, на добра коня,
На обои боки мои ты вихляешься,
Мною, добрым конём, выхваляешься,
Оттого-то я худ и не весел стою...

Великорусский мужик не плакал и не восклицал, а только пил:

Как на горке, на горе,
На высокой на крутой,
Стоит новый кабачок,
Сосновенький чердачок,
Как в этом чердачке
Пьёт голинькой мужичок...

У великорусского народа мало-помалу сложилось новое правило жизни, что *не пить — так и на свете не жить*. Но, испивая да испивая, не могли не заметить, что подчас и

водка не помогает, и, ухмыляясь на свою судьбу, прибавляли: «Пьём как люди, а за что Бог не милует — не знаем». Иные шли ещё дальше, и сознавались открыто: «Пьём — людей бьём, чем не живём!» И как все они ни бились, а в конце концов убеждались, что всё спасение *в аптеке, где излечиваются все болезни*, и шли туда гурьбами *хлебнуть сиротской слезы, завить горе ремешком*. Испивая, да запивая, человек начинал пить *горькую, непробудную чашу*, запивал на век, до самой могилы, проносился по селу отчаянный вой жены: «Чоловик пье!», и вставал на ноги страшный, чудовищный, нигде в Божьем мире неслыханный *запой*, и шёл он по всей русской земле, поднимая всеобщее пьянство, то тихое, разбитое и понурое, то лихое и дикое! Кабаки вызывали пьянство, пьянство вызывало запой, а от запоя лечили.

Из инородцев одни по-прежнему пили *кумышку, бузу и кумыс*, а другие начинали уж сживаться с русскими обычаями, варили пиво, заводили братчины. Зыряне, убравши с полей хлеб, пировали на братчинах, распивая молодое пиво, и при этом условливались о будущих промыслах. Здесь было начало новой культурной жизни инородческих племён. Вотяки с 1770 года пользовались правом варить кумышку; право это было подтверждено им в 1802 и 1806 годах. В Уставе о питейных сборах на 1807 год сибирским инородцам позволено было делать кумыс и кумысное вино, а вотякам Вятской губернии курить кумышку с условием, чтоб под видом кумышки не курили вина, за чем, сверх полицейского надзора, могут откупщики и сами иметь надзор на установленном о том порядке. Но в 1818 году, по предложению князя Лобанова-Ростовского, у вотяков отнято было право курить кумышку с предоставлением им другого права — пользоваться, наравне с казёнными крестьянами, варением обыкновенного пива и браги. Сделано же это было на том основании, что вотяки сие дозволение курить кумышку обратили в выделку настоящего хлебного вина, и если при введении с 1819 года в действие Устава о питейном сборе оставить вотякам курить кумышку, тогда они, освободясь от предприимчивого и на корысти основанного преследования откупщиков, без со-

мнения усилят своё корчемство, половина многолюднейшей губернии будет как бы на особом праве, а большая часть питейного сбора делается жертвою мнимого обычая вотяков. Кумышка была строго запрещена, и за этим должны были наблюдать вся земская полиция, корчемный заседатель, окружные и волостные правления и одиннадцать кордонов, каждый из поверенного и трёх стражников.

Запрещение объявлялось следующим образом. Наезжал суд и давал правила, каких градусов должна быть кумышка, какие должно иметь для неё кадки, как надо её пить и прочее. Вотяки решительно ничего не понимали. Новые правила о том, чтоб не курить кумышку — водку, с перспективой ссылки на каторгу, для них равносильны были полному запрещению готовить какую ни есть кумышку, и вотяки с горя стали вешаться. Почти то же было и с пермяками, когда их лишили права варить брагу. Тех же, которые и после этого решались варить кумышку, ссылали в Сибирь, если только они не успевали вступить в сделку с откупщиком. Откупщики обязывали вотяков в течение года выбрать известную пропорцию вина и тогда уж не стесняли их в варении кумышки. Везде, где только жили инородцы, были заведены кабаки, инородцы спивались. Кастрен,¹⁹¹ путешествуя в 1838–44 годах по северной полосе России, приехал на Мезень и стал отыскивать себе учителя самоедскому языку, но не мог найти. «На всё селение, — пишет он, — напала страсть к пьянству. Я выбрал трезвейшего из всех, но и он оказался решительным пьянюшкой; попробовал взять самоедку, но и она не выдержала дня. Вызвав из кабака всех бывших там самоедов, я объяснил им содержание моих бумаг и требовал, чтоб мне представили в учителя самого трезвого человека. Его привели ко мне, но выведенный им из терпения, я вытолкал его за двери, и вскоре затем я увидел его близ кабака лежащим на снегу в бесчувственно пьяном положении... Он лежал здесь не один: всё снежное поле вокруг бахусова храма было усеяно павшими героями и героинями. Все они лежали ночью, полузанесённые снегом. Здесь царствовала тишина могильная, тогда как в кабаке раздавались неистовые крики,

но отнюдь не брани и не драки, напротив, все находившиеся там были в самом весёлом и дружелюбном расположении. По временам из кабака выходили полупьяные мужчины с кофейником в руках, с величайшей осторожностью бродили по снегу, боясь пролить драгоценный напиток, и внимательно осматривали каждого из спавших товарищей, очевидно, отыскивая мать, жену, невесту, или кого-либо из дорогих сердцу. Отыскав желанную особу, они ставили кофейник на снег, повертывали лежавшего навзничь, всовывали рыльце кофейника в рот своего любимца и выливали упоительную влагу в его горло. Затем они снова обращали его вниз лицом и тщательно укрывали сие последнее, чтоб обезопасить его от мороза».

«Когда мы приехали на свадьбу, — продолжает Кастрен, — все уже были угощены порядочно. Многие лежали на открытом воздухе без чувств, с открытою головою, уткнутою в снег, и ветер обсыпал их снегом. Здесь нежный супруг ходит от одного лежащего к другому, ищет свою супругу, находит, берёт её за голову, оборачивает её спиной к ветру, и ложится рядом с нею, носом к носу. Там другой ходит с кофейником в руках, ищет свою возлюбленную и, найдя, вливает ей в горло несколько водки; третий наталкивается на своего недруга, даёт ему несколько тузов и бежит. Далее бедного опьяневшего кладут на сани, привязывают его к ним, а его оленя к задку своих саней, и уезжают. Между тем, в чуме, среди совершенно опьяневших, лежал и жених, и была уж немного пьяна и сама невеста, ребёнок лет тринадцати».¹⁹²

Спустя двенадцать лет, проезжал по этим же местам другой путешественник, Максимов,¹⁹³ и нашёл то же самое. «В жалких и печальных городах Поморья, — говорит он, — первое место принадлежит разбитным усатым господам с размашистыми лошадиными манерами, с волосами, стриженными в кружок по-русски. Это — винные управляющие и ревизоры! В спаивании инородцев им помогает русское население с нечеловеческими и с нехристианскими чувствами». Максимов рассказывает со всеми подробностями, как зырянин спаивает самоеда, и потому, куда бы он ни приехал,

везде находил одну лишь вопиющую бедность и повсюду слышал одно и то же:

— Где ваш отец?

— На кабак пошла.»

Переехал Кастрен в Сибирь и у сибирских самоедов нашёл то же самое страшное пьянство. 5 марта 1846 года он писал из Тёмска: «Масленицу я провёл в деревне Молчановой, где меня поместили в верхнем этаже обыкновенного кабака. Здесь, в продолжение всей разгульной недели, я ни днём, ни ночью не имел покоя от шумливых пьяниц. Молчаново — небольшая деревня, окрестная страна бедна и редко заселена самоедами, но, несмотря на то, продажа вина производилась в таких огромных размерах, что кабак в один день выручал почти 1800 рублей. Поэтому можно составить себе понятие о пьянстве в Сибири».

Новым положением 1863 года кумышка вотякам была разрешена с условием, чтобы они перегоняли её только раз и чтоб посуда для перегонки оставалась старая, без всяких улучшений. Вотяки были совершенно счастливы. «Неужели, — говорили они, — кордонный больше не приедет! Кордонный ушёл, что это такое!» Но винокуренные заводчики не преминули сделать донос, что-де от этого позволения курить кумышку казна должна лишиться по крайней мере 150000 рублей, ибо, если б вотяки Вятской губернии не варили кумышку, то они должны были бы покупать ежегодно по ведру водки, а у вотяков, кроме того, пьют и женщины.

ГЛАВА XXI

Последние времена откупов. Общества трезвости

По всему государству слышались жалобы на откупа, которые наконец приняты были в соображение, и в Петербурге была наряжена следственная комиссия; но на торгах 1850–59 годов откупные цены поднялись с 52 до 160 мил-

лионов. По отчётам Министерства юстиции, число подсудимых по нарушению Устава о питейном сборе только по делам, бывшим на рассмотрении уголовных палат и равных им мест, в десятилетие от 1840 по 1850 год простиралось до 60480 человек, то есть по 6048 человек ежегодно. В некоторых губерниях (Смоленской, Орловской, Курской) число виновных против питейного устава составляло около трети числа всех подсудимых. В Вятской губернии в 1853–58 годах число подсудимых по питейным делам доходило до 13420 человек, то есть по 2237 человек ежегодно. По отчётам Министерства внутренних дел в 1858 году из арестантов, содержащихся в тюрьмах, только 226 человек были виновны в корчемстве, но из книги «Сведения о питейных сборах» видно, что в 1858 году общее число подсудимых по питейным делам простиралось до 110976 человек, и собственно по нарушению Устава о питейных сборах и акцизах — 5421 человек. Сообразно этому увеличению числа корчемников и нарушителей питейного устава, а вместе с тем пьяниц и бедняков, увеличивалось и общее число арестантов. По отчётам Министерства внутренних дел в 1845 году арестантов считалось 176239, а в 1855 году уже 324391 человек. В Комитет министров Киселёв подал мнение об откупках, и вследствие этого приняты были следующие меры: так как пивоварение у крестьян производится в размере несколько большем только в храмовые праздники и во время полевых уборок, то на сей раз ограничиться дозволением варить пиво в котлах только на эти случаи; запрещено держать в питейных домах по уездам кушанья, кроме холодных закусок; предоставлено местному начальству не позволять казённым крестьянам вход а питейные дома в неуказанное время и иметь наблюдение за исполнением со стороны откупщиков правил о продаже питей и так далее.

В 1841 году для рассмотрения откупных дел был учреждён новый комитет под председательством князя Меншикова, а в 1844 году ещё другой секретный комитет под председательством графа Орлова, а между тем откупщики продолжали делать своё дело. Хлебное вино продавалось во всех

лавках: в мелочных, портерных и сбитенных и даже в банях, что сильно содействовало к порче нравов и к умножению преступлений.

В июле 1844 года купеческий сын Кокорев,¹⁹⁴ управлявший одним из откупов, составил проект, которым доказывал, что откупа идут невыгодно от дурного устройства их хозяйств, и поэтому же часть денег остаётся невыбранною из капитала, изобильно обращающегося в народе, и предлагал новую систему сборов. Система его, как изложена она в книге «Сведения о питейных сборах», состояла в том, чтобы:

1. продать более разлитых питей и в особенности водок, как продукта более многоценного;
2. заменить всех сидельцев и поверенных такими людьми, которые «трудятся из насущного лишь хлеба», а доходы их обратить в откуп;
3. вообще «дать делу утончённо-торговый вид и уничтожить соперничество, встречаемое откупами от некоторых торговлей».

Положено было испытать эту систему купеческого сына Кокорева на практике, и для производства опыта отдан был Кокореву город Орёл, и затем уже по многим губерниям введено кокоревское акцизно-откупное комиссионерство. Но, говорит книга «Сведения о питейных сборах», из донесений некоторых местных начальников видно было, что комиссионеры при управлении своём явно нарушали установления откупных правил. Орловский губернатор князь Трубецкой извещал, что неправильные действия Кокорева вынуждают ропот и жалобы, что цены на продаваемые напитки возвышены, так что травной постой вина по пяти рублей серебром, а чарочная продажа вина, отпускаемого с большим недогаром, производится по 4 рубля серебром за ведро; что хотя такие действия в ограждение жителей от излишнего налога требовали бы преследования законным порядком, но Кокорев словесно объяснил ему, губернатору, в кабинете, что при отправлении его на должность управляющего предоставлена будто бы ему от высшего правительства власть не стесняться в своих распоряжениях и действовать по его усмотрению к

выгодам откупа. Почему князь Трубецкой, в отклонение от себя могущей быть ответственности, представил о том министру финансов, который на сие уведомил губернатора, что «управляющему откупом внушено принять зависящие меры к устранению продажи вина по возвышенной цене, если таковая действительно существует».

Подобные жалобы шли и от калужского губернатора, который, в свою очередь, получал их от помещиков, предводителей дворянства, исправников, городничих и от Палаты государственных имуществ. В Курской, Смоленской и Орловской губерниях появились целые шайки корчемников, иногда более 100 человек, нападали на корчемную стражу и воинские отряды, а откупщики и стража их пользовались этим, обвиняя невинных в корчемстве и в то же время приготавливая оправдание на случай неисправного платежа откупной суммы. В 1847 году на границах Могилёвской и Смоленской губерний партия корчемников из 200 человек на 115 подводках напала на корчемную стражу с оружием в руках, а другие партии, из 35 и 30 человек, схватились со стражею, но все были отбиты и удалились.

Корчемство особенно усилилось на границах привилегированных губерний. Министерство послало туда своего чиновника, и он доносил, что корчемство страшное, что «в 277 деревнях Краснинского, Рославльского, Ельнинского и Поречского уездов Смоленской губернии почти все жители без исключения участвовали в корчемстве, провозили вино, большею частию многочисленными партиями, вооружённые кольями и ружьями, в сопровождении беглых и бродяг, и не только силою сопротивлялись действиям корчемной стражи и военной команды, но нередко входили с ними в перестрелку и сами на них нападали». Страсть к корчемству имела губительное влияние и на самих блюстителей порядка: потворство местных полиций становилось во многих случаях очевидным. Но откупщики ждали себе ещё больших выгод, например, от проведения железных дорог, от освобождения крестьян, от передвижения войск, от войны, холеры, от празднеств, от обеднения целых уездов, увеличения

нищенства, и, согласно официальным известиям, довели до крайних пределов злоупотребления при продаже питей в ущерб общественной нравственности и народного благосостояния.

Подошли торги 1859–62 годов, и откупная сумма возросла до 127769488 рублей 32 копеек, что составляло 40% в общей сумме государственного дохода, тогда как, например, в Англии, где главный питейный доход составляется из громадной подати на солод, и там он не превышает 23,5% общей цифры государственных доходов. По исчислению Киттары, питейный доход казны в 140 лет существования откупов увеличился в триста тридцать пять раз.¹⁹⁵ Сколько же при этом наживали откупщики — этого определить невозможно. По приблизительному исчислению Бабста, ежегодный доход откупщиков простирался до 600 миллионов, и в одной Великороссии от 182 до 202 миллионов. По Илишу, от 500 до 600 миллионов, а по Закревскому до 781250000 рублей серебром ежегодно. Сюда не входят громадные суммы, украденные откупщиками. Так, Гарфунгель, бывший откупщиком, задолжал казне 1125000 рублей серебром, бежал за границу и сделался французским подданным.

Всех откупщиков, заведовавших питейным делом среди семидесятимиллионного населения в 1859–63 годах насчитывалось двести шестнадцать человек (в Великороссии — 147, в привилегированных губерниях — 29, чарочных — 37, по Сибири — 3). Тут были греки, русские купцы и господа.¹⁹⁶ Взяв откуп, откупщик прежде всего старался задобрить чиновников и одних угощал пирами, другим в виде жалованья в известное время высылал деньги и водку. Из подлинного откупного учёта в одном из небогатых городов с уездом в Новгородской губернии оказывается, по свидетельству Киттары, что в этом откупе в 1856 году было роздано чиновникам натурой 836 вёдер. Кроме того, откупщики платили жалованье чуть ли не всей полиции.

В сведениях по питейному делу, изданных Министерством финансов, находится следующий реестр экстраординарных расходов откупщика:

	По губерн- ским откупам	По уездным
Губернатору на улучшение города или детских приютов	—	3000 руб.
На канцелярию его	1200	—
Полицмейстеру	1200	—
Городничему	—	420
Секретарю полиции	300	200
Частным приставам	(трём) 720	240
Квартальным надзирателям	(шести) 360	(двум) 120
Исправнику	600	420
Окружному	500	420
Становым	(трём) 720	(трём) 540
Непременному заседателю	300	240
Секретарю земского суда	300	240
Председателю казённой палаты	2000	500
Советнику питейного отделения	600	500
Столоначальнику и на стол	500	500
Винному приставу	600	420
Итого	13000 руб.	3700 руб.

Ещё 30–40 лет назад всякий мало-мальски зажиточный человек и представить не мог себе, что такое *очищенная*, и находил возможность покупать хороший пенник; но теперь водку сменила мутная жижа, получившая название по цвету своему *сивухи*, *сиволдая*, а по своему характеру: *сильвупле*; *французская четырнадцатого класса*; *царская мадера*; *чем тебя я огорчила*; *пожигже воды*; *пользительная дурь*; *дешёвая*; *продажный разум*; *сиротские слёзы*; *подвздошная*; *крякун*; *горемычная*; *прильпе язык*; *чистоты не спрашивай*, *а был бы пьян*; *водка — вину тётка: рот дерёт, а хмель не берёт* и так далее.¹⁹⁷ Цена сивухи доходила до 8–10 рублей за ведро, и народ, живший поблизости столиц, стал вместо водки покупать ром.

— До какой цены может дойти водка? — спрашивали у откупщика.

— Да до цены шампанского, — отвечал он, потирая руки.

Бешеная азартная игра, ознаменовавшая последние откупа 1859–62 годов, началась ещё в 1858 году. Старые откупщики решились *залить* новый откуп и спустили вино до трёх и двух рублей за ведро. Нижегородский откуп, смежный с ардатовским, выставляет на границе кордон, который начинает хватать всякого встречного, и, схватив человека, если можно с него взять что-нибудь, то обирают его — иначе начинают над ним ругаться. Едут сани поверенного на рысях пары лошадей; за санями же рысью бежит на верёвке мужик, пойманный с водкой, а на плечах у мужика, как в чехарде, сам поверенный. Словом, откупщики делали, что хотели, и начальник Самарской губернии прямо объявлял, что чиновники смотрят на распоряжения, касающиеся откупа, как на одну лишь формальность, не требующую действительного исполнения.

Из Харьковской губернии сообщали, что предводитель ватаги кордонщиков, дюжий трехаршинный мужик Москальцев, поступал так: в мешок, наполненный овсом, клал он большую склянку корчемной водки и бросал его поодаль от кордона на просёлочной дороге. Едет на базар мужик, видит, что валяется мешок с хлебом, поднимает его и, остановленный стражею, должен платиться своими животами. Не так счастливо прошла этому Москальцеву другая штука. Была в селе свадьба, и бедняк-крестьянин, пользуясь суматохой, пробрался на гумно, чтоб набрать там намолоченного зерна. Слышит он, что несколько человек остановилось возле хлебного скирда, и один из них говорит: «Ну, братцы, зароем этот бочонок в скирде, а завтра в обед дадим знать расправе». Бедняк, спрятавшийся в клуне, пошёл и рассказал всё хозяину, который решил: спрятанную водку распить, а обыщиков, если придут, ни под каким предлогом не пускать, разве согласятся заплатить пятьсот рублей, когда водка не будет найдена. Явились питейные чиновники, хозяин им и говорит: «Не дамось ни за що, хйба заплатите 500 рублив, як не найдете водки. Найдете, мы вам заплатимо». Кончилось

тем, что деньги с той и другой стороны отданы были нарочно избранным для того посредникам; хозяин дома получил деньги. Москальцев был отдан под суд; чем кончился суд, никому не известно.

Такое дело несколько не было случайным, как это можно видеть и из заявления Министерства внутренних дел в 1844 году о *подбрасывании откупщиками вина в дома зажиточных поселян*. В отчётах Министерства внутренних дел постоянно печатались подобные указания на злоупотребления откупщиков. Из отчёта за 1857 год видно, что в привилегированных губерниях, после того как в 1851 году там был введён акцизный откуп, сами откупщики стали заниматься корчемством. Между откупными и помещичьими питейными заведениями явилось соперничество, дворяне стали жаловаться, а потому корчмы в казённых имениях отданы были с торгов в содержание самому дворянству. Отчёт за 1860 год свидетельствовал, что в 1859 году происходили в разных местностях волнения и беспорядки вследствие злоупотреблений откупщиков, отпускавших вместо вина грязную, разведённую разными примесями жидкость и продававших её под именем полугара по цене от двенадцати до двадцати рублей серебром за ведро.

Судя уже по одному этому заявлению самого Министра внутренних дел, можно судить, до чего дошло положение народа к началу 1859 года. В это-то время проносится по всей земле мысль о воздержании и трезвости.¹⁹⁸ Когда откуп достиг крайнего своего предела, когда для того, чтобы сподобить народ, были употреблены всевозможные изобретательные средства, и слухи, что по целковому с ведра пойдёт на выкуп земли и на уплату недоимок, а цена вину всё возрастала, народ стал требовать водки по указной цене. Ещё в 1858 году в литовском крае устроилось общество трезвости, и ещё прежде там же цехи сапожный и столярный сделали между собою добровольное условие, чтобы перестать пьянствовать. К этому обществу в конце года пристала почти вся Ковенская губерния; через три месяца к ней присоединились три четверти Виленской губернии, а в феврале 1859 года вся

Гродненская. И в то время, когда в Ковенской губернии обрзовывалось общество трезвости, подобное же общество возникло в Сердобском уезде Саратовской губернии, на расстоянии с лишком 9500 вёрст от Ковно. В половине января 1859 года слышно сделалось о зароке пить вино в Зарайском уезде Рязанской губернии, а 7 января — в Никополе Екатеринославской губернии, где священник (протоиерей) Иоанн Королёв публично говорил о воздержании. В Нижнем, на крещенском торгу, где собирается до десяти тысяч народа, народ не пил вина, предлагая пить его самим целовальникам, и то же самое делалось в соседних губерниях.

Главной причиной отказа пить была дороговизна вина. Пробовали заставить откупщиков понизить цену, но оказалось, что тягаться с откупом опасно. И вот без всяких уговоров, без всякой стачки, без всякого постороннего вмешательства народ сам собою перестаёт пить вино. Жалобы на недобор слышатся даже и там, где о трезвости совсем и не думали, но скоро и здесь начинают появляться общества трезвости. В половине января было известно о попытке образовать общество в Курской губернии, а к концу месяца дошли подобные слухи из Саратова, в половине февраля из Тулы, а в конце месяца общества уже существовали во Владимирской, Пензенской, Екатеринославской, Тверской губерниях и так далее.

И всё это — должно теперь признаться — делалось по одной лишь инициативе народа. Газеты то и дело сообщали мирские приговоры, которыми за всякое излишнее употребление вина налагался штраф и телесное наказание (до 25 ударов). Половина штрафа шла в мирскую сумму, половина в приходскую церковь. Для надзора за трезвостью в каждом селении выбирали старшину. В других местах не составлялось никаких обществ, а просто народ собирался на сходки, толковал между собою и клал зарок не пить. В редких случаях, когда без вина нельзя было обойтись, покупали виноградное вино.¹⁹⁹ Меньше всего было трезвости вблизи столиц, больше всего вдали от них. Последствия этого были самые благодатные: пили только тогда, когда нужно, пьяных

не было, цена жизненным припасам понижалась, повинности уплачивались исправно.

Сначала все утешали себя тем, что трезвость долго не продержится. «Опять запьют!» — говорили благодетели. Но как назло, обеты соблюдались строго. В местечке Лукниках Шавельского уезда один государственный крестьянин, не смотря на данный им обет, напился пьян, и крестьяне, узнав об этом, схватили его, приклеили ему на спину вывеску «Пьяница», и с барабаном обвели его два раза вокруг села. В Виленской губернии стали продавать вино по восемь грошей за кварту вместо прежних четырнадцати; потом вино подешевело в шесть раз, наконец, стали выставлять перед корчмами даровое вино, — и никто не пил. В Воронеже выставили даровую водку. Вышли шалуны-ребята, выпили водки, поблагодарили за угощение и объявили, что они всё-таки покупать водки не будут. В Серпуховском уезде Московской губернии крестьяне отказались пить водку; откупщик заплатил за них недоимки восемьдесят пять рублей, чтоб только пили, но всё-таки никто не пил. Недовольство разрасталось, а откупщикам только того и нужно было, только того они и ждали; и вот они начали поджигать волнение. В Пензенской губернии и в Спасском уезде Тамбовской губернии разнёсся слух, что в кабаках будут продавать вино по 15 копеек за одну двадцатую часть ведра. Крестьяне этим были довольны, пошли в кабак, но им по этой цене вина не отпустили. Тут явились подстрекатели, толпа снова нахлынула в кабак и, получив отказ, начала бить посуду, ломать избу. Дали знать полиции, и на место поехали земский суд и жандармские штаб-офицеры. Дошли известия до Петербурга, что дурное вино, продаваемое по дорогой цене, возбуждает всеобщее неудовольствие, и, по предложению министра, как извещали об этом в 135 номере «Московских ведомостей», крестьянам прочитан был публично циркуляр, что они имеют право требовать во всех кабаках простого полугарного вина надлежащей крепости по три рубля серебром за ведро. Начальник Самарской губернии рядом циркуляров вменял в обязанность полиции, чтобы «улучшенное полугарное вино

отпускалось покупателям по цене, определённой откупными условиями». И вот, 31 мая крестьяне, приехавшие на большую ярмарку в Иосифо-Волоколамском монастыре, требуют такого полугара, а им подают в незапечатанной посуде какую-то серую жидкость. Они просят дать им водки в запечатанной посуде, чтоб представить её, куда следует, а им отвечают, что в запечатанной посуде продаётся одна специальная. Начинается ропот, поверженный прибегает к силе, в окна полетели камни, прибыла полиция, и крестьян связали и взяли; а управляющий, забрав деньги, поспешил убраться поскорее восвояси.

Во многих сёлах не запрещали пить водку, но только требовали, чтоб пили её дома, а не в кабаке. В других местах не зарекались, чтоб никогда не пить водки, а только на известное время, например, на год. Сделав запись, говорили в ней: «Все эти положения хранить нам свято и ненарушимо в продолжение года, по истечении которого снова собрать сходку и с общего согласия устроить новый порядок, на годовом опыте основанный». Одни делали зарок словесный, другие составляли письменные обязательства и подписывались целыми деревнями, целыми селениями, целыми волостями. В некоторых местах для этого приходили во храм Божий, служили молебн, целовали крест и писали обязательство. Там же, где не было никаких обязательств, делалось так: придут мужики в кабак, приценятся к водке, и вон. В селе Карамышеве Медынского уезда, принадлежавшем князю Меншикову, считалось 1880 душ, и водки у них продавалось в год на сорок тысяч рублей. Вдруг мужики перестают пить; откупщик в отчаянии едет лично в село и предлагает вино по три рубля серебром за ведро, но ему отвечают единодушно, что будут пить в таком только случае, если будут продавать вино по полтора рубля. При таком положении дел откупщики стали задабривать народ благочестием, стали жертвовать на храмы и так далее, но должны были убедиться, что с народом ничего не сделаешь.

Откупщики обратились к доносу. Прежде всего они шли поклониться исправнику. Исправник приезжал и начинал

прицепляться, нет ли беспаспортных, все ли внесены повинности, отчего дурна дорога, и потом мало-помалу дело шло дальше. Вот мужики не пьют вина, а Масленая приближается. Откупщик едет опять объясниться с исправником. Исправник, не желая действовать прямо в пользу откупа, передаёт дело во временное отделение, снабдив его надлежащими советами. Временное отделение, прибыв в имение одного графа, начинает убеждать мужиков, чтоб они пили водку. Начальство собирает крестьян при управляющем питейными сборами и спрашивает, почему это они не пьют вина.

— Так, не желаем, — отвечают крестьяне.

— Отчего же не желаете?

— Очувствовались, — отвечают крестьяне. — Это вино — один раззор хозяйству! Шутка сказать: восемь рублей ведро!

— При том же, — замечает другой, — вино-то больно плохо, хуже нашей хопёрской воды.

— Как плохо? — восклицает управляющий, подступив к крестьянину.

— Да так плохо, как бывает плохо: живот больно пучит.

— Как смеешь это говорить, — кричит управляющий, и бац мужика; мужик — тем же, и произошло смятение.

После уже управляющий предлагал деньги мужикам, что-бы всё было шито и крыто, но денег у него не взяли. Убедили управляющего выставить даровую бочку вина. Он выставил, но никто до неё не дотронулся, — так назад и потащили.

В апреле 1859 года виленский акцизный откупщик ходатайствовал у министра внутренних дел, чтоб обязать ксендзов объявить публично, что данные народом обеты относятся только к пьянству, а умеренное употребление вина необходимо; но министр нашёл такое требование неуместным. В июле того же года откупщики жаловались министру внутренних дел и на православных священников, удерживающих народ от пьянства. Министр на этот раз сообщил обер-прокурору святейшего Синода, который и отвечал, что «он благословляет священнослужителей ревностно содействовать возникновению в некоторых городских и сельских сословиях благой

решимости воздержания от употребления вина». Но откупщики не унялись и снова просили отменить указ святейшего Синода, ибо при содействии его общества трезвости разведутся повсеместно. И министр финансов сообщил обер-прокурору святейшего Синода, «что совершенное запрещение горячего вина посредством сильнодействующих на умы простого народа религиозных угроз и клятвенных обещаний не должно быть допускаемо, как противное не только общему понятию о пользе умеренного употребления вина, но и тем постановлениям, на основании которых правительство отдало питейные сборы в откупное содержание». Затем уже министр финансов сделал распоряжение, чтоб приговоры городских и сельских обществ о воздержании уничтожить и впредь городских собраний и сельских сходок для сей цели нигде не допускать.

Чтобы указать теперь, как именно и где развивалась трезвость, пройдем день за днём всю историю обществ трезвости. Прежде всего, в разных местах начались волнения. В 1850 году в Архангельске на Масленице в некоторых казённых селениях Холмогорского и Онежского уездов разбивали и грабили кабаки. То же было и в Пензенской губернии; но потом народ одумался и принялся за трезвость. Общества трезвости начались в Ковенской губернии, где народ особенно был стеснён польскими панами. Там зимою 1858 года из 278 винокурен закрыто было 88; свидетельств на питейные заведения в 1857 году было взято 2207, в 1858 году — 2797, а в 1859 — только 1899. Общества распространяются по губерниям Гродненской и Виленской. Одновременно с этим обнаруживается движение в Поволжье и в центральных замосковских губерниях. За Рязанью, где образовалось одно из первых обществ в Великороссии (в уездах: Зарайском, потом Данковском, город Чернь со слободами, Ряжском, Сапожковском и других), идут: Тула (уезды: Каширский, чернские ямщики, Ефремов и ефремовские ямщики, уезды: Крапивинский, Новосальский), Владимир (Гороховский уезд), уезды Московской губернии (Московский, Звенигородский, Подольский, Серпуховский), Орёл (Болховской, Мценский,

Елецкий, Карачевский) и Калуга (Тарусский, Калужский, Медынский, Масальский, Лихвинский, Перемышльский, всего в 52 помещичьих и 21 казённых сёлах). С другой же стороны, в Поволжье из Саратова (уезды: Балашовский, балашовские мещане, рабочие на барках, уезды: Сердобский, Аткарский) трезвость распространяется по губерниям Самарской (Николаевский, Бузулукский), Казанской, Пензенской (Чембарский, Нижнеломовский), Нижегородской, Костромской (Чухломский, Галицкий, Солигацкий), Ярославской (Мологский) и Тверской (Старицкий и Корчевский), несколько позднее — в Екатеринославской (Александровский), Харьковской (Старо-Бельский), Курской (Щигровский), Тамбовской (Кирсановский) и Воронежской (Коротоякский, Острогжский, Бирючевский). Тогда же на западном крае движение обнаруживается в губерниях: Подольской, Смоленской, Новгородской, близ Петербурга, в самом Петербурге, где плотничьи артели отказываются от вина, и, наконец, были известия из Перми и Сибири.

Таковы газетные известия о распространении трезвости, в которых не сообщено и четвёртой доли всего, что происходило в народе, по всему пространству русской земли, случайно вызванной к жизни. Многие откупщики оказались несостоятельными, и нужно было послать чиновников для сбора акциза хозяйственным образом. Дело было трудное. Управляющий акцизными сборами в Гродненской губернии, коллежский асессор Макаров, за особую заботливость и усердие, оказанные им в возвышении питейного дохода во время хозяйственного управления питейными сборами, получил награду пять тысяч рублей серебром.

Между тем подошло 19-е февраля,²⁰⁰ и откупщики вполне были уверены, что народ, получив волю, совсем сопьётся. Народ, отпущенный на волю, обманул всех и не спился, ибо все цели его, все его помышления были направлены на устройство его нового быта. То была великая минута, которую когда-либо история предлагала русскому народу! Один хуторянин писал тогда из Украины: «З того часу, як померзла злюща пані неволя, той паскудна нахлібница горілка бога-

то поваги сбулася. Частують и куштують її так для закону, а вже п'яним бути на честним весіллі не годитця, п'ють її по-прежнему — нахільцем хиба тілки де яки ледачи городянске міщане, та сердяги ремесницькі робітники».

Глава XXII

Введение новой питейной системы и её последствия

Уничтожение откупа составляет лучшую страницу настоящего царствования. Ещё в 1858 году стали ходить слухи об уничтожении откупов, но откупщики утверждали, что всё это неправда, и действительно, в 1859 году откупа продолжены были ещё на четыре года. Сделалось известным мнение Государственного совета, утверждённое 26 октября 1860 года о введении акцизной системы; но откупщики твердили по-прежнему, что откупа останутся. Явилось окончательно утверждённое положение 4 июня 1861 года и всё ещё не было веры, что откупа когда-нибудь прекратятся. Стали уже ходить слухи, что правительство склоняется на сторону откупщиков, и начали поговаривать о составлении компании для застрахования акциза с питей.

Компания не удалась, откупа ускользали из рук, и откупщики, страшая государство банкротством, явились с новым предложением проекта агентства по питейному сбору и товарищества железных дорог — проекта, как оказалось, имевшего целью подорвать последние силы государства, а себе нажить миллионы. «Для сохранения питейного сбора в целости, — говорил проект, — предлагается агентство на продажу вина сроком на 11 лет. Агентство отвечает за поступление питейного дохода (свыше ста миллионов) только при помощи развития в народе капиталов, а поэтому принимает на себя обязанность построить 2800 вёрст железных дорог». Говорили, будто смысл этого проекта был таков, что агент-

ство, истратив на дороги 224 миллиона, надеялось получить на них в пятьдесят лет 1100 миллионов, то есть с лишком миллиард рублей серебром. Всё это дело уж больно было некрасиво, и имена создателей проекта были опубликованы по повелению государя. Всё это были преимущественно купцы-откупщики, и затем промышленники, собравшиеся с целого мира. В числе их главными руководителями были Бенардаки, отставной поручик; В. Кокорев, коммерции советник; Капгер, санкт-петербургский 1-й гильдии купец; Исаак Утин, коммерции советник; и Каншин, коллежский регистратор. Затем шли, во-первых, евреи: Раих, Евзель Гинцбург, Зискинд Гинцбург, Герцель, Горвиц, Лохвицкий; во-вторых, греки: П. Скараманга, К. Комнино, Варваца, С. Карали, Кондоянки, Маразли; и, в-третьих, русские: Громов, Сазиков, И. Асташев, П. Ненюков, Н. Тарасов, Н. Акатьев, И. В. Лихачёв (полковник), А. Кокорев, А. Башкиров, Д. Нечаев, А. Милюков, Д. Корнеев, В. Рукавишников, А. Мясников (поручик), М. Горбов, М. Мамонтов, И. Иконников, В. Пегов, А. Клипин, И. Кононов, И. Первушин, И. Мамонтов, Г. Медынцев, И. И. Барыков (статский советник), А. Воронин, В. Каншин, Н. Рюмин (действительный статский советник), Ф. Рюмин, И. Протасьев (поручик), Власов (статский советник), П. Молчанов, М. Якунчиков, Быков, Д. Кузнецов, И. Кононов, Д. Карпович, А. Пастухов и некоторые другие, подписавшиеся впоследствии.

Агентство не удалось, и откупщики решились воспользоваться по крайней мере тем, что у них пока было в руках. Откуп пришёл в неистовство. Вместо водки стали продавать по дешёвой цене мутную воду, и водку отпускали только тем, кто возьмёт закуски на две копейки. В Херсоне толпа пьяных солдат и мужиков в количестве десяти человек, предводимых питейными поверенными Гершкою Штейманом, Захарием Варвинским и одним из полицейских, ворвались в дом господина Иванченко, рассыпались по комнатам, стали переворачивать мебель, мять и рвать платье, бить посуду, и, всё переломав и не найдя водки, толпа ушла. Было принесено в жертву всё, даже целовальники. Месяца за два до конца

откупа, тамбовский откупщик вывесил объявление: «Гуляющие сидельцы получают жалованье наравне со служащими». Подписано: Управляющий откупом А. Немцев. Сидельцы начали гулять, с ними гуляли другие, вина выпита целая бездна, но пришло время расчётов, и гулявшие сидельцы жалованья не получили ни гроша. Буйствуя таким образом, откуп отходил на покой и оставлял государству недоимку лишком в пятьдесят миллионов.²⁰¹ Народ соблюдал глубокое молчание.

История перехода откупов к сменившему их новому порядку начинается высочайше утверждённым мнением Государственного совета 26 октября 1861 года. По мнению Государственного совета, акцизу должны были подлежать, между прочим, «портер, пиво, полпиво всех сортов, мёд, брага и сусло». На это министр государственных имуществ заметил: «Слово *сусло* исключить из § 5 и 174». Министр финансов написал объявление: «Слово *сусло* внесено в проект на основании существующих постановлений, впрочем к исключению его из проекта препятствий не имеется». От акциза были освобождены уксус и медовый квас. Право винокурения оставлено только за теми сословиями, которым оно принадлежит ныне. Но комиссия предполагала предоставить право винокурения не только дворянам, но и чиновникам, и думала, что можно было бы распространить это право на все сословия и звания. В Сибири право винокурения предоставлено лицам всех сословий. Учреждение пиво- и медоваренных заводов дозволено лицам, записанным в торговые разряды, и помещикам в их имениях. Продажу вина производить распивочно и на вынос (теперешняя вывеска на кабаках) из питейных домов, выставок и шинков, не назначая для них ни числа, ни места. Министр государственных имуществ предлагал исключить из проекта слова без ограничения числа оных, на что министр финансов отвечал: «Слова сии внесены в проект на основании положения Государственного совета о том, что число заведений для продажи питей не ограничивается; это же правило принято и в новом положении о трактирных заведениях». К заведениям для продажи

питей только на вынос отнесены мелочные, съестные и тому подобные лавки. Комиссия признала нужным исключить из этого разряда съестные лавки, так как назначение их состоит в продаже дешёвой пищи для простого народа, а если дозволить в них продажу напитков, то они будут иметь большее преимущество, нежели питейные дома, в которых предложено воспретить продавать даже холодные закуски.

Из истории старинного корчемного быта мы видели, что в первоначальных корчмах продавались кушанья и питья, и когда потом на северо-востоке корчмы сменились кабаками, которые в одно и то же время были местом оптовой и розничной продажи вина, то, без сомнения, при кабаках продавали и закуски, потому что *невозможно же пить водку, не закусывая*. Когда же потом откупщики завели при кабаках солёные закуски, возбуждавшие жажду, они были запрещены. С новым акцизно-откупным положением закуски тоже отменены были, и для народа не оставалось уже ни одного места, где можно было бы есть и пить, ибо в *трактиры* мужикам вход был запрещён, а в *чёрных харчевнях* была запрещена водка. Обставлено было так, что народ никак не мог обойти *кабака*. Комиссия, соединив все разнообразные трактирные заведения и харчевни под одним общим названием трактира, не могла не прибавить, что «независимо от заведений собственно *трактирных*, необходимо допустить такой род заведений, который удовлетворял бы первейшим потребностям простого народа в отношении приюта и продовольствия», и потому допустила в городах, вместо *харчевен*, с которыми народ свыкся уже, — *постоялые дворы и съестные лавочки*, а в уездах — одни *постоялые дворы*. Таким образом, несмотря на уничтожение откупов, народу опять негде было есть, ибо в городах, как известно, постоянные дворы только по окраинам города, а в так называемых съестных лавочках ни стать — ни сесть, и прибежищем народа опять остаётся один кабак, а не харчевня, могущая удовлетворить первейшим потребностям народа.

Питейными заведениями, по словам проекта Положения о питейных сборах, называются «все торговые заведения, кото-

рые занимаются исключительно продажей питей, и при том непременно распивочно, под каким бы наименованием такие заведения открыты ни были». Поэтому кабак, питейный дом, корчма, шинок, ренсковой погреб, выставка, портерная лавка, постоянные двory одинаково подошли под название питейных домов, несмотря на то, что каждое из них имеет свою историю и своё общественное значение; например, никто и никогда не восставал против юго-западной корчмы. Слово *корчма* не заключало в себе ничего бранного, не имело в себе ничего зловредного; тогда как само правительство не раз старалось искоренить название кабака. Народ всегда был рад случаю разбить кабака (или питейный дом), потому что кабак был местом пропинации, а *корчма*, или назовите её как хотите — харчевней или кабаком, служила местом народных собраний, была и кофейной, и клубом народа. Подобное отличие кабака от корчмы (или харчевни) неизвестно было и комиссии. В её трудах сказано: «Сколько известно, в привилегированных и прибалтийских губерниях корчмы далеко не имеют того безнравственного и непристойного характера, какой собственно принадлежит питейным домам в Велико-россии». Итак, корчма есть заведение более нравственное и приличное, чем кабак; но что это за заведение, какое его назначение — этого из «Трудов» комиссии ясно не видно. На одной странице «Трудов» говорится, что под именем *корчмы* разумеется *постоялый двор* (?), а на другой сказано, что «по местным обычаям привилегированных губерний корчмы совершенно (?) заменяют питейные дома». Но как бы то ни было, *корчма* отделена от кабака или *питейного дома* и, несмотря на то, оставлена в значении питейного заведения.

Что же такое кабак, или *питейный дом*? О нём в «Трудах» комиссии мы можем найти совершенно ясное и положительное представление. Мы уже видели сейчас, что, по словам «Трудов», питейные заведения Велико-россии *отличаются безнравственным и неприличным характером*. «Ренсковые погреба, — продолжают «Труды», — суть места, посещаемые лицами, которые считают для себя неприличным входить в питейный дом». — Питейные дома — это *притоны*

бесчинства и разврата. — «Ныне питейные дома, как уже дознано на опыте, нисколько не соответствуют стремлениям правительства предотвратить вредное влияние питейной продажи на общественную нравственность».

Но не одна комиссия так дурно думала о кабаках. Например, циркуляром тобольского губернатора объявлялось, что «в питейных заведениях находятся целые семьи с малолетними детьми, которых нравственность должна немало страдать от всматривания на те картины морального зла, которые неизбежны в подобного рода заведениях». Для исследования степени безнравственного влияния кабаков наряжена была при тобольском губернаторе целая комиссия, которая пришла к заключению, что «допущение в питейные заведения многочисленных семейств обоого пола с малолетними детьми должно влечь разврат (!!) со всеми его грустными (!) последствиями».

В «Трудах» говорится, что кабаки обязаны своей дурной репутацией действиям нынешних откупов, и между тем они оставлены в том же виде, в каком были при откупах. Как и прежде, в кабаках запрещены закуски и мебель. В кабаках оставлена одна водка. Запретили открывать их возле богоугодных заведений, христианских храмов, монастырей, кладбищ. От их соседства велено было охранять даже учебные заведения, казармы, тюрьмы, золотые прииски в Сибири, солёные озера Перекопские и Генические, госпитали, железные дороги. Запрещено было открывать возле кабаков волостные суды, а должностным лицам сельских управлений содержать кабаки. Не велено пускать в кабаки нижних чинов армии и флота. Словом, от кабака приказано охранять всё и всех. Мы видели уже, что кабак, как и прежде, получил преимущество перед съестными лавками. Мнение Государственного совета было таково, чтоб ренсковым погребам дозволена была продажа водки только на вынос; но комиссия ходатайствовала, чтоб им продавать и распивочно. На основании циркуляра министра финансов 1 марта 1865 года питейные дома в сёлах открывались с разрешения помещика; но с 13 мая того же года они стали открываться «без согласия на то мирского

схода и без разрешения помещика», и, по справедливому замечанию органа Министерства финансов, штофные лавочки сделались местами даровой выпивки членов сельской полиции. Вследствие всего этого число кабаков должно было увеличиться, а пивоварение упасть.

Было некогда время, когда во всяком доме было пиво (пиво на северо-востоке, а мёд — на юго-западе), когда около пива или мёда собиралась всякая народная беседа. Было время, когда народ по возможности мог ещё обходиться и без водки. Было, наконец, время, когда баба, сварив пивца, шла с ним на рынок и продавала его кому угодно. И от этого времени, как диковинка, дошёл до нас единственный случай, что женщины с мотовилихинского завода в Перми ещё недавно каждый день являлись в город с молоком, зеленью и с пивом. В течение долгого времени пиво доступно было народу и в кабаках. Цена кабацкому пиву и мёду назначалась, применяясь к запасным ценам. В 1674 году пиво в вариве стоило 7 денег ведро, и в продаже два алтына ведро. Пуд мёду покупали по рублю; из пуда выходило 7 вёдер мёду, ведро продавалось по 6 алтын по 4 деньги. В 1696 году пиво по 4 алтына, мёд — по 8; мёд варёный тоже по 8 алтын ведро. В 1696 году мёд красный — 12 алтын, белый — 8, пиво — 4 алтына ведро. В 1701–2 годах в Шуе пиво обходилось казне по 9 денег, продавалось по 3 алтына; мёд обходился по 4 алтына по 3 деньги, продавался по 9 алтын. К началу XVIII века пивоварение упадает, и Пётр выписывает из Англии пивоваров. В 1719 году, по торговому уставу, мёд варёный — уже 36 копеек, мёд белый — 24 копейки, пиво — 12 копеек ведро. В 1755 году в контрактах цена пиву в Санкт-Петербурге 20 копеек, в Москве — 24 копейки, мёд в обеих столицах по 40 копеек ведро.

В 1751–58 годах дозволено было крестьянам варить пиво и браги для домашнего употребления; но потом в городах на пиво налагается пошлина в 20 копеек с ведра. В Москве откупщик Роговиков продаёт пиво по 33 копейки, мёд по 53 копейки ведро. Пиво, как мы сказали, было ещё в каждом доме, и в 60-х годах этого столетия после *помочи*, столь обычной у

народа, в кабаки ещё не ходили, а выставляли на дворе кадки с пивом, в кадках были попущены ковши. В 1770 году пошлины с пива отдаются на откуп, но в следующем году уничтожаются, зато с 1795 года пивоварение окончательно переходит во власть откупщиков и начинает падать. Были уничтожены откупа, пивоварение вдруг поднялось, продажа водки упала; но с восстановлением откупов пиво и мёд вместе с брагой и суслом платят акциз по 80 копеек с ведра, а медовый квас по 60 копеек. Портерные лавки платят откупщикам по тысяче рублей в год; с крестьян же, за вариво пива, откупщики собирают по десять копеек с души. В 1807 году цена пиву и портеру по 19 копеек, полпиву по 10 копеек за бутылку (в ведре 13½ бутылок указной меры). В 1815–19 годах штоф кабацкого пива стоил 22½ копейки, штоф мёда — 37½ копеек, полпива узкая бутылка — 15 копеек ассигнациями.

В 1844 году откупщики просят возвысить акциз на пиво, потому что продажа водки подрывается ещё оставшимися пивоварами, которым они, откупщики, должны были платить большие суммы за то только, чтоб пивоваренные заводы оставались без действия. Один из откупщиков предлагает увеличить число питейных заведений до одного на 490 жителей и наложить акциз на дрожжи в деревнях. По проекту Кокорева, утверждённому в 1855 году, кроме возвышенного акциза, откупщик брал ещё себе за право пивоварения по 5 рублей с каждого крестьянского дома, и пивные лавочки дозволены были только в столицах. В Москве в два года, в 1847 и 1848, закрылось десять пивоваренных заводов и пятьдесят пять портерных лавок; и в 1848 году девятнадцать губерний не знали другого напитка, кроме сивухи. В 1835 году оплачивалось акцизом пива 2081053 ведра, а через двадцать лет только 927525 вёдер: 4% пошли на сивуху. В 1787 году, несмотря на откуп пошлин с пива, в одной Москве было 236 пивоварен. В 1821 году в великороссийских губерниях считалось 877 пивоваренных заводов и открыто было (во время казённого управления) 876 портерных лавок, вместо семидесяти, бывших во время откупа. По Положению 1823 года о доходах и расходах Москвы, велено было думе взимать по-

прежнему с каждого котла по пятьсот рублей с тем, чтобы дума не входила ни в какие учёты пивоварению.

Управлению питейными сборами вменялось в обязанность, чтоб оно отнюдь не дозволяло пивоварам начинать варку пива, пока они не предъявят свидетельства, что следующие с них за число котлов деньги заплачены. В 1830-х годах требовалось для Москвы пива до двух миллионов вёдер; в 1855 году при высоком откупном акцизе — 484600 вёдер пива и 26160 вёдер мёда, а в 1858 году — только 300000 вёдер пива. Заводов пивоваренных в 1859 году в Великороссии было 248, в западных губерниях, в Малороссии и Новороссии — 1092; но в Сибири уж не было ни одного завода. В 1840 году пивоваренных заводов в Москве — 24, а в 1863 году (при новой акцизной системе) — 14 (ёмкостью посуды в 6517 вёдер), и в 1865 году — 10 заводов (ёмкостью в 8256 вёдер).

Это окончательное падение пивоварения совершилось по случаю высокого акциза, наложенного на пиво; но кроме казенного акциза в столицах наложен был новый акциз со стороны городских дум. При конце откупов число портерных лавок в Петербурге доходило до четырёхсот, а питейных домов было триста; с введением новой системы число портерных лавок упало до трёхсот, а число кабаков увеличилось неизмеримо. Число пивоваренных заводов уменьшилось по всей империи. В Перми, ещё недавно богатой пивоварением, в 1864 году не было ни одного пивоваренного завода, и тамошнее акцизное управление вызывало к себе пивоваренных заводчиков. Ошибку, к счастью, скоро заметили, и акциз понижен был до 20 копеек с ведра, но пивоварение всё-таки не могло подняться. Петербургские заводчики 21 января 1864 года явились с предложением сделать торговлю пивом свободною, как в Германии, и говорили, что ничтожное пожертвование 20000 рублей патентного сбора в Петербурге принесёт всем сословиям большие выгоды и благодарность народа.

В то же время в Твери собрались на съезд акцизные чиновники и пивовары и постановили решение, что для рас-

пространения пива, этого полезного для крестьян напитка, нужно поощрить заводчиков, особенно мелких помещиков, и уничтожить поэтому право безакцизного варения пива в деревнях, для домашнего употребления! Высокий акциз на пиво принёс казне самую ничтожную прибыль, и вся сумма питейного сбора составила, как и при откупках, от продажи одной лишь водки. При введении положения о питейных сборах предполагалось выбрать с народа до 100000100 рублей, и в том числе на долю акциза с пива приходилось только 1250000 рублей.

Позволим здесь, как и в начале нашего исследования, прибегнуть к сравнению. В Англии в 1863–64 годах подать с солода составляла более 38% всего питейного дохода; у нас же доход с пива составлял только 1% всего питейного сбора. Пиво, издавна известное всему индоевропейскому племени, в текущем столетии сделалось господствующим народным напитком в большей части европейских государств, и особенно там, где не растёт виноград, или где виноградные вина дороги. И в последнее время употребление его распространилось до того, что крепкие спиртовые напитки, а местами даже и виноградные вина, более и более вытесняются пивом. «В тех странах, — говорит Ватт, — где народ привык к пиву, как в северной, средней и невинодельной части южной Германии, в Англии, Шотландии, Ирландии, Голландии, Бельгии, северной Франции, Дании, Норвегии, Швеции и так далее, потребление пива значительно увеличилось и продолжает постоянно возрастать». — «Между владельцами пивоваренных заводов, — продолжает Ватт, — я встречал членов палат, депутатов, членов государственных советов, докторов философии, учёных, писателей и так далее». Перейдём в Северо-Американские Соединённые Штаты. Весь народ, населяющий штаты, пьёт преимущественно пиво, и если выпьют водки, то сейчас же запивают её водою. Ни один из граждан не знает, что такое значит напиться водкою допьяна, и только негры да нищие ирландцы упиваются водкой.

Совершенно обратное происходит в России. В 1858 году в таможенном Германском союзе потреблялось пива 3,42 ве-

дра, в Австрии — 2,17, в царстве Польском — 1,55, а во всей России только — 0,15 ведра, а теперь ещё меньше. А кабаки плодятся! Около 1552 года во всём Московском царстве, на всей русской земле, был только один кабак, стоявший в Москве на Балчуге. В конце XVII века в каждом городе было по одному кружечному двору. В XIX столетии кабаки распространяются по сёлам и деревням. В 1852 году кабаков — 77838, в 1859 году — 87388, и, наконец, после 1863 года число их, увеличившись, как мы это увидим в своём месте, примерно в шесть раз, перешло за полмиллиона.²⁰²

Так было на северо-востоке. Переходим на юг. В губерниях привилегированных, в число которых входили и остзейские, при акцизе 1 рубль 15 копеек пивоварение освобождено было от налогов, и потому употребление пива было весьма распространено и, как говорили, вошло уже в народные привычки. Это важное обстоятельство было в виду комиссии, и в привилегированных губерниях пивоварение по-прежнему осталось свободным, а поэтому в местностях, окружающих эти губернии, осталось корчемство и установлена даже была корчемная пошлина в 20 копеек с ведра. Вместе с этим в юго-западных губерниях наложен был акциз на мёд, и медоварение, как мы это видели, столь важное в быту украинского народа, должно было прекратиться. К 1863 году в Могилёве остался только один медоваренный завод, да и тот после двух варов закрылся. Доселе в Украине мёд был двух сортов, красный и белый. Красный мёд приготавливался домашним порядком, а не на заводах, и был одним из любимых напитков народа, преимущественно женщин, и продавался по 25 копеек за ведро; белый мёд варился исключительно в городах и стоил от 60 копеек до 1 рубля серебром за ведро. Назначили акциз по 60 копеек с ведра, и производство мёда прекратилось; сократили срок медоварения, но пользы не было; уменьшили акциз до 50 копеек с ведра — то же самое. Таким образом, с одной стороны, казна не получила никакого дохода, а с другой, народ лишился возможности пользоваться мёдом, варенухой, варенком.

Вместе с этим питейный налог в Малороссии и Новороссии в 1863 году возвысился вдвое и втрое. В 1859 году этот налог средним числом составлял: в Херсонской губернии — 5 рублей 1 копейка, в Таврической — 8 рублей 33 копеек, в Екатеринославской — 3 рубля 72 копейки, в Киевской — 2 рубля 16 копеек, в Харьковской — 2 рубля 32 копейки, Черниговской — 1 рубль 75 копеек, Бессарабской — 2 рубля 3 копейки, Полтавской — 1 рубль 63 копейки, Подольской — 1 рубль 73 копейки, Волынской — 1 рубль 64 копейки, Минской — 1 рубль 52 копейки, Гродненской — 2 рубля 41 копейка, Могилёвской — 1 рубль 43 копейки, Витебской — 1 рубль 59 копеек, Виленской — 1 рубль 79 копеек, Ковенской — 1 рубль 12 копеек. Но в 1863 году налог был везде в 4 рубля 20 копеек, и всё-таки казна понесла потерю. Потребление спирта уменьшилось против 1862 года на 14%.

Мы уже знаем, что с XVIII века поляки сделались настоящими владельцами крестьян и городов. В Польше до последнего времени сохранялись феодальные обычаи, и из 452 городов 238 принадлежали частным лицам. Кроме разных доходов с имений, владельцы их пользовались ещё правом пропинации. Это право поляки перенесли и в Малороссию. Рядом узаконений с 1783 по 1846 год за помещиками привилегированных губерний было утверждено *пропинационное право*, то есть право одним им курить и продавать питья. Едва лишь приступлено было к составлению нового положения об акцизе, как тотчас же явились и ходатаи о сохранении за помещиками права пропинации. Отставной полковник Злотницкий в докладной записке 8 марта 1861 года, ссылаясь на постановления королей литовских и польских и государей: Екатерины, Павла, Александра, Николая, говорил: «В Западном крае находятся поместья, а особенно местечки, как, например, в Подольской, Волынской и Киевской губерниях: Бердичев, Белая Церковь, Тульчин, Немиров, Острог, Дубно и другие, которые по расположению на больших дорогах, по средоточию больших оборотов, по населению в них по большей части промышленников, мастеровых и разночинцев, и по отсутствию тем самым преобладания хлебопашества, до-

ставляют главную и, можно сказать, непосредственную отрасль дохода из пропинации, и не менее как от 25 до 1000000 рублей ежегодно». — «Это, — продолжал он, — факт, не подлежащий никакому сомнению. Лишить собственников подобных поместий такого дохода, основанного на правах родной наследственной собственности, значит убить их материальное существование».

О том же хлопотали *эксперты* из привилегированных губерний и предводители дворянства губерний Виленской, Минской и Киевской. Такими *экспертами* были: Антон Злотницкий, граф Эдуард Чапский, Доминик Лаппа. Не переставая доказывать, что казна и дворянство в привилегированных губерниях с давних времён (мы видели, какие это *давние времена!*) пользуются пропинациею, и просили дать им денег за уничтожение этого права. И вот, со введением нового Питейного устава, пропинация осталась по-прежнему, хотя и не в тех размерах, каких желала бы польско-русская шляхта. Новый устав говорил: «В губерниях западных (Киевской, Подольской, Волынской, Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской, Витебской, Могилёвской) и в Бессарабской области, в тех владельческих городах и местечках, в коих право продажи питей принадлежало доселе исключительно их владельцам, право сие сохраняется за ними». Вследствие этого помещики начали вступать в договоры с крестьянами о сохранении за собою права пропинации на 11, 12, на 24, на 25 и даже на сорок девять лет. Около городов снова появилась стража, вооружённая железными остроконечными палками, и начала делать осмотры. Но все это продолжалось недолго, и сначала у шляхты отнята была пропинация, а потом и столь дорогие им *местечки*.

Мы видели выше, что жидаы в Украине, захватив в свои руки все корчмы, легли тяжёлым камнем на народонаселение. Когда Белоруссия и Украина присоединены были к Московскому государству, Москва к себе жидов не пускала, но в Белоруссии и Украине позволяли им торговать и жить. По указу 1725 года кабаки Смоленской губернии отданы были на откуп жидам Борху и Лейбову, хотя через два года велено

было сделать с ними расчёт и выслать их из России. В 1727 году запрещено отдавать жидам кабацкие сборы; в 1739 году последовало общее по всей Малороссии запрещение отдавать им корчмы. Запрещение это, повторявшееся несколько раз, вошло и в новое Акцизное положение 1863 года, но потом было уничтожено. Мера очень почтенная, но интересны два обстоятельства, которые открылись по этому поводу. Это, во-первых, то, что украинский народ ни за что не решается *торговать в шинках*, и, во-вторых, что дворянство *от закрытия шинков несёт убытки*. По поводу запрещения 1863 года, за жидов восстало всё польско-русское дворянство Малороссии. Чернский предводитель дворянства, указывая на важное значение жидов для благосостояния губернии, ходатайствовал о допущении их торговать в шинках, тем более потому, говорил он, что *украинский народ отказывается брать в аренду шинки*, и представлял на вид, что с освобождением крестьян *некому будет содержать шинки*, кроме жидов, а с воспрещением этим последним шинковать, шинки должны будут закрыться, и тогда *дворянство понесёт убытки*. Предложение это было принято, и жидам дозволено в местах их оседлости заниматься питейной продажей повсеместно на общем основании. «Число шинков, — говорит черниговское земское собрание, — возросло в страшной пропорции, и конкуренция их стала выражаться разбавлением водки и примесью к ней всяких вредных вещей для крепости». Малороссийский сельский шинок сделался кабаком чарочных откупов.

Значение новой системы уяснилось скоро. Когда приступали к введению её, то в бюджете на 1863 год валовой доход с акциза определён был в 98 миллионов, вместо 104 миллионов, которые давали откупа в 1852–62 годах, то есть новая система должна была, по-видимому, оставить в кармане народа до шести миллионов рублей. Уменьшение на шесть миллионов было предположено в видах недобора казне. Но в действительности же оказалось, что требования на вино превзошли ожидания, и общий валовой итог собственно на 1863 год дошёл до 113577066 рублей, что превышало откуп-

ную сумму на девять миллионов, а бюджет 1863 года — на пятнадцать миллионов. Чистого дохода было получено 106453194 рублей, то есть более откупного на 2321477 рублей, или на 2,2%, и против бюджета больше чем на один миллион, то есть с лишком на 7%. Имея в виду эти цифры, господин Корсак стал вычислять, сколько *в кармане народа* осталось прибыли за первый год новой системы, и пришёл к следующему результату. «У этого (то есть у русского) народа, — говорил он, — сохранилось шестнадцать миллионов рублей серебром, а может быть и несколько миллионов более». Но над этой политико-экономической игрой в цифры подсмеялась сама судьба, и вместо шестнадцати миллионов, по ошибке наборщика, было поставлено шестьдесят шесть миллионов. Составляя нашу летопись, мы внесём в неё и подлинные слова господина Корсака, который писал: «Как бы ни усилилось потребление вина, но оно всё-таки не могло усилиться в такой степени, в какой понизилась цена на вино. Это обстоятельство в то же время имеет весьма важное *нравственное* и экономическое значение: у народа сохранилось 66 миллионов, которые прежде шли на вино». Господину Корсаку отвечали тоже на основании цифр, что народом издержано в 1863 году более чем на триста миллионов против 1862 года. В Тамбовской губернии, сравнительно с 1862 годом, в 1863 году выпито водки на 215% более; в Пензенской на 281%; в Пермской на 171%; Саратовской на 108%; Иркутской на 151%; Орловской на 150%; Якутской на 151%; Ярославской на 150%; Воронежской на 127%; Рязанской и Тобольской на 119%; Тамбовской на 116%; Казанской на 115%; Московской и Вятской на 111%; Симбирской на 105%; Архангельской на 90%; Нижегородской на 98%; Петербургской на 93%; в пяти губерниях на 72–79%, а в четырёх на 61–72%; в Новгородской на 55%; в Екатеринославской и Псковской на 49%; Олонецкой на 15% и Таврической на 5%. В губерниях великороссийских в 1862 году выпито 7218191 ведро безводного алкоголя (или 19154450 вёдер полугара), а в 1863 году 14681714 вёдер алкоголя (или 39636089 вёдер полугара), то есть на 101% более. В 1863 году вся Сибирь выпила 1170000

вёдер алкоголя вместо 500000 вёдер, выпитых в 1864 году, то есть на 134% более.

Всеобщее пьянство обратило на себя внимание правительства, и 18 сентября 1864 года высочайше утверждено было мнение Государственного совета о возвышении патентного сбора. В 1865 году была учреждена комиссия для пересмотра правил о торговле крепкими напитками с целью ограничения пьянства народа. Член этой комиссии князь Васильчиков, по его собственным словам, вынес из неё следующее впечатление: «Впечатление то, что комиссия эта была не серьёзная: она открыла свои действия заявлениями и чтениями записок, составленных чиновниками питейно-акцизного управления, в коих оспаривался, отвергался самый факт распространения пьянства, и все жалобы на это печальное явление приписывались партии прежних откупщиков, и чиновники утверждали, что народ пьёт не более, как и прежде». Комиссия эта пришла к следующим мерам:

1. оптовая продажа питей допускается повсеместно *без всякого разрешения*;

2. все места раздробительной продажи, в том числе и на вынос, *с небольшими исключениями*, в городах могут быть открываемы не иначе, как с разрешения общества, владельцев земель, городских учреждений и других ведомств;

3. должно быть обращено *строгое внимание* на личность виноторговцев, от которых требуется *полная благонадёжность* (?);

4. патенты на питейную продажу выдавать только годовые, с возвышением цены оных, по мнению некоторых членов комиссии;

5. увеличить установленное расстояние питейных заведений от сельских церквей и ввести в законодательство *некоторые другие учреждения*, близ которых не может быть терпима продажа;

6. определить ближе внешнее устройство питейных заведений, не допуская в оных никакой мебели, кроме полов и стойки;

и 7. допустить в питейных заведениях продажу *известного качества холодных закусок*.²⁰³

Наконец, одними из последних мер против пьянства были, во-первых, решения городских дум обложить питейные заведения новым акцизом в пользу города, а Санкт-Петербургская дума даже учредила особый комитет для наблюдения за кабаками. Во-вторых, меры, принятые земскими собраниями многих губерний, но о результатах их мероприятий мы ничего не знаем, исключая того, что они, подобно думам, хотели ещё раз обложить налогом патенты для увеличения земских сборов. Правительство совершенно основательно сочло такое обложение излишней роскошью, а земские учреждения на это отвечали, что «мера эта будет иметь следствием то, что приход (земских учреждений) не покроет предполагаемого расхода, и земские учреждения принуждены будут отказывать правительству в удовлетворении той или другой потребности».

В то же время меры против пьянства принимал и сам народ. Ещё в 1864 году на заводах нижнетагильских, северском, верхнеисетском и ревнинском восемь сельских обществ открыли у себя общественные городские питейные заведения, в которых продажа должна была производиться на капитал общества и в пользу его. В 1866 году в Уфимском уезде на железном заводе Белосельских-Белозерских также состоялся приговор не давать никому разрешения на продажу напитков, и если не будет препятствия от акцизного управления, то открыть три питейных заведения от имени общества. Устройство дела возложено было на собрание выборных. Таким образом, сама жизнь пыталась ещё раз выработать себе общественные питейные дома, в которых, несколько веков назад, зародилась культура русского народа.

Ранним утром первого января 1863 года открыла свои действия новая акцизная система, и дешёвая водка, оставшаяся от откупа, окрещена была именем «дешёвки». Народ был счастлив, что дешева водка, столь для него необходимая, и, собравшись перед домом одного откупщика, пропел ему анафему, а своему государю возгласил многолетие. В Шуе

на Святках кто-то ходил по трактирам, замаскировавшись в надгробный памятник откупу. Ходячий памятник представлял большой четырёхгранный столб, широкий снизу, узкий сверху, по сторонам его были написаны приличные эпитафии, оплакивающие откуп. На всё, что делалось теперь перед глазами народа, он отвечал своими лубочными картинками: «Похороны откупа, или Славный был покойник!» — «Дешёвка забирает ловко!» — «Пить до дна — не видать добра!» и так далее. А общество между тем кричало, что народ спился, что непременно сопьётся. Но и теперь, как и всегда прежде, далеко не весь народ пьянствовал, а потому хлеб сеялся по-прежнему, портной и сапожник по-прежнему шили платье, и весь мир шёл своим порядком. Но дело в том, что с годами в народе накопилась достаточная сумма надломленных сил, что у многих из народа появилось денег больше, чем прежде, *а девать их некуда*, как только пропить, и, с другой стороны, оказалось много людей или готовых выпить, или убедившихся, что *легче напиться, чем наесться*, и вот к кабакам потянулась целая вереница разного люда:

Да, шумно и пьяно!
Кабак — без изъяна!

Придут они в кабак, выпьют, а закусить нечем, и закусят или ржавой селёдкой, которая продаётся тут же у самого входа в кабак, или, вместо закуски, выпьют ещё раз, во всяком случае выпьют довольно. А в такой стране, где ни в одном простом трактире не найдёшь другого чаю, кроме подкрашенного, водка не хороша; по воскресеньям и праздникам ещё хуже, так что сделалось правилом по воскресеньям водки в кабаках не покупать. В иных местах, как нам хорошо известно, водка попадалась с дурманом. Даже «Биржевые ведомости» заявляли, что «некоторые личности разносят по кабакам какие-то разнообразные примеси». Между тем, по случаю земских и других учреждений, вновь вводимых, то и дело сзывали народ на сходки, а сходки — около кабаков: соберётся народ, потолкуют и выпьют, а когда нет денег, то

придумают штраф какой-нибудь с мужика или с бабы. Последствием всего этого было увеличение числа умерших от употребления вина и опившихся до смерти. В 1842 году умерло от употребления напитков, или, по выражению одного отчёта, захлебнулось вином, 939 человек; больше всего в Москве, и ни одного в Астрахани. По исчислению Заблоцкого,²⁰⁴ опившихся в 1842–52 годах считалось в 55 губерниях 7562 человека, больше всего в Москве, и меньше всего в Малороссии, где водка была лучше и дешевле и не было кабака.

По сведениям за позднейшие годы оказывается, что умерших от пьянства в 1855 году было 1423 человека, в 1856 году — 1535 человек, в 1857 году — 1713 человек, в 1858 году — 1774 человека, в 1859 году — 1713 человек. Опившихся в 1863 году и счесть трудно. В Костроме на пространстве 1842–53 годов опившихся было больше всего в 1850 году, именно 37 человек. Затем были годы, как, например, 1852-й, когда опившихся было только 7, в 1853 году — 8; но в 1863 году число их дошло до 179. По отчётам самарского статистического комитета, опившихся в Самаре в 1862 году было 48 человек, а в 1863 году — 192 человека. В Тверской губернии опившихся в 1860 году — 35 человек, в 1862 году — 48 человек, а в 1863 году — 125 человек, в 1864 году — 132 человека; мёртвых тел найдено в 1863 году 158 человек, в 1864 году — 204 человека. Опившихся в Вятке в 1863 году мужчин — 205, женщин — 20, всего — 285 человек. Из них государственных крестьян — 216, женщин — 5; удельных мужчин — 11, женщин — 1; временнообязанных, мужчин — 7; солдат и солдаток: мужчин 12, женщин 3; мещан: мужчин — 9, женщин — 2; заводских рабочих, мужчин — 4; чиновников — 3; духовного звания — 3.

В Рязанской губернии число умиравших от пьянства в 1854 году — 17 человек, в 1855 году — 24 человека, в 1856 году — 26 человек, в 1857 году — 28 человек, в 1858 году — 32 человека, в 1859 году — 23 человека, в 1863 году — 29 человек, в 1861 году — 45 человек, в 1862 году — 48 человек, в 1863 году — 98 человек, и в 1864 году — 117 человек,

то есть в последний год умерло столько же, сколько в первые пять лет. По сведениям «Северной почты» о происшествиях только за первую половину 1863 года число жертв преждевременной смерти было 7155 человек, и в том числе от пьянства ежедневно умирало 7 человек. В Курляндии (где свободное пивоварение) и в Украине (в губерниях Полтавской, Екатеринославской и в Бессарабской области) умерших от пьянства не было. В Москве, по отчёту обер-полицмейстера за 1842 год, взято за пьянство мужчин — 6405, женщин — 1319, всего — 7224 человека; по отчёту же за 1863 год: мужчин — 10000, женщин — 2128, всего — 21794 человека.²⁰⁵ Сколько из них и из массы тех, слух о которых не достиг до полиции, умерло от пьянства, — неизвестно; но судя по ежедневным известиям в «Московских полицейских ведомостях» о людях, явно умерших от пьянства, — число их страшно велико.

Иван Прыжов: литератор между кабаком и революцией

Что можно сказать о человеке, который участвовал в умышленном убийстве? Ну, убийца, соучастник убийства... негодяй, конечно. Такое преступление не относится к редким или исключительным, и на своём бытовом уровне мы, на минуту заинтересовавшись, спросим: Его поймали? И сколько ему дали? И, можем быть, мы выскажем своё одобрение или недовольство решением суда: двенадцать лет? — мало ему присудили; или: что-то слишком много он получил... Наше мнение, как правило, будет отражать настроения, преобладающие в народе в данный период его существования; всему своё время, в том числе время бездумно прощать и время без разбору карать, время горячо обнимать кого попало и время воздерживаться брезгливо от объятий даже в кругу родных, близких и соотечественников...

Отношение к *нашему* преступнику начинает меняться, когда, проявив любопытство, мы узнаём, что он был не уголовником, заставшим ради денег, а литератором, который участвовал в преступлении вроде как по политическим соображениям. Уже избегая слов *убийца* и *негодяй*, мы прислушиваемся к оправданиям этого литератора, Ивана Гавриловича Прыжова, что на убийство он вроде как идти не хотел, его как бы вынудили; потом он находился в очень болезненном состоянии, многого теперь не помнит... На следствии и в суде Прыжов давал сбивчивые показания, то и дело сводя разговор к тому, что он всю жизнь *изучал народ*, и этого уже как бы достаточно, чтобы его оправдали.

Вырос Прыжов в бедности, в детстве был забитым, болезненным зайкой... Это, наверно, адвокаты на суде так расписывали, чтобы выдавить слезу у судей и зрителей? Нет, это сам Иван Прыжов так выразился о себе, жалея себя, оказавшегося в гадкой тюремной камере, и ему казалось, что всем в судебном заседании тоже станет жалко, когда они узнают: в детстве он был *болезненный, страшный зайка, забитый, загнанный, чуждый малейшего развития*... Адвокаты, защищавшие Прыжова с подельниками... то есть с товарищами по *революционной борьбе*, не впадали в такую уж слезливость, но всякими лестными словами и снисходительными характеристиками его выгораживали: один сказал, что Прыжов — *добряк, прост, как дитя*, другой — что это *фантазёр, любящий толкаться между народом без всякой определённой задачи*...

То, что Прыжов был прост, — явно не так; он был человеком стеснительным и одновременно крайне самолюбивым, он зло и напористо рвался доказать самому себе и другим — богатым, сановным, самоуверенным и, с его точки зрения, удачливым, — что он пробьёт себе дорогу и возвысится. Его одолевала гордыня. И он, человек, не получивший высшего образования — в силу собственной гордыни и в связи с жизненными обстоятельствами, поставил себе вполне *определённую* задачу: написать труд исторический, труд многотомный, осветив в нём те стороны русской жизни, от которых наши *образованные* историки отворачивались, которые нашими *образованными* учёными, как он считал, презирались. Он напишет о русском крестьянском быте и о *низах*: о нищих и юродивых, о питухах и кабацких ярыгах... Когда Прыжов уже отбывал свой срок в Сибири, из уст одного либерала прозвучало, что «в лице Прыжова варварски загублена крупная научная сила». Но, извините, Прыжов загубил сам себя, ввязавшись в *революционную* деятельность; вместо того, чтобы заниматься *по-крупному* историей, он потратил, он *убил* много времени на знакомство с *низами*, а затем на сотрудничество с *революционером* Сергеем Нечаевым. Он *связался* с Нечаевым, руководившим кучкой жалких личностей, ободрившихся от того, что назвались *революционерами*, участниками «*Народной расправы*». Одно из поручений Нечаева прямо-таки совпало с *научными* интересами Прыжова: до этого он ходил по кабакам и пил, утешая себя мыслью, что это на пользу задуманному *многотомному* исследованию, только в питейных домах можно по-настоящему познакомиться с жизнью *низов*, а затем Нечаев ещё и поручил ему, так сказать, *ходить в низы* — с *революционной* целью, и посещение кабаков стало для Прыжова совсем нужным и оправданным делом. Адвокат неправду сказал, что он *толкался среди народа без определённой задачи*. Задача была. Михаил Альтман, автор единственного обстоятельного исследования о жизни и творчестве Прыжова, писал в 1934 году:

«По поручению Нечаева Прыжов вёл пропаганду среди посетителей кабаков, харчевень и тайных притонов и доставлял сведения о тех *местах, где собирается преступная часть общества*. Здесь надо напомнить, что в кружке «Народной расправы», если не организационно, то идейно связанном с Бакуниным, существовал на эту часть общества особый взгляд. Так, Бакунин в одном из своих воззваний писал: *Разбой — одна из почтеннейших форм русской жизни. Разбойник в России — настоящий и единственный*

революционер без фраз, революционной риторики, революционер непримиримый, неутомимый на деле, революционер народно-общественный, а не сословный. В тяжёлые промежутки, когда весь рабоче-крестьянский мир спит, кажется, сном непробудным, лесной разбойничий мир продолжает свою отчаянную борьбу и борется до тех пор, пока русские сёла опять не проснутся.»

Отсиживаясь в неразбойничьей Швейцарии, *анархист* Бакунин похваливал русских грабителей, *отчаянная борьба* которых состояла в том, чтобы грабить прохожих и проезжих, не взирая на чины, сословия, возраст и вероисповедание, и действительно пробуждать время от времени русские сёла, убивая ночью какую-нибудь несчастную крестьянскую семью...

Бакунинские *разбойничьи* призывы в пересказе Нечаева, смельчака, готового *расправиться*, *убить* ради великой цели или пусть даже без цели, привлекали в кружок, именуемый «Народной расправой», девиц, мечтающих о дружбе с отчаянным мужчиной, а не со скучным обывателем, среди них небезызвестную Веру Засулич, и близоруких, нескладных *заик* вроде Прыжова, надеющихся под руководством *смельчака* испытать себя: *ведь не тварь же я дрожащая?* И Прыжов, близорукий, нескладный, в чём-то действительно дитя, как выразился адвокат, пошёл на убийство вместе с Нечаевым, и держал жертву, студента Иванова, за руки, чтобы Нечаеву было ловчее застрелить Иванова... *Крупная научная сила* кончила тем, что поучаствовала в гнусном преступлении.

Да, Прыжов был человеком незаурядным, способным, имел задатки... В его очерках есть то, чего нет у тысячи историков, этнографов, языковедов, тупо и неторопливо, для получения более высокой *научной* степени оформляющих в виде *научной* диссертации избранную *научную* тему, у Прыжова есть *живой интерес* к тому, о чём он пишет, есть упорное желание высказаться и напористо навязать свои суждения и убеждения, и даже когда он злобствует, перекладывая вину за русское пьянство на *татар, жидов и ляхов*, он интересен уже этим своим искренним нежеланием соблюдать приличия: что думает, то и говорит, тогда как носители *научных* степеней будут прилежно писать о дружбе, братстве, взаимопонимании народов и национальностей, только в мыслях кляня за все русские беды тех же *татар, жидов и ляхов*.

На суде Прыжов увиливал от прямых ответов, отводил от себя вину, менял показания... В помощь своим адвокатам он, находясь в камере, быстро написал слезливую и в то же время достаточ-

но агрессивную «Исповедь», в которой и прозвучало, что в детстве он был *страшным заикой*, в которой он всячески старается провести мысль о своей невинности... если кто виноват, так это строй, общество, несправедливости жизни, обстоятельства, Нечаев...

Русский суд непредсказуем. Фёдора Достоевского, который тоже вступил в *революционный* кружок, приговорили сначала к расстрелу — всего лишь за то, что он читал какие-то *запрещённые* брошюрки. Веру Засулич, которая стреляла в упор в человека и чуть его не убила, наоборот, объявили *невиновной* и освободили из-под стражи прямо в зале суда... Иван Прыжов получил в 1871 году двенадцать лет каторги и вечное поселение в Сибири. Там он и умер, в Сибири, в 1885 году; «запил и умер, — как свидетельствовал ещё один современник, — одинокий, больной, озлобленный не только против врагов, но и против друзей».

Ему бы, по примеру В. О. Ключевского и С. М. Соловьёва, его современников, исследовать *всеобщую* историю русского народа во всех её проявлениях, на всех уровнях, в верхах и низах, но вместо этого Прыжов отдал всего себя общению с *низами*, встречаясь с которыми, он, скорее всего, удовлетворял свою гордыню: он, историк, литератор, а потом и *революционер*, снисходит до того, чтобы пить с *ярыгами*, и эти ярыги уважают его! Как важно для русского человека — что его какие-то случайные питухи *уважают*, и что у него пол-Москвы знакомых...

В начале 20-го века, когда либералы всех оттенков, накликавая революцию, с жаром вспоминали всех, *пострадавших за народ*, вспомнился ими и Иван Гаврилович Прыжов, и переиздание его «Кабаков» в 1914 году имело целью, по словам издателя, *напомнить русскому народу о его заступнике и невинном страдальце*.

Не будем продолжать дискуссию, объясняя, что Прыжова нельзя считать *невинным страдальцем*. А разговор о его преступлении и наказании затеян только для того, чтобы ещё раз напомнить о том, что гений и злодейство несовместимы. Пушкин стрелялся, но никого не убил на дуэли; Достоевский, прошедший каторгу, в общем-то, ни за что, скажет потом себе и другим: «Смирись, гордый человек!» Прыжов не желал смиряться, он и умер в озлоблении; его творчество мельче в силу того, что сам он был мельче — не физически со своей близорукостью и заиканием, а душевно: озлобленный, он, как литературный Раскольников, в какую-то минуту решил доказать, что он «право имеет», и его убийство *по рассуж-*

деню кончилось, как и для Раскольникова, судом, долгой каторгой, злобой на самого себя: всё-таки я *тварь дрожащая*...

Переиздавая «Историю кабаков» теперь, уже в начале 21-го века, мы обращаем внимание на роль русского государства, русских властей в производстве и продаже спиртных напитков. Знакомясь с материалами, собранными и изложенными Иваном Гавриловичем Прыжовым, думающий читатель приходит к тревожащей и даже пугающей мысли, что власть, то бездумно, а то и осознанно спаивала население страны, в руководители которой они выбились. Тамга и кабак были большим, подчас наибольшим, а то и единственным способом собрать деньги. Тамга развращает и причает к безделью: наставим рогаток на каждом мосту, на каждом перевозе и на каждом повороте дороги, поставим калитки и шлагбаумы на каждом въезде и выезде и будем собирать подати с каждого прохожего и проезжего, входящего и выходящего, особенно с тех, кто что-нибудь везёт или несёт, просто останавливаем всех и говорит: платите! А вторая статья дохода — кабак, от которого получение дохода тоже до примитивности простое: чем больше водки наделаем и продадим, чем больше покупающих и пьющих, тем больше доход казне... Как выразился Достоевский в «Бесах», «Моря и океаны водки испиваются на помощь бюджету». А если кто из населения будет гнать свою сивуху, свой самогон, не покупая её из государева или государственного кабака, тому «сечь руки и ссылать в Сибирь», иначе нельзя, ведь иначе подрывается экономика великой нашей России! Время от времени заводился разговор или даже поднимался крик, что надо *бороться* за трезвость народа. В рамках этой *борьбы* даже указы какие-нибудь принимались: не наливать *питухам* больше одной чарки, или убрать скамейки из кабаков, чтобы питухи не *засиживались*: глотнул водки и пошёл! — или надо ограничить время продажи вино-водочных изделий, или продавать в одни руки только по одной бутылке... Но власти скоро спохватывались: *казне* убыток! И тогда издавался указ уже питухов не отгонять, а привечать, и дабы создать видимость каких-то мер кабак переименовывался в кружало, или в питейный дом, или в рюмочную, а для успокоения совести, своей и общественной, вспоминались снова слова, приписанные князю Владимиру, про то, что якобы *пить* на Руси — это то же самое, что *быть*.

Константин Васильев

Примечания

¹ Преподобный Кирилл, основатель Кирилло-Белозерского монастыря, в послании к князю Андрею Дмитриевичу Можайскому советовал ему уничтожить корчмы, и его слова приводятся обычно в следующей редакции: «Занеже, господине, то велика пагуба душам: крестьяне ся, господине, пропивают, а души гибнут».

² В своей «Исповеди» И. Г. Прыжов сообщает: «Я сжѣг эти два тома».

³ Автор, используя слово *наряд*, взятое из Повести временных лет, явно понимает его в том значении, в котором его понимал, скажем, историк В. О. Ключевский: *власть, государственное устройство, устройство управления*. В «Курсе русской истории» Ключевский подробно останавливается на спорном и противоречивом летописном сказании о том, как были призваны «из-за моря» варяжские князья, называя это сказание «схематической притчей о происхождении государства», но при этом Ключевский, в отличие от Прыжова, не идеализирует тогдашний «наряд», якобы исполненный «правды и закона свята». В Лекции 9-й историк пишет: «Туземцы перессорились между собою; не было между ними правды, один род восстал на другой и пошли между ними усобицы. Утомлённые этими ссорами, туземцы собрались и сказали: *Поищем себе князя, который бы владел нами и судил нас по праву*. Порешив так, они отправили послов за море к знакомым варягам, к Руси, приглашая желающих из них прийти владеть пространной и обильной, но лишённой наряда землёй... Пришельцы призваны были не для одного внутреннего наряда, т. е. устройства управления. Предание говорит, что князья-братья, как только уселись на своих местах, начали *города рубить и воевать всюду*. Если призванные принялись прежде всего за стройку пограничных укреплений и всестороннюю войну, значит, они призваны были оборонять туземцев от каких-то внешних врагов, как защитники населения и охранители границ. Далее князья-братья, по-видимому, не совсем охотно, не тотчас, а с раздумьем приняли предложение славянофинских послов, *едва избрашась*, — как записано в одном из летописных сводов, — *боясь звериного их обычая и нрава*.» При переводе «Повести временных лет» филолог Д. С. Лихачёв передал *наряд* словом *порядок*: «И не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом.

И сказали себе: *Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву*. И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англй, а еще иные готландцы, — вот так и эти. Сказали руси чудь, словене, кривичи и весь: *Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами.*» Если кто возражает против такого перевода, поскольку он сделан в советское время, когда всё «искажалось» и «утаивалось», можно для объективности вспомнить перевод, который приводит в своей «Истории государства российского» Н. М. Карамзин, приверженец монархического правления: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет.» Те, кто желает видеть наших языческих предков чистыми славянами со своим исконным «нарядом», основанным на «святой правде», не могут не принимать летописей, но толкуют по-своему и целые сказания и отдельные слова. Например, энтомолог Сергей Парамонов в своей «Влесовой книге» утверждает с запалом первооткрывателя, что *порядок* у вышеперечисленных племён (чудь, словене, кривичи, весь) очень даже был, и слово *наряд* нужно понимать и переводить не как *порядок*, а как *власть, управление, приказ*, и тогда пресловутая фраза будет звучать так: «Земля наша велика и обильна, а управления в ней нет, приходите княжить и владеть нами». Но... но здесь нет никакого открытия: такое толкование мы уже видели у В. О. Ключевского.

⁴ **Грѣдгар**, точнее **Хрѣдгар** (Hroðgar) — легендарный датский король, который фигурирует в древнескандинавских сагах, средневековых датских летописях и выведен в англосаксонской эпической поэме «Медведь» (Beowulf).

⁵ Сноска И. Г. Прыжова: «Ярополкъ княжа Кыевъ. Людьє бо кыяне послаша по нь» (Лавр. 192).

Кыяне, кіане значит киевляне.

⁶ Здесь Прыжов отсылает читателя к «Запискам о Южной Руси» (I, 235); автор «Записок» — П. А. Кулиш (1819–97).

⁷ Сноска Прыжова: «Деревляне собраша лучшіє мужи, иже деръжаху деревскую землю. — Сдумавше поляне и вдаша от дыма меч. — Сдумавше с князем своим Малом. — Ростовцы и сюздальцы сдумавше вси».

⁸ **Любечский сейм** — съезд русских князей, состоявшийся в городе Любече. В «Повести временных лет» говорится об участии шести князей, которые хотели договориться о разделе вотчин и также сплотиться против общего врага — половцев.

⁹ «Слѡво» — имеется в виду «Слово о походе Игоря», древнерусская героическая поэма, обычно называемая «Слово о полку Игореве».

¹⁰ **Скоп** использовано здесь в значении *сходка*, (всеобщий) *сбор, собрание* (жителей): эти значения слова *скоп* отмечены В. И. Далем в архангельском диалекте.

¹¹ **Manheimr, minneheimr** — земля людей; в скандинавской мифологии так называлась область, в которой обустроились люди, отгородившись от остального мира. Эту землю называли также *Мидгард* (древнескандинавское *midgarðr*), что можно понимать как *срединное огороженное место, земля внутри огады*: людской мир был обнесён стеной (оградой) для защиты от великанов, живущих по берегу глубокого океана, который обложил по кругу землю.

¹² Принимая на веру примеры из санскрита, приводимые Прыжовым, объясним немецкое *brauen* — это *варить пиво* (сравните с английским глаголом *brew* с тем же значением); *невеста* по-немецки *Braut*, но у нас нет уверенности, что слово восходит к *brüt* с первоначальным значением *варительница пива*; французский глагол *brasser* переводится, во-первых, *мешать* и, во вторых, *варить пиво*; дополним примеры Прыжова английским *mead* (питейный мёд), идущим от староанглийского *meodu*, — это слово родственно древнескандинавскому *mjóðr* и восходит к предполагаемому индоевропейскому *medhu*.

¹³ В.-А. В. Похлёбкин (1923–2000) в своей книге «История водки» называет этот напиток *олом*, давая следующее пояснение: «Ол. В середине XIII века впервые появляется новый термин для обозначения ещё одного алкогольного напитка — *ол*, или *олус*. Есть также данные, что в XII веке зафиксировано название *олуй*, что, по всей видимости, означало то же самое, что и *ол*. Судя по скупому описанию источников, под олом понимали напиток, подобный современному пиву, но только приготавливали это пиво-ол не просто из ячменя, а с добавлением хмеля и полыни, то есть трав, зелий... Ол был напитком, напоминающим современное пиво, но только сдобренное травами. Его наименование напоминает английский эль, также приготавливаемый из ячменя с травами (например, с добавлением цветов вереска).»

¹⁴ Сноска Прыжова: Подробнее в монографии «О напитках в древнейшем быту славянского племени».

Мы поясним, что *Квасир* — герой скандинавских мифов. При заключении мира две группы враждующих богов, асы и ваны, со-

брали в сосуд свою слюну, из которой был сделан мудрый человек по имени Квасир. Два карлика, Фьялар и Галар, убили Квасира и смешали его кровь с пчелиным мёдом. Всякий, кто пил получившийся таким образом напиток, называемый *мёдом поэзии*, становился поэтом или мудрецом.

¹⁵ Известно, чем кончилось это питьё: «И когда опьянели древляне, [Ольга] велела отрокам своим пить в их честь, а сама отошла недалеко и приказала дружине рубить древлян, и иссекли их 5000.»

¹⁶ В Словаре-справочнике «Слова о полку Игореве» фраза приводится полностью в таком виде: (1016) «И рекъ к нему: *Онъси, что ты тому велиши творити; меду мало варено, а дружины много*». Новг. 1 лет., 15 (XIII в.) Судя по всему, это не вопрос, как считает Прыжов, а приказ: вот что ты ему повелишь сделать: (скажи, что) мёду мало варено на большую дружину. Так называемая Типографская летопись сообщает, что во время противостояния Ярослава и Святополка на Днепре первый послал ночью за реку, в стан противника, своего отрока. Для чего? В дружине Святополка, как мы понимаем, был некий муж (моужь), готовый предать своего князя, и Ярослав через своего юного лазутчика посоветовал тому мужу наварить побольше мёду для дружины, чтобы спить её: мол, дружина большая, а мёду пока мало. То есть слова, которые приводит Прыжов, похоже, говорились не дружиной Ярослава, а самим Ярославом отроку-посланнику или же этот отрок говорил так человеку в стане Святополка. Цитируем Типографскую летопись: «Святополкъ стоаше междуу двема озерома и всю ночь пиль бе с боляры своими... Бяше моужь въ приазнь оу Святополка. И посла к нему Ярославъ отроки свои нощию. Рече к нему онъ сии: *Что ты томоу велиши творити: медуо мало варено, а дружины много*. И отрече емоу моужь той: *Рцы тако Ярославову: Да аще медуо мало, а дружины много, да к вечероу дати*».

¹⁷ Иван Тихонович **Посошкóв** (ок. 1670–1726) — автор трактата об экономике и экономическом состоянии России, полное название которого — «Книга о скудости и богатстве, сие есть изъявление от чего приключается скудость, и от чего гобзовитое богатство умножается». Первое известное произведение Посошкова — «Денежное письмо». Человек разносторонний, технически грамотный, он занимался гравированием, черчением, оружейным делом, чеканкой денег и винокурением.

¹⁸ Сноска Прыжова: В Софийской летописи под 1476 годом записано: «И придоша к нему (к московскому царю) Никитины

улицы два (старосты) Григорій, Кипріянов сын, Арбузьев, да Василей Фомин, а явили от обоих улиц бочка вина краснаго.» И далее: «Мнози житѣи люди стрѣтоша его вси с вином». (П. С. Л. VI, 201)

¹⁹ Сноска Прыжова: В правилах немецкой конторы (XIV века) постановлено было: «Кто (из немцев) остается (в Новегороде) до времени варки меда, когда смешивается вода, мед и хмель, тот должен участвовать в общих издержках».

²⁰ Возможно, Прыжов имеет в виду «Слово о богатом и убогом», древнерусский письменный памятник.

²¹ Адам **Оле́рий** (ок. 1600–71) — участник немецких, точнее, голштинских, посольств в Россию и Персию, автор обстоятельных путевых заметок, вышедших в 1647 году под заголовком «Описание путешествия в Московию».

²² Отрывок из былины «О молодом боярине Дюке Степановиче». В дореволюционных изданиях здесь имелась пометка Прыжова *Рыб. сборник*, которая сообщала, что текст взят из сборника «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым» (1861–1867 гг.). *Водочка сладкая* указывает на настойку или наливку, а не на водку в современном понимании этого слова. Водку на Руси называли хлебным вином, горячим вином, перегонным вином, говорили ещё: зеленó вино. В более ранних вариантах этой и других былин фигурируют обычно *питья медвяные*, то есть питейный мёд разной крепости. Зеленó вино, по идее, вино хлебное, перегонное, но, скорее всего, в старину так называли, опять же, наливки и настойки на основе водки; это точно не сорокоградусная водка в сценах, где какая-нибудь *честна вдова* подносит своей куме *чару зеленá вина* или: «Молода Анна Ивановна выпила чару зелена вина.» В большинстве случаев сказители, обычные читатели и даже языковеды не задумываются, почему «былинный» напиток назывался *зеленым вином*: это воспринимается таким же «штампом», как *сыра земля, чисто поле, калена стрела...* Те, что задумываются, как, например, В. В. Похлёбкин, написавший «Историю водки», считают, что *зеленó* происходит от слова *зелье* (трава, растение): то есть *зелено вино* писалось первоначально *зельено вино* и означало настойку на различных травах. Стоялый мёд — это питейный мёд выдержанный, крепкий.

²³ Фраза, приведённая в «Повести временных лет», притягивается в качестве чуть ли не главного козыря, когда заходит разговор или спор об истоках пьянства на Руси. Для одних это веское доказательство того, что у нас испокон веку пили и будут пить,

другие, в том числе и Прыжов, уверены, что Владимир имел в виду «культурное» потребление горячительных напитков — для приятного проведения времени и веселья. Конечно, только идеалист или ограниченный мыслитель может рассуждать о том, что в каком-либо обществе или в какой-либо период человеческого развития могло преобладать «культурное» потребление алкоголя, когда все пьющие или подавляющее большинство *питухов* прекращали бы вливать в себя пиво, вино, горькие и сладкие водочки, достигнув «разумного» опьянения, способствующего «мудрой» беседе и пристойному веселью. Не будем включаться в полемику, только напомним, что расхожая фраза, некогда «вложенная древнерусским грамотником в уста Владимира» в рассказе о выборе веры, не подразумевала *умеренного* потребления алкоголя; Владимир с интересом выслушал увещевания исламских делегатов, но вот отказываться от свинины, выпивки и расставаться с крайней плотью ему никак не хотелось. Приводим соответствующее место из «Повести» в переводе Д. С. Лихачёва: «Пришли болгары магометанской веры, говоря: Ты, князь, мудр и смыслен, а закона не знаешь, уверуй в закон наш и поклонись Магомету. И спросил Владимир: Какова же вера ваша? Они же ответили: Веруем Богу, и учит нас Магомет так: совершать обрезание, не есть свинины, не пить вина, зато по смерти, говорит, можно творить блуд с женами. Даст Магомет каждому по семидесяти красивых жен, и избрет одну из них красивейшую, и возложит на нее красоту всех; та и будет ему женой... Владимир же слушал их, так как и сам любил жен и всякий блуд; потому и слушал их всласть. Но вот что было ему нелюбо: обрезание и воздержание от свиного мяса, а о питье, напротив, сказал он: Руси есть веселие пить: не можем без того быть.»

²⁴ Исходя из темы этой книги можно предположить, что автор ссылается на мнение Мартина Бера. Бер — пастор московской лютеранской церкви, современник Бориса Годунова и Лжедмитрия; ему приписывалась «Московская хроника» (*Chronicon Moscoviticum*): в этом труде (на латыни) нашли отражение события Смутного времени. На самом деле «Хронику» написал тесть означенного Бера, немец по имени Конрад Буссов (*Conrad Bussow*). Так или иначе, в сочинении Бера, точнее, Буссова, мы не нашли высказываний о благотворном воздействии алкогольных напитков, встретив, наоборот, отзыв о неумеренном потреблении оных в тогдашней Москве: «Не буду говорить о пристрастии к иноземным обычаям и одеждам; о нестерпимом, глупом высокомерии, о пре-

зрении к ближним, о неумеренном употреблении пищи и напитков, о плутовстве и прелюбодействе. Всё это, как наводнение, разлилось в высших и низших сословиях...» Можно предположить, что славил вино Карл Эрнст Бэр, он же Карл Максимович Бэр (1792–1876) — выходец из Эстляндии, всесторонне образованный человек, естествоиспытатель, медик, основоположник эмбриологии, академик Петербургской Академии наук... В книгохранилищах нашлись дореволюционные издания «Кабаков», где по поводу Бера есть сноска Прыжова с пространной цитатой по-немецки из его труда «Geschichte des Weins». Но даже эта подсказка не помогла нам установить, какой именно Бер исследовал благотворные свойства алкоголя.

²⁵ **Бортъ** — дерево с дуплом, в котором водятся дикие пчёлы; это также живое дерево, в котором выдолблено дупло для роя пчёл. Со временем бортники, сборщики дикого мёда, предки современных пчеловодов, стали привязывать к деревьям готовую бортъ — выдолбленную колоду, простейший улей, в котором селился рой диких пчёл.

²⁶ **Ухожа́й, ухóжье** — место для какого-либо промысла, в том числе угодье для бортей, ульев — то есть пчельник, пасека.

²⁷ Нынешний посёлок городского типа **Ка́дом** в Рязанской области находится недалеко от городища Старого Кадома.

²⁸ Сноска Прыжова: Dlugosz. Historia Polonica. В. 10. S. 150.

Добавим, что двенадцатитомная «История Польши», на которую ссылается Прыжов, была написана на латыни, и автор, Ян Длугош (1415–80), историк и католический священник, довёл свой труд до 1480 года.

²⁹ **Путь** имеет здесь значение *промысел*. Так что сообщение автора о том, что село Добрятинское стояло на пути московских князей, следует понимать так: село состояло в их ведомстве, доходы от него поступали указанным князьям.

³⁰ См. у В. И. Даля: «На Зосиму расставляй улья, на Савватия убирай улья во мшеник».

³¹ В сказочной «Повести о Петре и Февронии Муромских» девушка Феврония говорит княжескому отроку: «Отец мой и брат — древолазы, в лесу по деревьям мёд собирают. И сегодня брат мой пошёл бортничать...»

³² Была поговорка: «Пчела — Божья угодница», так как она «И на себя, и на людей, и на Бога трудится»; пчёлы «угождают» Богу тем, что дают воск для церковных свечей.

³³ **Ругодѣв, Ругодѣв** — старорусское название Нарвы. В условиях торгового прописано, чтобы местные (немецкие) купцы не брали бы воска на пробу у новгородских купцов без возврата, потому что предприимчивые покупатели «колупали», то есть откалывали, отламывали воск у одного, второго, третьего купца — «на пробу», а покупать и не собирались. **Капъ** — старорусская единица веса, равная, по подсчётам некоторых исследователей, четырём пудам.

³⁴ Йоханн **Шильдбергер** (1381–ок. 1440), точнее, **Шильтбергер**, в немецком написании **Johannes Schiltberger**, — баварский дворянин, воин и путешественник. Он участвовал в походах против Османской империи под знамёнами венгерского короля Сигизмунда; был ранен при Никополе в 1396 году и попал в плен; содержался при дворе турецкого султана, затем, с 1402 года, находился на принудительной службе при дворе Тимура (Тамерлана) и его приемников в Самарканде, сопровождая их в поездках и походах в Сибирь, на Среднюю Волгу, на Кавказ... Шильтбергеру удалось бежать, и он вернулся через Константинополь после всех скитаний на родину в 1427 году. Путевые записки Шильтбергера были впервые опубликованы около 1460 года. Шильтбергера называют иногда «немецким Марко Поло».

³⁵ Иосафат **Барбаро** (1413–94), чьё имя в оригинале имеет варианты **Josafa, Josaphat** и **Giosafat Barbaro**, — венецианский дипломат, торговец и путешественник. В 1436 году Венецианская республика направила его в качестве консула в Тан, генуэзскую колонию на Азовском море. Шестнадцать лет он находился в этом городе, который располагался в устье Дона, в районе древнегреческого Танаиса, к тому времени уничтоженного. (В 1475 году Тан, он же Тана, был захвачен турками и продолжил своё существование под названием Азов.) Барбаро оставил заметки о своих поездках по северному побережью Чёрного моря и Кавказу — «Путешествие в Тану» (*Il viaggio della Tana*); книга была издана в первый раз в Венеции в 1543 году.

³⁶ Альберто **Кампэнзе** — автор сочинения «О делах московских». Кампензе сам не посещал Россию: он собрал сведения о ней по рассказам отца и брата, бывавших в Московии, и по таким публикациям, как «Трактат о двух Сарматиях» польского историка Матвея Меховского. Кампензе адресовал своё сочинение, составленное в виде письма, папе Клименту VII, и на него обычно ссылаются как на «Письмо Альберто Кампензе» (*Lettera d'Alberto Campense intorno le cose di Moscovia, al beatissimo padre Clemente VII*,

pontefice massimo). Судя по всему, Кампензе, выходец из Голландии, писал на латыни, и его сочинение было переведено на итальянский язык и издано впервые в Венеции в 1543 году.

³⁷ **Павел Иовий** по прозвищу Новокомский (1483–1552) — священнослужитель, историк и врач. В своих трудах он осветил современный ему исторический период, составил биографии выдающихся людей и оставил потомкам летопись Итальянских войн — не только как современник, но и очевидец некоторых сражений. Его сочинение о России основано на сведениях, полученных от Дмитрия Герасимова, прибывшего из Москвы в Рим в 1525 году посланником Василия III к папе Клименту VII. Павел Иовий, он же Паоло Джовио (Paolo Giovio), написал «Книгу о московитском посольстве» на латыни, отметив учёность своего русского собеседника, также знавшего латынь. Любопытно, что в Венеции в 1525 году была напечатана карта Московии, составленная по рассказу того же Герасимова, «посла Диметрия»: *Moscoviae tabula relatione Dimetrij legati descripta*.

³⁸ Англичанин Джайлз **Флэтчер** (ок. 1548–1611) приезжал в 1588 году в Москву с целью уладить отношения между английской «Московской компанией» и русским правительством. В 1591 году в Англии вышло его сочинение «О Русском государстве» (*Of the Russe Common Wealth*).

³⁹ **Брабáнех** — Брабант, одна из провинций Нидерландов.

⁴⁰ **Шпáнская** — Испания; в других документах той эпохи писали также *в Шпанех*. Конец этой цитаты непонятен: «за посмех дешев нет провоска». И. М. Кулишер в книге «История русской торговли до девятнадцатого века включительно» (СПб., 1923) приводит этот отрывок в своей редакции или же цитирует из другого, схожего, документа: воск — «с кем будешь стовариваться имайся продать за 100 берковец, да наперед спросити: по сколько пуд в круге делают в Голанской земле воску? Ныне *на посмех дешев, нет провоза*». Если верить словарям и толкователям, *за посмех* означает *напрасно, зря*, а *на посмех* (как у Кулишера) — *на осмеяние, в насмешку*; оба объяснения не помогают понять фразу в том виде, в котором она приведена Прыжовым. В одной челобитной, составленной не позднее 1589 года, читаем: «Дают нам за тот воск по полутара рубли, а нам, государь, стало втридороги харчу всякому человеку по 100-у руб., жили *за посмех*, держат сильно, а товару у нас заморского нету никакова». Возникает вопрос: купцы, составители челобитной, *жили напрасно* или подвергались чьим-то на-

смешкам? В очерке С. Ф. Платонова «Иван Грозный» взятое в кавычки *за посмех* можно понимать как *в шутку, ради развлечения*: «Его опричники не стеснялись «за посмех» убивать беззащитных людей, грабить и насиловать их».

По поводу воска: его делали кругами, как сыр. Круг новгородского воска весил сначала около восьмидесяти килограммов, к концу XIV—началу XV века вес одного круга достигал уже ста шестидесяти килограммов. На каждом круге воска ставилась печать; воск различался по качеству: первый сорт был белого цвета, второй сорт — тёмно-жёлтого или светло-коричневого цвета, а воск третьего сорта был бурый или серым.

⁴¹ **Стюверш**, современное **стювер** (от голл. **stuiver**) — вышедшая из употребления голландская денежная единица и монета, равная одной двадцатой гульдена. Написание *стюверш* встречается в документах XVI и XVII столетий, особенно в советах и наставлениях русским купцам, делающим покупки в Западной Европе, в частности в *Голанте*, то есть в Голландии, например: «Анису фунт, коли дешев, 8 денег плати, а дорог — 3 алтына; в Голанте платят фунт по 10 стювершей, а стюверш — русские две деньги».

⁴² Непонятно, какой мерой является **легин**. Может быть, ошибка у Прыжова или опечатка первого издателя, переходящая в последующие издания? Редкий читатель задумывается над действительным существованием или сомневается в правильном написании каких-либо берковцов, стювершей, олуев... Тот, кто сомневается и задумывается, ищет источник, из коего автор, в данном случае И. Г. Прыжов, мог позаимствовать сведения, в данном случае о продаже мёда и патоки. Источник, «Расходная книга Богословского монастыря», сообщает, что в сентябре 1692 года было куплено «Свеч сальных две сотни, дано 13 алтын 2 деньги... Куплены муромских 200 легинов меду и шесть пуд патоки...» Больше нигде нам не удалось обнаружить искомый **легин**, и остаётся предположить, что это вариант слова *лушно* (лукошко, короб из лыка).

⁴³ Бортник имел право нарезать себе лыка и свить из него **лазиво**, или **лэзиво**, **лазеве** — так называли плетеницу, бортническую плетёнку — верёвку для влезания на высокие деревья для добычи мёда из бортей. Концы лазива, или плети, попеременно захлёстывались вокруг ствола, образуя петли-стремена, используя которые бортник поднимался по стволу дерева. Подробное описание слова *плеть* см. у В. И. Даля в гнезде **Плести**.

Бортник имел также право сделать из лыка *лазын* (в других списках написание *лазбень, лазамень*); у того же Даля мы находим объяснение под глаголом *лазять*: *лазбень* коробья, кадушка с крышкой вместо сундука.

⁴⁴ Во фразе, в том виде, в котором она попала в печать, на первый взгляд, нет логики: как будто тот, кто рубит лес, *обязан... шкoды чинить*, то есть *обязан портить*. Должно быть запрещающее: *обязан не портить*, или: *не должен, не имеет права портить*. Обратившись к Статуту Великого княжества Литовского за 1588 год, мы находим в Десятом разделе: «А кгда пуцу свою ростеребливати всхочеть, *не маеть* бортьямъ и дереву борьтному жадное шкoды чынити.» Всё зависит от того, как понимать слово *жадный*: как *какой-либо, всякий* или как *ни один, никакой*. В первом случае переводим: *не должен* бортям и бортному дереву *какой-либо* вред причинять. Видимо, Прыжов считал, что *жадный* само по себе несёт отрицание (ни один, ни единый, никакой), и опустил *не маеть* (не должен).

⁴⁵ **Копá** в западных говорах — полтина медью, пятьдесят копеек (другие источники утверждают, что шестьдесят копеек). Прыжов приводит примеры из документов, написанных в областях, прилегающих к Литве и Польше, так что здесь имеются в виду литовский и польский грош. (Русский грош, введённый в оборот в 1654 году, был монетой в две копейки.) В сочетаниях «три копы грошей», «шесть рублей грошей» *грóши* значит просто *деньги*. Формулировку «если бы кого з лицом поймано» нужно понимать так: *если кого схватят с поличным*. Схваченного могут «сказать на горло» — приговорить к смерти, не обязательно к обезглавливанию, как можно подумать, видя в тексте *горло*. Ниже, в главе XV, мы встречаем «горлом карати», то есть карать смертью.

⁴⁶ **Михалóн**, которого обычно называют **Михалóн Литвiн** (латинское написание его имени **Michalon Lituanus** значит буквально **Михалон Литовский**), — автор сочинения «О нравах татар, литовцев и москвитян»; этот труд, написанный на латыни в 1548–51 годах, был издан в 1615 году в Швейцарии. Часть современных исследователей склоняется к мнению, что под псевдонимом скрывается Венцеслав (Венцлав, Вацлав) Миколаевич, живший около 1490–1560 годов. Миколаевич был литовцем по национальности и, что важнее, состоял латинским секретарём при канцелярии великого князя Княжества Литовского (в 1534–42 и 1547–55 годах).

⁴⁷ В текущем столетии указывает, конечно, на XIX век. В до-революционных изданиях эта глава имела ещё один параграф с припиской автора: О теперешнем положении Полесья, до сих пор ещё необычайно богатого мёдом, смотри «Вестн. Юго-Западн. России», т. III, кн. VIII, стр. 117.

⁴⁸ **Мы́то, мыт** — пошлина за ввоз, провоз товара; по мнению Прыжова, которое он изложил прямо в тексте, слово *мыто* восходит к древневерхненемецкому *muta* и пришло в русский через верхненемецкое *manth*, имеющее значение *таможня*. В своём «Этимологическом словаре» Макс Фасмер приводит в качестве источника только *muta* со значением *пошлина*.

⁴⁹ **Лукна́, лоукна́** — лукно́: берестяной короб, плетёная корзина, лукошко. Это также старинная мера ёмкости для сыпучих продуктов, икры и мёда. В Русской правде читаем: «за кормъ, и за вологу, и за мяса, и за рыбы 7 кунъ на неделю, 7 хлебовъ, 7 уборковъ пшена, 7 луконь овса на 4 кони». Некоторые исследователи предполагают, что лукно могло быть размером в четыре, пять и шесть пядей и вмещать по восемь, десять и двенадцать пудов соответственно. Ниже в летописных цитатах встречается *зобница* — это была мера для зерна и других сыпучих продуктов в городе Пскове, в зобнице было два *позобенья*. *Оков* — то же, что и кадь, ещё одна хлебная мера; *оков* — от названия кадки, которой меряли сыпучие продукты и которую для прочности оковывали обручами. *Наса́дка*, иногда *носáтка* — старинная единица вместимости для вина, мёда, пива, кваса; некоторые источники сообщают, что новгородская насадка равнялась двум с половиной вёдрам. *Сак* — холщовый мешок для перевозки хмеля, овса и подобных сухих продуктов.

⁵⁰ **Тамга́** — клеймо, штемпель. В текстах, которые цитирует Прыжов, *тамга* подразумевает *мыт, таможенную пошлину*, после уплаты которой на товар накладывалось клеймо владельца тамги. (От слова *тамга* образовано современное *таможня*; был и глагол *тамжа́ть* — клеймить товар, ставить на него печать после получения пошлины).

⁵¹ В. И. Даль в своём «Словаре» объясняет нам, что слово **ва́ря** в старину имело значение: место или заведение, где варились пива и мёды, варня. Полезно принять во внимание и другие значения этого слова, которые, на наш взгляд, объясняют слова *ва́ра, прова́ра, перева́ра*, встречающиеся в цитатах из древнерусских летописей и документов: **ва́ря 1.** арх. вологодск. мера, количество чего, для сварения за один раз: *возьми капусты на одну варю. 2.* количество

напитка, сваренного за один раз, одним затором: *мы сварили на свадьбу три вари браги, да одну варю мёду.*

⁵² **Волостель**, управитель волости от имени великого князя или удельного князя, не получал государственного жалованья, он «кормился» за счёт населения, платившего налоги.

⁵³ Некоторые усматривают в действиях царя некую хитрость: напугав русских людей, склонить их к тому, чтобы они больше покупали и продавали на своём, внутреннем рынке. Однако, читая «Историю» С. М. Соловьёва, убеждаешься, что причиной запрета было всё-таки суеверие. «В 1632 году царь писал псковским воеводам: *Писали к нам из Вязьмы воеводы наши: посылали они за рубеж для вестей лазутчиков, и те лазутчики, пришед из-за рубежа, сказывали им, что в литовских городах баба-ведунья наговаривает на хмель, который из Литвы возят в наши города, чтоб этим хмелем на людей навести моровое поветрие.* Вследствие этого запрещено было, под опасением смертной казни, покупать хмель в Литве. В июне 1635 года приехал в Москву силистрийский митрополит Иоаким с просьбою о милостыне и говорил, что был он в Царе-граде, и патриарх Кирилл приказывал ему известить государю и его ближним людям тайно, чтоб государь велел своё здоровье остерегать от грамот турецкого царя и от подарков его: не было бы какого насылочного дурна от турецкого султана в грамотах и подарках, потому что на государя султан имеет досаду за мир с польским королём.»

⁵⁴ **Вётская** (или **Вёдская**) **пятаина** — одна из пяти областей, на которые делилась Новгородская земля с конца XV до начала XVIII столетия. Пятаина включала шесть уездов. (Названия остальных пятин: Обонежская, Деревская, Шелонская, Бежецкая.)

⁵⁵ Написание **Петр~~о~~вщины** с прописной буквы указывает как будто на населённый пункт. В Новгородской области есть деревня Петровщины, и можно подумать, что она должна была платить налог в один рубль, отпускать пиво и мёд с каждой варки... Если познакомиться с текстом договора, возникает ощущение, что петровщина — не название, а какая-то подать: «А на Молвотицях взяти ти два рубля, а тиуну рубль за петровщину; а на Кунске взяти ти рубль; а на Стержи тритцять куниц да шестьдесят бел; а с Моревы сорок куниц да восемьдесят бел, а петровщины рубль; а в осенине полрубля; а в Жабне дватцет куниц да восемьдесят бел, а в петровщины рубль, а мед и пиво с перевары по силе... А в Лубокове и в Заклинье по две куници и по две бели, а петровщины

сорок бел.» Обратившись к «Словарю» В. И. Даля, мы узнаём, что Петровщина — июньские празднества в честь Петра и Павла, и когда-то *Петровщина* была сроком для сбора податей и сами эти подати в пользу наместников, тиунов, судебных чинов. Здесь упоминается и *осенина* — это осенний сбор урожая и также руга, то есть осенняя подать, плата хлебом или деньгами на содержание духовенства.

⁵⁶ Справка из энциклопедии Брокгауза и Ефрона даёт иное объяснение, не как Прыжов: **прова́ра**, или **перева́ра**, **ва́ра** — это «податная единица... Первое сведение об этой единице относится к 996 г., когда, по Несторовой летописи, Владимир после постройки церкви *створи праздник велик, варя 300 провар меду...*» В «Словаре» В. И. Даля есть *прова́р* в следующем значении: «Меньший против должного выход пива или мёда из затора.» Последнее толкование не подходит для объяснения *провара* в летописных текстах, приводимых Прыжовым, да и определение Брокгауза и Ефрона как будто уводит в сторону. Мы считаем, что нужно обратиться опять же к В. И. Даля и его толкованию слова *ва́ря* (о котором мы говорили выше): «количество напитка, сваренного за один раз, одним затором». Тогда понятно: и при князе Владимире и позже в Новгородской земле пивовары делали столько-то варок, или провар, на каждую шло столько-то солода или мёда, каждая давала выход столько-то вёдер, и в новгородских селениях при каждой варке (каждом проваре, переваре) пива или мёда пивовары отдавали какое-либо количество изготовленного напитка в качестве пошлины тому или иному управителю.

⁵⁷ Мордвин «Ивашка» **Кельдяев** был проводником, когда в 1552 году Иван IV вёл свои войска на Казань.

⁵⁸ **Балахонской**, видимо, указывает на город Балахна́ в Нижегородской области.

⁵⁹ Уильям Гладстон (1809–98), будучи премьер-министром Великобритании, перераспределил налогообложение: его правительство в 1880 году отменило налог, введённый в 1697 году, на солод, используемый для производства пива и виски, и учредило налог на пиво (точнее, на сусло — в размере 6 шиллингов 3 пенса за кадь, равную 36 галлонам).

⁶⁰ Доступные русские источники пишут только во множественном числе: *капелеи*. В единственном числе, видимо, будет *капелёя*. Уточняем, что греческое *κάπηλος* и латинское *сауро* можно перевести как *трактирищик*.

Не ясно, что такое *саура* у Прыжова. *Сауропа* (лат.) — таверна, где имелись комнаты для проживающих, или питейное заведение, где подавалось вино и еда. Владельцем подобного римского трактира, здесь мы согласны с Прыжовым, был *сауро*. Питейное заведение для низших слоёв общества и рабов имело другое название — *порина*. В латыни нет глагола *пино*, так что, по-видимому, Прыжов имел в виду древнегреческое *πίνω* (пить). Постоялый двор у римлян назывался *taberna*, откуда современное *таверна*, пришедшее в русский язык из французского.

⁶¹ Римский историк Кассиус Дио пишет, что Клавдий распустил клубы (которые, видимо, собирались в портиках) и закрыл таверны, где проводила время чернь; некоторые исследователи считают, что закрывались, хотя и ненадолго, питейные заведения того типа, который назывался *порина*.

⁶² В современном переводе книги, известной как «История Августов» (она же «Авторы жизнеописаний Августов» и «Властелины Рима»), упомянутая друидесса не является хозяйкой описываемой корчмы: «Когда Диоклетиан, сказал он, находился в харчевне в Тунграх в Галлии, имел ещё небольшой военный чин и подводил вместе с какой-то женщиной друидессой итог своим ежедневным расходам, она сказала ему: Ты слишком скуп, Диоклетиан, слишком расчётлив». Заметим, что в «Истории Августов» переплелись историческая правда и вымысел, и, не отрицая, что книга представляет собой занимательное чтение (прежде всего, благодаря вымыслу), мы вспомним высказывание одного из текстологов, что «Историей» можно пользоваться с «величайшим сомнением и осторожностью». Флавий Вописк (Flavius Vopiscus), как и остальные авторы указанного письменного памятника, не известны никакими другими трудами, и высказывались предположения, что «История Августов» была составлена каким-то одним человеком и приписана коллективу из шести выдуманных историков. Имя *Вописк* распространённое (это название ребёнка, выжившего при рождении близнецов), и в истории можно встретить какого-нибудь Флавия Вописка из другой эпохи, известного другими занятиями. Так или иначе, если придерживаться общепринятому определению друидов, в этой касте жрецов не было женщин, и если не путать кельтов с германцами, невольно усомнишься в достоверности сцены, где друидесса обслуживает в древнегерманской корчме будущего римского императора.

⁶³ **Nobiskrug** — в германской мифологии так называлась последняя остановка умершего человека в этом мире перед уходом в

мир иной. По какой-то причине или без всякой причины *Nobiskrug* стало популярным названием таверн, пивных и постоянных дворов в Северной Германии. В средненемецком *Krug* означало *таверна, постоянный двор*; возможно это слово не связано с современным *Krug* (кувшин, кружка), хотя они кажутся родственными по происхождению и значению. Наше бъяснение не проясняет, правда, смысл всей прыжовской фразы «не здешняя, чёртова корчма».

⁶⁴ **Rathskeller** у Прыжова, возможно, усечённое *Rathauskeller*. Сегодня мы встречаем написание *Ratskeller*, где *Rats* даёт понять, что винный подвал (*keller*) находится в здании городского правления, в ратуше (*Rat*). Винодельня в Бременской ратуше дожила до наших дней, это одна из достопримечательностей города. Хайнрих Хайне (традиционно *Гейне*) в стихотворении «*Im Hafen*», описывая с восторгом означенный погреб и подаваемое там вино, возносит хвалу хозяину погреба, который, возможно, сам был и виноделом: «*Du braver Ratskellermeister von Bremen*», «*Der brave Mann!*»

⁶⁵ С помощью немецкого **Gasthaus** Прыжов, похоже, передаёт английское *guest-house* (постоялый двор, гостиница). Фраза о том, что в XVII веке в каждой английской деревне была корчма с раздушенным бельём, с кружкой доброго эля и с обедом из форелей как будто позаимствована из приключенческого романа, далёкого от исторической правды.

⁶⁶ Прыжов называет источник, откуда им почерпнуты столь подробные сведения о происхождении слова *cabaret*: *Delvau. Cafés et cabarets de Paris*. Заметим, что Альфред Дельво (1825–67) был не языковедом, а журналистом с бойким пером, он выпустил несколько популярных книжек по истории Парижа, о названиях его улиц, о его живописных и злачных местах... Работа, которой доверился Прыжов, называется полностью «*Histoire anecdotique des Cafés & Cabarets de Paris*» (1862), и одно только присутствие слова *anecdotique* сообщает о научной несерьёзности данного произведения. Прыжов приводит объяснение исходя из латинских глаголов *ex-cavare* (долбить, выдалбливать) и *fodere* (рыть, копать). В других и, видимо, более информированных справочниках, можно ознакомиться с такой версией: французское *cabaret* идёт от среднеголландского *cabret*, заимствованного из старофранцузского диалектного *camberete* (комнатка), что было уменьшительной формой существительного *cambre*, которое восходит к латинскому *camera* (отсюда и русское *камера*). Авторитетный Оксфордский словарь

относит первое упоминание *cabaret* к XVII веку и, воздерживаясь от домыслов, считает происхождение этого слова неясным.

⁶⁷ Даём перевод французских слов из описания парижских кабачков: *veuve* — вдова; *mère* — мать, мамаша; *brave femme* — славная женщина; *mongeoire* (видимо, вариант *mangeoire*) — едальня, столовая; *madame* — госпожа, сударыня.

⁶⁸ Антон Осипович **Мухли́нский** (1808–77) был ориенталистом, изучал восточные языки, затем преподавал в Санкт-Петербургском университете на восточном факультете, состоял профессором турецко-татарского языка, так что понятна его склонность находить корни славянских слов в персидском и турецком. Исследователи с другими склонностями видят связь *корчмы* со словом *корчага*, проводя аналогию с немецким *Krug*, которое (может быть, и случайно) имеет значения *кувшин* и *трактир*. Высказывалось также мнение, что словом *корчма* первоначально называли хозяйство на раскорчёванном месте.

⁶⁹ Мартин Галл, он же Галл Аноним (конец XI–начало XII века) — польский летописец, писавший на латыни. В частности, он описывает поход Болеслава II по прозвищу Смелый на Русь, чтобы водворить на киевском престоле Изяслава Ярославича, названного здесь «знатным человеком, своим приближённым»: «Он, храбро вторгшись в земли Руси, сразился во многих сражениях с князьями Руси и, победив их, достиг города Киева. Хотя киевляне какое-то время и сопротивлялись ему, однако долго оказывать ему сопротивление не могли и сдались на милость победителя... Самую Русь сообразно с нуждами своими личными и своего войска обложил данью, особенно съестными припасами... Поставил начальником над русскими князьями знатного человека, своего приближённого.»

⁷⁰ Стёфан Душан (1308–55) — сербский король, создавший на Балканах крупное государство, в которое входили Македония, Эпир, Фессалия, часть Фракии; в 1346 году Душан получил новый титул «Царь сербов и греков».

⁷¹ **Винодóльский зако́н** — сборник правовых норм, главным образом по судоустройству, судебному процессу и уголовному праву. Сборник составлен в 1288 году в Винодоле, написан глаголицей на хорватском языке, он содержит 77 статей, юридически оформляющих отношения, установившиеся в области Винодол после того, как она перешла в 1225 году от венгерского короля Андрея II к князьям Крским.

⁷² Современные кашубы, чью численность трудно определить, проживают в северо-западной Польше, на территории бывшей Померании, а город Колобрег, упомянутый Прыжовым, известный также под немецким названием Кольберг, фигурирует теперь как польский Колобжег. Некоторые считают кашубский, или поморский, язык самостоятельным, другие называют его диалектом польского языка.

⁷³ В доступных нам современных источниках нет упоминаний о Бондарувне, и остаётся домысливать, что песня — вариант устных рассказов, в которых фигурирует «удалой» пан Каневский, он же Микола Потоцкий, польский магнат: однажды, увидев в Немирове хоровод девушек, он погнался за одной из них, дочью бондаря (бондаревной). Девушка стала убегать от Каневского, гайдуки погнались за нею, поймали, и пан хладнокровно застрелил её «з рушниці» (из ружья). В народной поэзии существовала также история о Немеривне. Богатый польский пан подпоил старуху и выкупил её дочь. Прожив у пана один день, девушка убежала и пошла, босая, по голой степи. Пан догнал её, привязал в наказание к своему коню и потащил по колючкам. Кончается история тем, что Немеривна просит у пана нож, чтобы вытащить шипы, вонзившиеся ей в ноги, и убивает себя ударом в сердце.

⁷⁴ Прыжов, без оговорок привлекая в свидетели Адама Бременского и Дитмара Межиборгского, снижает достоверность собственных изысканий. В сведениях Адама **Бременского** (?—после 1081) о землях, лежащих к востоку от Германии, красочный вымысел преобладает над крупными исторической правды. Например, Балтийское море простирается у него до Греции, а среди невиданных чудес на его берегах чуть ли не русалки сидят на ветвях: «Оный залив местные жители называют Балтийским, так как он тянется через области скифов вплоть до Греции на большое расстояние наподобие пояса... Его также именуют морем Варварским, или Скифскими водами... Говорят, где-то на берегах Балтийского моря обитают амазонки, их страну называют теперь раем женщин. Иные рассказывают, что амазонки становятся беременны, выпив воды. Другие говорят, что они зачинают либо от проезжающих купцов, либо от тех, кого берут в плен, либо, наконец, от чудовищ, которые в этих землях не редкость. Последнее, полагаем, наиболее вероятно. Когда же дело доходит до родов, то оказывается, что, если плод мужского пола, это циноцефал, а если женского, то совершенно особая женщина, которая будет жить вместе с другими такими же,

презирая общение с мужчинами... Циноцефалы — это те, которые носят на плечах (пёсью) голову. Их часто берут в плен в России, а говорят они, мешая слова и лай...» Дитмар **Межибóргский**, он же Титмар **Мерзебóргский** (975–1018), писал о Киеве со слов польских воинов, участвовавших в походе короля Болеслава на Русь; немецкий хронист явно преувеличивает, называя Киев городом 400 храмов и 8 рынков с неисчислимым населением.

⁷⁵ **Свобóда**, видимо, следует понимать здесь как *слободá*.

⁷⁶ **Новгорóдская скра** — свод правил, которые должны соблюдать иностранные, прежде всего, немецкие, купцы, торгующие в Новгороде. В скрах подробнейшим образом прописывались, что разрешено или запрещено, и в одном из вариантов скри пункт 114 гласит: «Пусть знают все, которые видят эту грамоту и слышат её чтение, что старосты и их помощники, и объединённые купцы, которые тогда были в Новгороде, решили единодушно на общем собрании, что пивовары, которые продают пиво, не должны стоять на Готском дворе, пока существует двор св. Петра, так как из-за этого купцы имели много неприятностей и много упрёков по этому поводу со стороны русских. Поэтому мы единогласно постановили, что никакие продавцы пива, которые продают пиво, не должны находиться на этом (дворе); если (это) случится, то те старосты, (что) примут на постой продавцов в вышеназванный двор, должны уплатить штраф в 10 марок серебра св. Петру, от чего не могут быть освобождены».

⁷⁷ **Наузотвóрец** — колдун, знахать. Буквально, это тот, кто делает наузы — обереги. В старину науз был частью сбруи: ремень, кисти, бляхи подвязывались под шею лошади и служили не только украшением, но и оберегом. Слово *науз*, или *наузд*, стало обозначать любой оберег, ладанку, талисман, не только привязанный к узде. Был и глагол *наузить*, одно из значений которого: знахарить, заговаривать, нашёптывать.

⁷⁸ Амвросий **Контарíни** (Amrogio Contarini) был направлен Венецианской республикой в Персию, чтобы склонить шаха к союзу против турок, чьё могущество в то время возрастало. Путь Контарини лежал через Польшу и Россию, с правителями которых он также вёл переговоры о совместных действиях против турок. В 1477 году Контарини вернулся в Венецию, а через десять лет были опубликованы его путевые заметки.

Приводим отрывок из этих заметок: Контарини пишет о Москве и москвичах; в последнем предложении, начиная со слов *по-*

сле этого, мы находим перевод той фразы, которую воспроизводит по-итальянски Прыжов: «Они величайшие пьяницы и весьма этим похваляются, презирая непьющих. У них нет никаких вин, но они употребляют напиток из мёда, который они готовят с листьями хмеля. Этот напиток вовсе не плох, особенно если он старый. Однако их государь не допускает, чтобы каждый мог свободно его готовить, потому что, если бы они пользовались подобной свободой, то ежедневно были бы пьяны и убивали бы друг друга, как звери.

Их жизнь протекает следующим образом: утром они стоят на базарах примерно до полудня, потом отправляются в таверны есть и пить; после этого времени уже невозможно привлечь их к какому-либо делу».

⁷⁹ Сноска Прыжова: Библиотека иностранных писателей о России. Т. 1. Спб., 1836, с. 59, 111, 179 и др.

⁸⁰ Барон Зигмунд фон **Хёрберштайн** (Siegmund Freiherr von Herberstein), традиционно именуемый у нас Сигизмундом **Герберштэйном** (1486–1566) — австрийский дипломат, географ и историк. В 1508 году он получил баронский титул от Максимилиана I, императора Священной Римской империи. Дважды, в 1517 и 1526 годах, Херберштейна направляли в Москву с дипломатическими поручениями, и затем он описал свои впечатления о России в книге «*Rezum Moscoviticarum Commentarii*», вышедшей 1549 году и известной у нас как «Записки о Московитских делах» и «Записки о Московии».

⁸¹ Александр **Гваньино** (1538–1614) — итальянец, уроженец Вероны, служивший в армии польских королей. Он участвовал в войнах с Россией, принял польское подданство, в течение восемнадцати лет был комендантом Витебска. Гваньино составил «Описание всей земли, подчинённой царю Московии», используя в качестве главных источников «Записки о Московитских делах» Сигизмунда Герберштейна и «Краткое сказание о нравах и жестоком правлении тирана Московии Васильевича», сделанное Альбертом Шлихтингом. В современном переводе сведения Гваньино о Наливайках, или Наливках, читаются следующим образом: «За рекой отец нынешнего государя Василий выстроил для своих телохранителей и для разных иностранцев, а именно, поляков, германцев и литовцев (которые от природы привержены Вахху), город Наливки, получивший название от налитых бокалов. И там у всех иностранных солдат и пришельцев, а также у телохранителей го-

сударя имеется полная возможность всячески напиваться.» Некоторые исследователи предпочитают называть итальянского автора *Гваньини*: видимо, оба варианта выводятся наугад из латинского *Guagninus*.

⁸² Прыжов поставил знак вопроса после непонятных слов; заметим только, что в польском есть слово *siepacz*, которое значит *палач*, есть *popiecznik* — *пособник* и, как написано у Прыжова, *сторонник*; быть может, *сеначи* — намёк на приспешников Ивана Грозного, а *поллечники* — неправильно услышанное или записанное *опричники*?

⁸³ Сноска Прыжова: В летописи под 1470 годом сказано, что весь Новгород всколыхался словно пьяный, а Беляев в своей «Истории Новгорода» переводит это место так: «Богатая молодёжь выпустила пьяниц, собранных из кабаков». Заметим ему, что Новгород 1470 года совсем не знал, что такое кабаки...

⁸⁴ **Недэльщик** — судебный пристав, доставлявший обвиняемых в суд. Ему предписывалось помимо перечисленного не держать «зернщиков, подпищиков» — то есть игроков в кости и тех, кто зарабатывал подделкой чужих подписей.

⁸⁵ **Кормлѣние** — государственная должность с содержанием от казны; город, волость или место (вне столицы), которые человек получал в управление, и само жалованье, которое управитель (кормленщин) получал от государства.

⁸⁶ Тимофей **Каменѣвич-Рвѳвскій** (конец XVII века) — монах Холопьего монастыря, называемого «Холопий, что на песку». Рвовский составил по разным источникам труд «О древностях Российского государства» (1669 год), которым пользовался, в частности, Н. М. Карамзин при написании своей «Истории Государства российского». Описывая ярмарку на Мологском лугу близ Холопьего Городка, Рвовский сообщает, что корабли купцов так плотно стояли в устье реки Мологи, что можно было перебираться по ним с одного берега на другой.

⁸⁷ Сноска Прыжова: С. Герберштейн. Записки. Спб., 1866, с. 119.

⁸⁸ Из послания новгородского архиепископа Геннадия (?–1505) митрополиту Симону. Геннадий, призывая беспощадно расправляться с «еретиками», был смущён их образованностью и, сетуя на малограмотность своих сподвижников, выступал за создание училищ для духовенства.

⁸⁹ Примечание Прыжова: Вельяминов-Зернов. Исследование о Касимовских царях и царевичах; Хартахай. Историческая судьба

крымских татар; Савваитов. Описание старинных царских утварей; Muchlinski. Zródlosłownik и др.

⁹⁰ Сноска Прыжова: Китайское *чин*, перешедшее через монголов, случайно сходствует звуками с славянским *чин* (действие, *factum*).

Заметим, что, в отличие от Прыжова, лингвисты объясняют *чиновник* именно от старославянского *чинъ*; глагол *чинить* у В. И. Даля имеет первым значением *делать, творить*; *чиновник* объясняется как: служащий человек, получивший чин.

⁹¹ Степан Петрович **Шевырёв** (1806–64) — литературный критик, издатель и редактор, поэт; с 1837 года — профессор Московского университета; в 1847 году возглавил кафедру истории русской словесности и в том же году был избран академиком Петербургской Академии наук.

Лыбыпытен отзыв Н. А. Добролюбова о деятельности Шевырёва на поприще русской словесности: «Деятельность г-на Шевырёва представляет какой-то вечный промах, чрезвычайно забавный, но в то же время не лишённый прискорбного значения. Как-таки ни разу не попасть в цель, вечно делать всё мимо, и в великом и в малом... Пустился г-н Шевырёв в критику — и произвёл в «поэты мысли» г-на Бенедиктова, который тем именно и отличается, что поэзия и мысль у него всегда в разладе... Что ни делал г-н Шевырёв, производил ли слово *зефир* от *севера*, изъявлял ли желание взобраться на Александровскую колонну, толковал ли о великом значении Жуковского... везде его деятельность ознаменовывалась самыми несчастными промахами. Так случилось и с лекциями г-на Шевырёва о русской словесности. На первых книжках его курса было прибавлено: история словесности, *преимущественно древней*, и это подало повод одному писателю справедливо заметить: то есть *преимущественно того времени, когда ничего не писали*.

⁹² **Серапiон** (?–1275) — епископ владимирский, автор «Слов», или «Поучений», в которых он проводит мысль о том, что вторжение татар — наказание за неисполнение христианских заповедей.

⁹³ **Семион**, или **Симеон**, **Бекбулатович** в 1575 году был посажен на царство Иваном Грозным, который дал ему титул «государь великий князь Симеон всея Руси». Причины этого «политического маскарада», как назвал В. О. Ключевский прихоть Ивана Грозного, непонятны; так или иначе, в течение 11 месяцев бывший касимовский хан Саин-Булат формально правил Россией. По поводу татарской родословной Годунова мнение Прыжова совпадает со сведениями, которые приводит энциклопедический словарь Брокгауза и

Ефрона: «Род Годуновых... происходит по родословцам от татарского мурзы Чета, в крещении Захарии, который выехал из Орды к великому князю московскому Ивану Даниловичу Калите».

⁹⁴ Сноска Прыжова: Хлебное вино, при первом появлении своём в Европе, названо было *водою жизни, aqua vitae*, и с этим именем перешло в южную Русь: *оковита*. По способу приготовления водки её называли на Украине *горилкой*; сербы и северо-восточная Русь прозвали её *водой*: русское *водка*, сербское *водица* (В. Кар. Посл. 194).

Дополним рассуждения Прыжова мнением В. И. Даля, который, судя по всему, предполагал, что *водка*, может быть, идёт от *оковита*. Даль внёс в свой «Словарь» слово *оковитка*, имевшее хождение в западнорусском и южнорусском говорах, называя его заимствованием из польского с латинского *aqua vitae*, с таким объяснением: водка, пенное вино (не от этого ли и *водка*?).

⁹⁵ Сноска Прыжова: *Балчуг* — татарское слово, значит *топь, грязь*. Балчугом и теперь называется место между мостами Москворецким и Цепным.

⁹⁶ Сноска Прыжова: О слове *кабак* см.: С. Б. Линде. Материалы для сравнительного русского словаря. Варшава, 1845; Н. И. Новиков. Древняя российская вивлиофика. Ч. 5. Спб., 1774, с. 7, 141, 143; В. Н. Татищев. Лексикон российский исторический, географический, политический и гражданский. Спб., 1753.

⁹⁷ **Шахán-Гирéй**, или **Шихín Гирéй** — последний крымский хан перед присоединением Крыма к России в 1783 году.

⁹⁸ Город **Коломýя** впервые упоминается в Галицко-волинской летописи в записи о событиях 1240 года, когда галицкие бояре, формально признавая власть великого князя Даниила Романовича Галицкого, «сами всю землю держали». Откуп, о котором пишет Прыжов, касался соли. Выдержка из современного перевода: «Доброслав Судыч, внук попа, вокняжился, и грабил землю... и всё Понизье захватил без княжеского повеления... И был великий мятеж в земле и грабёж от них. Даниил, узнав об этом, послал своего стольника Якова к Доброславу с великим укором, говоря им: *Князь ваш — я. Вы не исполняете моего повеления, грабите землю. Я не велел тебе, Доброслав, принимать черниговских бояр, а велел дать волости галицким. А Коломыйскую соль отпишите на меня*. Тот сказал: *Пусть будет так*. В то время, когда Яков сидел у него, пришли Лазарь Домажирич и Ивор Молибожич, два беззаконника, родом смерды, и поклонились ему до земли. Яков удивился и спро-

сил, почему они кланяются. Доброслав сказал: *Я отдал им Коломью*». Историк Н. И. Костомаров пишет о двух людях, возможно, взяв за источник другой список летописи: «Боярин Доброслав и Судьич, попов внук, самовольно захватили Понизье...» Но был ли один Доброслав Судьич или двое, Доброслав и Судьич, это не имеет принципиального значения при обсуждении откупов и кабаков.

⁹⁹ **Номоканон** — сборник церковных правил и государственных указов, касающихся церкви. Первые номоканоны составлялись в Византии в VI–VII веках, впоследствии они дополнялись новыми правилами. Один из византийских номоканонов лёг в основу древнерусской «Кормчей книги» (XIII в.), ставшей руководством по православному церковному праву в России.

¹⁰⁰ С. М. Соловьёв в «Истории России» пишет только об одном удачном нападении на монастырь и его частичном *разорении*: «Взволновались жители Лыскова и прислали в Курмыш звать к себе атамана Осипова... В Лыскове козаки были приняты с торжеством; но на другой стороне Волги не хотел сдаваться им Макарьевский Желтоводский монастырь, привлекавший воров богатою добычею. 8 октября воров приступили к монастырю... но монахи, служки, крестьяне и богомольцы загушили пожар и отбили воров, козаки отступили в Лысково... Отряд этого войска под начальством атамана Янка Микитинского пошёл в другой раз под Макарьев монастырь и успел захватить его: пожитки частных людей, отданные в монастырь на сбережение, были разграблены, но монастырского ничего не тронули...»

¹⁰¹ **Шалаш** — торговая палатка. Н. М. Карамзин в «Истории Государства российского» (т. 7, гл. IV) пишет: «В Кремле, в разных улицах, в огромных деревянных домах (между многими, отчасти также деревянными церквями) жили знатнейшие люди, Митрополит, князья, бояре. Гостиный двор (там же, где и ныне, на площади Китая-города), обнесённый каменною стеною, прельщал глаза не красотою лавок, но богатством товаров, азиатских и европейских. Зимую хлеб, мясо, дрова, лес, сено обыкновенно продавались на Москве-реке в лавках или в шалашах.»

Алексей Мартынов в 1878 году в очерке «Московская старина, археологическая прогулка по московским улицам» писал о шалашах и других торговых «точках» на открытом воздухе: «На Красной площади... стояли три очага, на которых жарили рыбу; тут же была и харчевня купецкого человека Ивана Турицына... В Китае-городе, под горою, около Лобного места... были две харчевни в

шалашах, покрытых лубьём, один очаг, на котором жарили рыбу, и девять шалашей с очагами, покрытых лубьём.»

¹⁰² Девятый канон предписывал священнослужителям не держать питейных заведений: «Никакому не позволено держат корчемницу. Ибо Если не позволено таковому входить в корчемницу, то кольми паче служить в оной другим, и упражняться в том, что ему неприлично. Если же кто что-либо такое соделает: или да престанет, или да будет извержен.»

¹⁰³ **Бобыль** — крестьянин, не имеющий земельного надела и, как правило, человек одинокий, несемейный; бобыли нанимались в батраки, сторожа, пастухи.

¹⁰⁴ **Вёра** в этом контексте значит *клятва, присяга*, так что *верный целовальник* — это выборный кабатчик, давший клятву исполнять работу честно, при этом он для пущей строгости целовал крест.

¹⁰⁵ **Чёрная влость** — земля, которая принадлежала крестьянской общине.

¹⁰⁶ Иоганн Георг **Корб** (1672–1741) приезжал в Москву в составе австрийского посольства и после возвращения в Вену опубликовал свои впечатления, озаглавив их «Дневник путешествия в Московское государство». Прыжов ссылается на то место «Дневника», где Корб пишет: «Хотя право на продажу водки принадлежит только царю, однако же некоторые из простого народа, называемые ямскими, продавали её в своих домах, несмотря на положительное по сему предмету царское запрещение; вследствие этого сберегатель казны Пётр Иванович Прозоровский, с целью прекратить эту противозаконную торговлю, потребовал у генерала Гордона пятьдесят солдат, которых генерал и прислал ему немедленно. Пётр Иванович послал с сими солдатами писаря, приказав ему всю водку, в означенных местах найденную, взять как запрещённый товар и доставить в царский погреб; но когда те хотели исполнить приказ, многие ямщики, собравшись гурьбой, принялись их отгонять, и в происшедшей свалке пало три солдата и многие из них ранены. Ямщики угрожали при том, что будет и хуже, если ещё раз назначат подобное преследование. Такая дерзость привела в недоумение всех лиц, облечённых властью над городом, и они не знают, как в этом случае поступить, употребить ли силу, или до времени не предпринимать никаких строгих мер.»

¹⁰⁷ **Сáрыч Шестако́в** — чердынский воевода; он составил опись заброшенного Неромкура, или, по другим источникам, Не-

ромкара, на месте которого было выстроено Верхотурье (названное так по расположению в верховьях реки Туры).

¹⁰⁸ Сноска Прыжова: Это продолжалось с 1620 по 1623 год.

¹⁰⁹ Сноска Прыжова: С. М. Соловьёв. История России с древнейших времён. Т. 9, М., 1859, с. 140.

Добавим, что историк Соловьёв, цитируя упомянутого Палицына, даёт живописнейший очерк нравов, царивших в то время в «медвежьем углу» Империи: «Притеснениями и казнокрадством отличился также мангазейский воевода Григорий Кокорев, по донесениям товарища его, Андрея Палицына: «...Который торговый или промышленный человек не придёт к воеводе, к жене его и к сыну с большим приносом, такого воевода кидает в тюрьму, да не только его самого, но и собак его посадит в тюрьму, да и берёт потом выкуп и с самого, и с собак. Когда у воеводы бывают пиры, на торговых и промышленных людей, если кто к нему, или к жене его, или к сыну принесёт мало, тому принос бросают в глаза и до ворот провожают в шею; люди воеводины берут у торговых людей на гостинном дворе товары без платы; к сыну воеводы промышленные люди ходят ежедневно продажное вино пить: кто принесёт гривну, тому даст чарку, кто принесёт две гривны, тому две чарки, и так дальше по расчёту, и как эти люди, напившись, пойдут от него со двора, то люди его кресты, перстни и пояса с них оберут, а с иных и всё платье поснимают в заклад. Затекает торговым людям напрасные посылки, велит выбрать нарочитых людей 20 или 30 и скажет службу на тундру, откуда им не воротиться, и те люди, одолжив свои головы последними долгами, от него откупаются деньгами. Исказил царский наказ и держал его в съезжей избе, а настоящий наказ скрывал у себя». Кокорев, с своей стороны, доносил на Андрея Палицына, что он держит корчму, пьянством других разоряет и сам пьянствует. Один священник, духовный отец Палицына, доносил на Кокорева; другой доносил на Палицына и на отца его духовного, обвинял их в содомских делах, воровских заводах и богомерзких словах. Палицын доносил, что Кокорев ходит в город и в церковь нарядным воровским обычаем, носят перед ним меч оберучный, как перед Расстригою, а люди его все перед ним с пищалями, саблями и со всяким оружием, как перед курфюрстом немецким, ходят; чины у него учреждены большие; холопей своих зовёт — иного дворецким, другого казначеем, иных стольниками. Когда Кокорев пойдёт в баню, то перед баню приходят к нему здороваться складчики его и советчики и попы, и на них смотря,

боясь его безмерного страха, всяких чинов люди ходят перед баню челом ему ударить; и когда жена Кокорева пойдёт в баню, то велит всем женщинам посадским приходиться челом себе ударить... Дело дошло до того, что оба воеводы вступили друг с другом в явную войну: Кокорев с своими советниками и стрельцами начал стрелять из города в посад, где сидел Палицын, и несколько человек было побито; а Кокорев в своё оправдание говорил, что он стрелял вследствие приступа к городу Андрея Палицына и его соумышленников».

¹¹⁰ **Лопский погост** — часть русского Севера примерно в границах современной Карелии; в древние времена русские называли местных жителей лопью, лопарями. *Лопский погост* было также общим названием для семи административных районов, подчинявшихся Новгороду Великому (населённых, в основном, карелами).

¹¹¹ **Онежский Крестный монастырь** был основан патриархом Никоном в 1656 году на острове Кий (при впадении реки Онеги в Белое море).

¹¹² **Князец, князёк** — начальник улуса, объединяющего у калмыков несколько родов, или управитель племени у сибирских народов.

¹¹³ Энциклопедия Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона называет Самуила Маскевича польским дворянином, офицером, участвовавшим в польском походе на Москву. Маскевич вёл дневник, в котором он описал, большей частью как очевидец, своё пребывание в России. Сообщается, что умер Маскевич (Maskiewicz) в 1619 году. Большой энциклопедический словарь (издание 1981 года) сообщает, однако, что, **Маскевич** Самуил Иванович (ок. 1580–1642) — белорусский феодал, участник польской интервенции в Россию в 1609–12, автор записок с ценными сведениями о восстании Наливайко и событиях в России в 1606–13 годах. Судя по всему, речь идёт всё-таки об одном и том же человеке. Английские источники уверенно пишут об участии «гусара» Маскевича в Клушинском сражении, состоявшемся в июне 1610 года, когда поляки одержали верх над объединёнными силами русских и шведов.

¹¹⁴ Иван Афанасьевич **Желябужский** (1638–после 1709) — государственный деятель, дипломат; его «Записки», упоминаемые Прыжовым, охватывают период с 1682 по 1709 год.

¹¹⁵ Видимо, имеется в виду Мартин **Нейгебауер**, он же **Нейбауер**, который был приглашён в 1701 году в Россию и назначен воспитателем царевича Алексея. В 1704 году его отстранили от должности

со скандалом, и недовольный Нейгебауер, вернувшись в Германию, написал памфлет о якобы жестоком обращении русских с иностранными завербованными офицерами, а затем выпустил ещё две ядовитые брошюры с критикой русских нравов и обычаев. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона называет Нейгебауера сыном данцигского бюргера, утверждая, что годы его жизни неизвестны, но в комментариях к «Докладам австрийского посла в Стамбуле» мы прочитали, что Мартин Мартинович Нейгебауэр (1670–1758), немец родом из Гданьска, был приближённым Петра I, а отстранили его от службы (без отпускных) за постоянное требование новых чинов и за неуживчивость, которая проявлялась в высокомерном отношении к другим служителям при царевице Алексее.

¹¹⁶ Примечание Прыжова: Снегирёв указывает в Москве урочище, именуемое Жемчужным перекрёстком (см.: «Прибавление» к «Московским губернским ведомостям», 1842, № 119).

¹¹⁷ Большой энциклопедический словарь (1981) сообщает, что Юрий Крижанич (ок. 1618–83) прибыл в Москву в 1659 году, в 1661 году был сослан в Тобольск, в 1676 году выехал из России.

¹¹⁸ Сноска Прыжова: «К Москве хотим, — кричали зажиточные. — К Москве, по старине!»

¹¹⁹ Сноска Прыжова: А. Палицын. Сказание об осаде Троице-Сергиева монастыря от поляков... М., 1794.

¹²⁰ См. Мартин Бер. «Летопись Московская» (гл. II).

¹²¹ Николай Сергеевич Арцыбашев (1773–1841) — историк. Его главный труд, «Повествование о России», охватывает русскую историю с древнейших времён по 1698 год.

¹²² См. С. М. Соловьёв. «История России с древнейших времён» (том VII, гл. 4).

¹²³ Маржерет, правильнее Маржерé (Margeret). По национальности француз, Жак Маржерет (ок. 1550–не ранее 1618) служил наёмником в Трансильвании и Польше, в 1600 приехал в Москву на службу к Борису Годунову. Нанявшись к Лжедмитрию, он в 1605–6 годах возглавлял его личную охрану. Вторично оказавшись в России, Маржерет сражался за Лжедмитрия II. Он участвовал в Клушинской битве (1610) под командованием польского гетмана Жолкевского, а в марте 1611 оборонялся в Кремле от восставшего московского населения. В 1611 этот искатель приключений уехал в Польшу, затем во Францию. Маржерет оставил записки (Estat de l'Empire de Russie), в которых изложены события в России с 1590 по сентябрь 1606 года.

¹²⁴ **Тушинский вор** — прозвище Лжедмитрия II, который в 1608 году, подступив к Москве, разбил свой лагерь в Тушине.

¹²⁵ **Джон Мэрик** — купец, который прибыл в августе 1614 года в Москву в качестве английского посла, с верительными грамотами короля Иакова (Якова); Мэрик брался помочь царю и боярам в решении «свейского дела», то есть в улаживании конфликта со Швецией, и одновременно он добивался больших привилегий для английской торговли. Историк С. М. Соловьёв пишет: «Ещё только подав надежду на помощь, Мэрик спешил представить просьбы своего короля. Иаков просил, чтоб позволено было англичанам ездить Волгою в Персию, рекою Обью в восточную Индию... Другая просьба: нашли английские люди новую землю, слывёт Гирлянь, пуста, людей нет, а промысел — бьют китов, моржей, берут сало и зуб рыбий и иного в ней угодья много, и оленей очень много; так государь бы пожаловал, отпустил из своей отчины, Лопской земли, людей, которые умеют оленями владеть и теми промыслами, что у них в Лопской земле, промышлять по договору, сколько человек пригоже, чтоб английским людям указали... Потом есть в царского величества земле на реке Сухоне руда железная и оловянная, так государь бы позволил из Английской земли привезти знатцев и кузнецов: они руду найдут и станут делать, а государю от этого будет прибыль, да и русские люди выучатся сыскивать и делать и тут станут жить. Да около Вологды есть много земли пустой, болотной, ни к чему не годной; государь бы пожаловал, позволил англичанам тут своих людей привести для промысла; они станут русских людей нанимать, пашню пахать, сеять лён и полотна станут делать такие, что и за море будут ходить. Бояре отвечали, что прежде всего надобно покончить свейское дело, и Мэрик отправился в Новгород для переговоров».

¹²⁶ Сноска Прыжова: А. Олеарий. «Путешествия». В издании «Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских», 1868, кн. I, гл. 4, 12.

¹²⁷ Сноска Прыжова: Судьбу А. Нащокина мы видели. Сын его жил в Литве, потом съездил в Москву, увидел, что дурно, и бежал к Данциг, а отсюда во Францию.

Заметим, что в Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона приводятся несколько иные сведения о Воине Афанасьевиче, сыне Афанасия Ордын-Нащокина: «Получив образование под руководством иноземцев, начал службу в посольском приказе, но в 1660 году, недовольный московскими порядками, убежал за

границу, уворовал, презрев неизреченную к нему милость великого государя. Побывав в Германии, Франции, Голландии и Дании и прослужив несколько лет у польского короля, он в 1665 году вернулся в Россию, с соизволения государя, разрешившего ему жить в отцовской деревне. Через год он был сослан в Кириллов-Белозерский монастырь, *под крепкое начало*, и освобождён только по заключении андрусовского договора. В 1678 году, будучи стольником, послан был воеводой в Галич-Костромской. Умер, не оставив потомства».

Уворовал подразумевает, что молодой Нащокин перебежал к польскому королю Яну-Казимиру с секретными документами и значительной суммой казённых денег. Бегство произошло, когда Воин возвращался в 1660 году из Москвы в Ливонию, где его отец был русским послом.

¹²⁸ Скорее всего, это название кабака, возможно, официально не оформленное, и мы бы написали теперь «Заверняйка». В XVII веке в Москве на Каменном, или Всесвятском, мосту стояли торговые ряды и существовал кружечный двор, кружало, *слывшее под названием «Заверняйка»*; И. К. Кондратьев в своей книге «Седая старина Москвы» (1893) пишет: «В прежнее время Каменный мост представлял совсем другой вид и обстановка его была совсем другая... На левом берегу реки с двух сторон к нему примыкали вторая стена кремлёвская и стена Белого города, сходящиеся у Всесвятской стрельницы с проезжими воротами. У отводных его быков пристроены были водяные мукомольные мельницы с плотинами и сливными воротами. На самом мосту стояли палата Предтеченского монастыря и четыре каменные палатки князя Меншикова, табачная таможня и пивной двор. На конце моста было кружало, слывшее под названием «Заверняйка». На южном конце моста было шесть ворот и палаты, над которыми возвышались два шатровых верха, увенчанные двуглавыми орлами; в палатках помещалась Корчемная канцелярия и тюрьма для обличённых в корчемстве. Под ними находились галереи, называвшиеся *верхними гульбищами*, куда сходились москвичи гулять и пить вино и пиво; из галерей деревянный сход вёл на набережную к так называемому Царицынскому лугу и к Берсенёвке. Под самым мостом был пивной ледник.» Валентин Пикуль в первой книге «Слова и дела» перечисляет некоторые названия старинных кабаков: «Эх, немало кабаков на Руси, но краше нету московских! А кто позабыл их, тому напомним: Агашка — На Веселухе — Жи-

ворыбный — У Залупы — Под Пушкой — Каток — Заверняйка — Девкины Бани — Живодёрный — Тишина и прочие (всех не перечить). Нет страшнее кабака Неугасимого...» Уже упоминаемый нами А. Мартынов приводил названия некоторых старинных кабаков и объяснял, чем был *страшен* «Неугасимый»: «Прозвища некоторых старинных кабаков: «Австерия», или «Истерия», «Агашка», «Архаровский», «Башмашной»... «Варгуниха», «На Веселухе», «Ветошная австерия»... «На Деревянном скачке»... «Зацепа», «Каковинка», «Кафиль», «Козиха», «Лупиха», «Ленивка», «Облупа», «Под Пушкою», «Разгуляй», «Стрелка», «Татьянка», «Тишина», «Труба», «Тычок»... Против Троицы под горою находился кабак под названием «Неугасимый», потому что помещался в подвале, не имевшем дневного света, а слабо освещался свечами. Мошенники, пользуясь темнотою, безбоязненно сбывали там с рук краденое плутам-покупщикам, и при поимке могли утверждать, что не в состоянии указать в лицо, кому продали похищенную вещь; уничтожением этого кабака прекращено и сие злоупотребление. В 1773 году императрица Екатерина II именным указом повелела вывести немедленно вон из Кремля находившийся у Тайницких ворот кабак, называемый «Каток», по причине частых в нём озорничеств от фабричных Суконного двора, вблизи находившегося.»

Так что в тексте Прыжова определения *большой, подпушечный* и даже *у бани*, возможно, являются названиями кабаков.

¹²⁹ Самуэл Кóблинс, или Кóблинз (1619–70) — английский врач, служивший восемь лет (1659–67) лейб-медиком при царе Алексее Михайловиче. По возвращении в Англию доктор Коллинз опубликовал, в 1671 году, своё сочинение о «Современном состоянии России» (The History of the Present State of Russia).

¹³⁰ **Заорлённые мэры** — сосуды для точного и одинакового измерения вино-водочной продукции; при Иване Грозном это были ведро, осьмуха, полуосьмуха, стопа и кружка; на каждом мерном сосуде было выбито клеймо в виде орла, отсюда и определение *заорлённый*.

¹³¹ **Фортённая избá, или фартíна** — кабак, кружечный двор. В «Словаре» В. И. Даля *фартíна* объясняется как: штоф, кварта, две кружки (мера). Прыжов уверенно говорит о том, что *фартина* произведено от *кварта*, но нам не удалось проверить в доступных этимологических источниках достоверность этого утверждения. В польском есть *kwarta* и есть *kwartyna* (со значением *четверости-*

шие, что вряд ли связано с кабацким промыслом), но в любом случае как объяснить переход начального *кв* в *ф*?

Бытописатель А. Мартынов в 1878 году брался объяснить читателям происхождение *кабацких* слов, но его толкование не отличается от прыжовского: «В старину кабаки назывались и *кружалами*, от кружек, в которых подавали вино; *фартинами*, что также означало и самую меру вина, вроде нынешнего штофа; название же *питейных домов* им дано в 1779 году». Так или иначе, Мартынов, в чём-то подтверждая, в чём-то опровергая, дополняет написанное Прыжовым, помогая современному читателю представить внешний облик и внутреннюю суть русского кабака: «В отдалённое время кабаки составляли как бы простонародные клубы; в них не только по дням, но и по целым ночам водили беседы, судя по старинным пословицам: *людей повидать, в кабаках побывать*; или: *где хотите, там и бранитесь, а на кабаке помиритесь; где кабачок, там и мой дружок*. В некоторых кабаках были харчевенные места, где производились так называемые фартинные, кегельные, басковые игры и гусёк, *не на деньги, но для прихочивания покупателей на напитки и для приумножения казённого дохода и народного удовольствия*. У кабаков на дверях на досках были гербы; возле оных в праздники помещалось нечто вроде знамён, флагов и вымпелов, а у табачных лавок на досках нарисованы были офицеры с курительными трубками. Камер-коллегия запретила эти вывески и велела над кабаками делать надписи: *В сем доме питейная продажа*, или *В сем доме (или лавке) табачная продажа*, а других никаких непристойных знаков не выставлять. Некоторое время над входами в питейные дома ставили ёлку, и так как эти заведения приносили казне доход, то и сложилась такая пословица: *Ёлка зелена денежку даёт...*»

¹³² Непонятно, почему Прыжов даёт такие именованья английскому аристократу, с которым подружился Пётр I во время своего трёхмесячного пребывания в Англии в начале 1698 года. Этого человека звали Перегрин Осборн (1658–1729), в оригинале: Peregrine Osborne. За какие-то заслуги перед короной Осборн получил в 1694 году титул маркиза Кармартенского (Marquis of Carmarthen), а в 1712 году, перестав быть маркизом, он унаследовал титул умершего отца — герцог Лидский (Duke of Leeds). Английские родословные и титулы — запутаннейший вопрос, но что точно, у английского аристократа в именованьях не могло быть немецкого *фон*, и имя *Марниц* тоже не упоминается ни одним англий-

ским источником. Похоже, Прыжов принял на веру именование в том виде, в котором его изобразил в своей челобитной «сирота» Матюшка Жданов. Современные английские источники уделяют больше внимания тому, что русского царя и английского маркиза сблизил любовь к бутылке, но при более глубоком поиске обнаруживается, что маркиз был контр-адмиралом Королевского флота и опытным конструктором военно-морских судов, это привлекло к нему русского царя, мечтавшего о создании своих военно-морских сил. Что касается табака, Перегрин Осборн, выполняя поручение английских купцов, действительно выкупил у царя право на монопольную торговлю в России табаком, выращиваемым на табачных плантациях в Вирджинии, в Новом Свете, при этом одни английские источники сообщают, что Петру было выплачено пятнадцать тысяч, другие — двадцать тысяч фунтов.

И кого называет Прыжов «бродящим по свету немцем»? Если вышеуказанного Осборна, то он, повторяем, не немец.

¹³³ **Ширóкий грош** — одно из названий пражского гроша, который называли также чешским грошем и пенязью.

¹³⁴ Примечание Прыжова: *pokatny*, от *kat* (угол, изба), то есть корчмы по домам, тайные корчмы, или заугольные шинки, как они называются в других памятниках.

Уточним написание: *kat* по-польски *палач*; *угол* будет *kat* (проносится *конт*), от него образовано прилагательное *pokatny* со значениями *скрытый*, *незаконный*, применительно к торговле можно переводить *из-под полы*.

¹³⁵ Приводим 17-ю статью в современном переводе (хотя переводчик К. И. Яблонскис, на наш взгляд, путает *корчемное вино с корчмой*): «Также постановляем и приказываем воеводам, старостам и всем державцам нашим Великого княжества Литовского, чтобы они не допускали незаконно варить пиво в корчмах в неположенных местах, а особенно тем, кто не имел бы нашего пожалования по нашему листу или листу наших предков. А поэтому приказываем, чтобы каждый из вас такие корчмы отбирал независимо от того, принадлежат ли они духовным или светским, панам и всем вообще, и забирали все те сосуды, в которых варят пиво, и доставляли бы их к нашему великокняжескому двору, потому что из-за существования таких корчм совершается много злодеяний, а также уменьшаются наши великокняжеские доходы, как и доходы тех, которые имеют пожалование по нашему листу».

¹³⁶ Слово *варити* вставлено нами.

¹³⁷ Слова *по старому* вставлены нами.

¹³⁸ Королева **Бона** (1494–1557) — вторая жена Сигизмунда I, королева Польши с 1518 года. Итальянка по рождению из старинного рода Сфорца, она известна в истории также как **Бона Сфóрца**. В последние годы жизни Сигизмунда она фактически управляла страной, сильно влияя также на своего сына, который в 1548 году взошёл на трон как Сигизмунд II. Бона имела большое состояние и крупные земельные угодья в Польше и Литве.

¹³⁹ Примечание Прыжова: 1 грош польский — 4 коп. серебром; 1 грош литовский — 5 коп. серебром; копа грош литовская — 3 руб.

¹⁴⁰ **Эдинга́рд** — видимо, Прыжов имеет в виду человека, который в «Истории Российской» В. Н. Татищева фигурирует как Еггегард Урагский: «Еггегард в 1018 году после рождества Христова пишет: *В оном великом городе Китаве, которая есть столица тамошнего царства, находится более трёхсот церквей и бывает восемь торжищ, народ же неведомый*». *Китава* — так называется Киев у Еггегарда.

Татищев несколько раз ссылается на Еггегарда, иногда добавляя, что тот «повторяет из Адама Бременского». К сожалению, кроме упомянутой татищевской «Истории» имена *Эдингард* или *Еггегард* нам не удалось нигде найти.

¹⁴¹ В Ипатьевской летописи: «Грабиша за два дни весь град, Подолье и Гору и монастыри и Софью и Десятинную Богородицу и не бысть помилования никомуже ни откудуже...»

¹⁴² Приводим отрывок из сочинения Контарини «Путешествие в Персию» (*Viaggio in Persia*), отметив, что в его описании досуг киевлян удивительно похож на досуг москвитов: «1 мая мы приехали в город, именуемый Киев или Маграман, который находится вне Нижней России. Этим городом управлял некий пан Мартин, поляк-католик. Узнав от королевских проводников о моём приезде, он дал мне весьма жалкое помещение, что, впрочем, соответствовало той стране, и основательно снабдил меня продовольствием.

Город стоит у границ с Татарией; в нём собирается некоторое количество купцов с пушниной, вывезенной из Верхней России; объединившись в караваны, они идут в Каффу, однако, часто бывают захвачены, как бараны, татарами. Город изобилует хлебом и мясом. Образ жизни у тамошних обитателей таков: с утра и до трёх часов они занимаются своими делами, затем отправляются в корчмы и остаются там до ночи; нередко, будучи пьяными, они устраивают там драки».

¹⁴³ Если верить Михалону, в ту эпоху климат в районе Киева был настолько мягким, что позволял возделывать разные *изысканные плоды* и виноград. В целом, Михалон именно *с увлечением*, как заметил Прыжов, излагает свои впечатления: «Есть у нас славная крепость и град Киев (Kiovia)... Главная среди прочих крепостей и земель, поставленная на реке, со всех сторон окружённая полями и лесами, она обладает настолько плодородными и лёгкими для обработки почвами, что всего раз вспаханные на двух волах они дают щедрые всходы. Родятся также дикие травы, с корнями и стеблями, пригодными для пищи человека, и деревья с разными изысканными плодами, а также виноград. Чем более ухожен виноград, тем крупнее грозди; кроме того, по берегам реки в обилии растёт дикий виноград. В дуплистых от старости дубах и буках роятся пчёлы, мёд которых изумителен на цвет и вкус.

В лесах и полях обилие таких животных, как зубры, онагры, олени; их в таком количестве убивают ради шкур, что всё мясо из-за чрезмерного изобилия выбрасывают, кроме филейных частей. На диких коз и кабанов они не обращают внимания. Антилоп, когда они переходят зимой из степей в леса, а летом — в степи, такое множество, что каждый крестьянин убивает тысячу... Киевские хаты, изобилуя плодами и фруктами, мёдом, мясом и рыбой, но грязные, полнятся драгоценными шелками, камнями, соболями (*zobolis*) и другими мехами, пряностями, настолько, что я видел там шёлк дешевле, чем в Вильне лён, а перец дешевле соли...»

¹⁴⁴ Авторство «Хождения в Святую землю» остаётся спорным: одни, включая Прыжова, считают, что «Хождение» написано неким старообрядцем Леонтием, другие приписывают его московскому священнику Иоанну Лукьянову. Рукопись дошла до нашего времени в нескольких списках, и отрывок, приведённый Прыжовым, в другой редакции начинается так: «Генваря во 27 день поидохом из Нежина к преславному граду Киеву рано на первом часу дни; ... с великою нуждою доехали до корчмы, часа в два ночи приехали, а в корчме только жёнка одна, и та курва; и тут мы с нуждою великою ночевали; всю ночь стереглися, стали к полю, а пьяные таскаются во всю ночь».

¹⁴⁵ Прыжов подкрепляет свои рассуждения цитатой из «Вертепа» — эта «сатирична коляда», возможно, была написана Феофаном Прокоповичем. Но, насколько мы понимаем, речь Богдана Хмельницкого в *коляде* направлена не против *жидов*, *жидовского племени*, как выражается Прыжов, а против *ляхов*.

¹⁴⁶ **Самовідець** — автор сочинения, известного как «Летопись» Самовидца. Жил во второй половине XVII века в Левобережной Украине и был *самовидцем*, то есть *очевидцем*, исторических событий, имевших отношение к Богдану Хмельницкому.

¹⁴⁷ Прыжов указывает, что песня взята из книги П. А. Кулиша «Записки о Южной Руси» (I, 56).

¹⁴⁸ Прыжов дал прямо в тексте следующие пояснения: *хардаман* — водка, настоянная на кардамоне; *сыни ногоавици* — синие штаны; *борва* — цветное платье.

¹⁴⁹ Арист Аристович **Кунік** (1814–99) — историк, филолог, этнограф. В своих основных трудах исследовал отношения Древней Руси со скандинавами, Византией и тюркскими народами (печенгами, половцами, торками). Немец по рождению, выпускник Берлинского университета, переехавший в Россию в 1839 году, Куник развивал «норманскую теорию», то есть утверждал, что норманны, или варяги, основали первое древнерусское государство на территориях, заселённых разрозненными восточнославянскими племенами.

¹⁵⁰ Иоахим **Лелёвель** (1786–1861) — польский историк и общественный деятель, автор трудов по истории Литвы и Польши с древнейших времён до XIX века.

¹⁵¹ **Пяст** — крестьянин, который, согласно легенде, был возведён на престол и стал основателем первой польской княжеской династии.

¹⁵² **Богухвål** (XIII век) — польский летописец. «Великопольская хроника» Богухвала охватывает период с древнейших времён до 1252 года.

¹⁵³ **Nabożeństwo** (польск.) — духовенство.

¹⁵⁴ Сноска Прыжова: А. Naruszewicz. *Historya Jana-Karola Chodkiewicza*. Т. 2. Warszawa, 1805. S. 165.

Дополним: Адам-Станислав **Нарушевич** (1733–96) — польский священнослужитель и историк, автор «Истории польского народа».

¹⁵⁵ Слово *быти* вставлено нами. Многие источники сообщают о преобразовании Киевского княжества в воеводство, например, в Львовской летописи есть такая запись за 1471 год: «Польський король Казимир перетворив Київське князівство на повіт воєводства під владою Литви. Першим старостою [був] литвин Гоштольд». Одну из версий о том, как Мартин Гоштольд (Гаштольд) вступал в воеводы, приводит историк Владимир Антонівич (1834–1908):

«Казимир Ягайлович... решил, что впредь Киев будет состоять под управлением воевод, назначаемых великим князем; в качестве первого воеводы и послан был Мартын Янович Гаштольд, сын бывшего опекуна Казимира. Известие о новом распорядке их земли привело киевлян в крайнее смущение; они не впустили в город нового воеводу, *яко не токмо не князь бе, но более яко лях бе*. Затем киевляне отправили посольство к королю, прося назначить правителем Киева Михаила Олельковича, или другого князя православной веры, заявляя, что они готовы скорее все умереть, или искать другого государя, чем повиноваться литвину римской веры. Король, находившийся тогда в Вильне, под влиянием панов литовской католической партии, остался непреклонным в своём решении. Гаштольд отправлен был на воеводство с литовским войском и должен был начать своё управление с того, что взял приступом главный город своей области. Киевляне, *принуждены бывша* оружием королевского войска, должны были подчиниться присланному воеводе».

¹⁵⁶ Сноска Прыжова: См. Д. А. Валув. «Синбирский сборник». М., 1845.

Уточним, что у Дмитрия Александровича **Валу́ева** (1820–45), составившего «Сборник», название было именно *Синбирский* (до 1780 года Симбирск был крепостью Синбирск).

¹⁵⁷ Сноска Прыжова: Шафарик ошибочно принимал, что *шляхта* образовалась из корня *лах*; нарицательное — *дворянин, помещик*. Другие производства ещё более несостоятельны. У Микуцко-го: *шляхта* от *latinus, латин, шляхта*. У Соловьёва *шляхта* от *шляг* (дорога): С. М. Соловьёв. История России с древнейших времён. Т. 1, М., 1851. Прим. 342.

¹⁵⁸ Сноска Прыжова: Д. И. Зубрицкий. «Критико-историческая повесть временных лет Червонной, или Галицкой, Руси». М., 1845, с. 33.

¹⁵⁹ Станислав **Конечпольшкий** (1591–1646) — один из крупнейших военачальников своего времени. Командовал войсками, расположенными на Украине. Нанёс несколько поражений крымским татарами и шведам.

¹⁶⁰ Сноска Прыжова: Okolski. Dyaryusz transactyey wojennej między wojskiem koronnem i zaporoskiem w r. 1637 miesiąca grudnia przez Mikołaja Potockiego zaczętej i dokończoney (Zamość), 1638.

Прыжов цитирует польского богослова и историка Шимона Окольского (1580–1653) — его полевые заметки, посвящённые

казацкому восстанию 1637 года: Окольский в качестве полкового священника сопровождал польские войска, направленные на подавление запорожского восстания.

¹⁶¹ Прыжов сообщает в своём тексте, что это цитата из универсала Брюховецкого (1663 год).

¹⁶² Сноска Прыжова: Иначе *démocratie nobiliare*, как удалось выразиться Лелевелю. «La Pologne, — говорил он, — avait conservée depuis des siècles son organisation communale (?)... cette organisation reparut (?) avec plus d'éclat dans la démocratie nobiliare (?). Pendant que cet élément, Slave par excellence (?), préparait les matériaux pour la république de la Pologne... (Lelew. Hist. de la Lith. 34).

¹⁶³ Перевод стихотворной фразы Нарушевича: Ведь в Польше золотая вольность следует нерушимым правилам: холопа — на кол, пану — ничего, а шляхтича — на башню.

¹⁶⁴ Гийом Левассер де **Боплан** (ок. 1600–73) — французский инженер и картограф на польской службе. Находился в основном на территории Украины, участвовал в военных походах Станислава Конецпольского. Его «Описание Украины» (*Description d'Ukraine*) вышло впервые в 1660 году в Руане (Франция).

¹⁶⁵ Сноска Прыжова: Г. Боплан. Описание Украины. Спб., 1832, с. 9.

¹⁶⁶ Яков Фёдорович **Голова́цкий** (1814–88) — писатель, общественный деятель, священник и профессор на кафедре русского языка во Львовском университете. Автор таких работ, как «Об исследовании памятников русской старины, сохранившихся в Галиции и Буковине», «Галицкий князь — Роман Мстиславич», «Как жилось русскому народу в золотой век цветущей Польши?»

¹⁶⁷ В 1648 году в урочище Жёлтые Воды повстанческая армия Богдана Хмельницкого разбила превосходящие силы поляков.

¹⁶⁸ Иван Евстафьевич **Выго́вский** (?–1664) был выбран гетманом Малороссии в 1657 году на раде, собравшейся в Корсуни. Его политические интриги, а именно лавирование между Польшей и Москвой, тайные переговоры с крымскими татарами и шведами, привели к недовольству и бунту запорожских казаков, к вооружённым столкновениям на Украине. В 1658 году Выговский заключил договор с Польшей (в городе Гадяч); Гадячская уния, или *Гадяцкие пакты*, как пишет Прыжов, позволяли польскому королю Яну-Казимиру вновь присоединить Малороссию к Польше. (В отличие от Прыжова, большинство источников датируют подписание договора 1658 годом.) Потерпев в конечном итоге поражение, гетман

ушёл в Польшу, где через несколько лет был расстрелян по обвинению в измене.

¹⁶⁹ Исторические справочники приводят совсем другой рассказ о последних годах и днях Юрия Хмельницкого: дожил он до 1685 года, повоевав и за поляков, и за турок, и в 1685 году его задушили по приказу турецкого пашы.

¹⁷⁰ Слова *заплатит мает* вставлены нами.

¹⁷¹ Прыжов сообщает, что акт испорчен, отсюда пропуски и обрывки слов.

¹⁷² Быть может, Прыжов имеет в виду самозванца, который в первой половине XVIII века называл себя сыном Петра I (настоящий сын, Пётр, умер в 1719 году). Или это Лжепётр того периода в русской истории, который известен как Смутное время? — если так, непонятно, почему Прыжов ставит самозванца Илейку, повешенного в 1607 году, в один ряд с Петриком, современником Кочубея и Мазепы, участником тех событий в Малороссии, о которых, собственно, и ведёт рассказ Прыжов.

¹⁷³ **Коханóвская** — псевдоним Надежды Степановны Соханской (1825–84), писательницы и журналистки.

¹⁷⁴ Сноска Прыжова: До сих пор великоруссы в Острогжском уезде составляют только одну сороковую часть всего населения.

¹⁷⁵ **Мурáвская сакма́**, или **Мурáвский шлях** — путь от Перекопа до Тулы, пролегающий в то время большей частью по безлюдной степи; по этому пути крымские татары осуществляли свои самые крупные нападения на Московское царство в XVI–XVII веках.

¹⁷⁶ **Славяно-Сéрбия**, **Славяносе́рбия** — автономная область, созданная в 1753 году в Малороссии для сербов, венгров и болгар, бежавших от турецкого ига. Для беженцев, принявших русское подданство, были созданы военные поселения на правом берегу Северного Донца, из них сформировали два гусарских полка под командованием Шевича и Прерадовича. Славяносербия с центром в городе Бахмуте подчинялась непосредственно Сенату и Военной коллегии; в 1764 году она была включена в только что созданную Новороссийскую губернию.

¹⁷⁷ Сноска Прыжова: Я. М. Маркович. Записки о Малороссии, её жителях и произведениях. Т. 1–2, Спб., 1798.

Прыжов ссылается на Якова Михайловича **Ма́рковича** (1776–1804), этнографа и фольклориста, который задумал обширное историко-географическое описание Малороссии, но успел создать

и издать только два первых тома. Однако, этот Маркович родился в 1776 году, а в тексте идёт речь о событиях 1730–40х годов: похоже, что Прыжов приписал этнографу слова другого Якова Марковича, о котором, в частности, пишет С. М. Соловьёв в 23-м томе своей «Истории»: «Один из самых видных людей в Малороссии, человек образованный или, по крайней мере, большой охотник до образования, покупавший книги русские и иностранные и делавший из них длинные выписки, выписывавший иностранные газеты и учителей иностранных к детям своим, оставивший нам любопытные записки, бунчуковый товарищ Яков Маркович, которого в 1742 году посылали депутатом от Малороссии приветствовать новую императрицу и ходатайствовать о льготах для Малороссии, — этот самый Яков Маркович по возвращении в Малороссию в 1743 году подал просьбу о пожаловании его за службу чином полковничьим на ваканцию...» Наверно, именно он писал своей жене в Глухов. Этот Яков Маркович (1696–1770) учился в Киевской академии, отличался любовью к литературным занятиям, в течение полувека, с 1717 по 1767 год, он вёл дневник, и эти «любопытные записки» были изданы в 1859 году под заглавием «Дневные записки генерального подскарбия Якова Андреевича Марковича».

Или просто Яков Михайлович цитирует в своих «Записках о Малороссии» своего предка Якова Андреевича?

¹⁷⁸ Григорий Николаевич **Теплѳв** (1717–79) — государственный деятель. В 1750 году он был направлен из Петербурга в распоряжение К. Г. Разумовского, гетмана Малороссии, которого он сильно подчинил своему влиянию. В 1764 году Теплов составил записку «О беспорядках, которые происходят от злоупотреблений прав и обыкновений грамотеями в Малороссии»; критика Теплова сыграла свою роль в упразднении гетманства.

¹⁷⁹ Примечание Прыжова: В ведре государевом кварт 28 $\frac{3}{4}$.

¹⁸⁰ Сноска Прыжова: См.: А. Ф. Шафонский. «Описание Харьковского наместничества» (б. м., б. г.), с. 93; В. В. Пассек. «Очерк Харьковской губернии» [б. м., б. г.], с. 73; П. А. Кулиш. «Записки о Южной Руси». Т. 1. Спб., 1856, с. 90–93; А. А. Скальковский. «Наезды гайдамак на Западную Украину в XVIII столетии». Одесса, 1845, с. 50.

¹⁸¹ Сноска Прыжова: Русское слово. 1861, № 5, с. 1.

¹⁸² **Царствующим государем** для Прыжова был Александр II.

¹⁸³ Иван Никитич **Бѳлтин** (1735–92), историк и государственный деятель, высказывался брезгливо не только о пристрастии на-

рода к вину: он и о народных былинах и старинных песнях говорил как о «песнях *подлых*, без всякого складу и ладу. Подлинно таковые песни изображают вкус тогдашнего века, но не народа, а черни, людей безграмотных, и, может быть, бродяг, кои ремеслом сим кормилися, что слагая таковые песни, пели их для испрошения милостыни».

¹⁸⁴ **Ландрихтер** — главный судья Ингерманландской губернии; позже был учреждён пост оберландрихтера для главного судьи в каждой губернии, а ландрихтером стали называть главного судью уезда. Яков Никитич **Рымский-Корсаков** был назначен ландрихтером Ингерманландии в 1707 году. Любопытно, что Корсаков, обвинявший Посошкова в воровстве, став петербургским вице-губернатором (в 1711 году) проворовался в свою пользу и в пользу здесь упомянутого Меншикова, за что был бит кнутом и сослан (в 1715 году).

¹⁸⁵ Как сообщают исторические справочники, Миних получил желанный титул генерал-фельдцейхмейстера, то есть главного начальника артиллерии, в феврале 1729 года.

¹⁸⁶ Мориц-Август **Бениовский** (1741–86) — авантюрист, смельчак, искатель приключений. То ли словак, то ли венгр по рождению, носитель польской фамилии, он называл себя то графом, то бароном. Юношей он участвовал в Семилетней войне в качестве поручика австрийской армии, потом воевал за поляков против России. В 1768 году был взят в плен, отправлен в Казань, откуда бежал, и, пойманный, был сослан на Камчатку. Там Бениовский составил заговор, в котором участвовали сосланные государственные преступники и некоторые из местных жителей. В апреле 1771 года бунтовщики во главе с Бениовским, разграбив город Большерецк, вышли в море на захваченном судне «Св. Пётр». Они заходили на Курильские острова, в Японию, в июле оказались на острове Св. Маврикия (он же Иль-де-Франс) в Индийском океане. Справочники, противореча друг другу, сообщают о появлении Бениовского на Мадагаскаре, во Франции, в Австрии и Англии... В 1785 году он, судя по всему, уже во второй раз прибыл на Мадагаскар, где взбунтовал туземцев против французских колониальных властей; он погиб в стычке с французами в 1786 году.

¹⁸⁷ **Евреинов** — довольно известная фамилия, но что касается откупщика, упомянутого Прыжовым, в современных справочниках нам удалось найти лишь справку о том, что некий Евреинов, казанский купец, вместе с неким Ленивцевым, статским советни-

ком, арендовали в 1811–14 казённые винокуренные заводы в Тобольской губернии.

¹⁸⁸ В Москве есть Щипок, и некоторые объясняют название тем, что улица Щипок названа по урочищу Щупок, где на заставе стражники длинным железным *щупом* протыкали солому и сено на возах, «прощупывали» тюки, проверяя, нет ли внутри товаров, спрятанных для беспощинного провоза, и также следили, чтобы в Москву не ввозили вино, которое в столице стоило дороже, чем в провинции.

¹⁸⁹ Скорее всего, Прыжов имеет в виду Павла Ивановича **Авёрина** (1775–1849), государственного деятеля, который выполнял различные дипломатические поручения, а в 1828–31 годах управлял Волынской губернией.

¹⁹⁰ Николай Николаевич **Муравьёв-Амурский** (1809–81) — государственный деятель, в 1847–49 годах генерал-губернатор Восточной Сибири.

¹⁹¹ Матиас Александер **Кастрэн** (1813–52) — шведско-финский языковед. В 1841 году он приехал в Россию и провёл три года на севере, изучая языки коми и марийский. В 1845–48 годах по поручению Санкт-Петербургской академии наук Кастрен находился в Сибири для изучения местных языков, побывал на Иртыше, Оби и Енисее, объехал Прибайкалье.

¹⁹² Сноска Прыжова: Имеется в виду «Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, северной России и Сибири». М., 1860.

¹⁹³ Сергей Васильевич **Максёмов** (1831–1901) — этнограф, автор книг «Год на Севере», «Лесная глушь», «На восток», «Сибирь и каторга».

¹⁹⁴ Василий Александрович **Кóкоров** (1817–89) — предприниматель, разбогатевший на винных откупках. *Кокоревская водка* стало расхожим выражением в середине XIX века; например, у Н. С. Лескова в романе «Некуда» мы читаем: «У часовенки, на площади, мужики крестились, развязывали мошонки, опускали по грошу в кружку и выезжали за острог... распевая с кокоревской водки: *Ты заной, эх, ты заной, ретивое...*» У Лескова же в повести «Житие одной бабы» главный герой, угощая деревенских мужиков, сравнивает водку местного откупщика с водкой того же Кокорева: «Купил полведра водки, заказал обед и пригласил мужиков. Пришли с бабами, с ребятишками. За столом было всего двадцать три души обоего пола. Обошли по три стаканчика. Я подносил, и за каждой подноской меня заставляли выпивать первый стаканчик,

говоря, что *и в Польше нет хозяина больше*. А винище откупщик Мамонтов продавал такое же поганое, как и десять лет назад было, при Василье Александровиче Кокорева...»

¹⁹⁵ Сноска Прыжова: М. Я. Киттары. «Публичный курс винокурения...» Вып. I. Спб., 1862. Лекция 1.

Дополним: Модест Яковлевич **Китта́ры** (1825–80) — доктор естественных наук, пропагандист новых идей и технологий в различных отраслях народного хозяйства. При отмене откупной системы Министерство финансов пригласило Киттары прочесть курс винокурения вновь назначаемым акцизным чиновникам, которые затем определялись на должность по его аттестации.

Вспоминается стихотворение Н. А. Некрасова «Петербургское послание», в котором в сатирическом тоне прославляется Москва, и в одной строфе поэт упоминает и откупщика Кокорева, и профессора Киттары (который считал, что всё-таки иногда можно использовать для воспитания розги), и экономиста И. К. Бабста (1824–81).

Правдивый град! Там процветает гласность,
Там принялись науки семена,
Там в головах у всех такая ясность,
Что комара не примут за слона.
Там, не в пример столице нашей неvsкой,
Подметят всё — оценят, разберут:
Анафеме там предан Ч<ернышевский>
И Кокорева ум нашёл себе приют!
Правдивый град! — Туда, туда с тобой
Хотел бы я укрыться, милый мой!

Мудрёный град! По приговору сейма
Там судятся и люди и статьи,
Учёный Бабст стихами Розенгейма
Там подкрепляет мнения свои,
Там сомневается почтеннейший Киттары,
Уж точно ли не нужно сечь детей?..

¹⁹⁶ Сноска Прыжова: Жизнеописания знаменитых откупщиков автор постарается приложить ко второму тому «Истории кабаков».

¹⁹⁷ У В. И. Даля кроме перечисленных названий есть ещё: *чем ворота запирают, огонь да вода, душегрейка, хлебная слеза, что под тын кладёт, распоясная, клин в голову, мир Европы. Прильпе*

язык — укороченный вариант приговорки *прильпе* (прилип) язык к *гортани*, которая восходит к библейским текстам; в частности, в Двадцать первом псаломе: «и язык мой прильпе гортани моему» — то есть, *я онемел*.

¹⁹⁸ Сноска Прыжова: Н. А. Добролюбов. Соч., т. 4. Спб., 1862, с. 65–108.

Поясним, что в одной из своих статей Н. А. Добролюбов пишет: «Недавно в К–ской епархии донесли губернатору на священников, как на бунтовщиков, за то, что они стали склонять к трезвости своих прихожан и успели убедить к этому некоторых.»

«Мысль о воздержании и трезвости» временами, действительно, «проносится» по нашей земле, иногда как ураган с печальными последствиями, как это было на закате коммунистического правления, когда призыв к борьбе за трезвый образ жизни, исходивший из Кремля, был воспринят особо рьяными руководителями низжих звеньев власти как указание вырубать виноградники, истребляя, так сказать, источники алкоголя на корню. Помнится, для «борьбы» с пьянством в пределах всей страны правительство ограничивало часы торговли спиртным, вводило ограничение на количество покупаемых бутылок... доходило до выдачи талонов на водку и до того, что в магазинах требовали принести пустую водочную бутылку, иначе тебе не продадут полную... «Мысль о трезвости» всегда наталкивается у нас на «мысль» об особой роли, которую водка якобы играет в России, при этом непременно вспоминается затасканный князь Владимир с пресловатым «веселие пити на Руси», вложенным в его уста летописцем, или даже поминается с пьяненьким благоговением Библия, против вина вроде бы не возражающая.

Юрист А. Ф. Кони в 1915 году писал в статье «К истории нашей борьбы с пьянством»: «Сколько лет по отношению к вопросу о борьбе с народным пьянством наше законодательство и, в значительной мере, общество и печать ходили *вокруг да около*, намечая трудно осуществимые способы борьбы, в действительность которых они сами не верили, стыдливо и лицемерно умалчивая о главном источнике зла. Голоса немногих общественных учреждений и отдельных лиц, радевших о нравственном и физическом здоровье народа, терялись в согласном хоре официальных заявлений, из которых в одном, авторитетно сделанном в Государственной думе, даже говорилось, что водка составляет предмет первой необходимости для народа, в забвении того, что она грозит обратиться в

предмет его конечной гибели. К этому хору присоединились голоса своекорыстных добровольцев из частных лиц, певших о том, что *всё обстоит благополучно*, и повторявших избитые ссылки на то, что *Руси* нет другого веселия, как *пити*, и кощунственные указания на брак в Кане Галилейской и даже на Тайную Вечерю».

¹⁹⁹ Сноска Прыжова: Мы видели выше, что подмосковские крестьяне давно уж вместо водки пили ром.

²⁰⁰ 19 февраля 1861 года Александр II подписал манифест об отмене крепостного права.

²⁰¹ А. Ф. Кони в статье «К истории нашей борьбы с пьянством» (1915) дал несколько нелестных определений откупщика: «Пред глазами прошёл откупщик, провинциальный питейный меценат, финансовый друг отечества, безнаказанный фальсификатор народной отравы и легализованный насильник во имя своих прав на это». Можно было бы назвать эти определения убийственными, можно было бы сказать, что известный судебный и общественный деятель А. Ф. Кони *заклеймил* систему откупов, но и искренний порыв Кони, и наша хвала его искреннему порыву относятся к области беллетристики, тогда как пьянства в России не убавилось, откупщика Кокорева вспоминают сейчас чаще как оригинала и щедро мецената, а после Прыжова и Кони действия коммунистических властей, взявших *в откуп* не одну отрасль экономики, а всю страну, ошеломили бы и Прыжова, и Кони, и даже Кокорева: водка стала главным пополнением бюджета, и та же государственная рука, спаивающая собственный народ, карала свой спаиваемый народ, штрафую граждан на каждом углу за *появление в нетрезвом виде*, отправляя их в вытрезвители и на принудительное лечение от алкоголизма.

²⁰² Примечание Прыжова: Быт и распространение кабаков должны были войти во второй том «Истории кабаков».

Мы приведём сведения о численности московских кабаков из статьи бытописателя А. Мартынова «Московская старина» (1878 год): «В 1626 году было в Москве 25 кабаков, в 1775 году на двести тысяч жителей 151, в 1805 году 116 кабаков, в 1842 году 128, в 1866 году на шестьсот с лишком тысяч жителей 240 питейных домов, но теперь в этих заведениях нет ни лавки, ни стула, и устранена всякая возможность беседования.»

²⁰³ Примечание Прыжова: В московских кабаках до сих пор нет других закусок, кроме маленького кусочка хлебца величиною в семитку. В винных погребах — везде закуска.

²⁰⁴ Михаил Парфёнович Заблócкий-Десятóвский (1816–58), служивший в Министерстве иностранных дел, редактировал «Сборник статистических сведений о России» (1851), для которого написал также статью «О числе жителей в России по состояниям».

²⁰⁵ Статистику, приводимую Прыжовым, хочется дополнить цифрами, которые сообщают о положении вещей после написания его книги — в конце XIX и начале XX века, тем более, что А. Ф. Кони, изложивший их в своей статье «К вопросу о нашей борьбе с пьянством» (1915), касается не только прямой смертности от чрезмерного употребления водки, но напоминает о самоубийствах и преступности под воздействием той же водки: «Положение вещей, при котором с 1896 по 1906 год население Русской империи увеличилось на 20%, а питейный доход на 133%, причём в последнее время народ пропивал ежедневно почти два миллиона рублей, не могло быть признано нормальным. Необходимо принимать во внимание, что уже в девяностых годах прошлого столетия в Европейской России ежегодно — в среднем — сторало и умирало от ожогов около тысячи человек, лишало себя жизни и отравлялось по неосторожности свыше 3200 человек, тонуло со смертельным исходом 7300 и опивалось смертельно свыше 5000 человек, причём в числе погибших по первым трём категориям было, без сомнения, значительное число лиц, находившихся в соетоянии опьянения или доведённых до самоубийства злоупотреблением спиртными напитками. В это же десятилетие среднее число преступлений и проступков, совершённых в нетрезвом виде, составляло 42% общего числа, 93% воинских проступков было результатом чрезмерной «выпивки», и, наконец, вскрытие мёртвых тел лиц, скоропостижно умерших, давало 57% умерших от пьянства и его последствий. В одном апреле месяце 1908 года в Петрограде 55 мужчин прибегло к самоубийству, и из них 18 — под влиянием пьянства. Нужно ли поэтому говорить о разрушительном влиянии пьянства на семью, на личную и общественную нравственность?»

К. Васильев

Словарь устаревших, редких
и диалектных слов

а́нгел — день ангела, именины

аре́нда — корчма, шинок (от польск. **arenda**)

аренда́рь — корчмарь, шинкарь (от польск. **arendarz**)

а́ще — если

ба́рзо — очень (от польск. **bardzo**)

бастр — бастардо (красное креплёное вино; от фр. **bastert** из **vin bastart**)

бе́гать — избегать

берко́вск, беркове́ск — беркове́ц, мера веса в десять пудов

бесе́да — общество; (праздничное) сборище

бесерме́н, басурма́н — не христианин (особенно мусульма-нин); неправославный иноземец

беспённо, безпённо — без уплаты пени, без налогов

бойда́к, байда́к — речное грузовое судно, большая парусная одномачтовая лодка (от польск. **bardzo**)

бо́рич, бо́рец — (княжеский) сборщик податей

бри́дкий — гадкий, отвратительный

бровáрь, бровáрня — пивоварня, медоварня

бровáрное — пошлина с пивоварен и медоварен

будова́ть — строить

ва́га — весы

ва́жить — взвешивать

ва́жня — весовая (крытое помещение на рынке, таможне с торговыми весами для взвешивания партий товара)

ве́но — выкуп, плата, которую жених давал за невесту её родителям (или иногда общине); приданое

верховщи́на — подать за владение огородом

весе́ц — весовщик; приказчик при торговых весах, собирающий весовое, то есть плату за взвешивание товара

весовбе́ — плата откупщика за торговые весы (важню); весчая пошлина — плата за взвешивание товара на торговых весах; паёк, отпускаемый на вес

вино́ — продукт брожения, алкогольный напиток; **вино́ хлёбное**, или **горя́чее** — водка, горелка, горилка; **вино́ простое́** —

хлебный спирт; **вино́ полуга́рное** — ординарная водка (спирт, разбавленный на четверть водой: при пробном отжиге на качество такая водка выгорала наполовину); **вино́ пённое, пённый** — качественная, хорошо очищенная водка (впоследствии называемая первачом); **сиде́ть вино́** — курить, гнать водку.

войт, вуйт — (выборный) городской голова; (выборный) сельский старшина

воло́га — похлёбка, варево

воло́жский — из Валахии

воро́тник — сторож у ворот

вые́мка — конфискация (корчемного вина)

вые́мный — относящийся к выемке; пристав, имеющий право обыскивать помещения для поиска и конфискации корчемного вина

выи́мать — вынимать; конфисковать (корчемное вино)

вы́ставка — продажа вина в базарный день или праздник (не в кабаке, а с поставленного по этому случаю лотка)

вы́ход — подвал, погреб

гамова́ти — накладывать арест (от польск. **hamować**)

га́рнец — мера сыпучих и жидких тел (3,28 литра), сосуд объёмом в эту меру (польск. **garniec**)

га́рус — шерстяная пряжа, нить (польск. **harus**)

гно́й — навоз

головщи́на — пошлина с человека, который привозит свой товар на торг; денежный сбор с любого проезжего, даже если он без товара

гости́нец — шлях, большая проезжая дорога

гости́ное — пошлина с привозимых товаров

гости́ный — купеческий; **гости́ная сб́тня** — сословие купцов

грома́да — мир, общество, мирская сходка

грунт — земля, земельный участок (польск. **grunt**)

гурт — стадо; **в гурт, гурто́м** — общим числом, чохом, оптом

да́нина — дар, что-либо жалованое

деко́кт — (лечебный) отвар, настой (от лат. **decoctum**)

де́жа, де́жка — кадка

дестево́й — размером в полный, не сложенный лист (о формате издания)

до́вбыш — барабанщик, литаврщик, который иногда заведовал и сбором пошлин, и исполнением наказаний (от польск. **dobosz**)

до́вѣдчик — доносчик; сыщик, следователь
допра́влять — брать (с кого-либо) долг, взыскивать убытки
дро́жени́к, дро́жняник — посуда для дрожжей

егда́ — когда

ез, яз — рыболовный плетень (поперёк реки, чтобы останавливать и вылавливать рыбу)

ендо́ва́, яндо́ва́ — широкий сосуд, металлический или деревянный, для разлива напитков по кружкам

жо́лнер — солдат-пехотинец (от польск. *żołnierz*)

жупа́н — правитель округа (от польск. *żupan*)

зака́з — запрет, запрещение

за́поведь — пеня, штраф

заповедно́й — запретный, запрещённый

зару́чать — подписывать, прикладывать руку или печать

зати́нщик — солдат, вооружённый затинной пищалью (длинным, тяжёлым ружьём для оборонительной стрельбы из затина, то есть из-за укрытия — крепостной стены, вала)

звы́чай — обычай, обыкновение (от польск. *zwyczaj*)

злоде́й — преступник, правонарушитель

зыск — доход, прибыль

изве́т — донос

изве́тчик — доносчик, доноситель

извы́кнуть — приучиться, наловчиться

истязáть — подвергать пристрастному допросу

капъ — старорусская единица веса; налог на корчму

ка́пщизна — ка́пщина: акциз на спиртные напитки

квáрта — мера жидкости (равная кружке)

кмет — (крепостной) крестьянин

колóда — застава

конди́ция — условие

кордо́нщик — стражник карантинно-таможенной службы

коста́рь — мошенник, промышлявший игрою в кости

костёр — высокий сруб; выступ городской стены, башня на городской стене

крайчий — кравчий (придворный чин)

крамный — относящийся к мелкой торговле (ср. польск. **kram** — ларёк, **kramarstwo** — лоточная торговля)

кумышка — спиртной напиток из кислого молока

кунтуш — польский кафтан с широкими откидными рукавами

куфа, кухва — кадь, бочка; мера в 30 кварт

кучить — торговать по мелочи, приторговывать

ларёчный — пристав, который следил за продажей спиртного из ларьков и собирал с ларьков пошлину

ледащий — плохой, дрянной

ловище — рыбное место

людодёрство — людоедство (ср. польск. **ludożerstwo**)

медуша — погреб для мёдов и пива

метельник, метельщик — приказный служитель

мети — иметь (от польск. **mieć**)

мирвольт — давать поблажку, потакать (преступникам)

млин, млын — мельница (от польск. **młyn**)

могила — курган, холм

мостовщина — пошлина за проезд и провоз товара через мост

мотчание — промедление, затягивание (работы)

мыто — пошлина за провоз товара

накуп — подкуп

насельники — жители, (первые) обитатели местности

неподобие — то, чего не следует делать и допускать

низовый — расположенный ниже по течению реки; к югу расположенный

норовить, норовать — потакать

огнище — место, где разводится огонь; простой очаг

озадобриться — придираться, цепляться (к кому либо) со злостью; лезть в драку

окóв — кадь, бочка (окованная для крепости)

оржаной — ржаной

ослоны — жерди

остуда — неприятность

отдточный — отгрузочный

отра́дный — зажиточный

оха́бень — верхняя широкая одежда с четырёхугольным отложным воротником, с длинными рукавами, имеющими прорези

папу́ша — связка сухих табачных листьев

перевóз — плата за переправу (через реку)

перешко́да — препятствие, затруднение, помеха

пи́скуп — (католический) епископ (от польск. **biskup**)

пи́счее — пошлина с владельца за перепись его угодий

пи́счик, пи́щик — писец, составитель писцовых книг (то есть списков имений и соответствующих денежных сборов)

пи́тера — питьё, напиток

питу́х — тот, кто пьёт в кабаке; кабацкий завсегдатай; пьяница

плат — плата, платёж

повёт — уезд (часть губернии)

пого́ны — рыболовная снасть, которая пропускается подо льдом

погрёзка — угроза (наказанием), строгое предупреждение (от польск. **rogózka**)

подкомóрий — межевой судья (разбиравший споры о границе владений)

подскар́бий — казначей

подско́тина — выгон, пастбище

покотельщи́на — подать с котла сваренного напитка

полуга́р, полувы́гар — обычная водка (наполовину выгорающая при отжиге)

по́мочь, по́мощь — совместная работа в помощь одному из соседей, не за деньги, а за угощение

помі́нок — дар, подарок, приношенье

понаро́вка, поноро́вка — поблажка, попущение

поса́д — поселение вне укреплённой части города; предместье, слобода

посе́стрима — назва́ная сестра, побратимка

поспо́литый — крестьянский (в отличие от казацкого)

по́чень — выражение уважения; **дава́ть в по́чень** — давать в знак уважения, за заслуги или как взятку, оформленную под подарок

пра́вда — власть судить, право на суд и расправу

праве́тчик, праве́дчик — судебный исполнитель, пристав

прива́тный — личный

привёсок — разновидность пытки: человека подвешивали на перекладине, к ногам привязывали, «привешивали», бревно
пріпись — заверяющая подпись, ручательство за верность (документа)

прбесь, прбести — денежные затраты на еду и проезд, издержки на проживание (при командировках)

пропина́ция — водочная монополия (польск. **propinacja**)

проти́вство — упорство, строптивость

прото́ры — издержки, расходы; убытки

пятно́ — клеймо, печать, тамга; мыт, пошлина

ра́йца, ра́дца — советник городского правления (от польск. **rajsa, radca**)

разря́д — государственное учреждение, приказ

ра́туша — городская дума, городской совет и здание, в котором городской совет заседает (от нем. **Rathaus**)

рега́лия — государственная монополия

ре́йментарь — военачальник (от польск. **regimentarz**)

ре́йтар — кавалерист (нем. **Reiter**)

речь — вещь, предмет (ср. польск. **rzecz**)

рок — год (польск. **rok**)

ру́хлядь — пожитки, домашний скарб; **мя́гкая ру́хлядь** — пушнина, меха

ру́чка — кадочка с ушами; кувшин с ушами

савра́ско — пьяная медовая брага (из вошины с хмелем)

све́йский — шведский

све́пет — борть, висящий на дереве улей с дикими пчёлами

све́рстный — подходящий; средних лет, пожилой

свя́то — праздник

сгу́ба — гибель (от польск. **zguba**)

сиволда́й — сивуха, плохо очищенная водка

ска́зка — объяснение, показание (в суде)

ска́ла — мерило (каких-либо соотношений)

скарб — казна (польск. **skarb**)

ска́рга, ско́рга — жалоба (в суд), иск (от польск. **skarga**)

склад — складчина; **склад пирóвный** — братчина, пир в складчину

ско́ра́ — (звериная) шкура, сырая кожа

сме́тить — наметить, сделать расчёт

сопéц, сапéц — мера веса в шесть пудов; мера жидкости и со-
суд (бочка) в двадцать вёдер
спóна — препятствие, помеха
став — высокий жбан; гарнец (мера сыпучих тел)
ста́вец — сосуд
сткля́ница — бутылка
сто́йщик — продавец за прилавком, торговец у лотка
стро́итель — устроитель, попечитель
су́да — сосуд, посудина

тать — вор
татья́ — воровство, кража
тесно́та — притеснение
тимóн — темьян, тмин
тру́нок (укр.) — спиртной напиток (от польск. *trunek*)
ту́тошний — здешний
тютю́н — (украинский) табак
тягле́ц — тяглый крестьянин: работник, обложенный податью,
плативший тягло — прямую подать

универса́л — указ (от польск. *uniwersal*)
уро́к — (денежный) оклад; пошлина
уро́чистый, врóчистый — торжественный

фарты́на — кварта; питейный дом
фиска́л — чиновник, наблюдавший за финансовой деятельнос-
тью учреждений

ходо́к — стряпчий, который исполнял судебные поручения
хроно́граф — сочинение по всемирной истории

цинш, цынш — оброк; арендная плата (от польск. *czynsz*)
цы́тра — струнный щипковый инструмент

ча́рка — небольшой сосуд для вина, равный по объёму двум
шкаликам (ок. 123 мл)

час — время

черка́с — (правобережный) украинец

че́тверть — четвёртая доля кади (мера для сыпучих тел); чет-
вёртая часть ведра (мера для жидкостей, около трёх литров); об-
ласть, (административный) округ

четь — четвёртая часть (чего-либо); (административный) округ, район

чѣбот — высокий башмак

чиниться — не слушаться

чихирь — неперебродившее виноградное вино

чумák — целовальник, кабатчик

шáрворок — повинность крестьян содержать в исправном состоянии дороги (польск. **szarwark**)

шемрáти — роптать, осуждать (от польск. **szemrać**)

шкáлик — мера жидкости (61,5 мл) и сосуд соответствующей вместимости

шкиль — шиллинг (от др.нем. **scilling**)

шкóда — ущерб, убыток; потеря, урон (от польск. **szkoda**)

явка — подать, взимаемая с человека при его явке в налоговое учреждение; пошлина с предъявленного товара (на таможене)

ялму́жна — милостыня, подавание (от польск. **jałmużna**)

ярмонка — ярмарка

Содержание

Предисловие.....	3
Глава I. Черты старинной жизни русского народа	4
Глава II. Бортничество и пчеловодство	9
Глава III. Первое появление пошлыны с питей. Медовые дани. Подать с хмеля и солода	16
Глава IV. Питейные дома на Западе. Корчма — древнеславянский общественный питейный дом.....	21
Глава V. Москва. Появление кабака около 1555 года. Корчемство становится контрабандой.....	37
Глава VI. Новый характер питейного дела в отношении к духовенству, к боярам, к народу	42
Глава VII. Управление кабаками. Кабацкие головы, целовальники, откупщики.....	54
Глава VIII. Развитие корчемства и преследование корчемников.....	69
Глава IX. Иностранцы	79
Глава X. Правёж — спутник кабака	86
Глава XI. Ордын-Нащокин и Крижанич	92
Глава XII. Распространение кабаков с 1552 года до начала XVIII века.....	97
Глава XIII. История питейного дела в юго-западной Руси....	119
Глава XIV. Киевские корчмы.....	129
Глава XV. Юго-западные корчмы до 1659 года	137
Глава XVI. Польша.....	146
Глава XVII. Малороссия. Корчмы в Малороссии с Хмельницкого и до XVIII века.....	154
Глава XVIII. Кабаки в Слободской Украине.....	168
Глава XIX. Юго-западные корчмы в XVIII веке.....	180
Глава XX. Распространение кабаков в XVIII веке. Откупная система.....	194
ГЛАВА XXI. Последние времена откупов. Общества трезвости.....	225
Глава XXII. Введение новой питейной системы и её последствия.....	239

<i>К. Васильев. Иван Прыжов: литератор между кабаком и революцией</i>	259
Примечания	264
Словарь устаревших, редких и диалектных слов	310

Научно-популярное издание

ПРЫЖОВ Иван Гаврилович

**История кабаков в России
в связи с историей русского народа**

Редактор *К. Васильев*

Вёрстка и дизайн обложки *М. Васильев*

Корректор *В. Збронжко*

Издательский дом «Авалонъ»

avalon-edit@yandex.ru

Издательский Дом «Азбука-классика»

196105, Санкт-Петербург, а/я 192

Подписано в печать 28.10.2008. Формат 84×108 1/32.

Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 10. Тираж 10 000 экз. Заказ № 12055.

Отпечатано по технологии СтР

в ОАО «Печатный двор» им. А. М. Горького.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

Иван Прыжов, написавший эту книгу более ста лет назад, пользовался письменными источниками, среди которых указы, челобитные и доносы из времён Ивана Грозного, новгородские грамоты, статуты Великого Княжества Литовского, универсалы польско-украинских королей и гетманов... Помимо документов Прыжов исследовал русский кабак *изнутри*: он сам ходил по кабакам, он сам пил в трактирах, питейных домах и портерных, и это личное знакомство с темой способствовало тому, что его книга получила живую, искренней и увлекательной.

В романе «Бесы» Достоевский написал: «Моря и океаны водки испиваются на помощь бюджету».

Прыжов добавляет: если б не кабаки и не водка, русская казна могла остаться вообще без денег...

ISBN 978-5-395-00203-7

9 785395 002037

В оформлении обложки
использована картина
Л. И. Соломаткина
«Утро у трактира». 1873